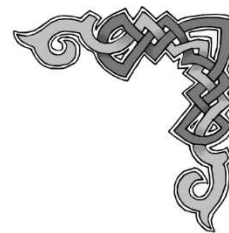

ООО «Наука и образование»

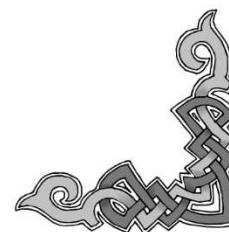
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 6
2021**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2021, № 6

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28
тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Заместитель председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Гугуева Дарья Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

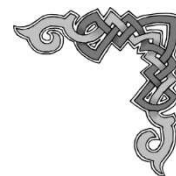
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of Adygea State University;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Gugueva Daria Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Industry and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., Professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

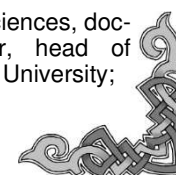
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovlov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАН, профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубиллина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института речевого общения;

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, Honored Scientist of the Kuban, academician REAN, professor, doctor of economic sciences, professor of economics and financial management at the Kuban state technological university named of I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Афаунов А.З., Чхвимиани Э.Ж., Тарасенко Д.В. Имидж сотрудника ОВД как фактор эффективности института полиции: социокоммуникативные аспекты формирования правовой культуры	15
Берсиров Т.Б. Понятие «государственный менеджери́зм» как идеология управления социальными институтами	20
Гришай Е.В., Шубакин А.А. Радикализация молодежи по средствам влияния деструктивного контента сети «Интернет»	24
Ельникова Г.А., Абакумов Р.Г., Абакумова М.М. Практики студенческого волонтерства (на материалах Белгородской области)	28
Кареева С.Г. К вопросу о новой «посткарантинной» социальной реальности в контексте последствия пандемии COVID-19	32
Ле Нгок Куанг (ТхероТхитьТхан Кюи) Роль и структура уездной буддийской администрации Зялам в развитии Буддизма во Вьетнаме	40
Понеделков А.В., Попов М.Ю., Кудряшов К.В. Актуальные проблемы демографического развития России: обсуждаем и информируем	44
Тамбиянц Ю.Г., Кушу А.М., Цыганкова М.М. Отечественные СМИ в советский период: аспект социальной динамики	48
Хорошкевич Н.Г. Политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих как феномен постиндустриального общества и пути ее развития	52
Чан Тхи Ким Оань, Ле Ба Чинь, Чан Тхи Ханг Вклад и влияние буддизма на социальную жизнь Вьетнама	56
Шульгин А.С. Социокультурные и институциональные аспекты развития субкультуры экстрима	60
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Асланян Р.Г. Система типичных и нетипичных нормативных предписаний особенной части уголовного права	67
Бежанов А.И. Общественная опасность преступлений, совершаемых в составе террористического сообщества (организации) на территории иностранного государства как основание их криминализации	74
Глинщикова Т.В., Айрапетян Д.А. К вопросу о способах решения проблемы правовой квалификации в международном частном праве	79
Елисеев С.Г. Гражданско-правовые механизмы защиты законного владения в РФ	82
Исаев А.И. Криминалистическая характеристика контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий	85
Лазарева О.В., Морозова Ю.М. Уездная полиция как общий орган государственной власти в Российской империи XIX века (на примере Пензенской губернии)	89

Митяева Ю.В., Видова Т.А. Представительный институт в России XX века: исторические параллели, политический опыт	94
Осадчук О.А. Предупреждение преступности несовершеннолетних женского пола уголовно-правовыми мерами	99
Павлов Е.В., Косынкин А.А. Предпосылки возникновения государства и права в Древней Руси	105
Решитов А.М. О совершенствовании уголовно-правовой охраны отношений в сфере осуществления государственного кадастрового учета и кадастровой деятельности	111
Рогожина С.Г., Щербинина Н.С., Лазаренко Т.В. Понятие и правовой статус миграции	115
Самойлова А.А. Правовые проблемы практики применения административного надзора	120
Семенова Е.Г. Правовое регулирование оборота застроенных земельных участков как объектов недвижимости	123
Терехова В.В. Правовое положение инвесторов в специальных административных районах Российской Федерации	128
Упоров И.В., Попов М.Ю., Бугаенко Ю.Ю. Борьба с преступными сообществами в новейшей истории России: историко-правовой сравнительный анализ	131
Шатанкова Е.Н., Тарькин В.К., Сычкова Ю.Ю. Идейно-политическая эволюция международного терроризма в условиях перехода к глобализации	138
Шломина В.В. Проблемные аспекты безнадзорности и преступлений несовершеннолетних в современном российском обществе	142
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Дудкина Д.А. Консалтинг, аудит и оптимизация в налогообложении компании	147
Ефимова О.Н. Корректировка методов регулирования социально-экономической жизни общества в условиях эпидемиологической угрозы	150
Кочербоева А.А., Исажан Т. Современное состояние агропромышленного комплекса государств-членов ЕАЭС и перспективы экономической интеграции	155
Куклин О.С. Снижение фактора неопределённости показателей расчёта экономического эффекта при освоении венчурных инвестиций	161
Мицевич В.Д. Барьеры для применения BIM-технологий в РФ	164
Некрасов К.В. Современное состояние российской логистики	167
Платонова Е.Д., Чжан Тяньхуэй О закономерностях движения человеческих ресурсов в новой экономике: воспроизводственный подход	169
Саякбаева А.А., Саякбаев Т.Д., Таалайбек Т. Состояние торгового баланса Кыргызской Республики в период пандемии COVID-19 (как возможный фактор угрозы экономической безопасности)	175
Тернавченко К.О., Магала Ю.В. Систематизация методических подходов к оценке уровня бюджетно-налоговой безопасности региона	181

Фан Ву Иен Ти

Проблемы привлечения иностранных инвестиций
в инновационные проекты 184

Чжао Цзюньчэн

Информационно-аналитическая система
как инструмент оптимизации деятельности библиотек 188

CONTENTS:

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Anzor Z. Afaunov, Eduard J. Chkhvimiani, Denis V. Tarasenko

The image of a police officer as a factor in the effectiveness of the police institution:
socio-communicative aspects of the formation of legal culture 15

Tembot B. Bersirov

The concept of state managerism
as ideologies of the management of social institutions 20

Elena V. Grishay, Alexey A. Shubakin

Radicalization of young people through the influence
of destructive content on the «Internet» 24

Galina A. Elnikova, Roman G. Abakumov, Marina M. Abakumova

Student volunteering practices (on the materials of the belgorod region) 28

Svetlana G. Karepova

On new «post-quarantinable» social reality:
in the impacts of the COVID-19 pandemic 32

Le Ngoc Quang (Thero Thich Thanh Quy)

The Role and Structure Vietnamese Buddhist Administration
of Gia Lam District in the Development of Buddhism in Vietnam 40

Alexander V. Ponedelkov, Mikhail U. Popov, Konstantin V. Kudryashov

Actual problems of the demographic development of Russia:
discussing and informing 44

Yulian G. Tambiyants, Arsen M. Kushu, Marina M. Tsygankova

Domestic media in the Soviet period: an aspect of social dynamics 48

Natalya G. Horoshkevich

Political culture of State civil and municipal employees as a phenomenon
of post-industrial society and ways of its development 52

Tran Thi Kim Oanh, Le Ba Trinh, Tran Thi Hang

Contribution and influence of Buddhism in social life of Vietnam 56

Alexander S. Shulgin

Sociocultural and institutional aspects of the development of the extreme subculture 60

JURISPRUDENCE

Ruslan G. Aslanyan

The system of typical and atypical regulations of the special part of criminal law 67

Aslan I. Bezhanov

The public danger of crimes committed as part of a terrorist community (organization)
on the territory of a foreign state as the basis for their criminalization 74

Tatiana V. Glinshchikova, David A. Hayrapetyan

On the question of how to solve the problem
of legal qualifications in private international law 79

Sergei G. Eliseev

Civil law mechanisms for the protection of legal ownership in the Russian Federation 82

Aliabas I. Isaev

Forensic characteristics of smuggling of alcoholic beverages and (or) tobacco products 85

Oksana V. Lazareva, Julia M. Morozova

Regional police as a general body of state power in the Russian empire
of the XIX century (on the example of the Penza province) 89

Yulia V. Mityaeva, Tatiana A. Vidova

Representative institution in Russia of the 20th century:
historical parallels, political experience 94

Oksana A. Osadchuk Prevention of criminality of female minors by criminal law measures	99
Evgeny V. Pavlov, Alexander A. Kosynkin Preconditions for the emergence of state and law in Ancient Russia	105
Alim M. Reshitov Improvement of criminal law protection relations in the implementation of state cadastral registration and cadastral activities	111
Svetlana G. Rogozhina, Natalia S. Shcherbinina, Tatyana V. Lazarenko The concept and legal status of migration	115
Anastasia A. Samoilova Legal problems of the practice of applying administrative supervision	120
Ekaterina G. Semenova Legal regulation of the turnover of built-up land plots as real estate objects	123
Valentina V. Terekhova Legal status of investors in special administrative regions of the Russian Federation	128
Ivan V. Uporov, Mikhail U. Popov, Yulia Y. Bugaenko Fighting criminal communities in modern history of Russia: historical and legal comparative analysis	131
Elena N. Shatankova, Vladimir K. Tarykin, Yulina Yu. Sychkova Ideological and political evolution of international terrorism in the context of the transition to globalization	138
Valeria V. Shlomina Problematic aspects of neglect and juvenile delinquency in modern Russian society	142
ECONOMIC SCIENCES	
Darya A. Dudkina Consulting, audit and optimization in company taxation	147
Olga N. Efimova Adjustment of methods for regulating the socio-economic life of society in the context of an epidemiological threat	150
Ainura A. Kocherbaeva, Isajan Tursun Current state of agro-industrial complex of EAEU member states and prospects	155
Oleg S. Kuklin Reducing the uncertainty factor of the indicators for calculating the economic effect when developing venture investments	161
Vladimir D. Mitsevich Barriers for BIM implementation in Russia	164
Konstantin V. Nekrasov The current state of Russian logistics	167
Elena D. Platonova, Zhang Tianhui On the patterns of movement of human resources in the new economy: a reproductive approach	169
Aiganysh A. Sayakbayeva, Tilek D. Sayakbayev, Taalaibek Temirlan The state of the trade balance of the Kyrgyz Republic during the COVID-19 pandemic (as a possible threat to economic security)	175
Kristina O. Ternavshchenko, Yulia V. Magala Systematization of methodological approaches to assessment of the level of budget and tax security of the region	181
Vu Yen Chi Phan Problems of attracting foreign investment in innovative projects	184
Zhao Juncheng Information and analytical system as a tool for optimizing the activities of libraries.....	188

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Афаунов Анзор Зурабович

кандидат социологических наук,
заместитель начальника
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
майор полиции
anzor.afaunov@list.ru

Чхвимиани Эдуард Жюльенович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
полковник полиции
eduard-1981@yandex.ru

Тарасенко Денис Владимирович

преподаватель
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
майор полиции
ystavnik14@mail.ru

**ИМИДЖ СОТРУДНИКА ОВД
КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ
ИНСТИТУТА ПОЛИЦИИ:
СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЕ
АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимосвязи имиджевой составляющей деятельности ОВД и эффективности полиции как социального института. Исходной предпосылкой написания статьи является тезис о том, что адекватно сформированный образ полицейского как профессионала своего дела, занимающегося охраной общественного порядка, имеет очень большое влияние на все категории населения и в первую очередь на молодежь, корректируя потенциально возможное девиантное поведение. Когда подрастающее поколение имеет уверенное представление о неизбежности наказания за нарушение закона, это представляет собой один из важнейших факторов воспитания.

Ключевые слова: институт полиции, имидж, общественное мнение, правовая культура.

Ключевым феноменом в представлении общества о сотрудниках внутренних дел выступает такое социально-психологическое явление, как имидж. Имидж сотрудника полиции,

Anzor Z. Afaunov

Candidate of Sociological Sciences,
Deputy Chief Departments
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Major
anzor.afaunov@list.ru

Eduard J. Chkhvimiani

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel
eduard-1981@yandex.ru

Denis V. Tarasenko

Teacher of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Major
ystavnik14@mail.ru

**THE IMAGE OF A POLICE OFFICER
AS A FACTOR IN THE EFFECTIVENESS
OF THE POLICE INSTITUTION:
SOCIO-COMMUNICATIVE ASPECTS
OF THE FORMATION OF LEGAL CULTURE**

Annotation. The article is devoted to the problem of the relationship between the image component of the internal affairs department and the effectiveness of the police as a social institution. The initial prerequisite for writing this article is the thesis that an adequately formed image of a police officer as a professional in his field, engaged in the maintenance of public order, has a very large impact on all categories of the population and, first of all, on young people, correcting potentially possible deviant behavior. When the younger generation has a confident understanding of the inevitability of punishment for breaking the law, this is one of the most important factors in upbringing.

Keywords: police institute, image, public opinion, legal culture.

транслируемый средствами массовой информации, имеет серьезное влияние на население, что, в свою очередь, сказывается на эффективности его профессиональной деятельности. Когда

формируется негативный образ полицейского, то и оценка населения негативная. В частности, формируется ситуация низкого процента раскрываемости преступлений, что приводит к возрастанию всеобщего уровня преступности. Когда средства массовой информации пропагандируют негативный образ полицейского, то и уровень сотрудничества населения с полицией резко падает, так как возникает индуктивно окрашенное оценочное мнение, что все полицейские безграмотны и непрофессиональны. Для того, чтобы качественно изменить уровень доверия населения к сотрудникам полиции, необходимо предпринимать меры по адекватному отражению положительного образа сотрудника органов внутренних дел.

Общественное мнение населения выступает очень важным критерием оценки результатов деятельности конкретного социального института (в рамках нашего исследования, это социальный институт полиции). Общественное мнение определяют как «отношение общества к социальным явлениям, процессам, событиям, а также – проблемам социальной действительности» [2]. Общественное мнение необходимо принимать во внимание и исследовать, так как именно оно выступает показателем позитивных и негативных коммуникационных связей между структурой полиции и обществом, что необходимо выяснять для оптимизации их сотрудничества.

В 2011 году в Федеральном Законе от 2011 г. «О полиции» было обозначен приоритет общественного мнения в оценке эффективности полицейской деятельности [5]. Закон «О полиции» и конкретно вышеперечисленные его положения призваны были снизить напряженность, которая сложилась между населением и работниками органов внутренних дел в постсоветское время [7].

Советская милиция выступала гарантом соблюдения закона и имела положительный образ, но уже в переходные 1990-е гг. общая социальная обстановка в стране была настолько криминализована, что социальный институт правоохранительных органов был дискредитирован деятельностью отдельных его представителей. Милиционер перестал выступать в качестве гаранта соблюдения закона, и в общественном сознании образ сотрудника правоохранительных органов стал тесно связываться с криминальными структурами.

Исследователи отмечают, что «по данным социологического опроса, проведенного в 2008 году, 32 % опрошенных респондентов оценили деятельность милиции плохо или очень плохо, 39 % – удовлетворительно, и только 13 % – хорошо или отлично» [3, с. 113]. Таким образом, сама работа сотрудников милиции оценивалась населением негативно, что, в общем, подрывало авторитет органов правоохранительных дел. Закон «О полиции» и, последовавшая затем реформа, призваны были изменить ситуацию. Тем не менее, статистические исследования показывают, что ситуация меняется довольно медленно: «если в 2008 году полиции доверяли 33 % населения, то в 2018 году – 39,4 %, при этом только 38,2 %

считают деятельность полиции эффективной», – отмечают специалисты [6].

Исследование показало, что наименее предубежденно к служителям правопорядка относятся представители молодежи, тогда как для средней и старшей возрастной группы свойственен скепсис и стереотипизация. Для определения причин столь невысокого показателя доверия полиции среди населения можно обратиться к опыту самих работников правоохранительных органов. Сотрудники отмечают ряд сложностей, с которыми им приходится сталкиваться в процессе несения службы и которые мешают им наладить доверительный контакт с населением.

В первую очередь, это возросшая нагрузка на каждого отдельного сотрудника. В 2011 году в ходе реформы было проведено сокращение численности штата сотрудников органов внутренних дел. Подразумевалось, что это позволит оптимизировать процессы деятельности полицейских. В реальности же, серьезно возросла нагрузка на каждого отдельного служителя закона. Таким образом, служебного времени на долгое общение и подробное вникание в проблемы граждан сотрудникам стало не хватать.

Второй фактор, мешающий адекватному общению населения с сотрудниками правоохранительных органов, – это деятельность средств массовой информации. Очевидно, что наибольший спрос и ажиотаж в массовой культуре вызывают негативные сенсационные новости. Соответственно, в работе средств массовой информации выстроен акцент на преподнесение, в первую очередь, негативных новостей, в том числе и о деятельности полицейских. В то же время, положительные события, связанные с действиями сотрудников правоохранительных органов, имеют меньший интерес у публики и транслируются средствами массовой информации редко. Таким образом, в сознании граждан формируется, в большей степени, негативный образ современного полицейского. В этом процессе задействованы как документальные и новостные передачи, так и кинематограф.

Третий фактор, осложняющий контакт полицейского и гражданина, – это возросший документооборот, сопровождающий деятельность сотрудника правоохранительных органов. Необходимость заполнения множества отчетных бумаг сокращает время на общение с обратившимся с проблемой гражданином, таким образом, скорость реакции полицейского на эти обращения значительно снижается.

Еще один существенный фактор, который отмечают респонденты среди сотрудников правоохранительных органов, это недостаточная материальная оснащенность полицейских. А все эти факторы, в итоге, приводят к падению престижа полицейской службы. В глазах населения господствует стереотип о том, что полицейская должность представляет собой либо низкооплачиваемую повинность, либо коррупционная должность для превышения своих полномочий. На самом деле, эти стереотипы формировались годами

после смены государственного строя и на сегодняшний день актуализировалась необходимость бороться с ними, путем формирования положительного имиджа современного российского полицейского.

Исторически любая профессия, связанная с контролем, вызывает у населения смешанные образы. В первую очередь, сотрудники таких служб подвергаются очень пристальному наблюдению за их профессиональной деятельностью и очень предвзятому отношению к их морально-нравственной устойчивости. Второй момент заключается в том, что профессии, обладающие функцией контроля, изначально воспринимаются в массовом сознании не только в качестве защитников, но и в качестве врагов, так как подобные представители этих профессий, в той или иной степени, ограничивают личную свободу для соблюдения правовой системы общества.

Также, стоит отметить, что в последние годы эксперты отмечают рост уровня преступности и снижение процента раскрываемости преступлений: «В 2018 году было совершено 1 млн 992 тыс. преступлений, уровень же раскрываемости преступлений в 2018 году значительно снизился по сравнению с 2016 годом на 10 % и составил 52,2 %» [3, с. 113]. Подобный факт может свидетельствовать о падении уровня профессионализма сотрудников правоохранительных органов.

В то же время, стоит отметить, что исследования показывают на то, что положительное мнение о полицейских у граждан складывается, зачастую, из их личного общения с сотрудником. Однако большая часть населения редко непосредственно контактирует с органами внутренних дел, а образ полицейского складывается в их сознании из продуктов средств массовой информации, которые, как уже было отмечено выше, делают упор на негативные события и критику деятельности правоохранительных органов. Исследователи также отмечают, что «свой вклад внесла и современная кинематография, которая пропагандирует насилие, воровство, разбой, а полицейских преподносит как беспомощных либо коррумпированных сотрудников» [1, с. 81].

Также, в современном мире существует такое явление, свойственное человеческому сознанию, как «эффект ореола» [5]. Человек, столкнувшийся с единичным случаем непрофессионализма, переносит это негативное отношение на всех представителей этой профессии. Это свойственно и по отношению к представителям правоохранительной сферы.

К сожалению, нередки случаи, когда население сталкивается с непрофессионализмом и безграмотностью работников правоохранительных органов. Довольно часто граждане оперируют действующими законодательными положениями профессиональнее, чем сотрудники полиции, не обладающие достаточными знаниями в своей профессиональной сфере. Подобные факты формируют в сознании граждан мнение о некомпетентности служителей закона, а, следовательно, их неспособность обеспечить достаточную

защищенность населения. Усугубляют ситуацию многочисленные факты индивидуального несоответствия отдельных лиц этической и функциональной стороне их профессии.

Положительный имидж полиции напрямую коррелируется с ее эффективностью. Необходимыми условиями для его формирования выступают повышение уровня профессионализма и компетентности сотрудников. Одновременно с этим возникает необходимость отслеживания и контроля информации, которая транслируется средствами массовой коммуникации на тему деятельности полицейских. Для эффективного контроля возникает необходимость тесного сотрудничества журналистов и представителей правоохранительных органов. Также, необходима оперативная реакция на публикацию недостоверной информации и опубликование опровержений на ложные сведения, распространяемые посредством каналов массовой коммуникации [4].

Очевидна необходимость оперативной реакции и на материалы, освещающие правонарушения, совершенные сотрудниками правоохранительных органов. Такие материалы необходимо официально комментировать, разъясняя причины случившегося и предпринятые меры для профилактики возможности повторения подобных негативных моментов в полицейской структуре [6].

Необходимо также участие полицейских медиаслужб в процессе формирования культурной парадигмы искусства на уровне государства. Например, участие в качестве консультантов при съемке кинофильмов, в сюжете которых фигурируют представители правоохранительных органов. Здесь необходимо ограничивать или каким-либо образом нейтрализовать сюжетные ходы, выставляющие полицейскую деятельность с негативной стороны, а также, романтизирующие преступную деятельность, выставляющие преступников положительными персонажами. В то же время, необходимо увеличивать долю и принимать непосредственное консультационное участие в съемке кино, которое выставляет полицейских в качестве эталона для подражания. Также, исследователи отмечают тот факт, что «для создания положительного имиджа полиции немаловажным моментом является повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников полиции, путем проведения занятий (неформальных, а фактических), направленных на повышение уровня знаний сотрудниками законодательства, регулирующего деятельность, в частности, своих прав и обязанностей, запретов и ограничений, и уяснения целей и задач деятельности полиции и отработки полученных знаний на практических занятиях; повышения физической подготовки сотрудников, в частности, отработки приемов самообороны, навыков борьбы, применение которых поможет сотрудникам при задержании преступника или правонарушителя; проведения индивидуально-воспитательных и профилактических бесед, направленных на повышение нравственных и культурных качеств, а также, чувства ответственности сотрудников за свои действия» [3, с. 114].

Доверие граждан к правоохранительным органам должно подкрепляться таким необходимым условием, как оптимизация контактов населения с представителями полиции. Этот процесс можно наладить, тесно сотрудничая с общественными организациями [6]. Однако на настоящий момент этот способ все еще не использует свой потенциал полностью. В рамках этой задачи необходимо сотрудничество с, так называемыми, народными дружинами. Очевидно, что люди, проживающие по соседству, обладают большей информацией о том, что происходит у них в районе, поэтому столь важно сотрудничество жителей с участковыми полицейскими. При этом сотрудничество это непременно должно быть взаимным: полицейские делятся информацией о правонарушениях и потенциальных опасностях, которые происходят на участке, жители, в свою очередь, сигнализируют о подозрительных фактах, потенциально неправомерных действиях и тому подобных явлениях. Подобная система сближает граждан и сотрудников правоохранительных органов и способствует формированию безопасной городской среды [8].

Однако в выстраивании подобной системы большую роль играет ментальность населения. И если в европейских и американских странах считается нормой сообщать о правонарушениях, совершаемых соседями, то в нашей стране народное сознание зачастую осуждает и критикует сограждан, которые сотрудничают с полицией, используя для этого эмоционально окрашенные сленговые термины «стукачество», «ябедничество» и т.п.

Литература:

1. *Айсин Т.К.* Недоверие общества к МВД: суть проблемы и возможные пути решения / Т.К. Айсин // Вестник ВГУ. 2015. № 1. С. 80–83.
2. *Зуева А.В.* изучение общественного мнения как способ оптимизации деятельности полиции / А.В. Зуева // Logos et Praxis. 2017. Т. 6. № 2. С. 100–106.
3. *Колдина И.А.* Общественное мнение как критерий оценки эффективности деятельности полиции / И.А. Колдина, Н.В. Багуцкий // Скиф. 2019. № 12-1(40). С. 115–119.
4. *Майоров В.И.* Повышение эффективности деятельности полиции с помощью реализации политики информационной открытости / В.И. Майоров // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 1. Вып. 3. С. 36–51.
5. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3 -ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
6. После переименования милиции в полицию уровень доверия к ней сильно вырос // Ведомости. URL : https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2011/10/20/posle_pereimenovaniya_milicii_v_policiyu_uroven_doveriya_k (дата обращения 05.03.2021); Работа полиции: доверие и оценки //

В противовес нашей ментальности, европейские граждане считают помощь работникам правоохранительных органов почетной и, зачастую, такие сознательные представители общества несут службу наравне с полицейскими [4].

Еще один фактор, который тормозит развитие такой системы в России, – это меркантильное отношение сограждан: отсутствие материально-технической базы, социальных гарантий и поощрений делает подобную деятельность малопривлекательной для граждан. А отсутствие интереса руководителей ряда районов к подобной системе контроля, а, следовательно, и нежелание вкладываться как материальными, так и человеческими ресурсами в её выстраивание, окончательно закрывает варианты её формирования. Для того, чтобы «наладить взаимосвязь полиции и населения, необходимо повысить уровень правовой культуры и правового воспитания населения. Только когда граждане России поймут важность уважительного отношения, доверия к полиции и совместной работы органов и населения, только тогда деятельность полиции по обеспечению безопасности и правопорядка станет наиболее эффективной и результативной» [3, с. 115]. Поэтому столь важно выстраивать систему взаимодействия «полиция-гражданин» по схеме доверия и сотрудничества. Это способствует, в том числе, повышению эффективности деятельности полиции и улучшению результатов профилактики и раскрываемости преступлений.

Literature:

1. *Aisin T.K.* Public distrust of the Ministry of Internal Affairs: the essence of the problem and possible solutions / T.K. Aisin // Vestnik VSU. 2015. № 1. P. 80–83.
2. *Zueva A.V.* study of public opinion as a way to optimize the activities of the police / A.V. Zueva // Logos et Praxis. 2017. Vol. 6. № 2. P. 100–106.
3. *Koldina I.A.* Public opinion as a criterion for assessing the effectiveness of the police / I.A. Koldina, N.V. Bagutskiy // Skif. 2019. № 12-1(40). P. 113–119.
4. *Mayorov V.I.* Improving the efficiency of the police through the implementation of the policy of information openness / V.I. Mayorov // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Right. 2016. Vol. 1. № 3. P. 36–51.
5. On the police: Federal Law No. 3-FZ dated 07.02.2011 // SZ RF. 2011. № 7. Art. 900.
6. After the militia was renamed into the police, the level of trust in it increased greatly // Vedomosti. URL : https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2011/10/20/posle_pereimenovaniya_milicii_v_policiyu_uroven_doveriya_k (date of application 03/05/2021); Policing: trust and evaluation // Ministry of

Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL : <https://мвд.рф/publicopinion/> (дата обращения 05.03.2021).

7. *Титаренко А.П.* К вопросу о повышении доверия к полиции Российской Федерации / А.П. Титаренко // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 1(28). С. 114–118.

8. *Ястребова А.И.* Взаимодействие органов полиции и общественных организаций в сфере охраны общественного порядка в США / А.И. Ястребова // Современное право. 2017. № 6. С. 166–168.

Internal Affairs of the Russian Federation: website. URL : <https://mvd.rf/publicopinion/> (date of application 03/05/2021).

7. *Titarenko A.P.* On the issue of increasing confidence in the police of the Russian Federation / A.P. Titarenko // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 1(28). P. 114–118.

8. *Yastrebova A.I.* Interaction between the police and public organizations in the field of public order protection in the United States / A.I. Yastrebova // Modern law. 2017. № 6. P. 166–168.

Берсиров Тембот Батырбиевич

кандидат социологических наук,
заместитель руководителя,
Кубанское бассейновое
водное управление,
начальник отдела водных ресурсов
по Республике Адыгея
tbersey@mail.ru

Tembot B. Bersirov

Candidate of Sociological Sciences,
Deputy Head,
Kuban basin Water management,
Head of Water Resources
in the Republic of Adygea
tbersey@mail.ru

**ПОНЯТИЕ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕНЕДЖЕРИЗМ» КАК ИДЕОЛОГИЯ
УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ
ИНСТИТУТАМИ**

**THE CONCEPT
OF STATE MANAGERISM
AS IDEOLOGIES OF THE MANAGEMENT
OF SOCIAL INSTITUTIONS**

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка проанализировать понятийные характеристики государственного менеджеризма как идеологии управления социальными институтами. В настоящее время государственная политика Российской Федерации строится на единой методологической платформе, основы которой закладываются в соответствии с менеджеристскими принципами. Разработаны они на примере функционирования коммерческих предприятий, но, по аналогии с западными государствами используются в целях повышения эффективности управления общественным сектором. В данной работе рассматривается роль, в указанном контексте, количественных показателей управленческой эффективности, дается определение государственного менеджеризма, раскрываются его базовые признаки.

Annotation. This article attempts to analyze the conceptual characteristics of state managerism as an ideology of managing social institutions. Currently, the state policy of the Russian Federation is based on a single methodological platform, the foundations of which are laid in accordance with managerial principles. They are developed on the example of the functioning of commercial enterprises, but, by analogy with Western states, they are used to improve the efficiency of public sector management. In this paper, the role of quantitative indicators in this context, managerial efficiency, is considered, the definition of state managerism is given, its basic features are revealed.

Ключевые слова: государственный менеджеризм, количественные показатели, управление, эффективность, децентрализация, рыночные инструменты.

Keywords: state managerism, quantitative indicators, management, efficiency, decentralization, market tools.

Менеджеризм, с точки зрения организации государственной политики в современной России, превращается в некую сверхидеологию, проникающую своим регулятивным воздействием во все социальные институты. Цель ее применения инициаторами данного процесса определяется как повышение управленческой эффективности. Подобного рода практика обусловлена особой ролью государства на современном этапе развития российского общества, когда власть приобрела статус регулятора, интегратора, организатора общественных процессов, а также, главного субъекта, ответственного за перераспределение общественных ресурсов. Одна из главных теоретических проблем в отношении выстраивания взаимосвязи между понятиями «государственное управление» и «эффективность» состоит в поиске критериев, которые позволили бы измерить её посредством количественных характеристик. Сами эти поиски подчинены задаче иного порядка: исключить субъективизм в оценке

качества реализуемой государственным чиновниками деятельности. Именно для этого и существуют количественные показатели, на которые ориентируются как на индикатор, подтверждающий эффективность. Таким образом, центральным понятием в структуре когнитивного содержания менеджеризма выступают количественные характеристики.

В силу тотальности менеджеризма, его представленности во всех сферах государственного управления, актуализируется проблема определить, какие расчетные индикаторы, обладающие свойством универсальности, следует избрать в качестве количественных характеристик. Поскольку государственное управление имеет разнообразный функциональный спектр, то в практике его оценивания принята многомерная модель, состоящая из консолидированных групп показателей, включающих в себя «макроэкономические, социальные, институциональные и экологические» ряды значений [1]. Нас интересуют, в

первую очередь, те показатели, которые способны определить на основе количественных измерений эффективность социального управления в институциональной сфере. По сложившейся практике учёта, их принято оценивать на основе разного рода индексов. Систем подсчета в мировой практике выработано много. Но наибольшую популярность приобрели шесть индексов, разработанных сотрудниками Всемирного банка. Это: Voice and Accountability, Political Stability and Absence of Violence, Government Effectiveness, Regulatory Quality, Rule of Law, Control of Corruption [2]. Их использование основывается на том, что в содержательную структуру каждого индекса включается группа переменных по номинальной шкале, которым придается константное, но в пределах избираемых альтернатив, значение, одинаковое для всех стран. Выбор значений осуществляется экспертами, от мнения которых, в конечном счете, зависит определение индекса эффективности.

При такой методике речь идет, по сути, о тех же количественных показателях, которые фиксируют, например, эффективность макроэкономического развития страны [3]. Мы не возражаем против того, чтобы в межстрановом контексте данная методика применялась. Ради проведения столь глобальных исследований неизбежно приходится жертвовать разного рода нюансами, возможно, не существенных в представлениях сотрудников Всемирного банка, но важными и значимыми для российских социологов. Международные рейтинги теряют социокультурный контекст, который может оказаться ведущим фактором оценки, если не относительно текущего институционального развития, то для понимания того, какие следует принимать решения, направленные на исправление неэффективно работающих управленческих актов.

Рейтинг способен показать внешнюю связь между управленческим процессом и полученным результатом. И это всего лишь количественное измерение, основанное на простом, частотном анализе. В подобной методике совершенно не представляется возможным увидеть корреляции, складывающиеся между принятыми к оценке переменными и ценностно-целевыми ориентациями социальных акторов, как инициаторов, исполнителей или получателей благ от управленческого воздействия. Между тем, ради этих корреляций и необходимо проводить фундаментальное исследование эффективности государственного управления, поскольку его задачей является не констатация фактов и, тем более, не вынесение политического приговора, как это нередко делается по отчетам Всемирного банка, а корректировка принятого управленческого курса.

Государственный менеджери́зм был взят на вооружение как модель, принятая в целях повышения эффективности государственного управления, оптимизации и рационализации протекающих управленческих процессов. Специалистами по проблематике эта реформа была названа антибюрократической революцией [4]. Рост бюрократии объяснялся повышением управленческой роли государства, возникновением новых и

расширением старых функций [5]. В разных странах была своя история: в Германии и Франции на правительство оказывала давление идеология солидаризма, в Скандинавии – социал-демократия, в Италии – коммунисты и социалисты, в англо-саксонских странах – экономическая доктрина неокейнсианства [6]. К концу XX столетия теоретиками и практиками в сфере управления был поставлен вопрос о неэффективности управленческой деятельности власти из-за высокого бремени расхода ресурсной базы, резко снижающего качество ожидаемого результата. Попытка решить эту проблему, благодаря повышению налогов или прямого администрирования экономическими процессами, привели к диаметрально противоположному результату: ухудшению макроэкономических показателей и дальнейшему сокращению ресурсной базы государства. Процесс осмысления сложившейся ситуации привел к идее распространить инструменты управления коммерческими организациями на некоммерческий сектор. Отсюда возникает концепция государственного менеджери́зма. С ним связывается решение многочисленных общественных проблем, накопившихся в течение всего XX века, возникших под воздействием радикального изменения социальных функций государства. Таким образом, государственный менеджери́зм должен был не просто прийти на замену старым управленческим подходам, но принципиально поменять идеологию государственного управления.

В данной статье под государственным менеджери́змом будет пониматься *инструмент обеспечения эффективного государственного управления, основанный на признании принципиальной допустимости переноса корпоративных способов управления, выработанных в коммерческих организациях, в публичный спектр, включая сферу социальных институтов.*

Как социологическое понятие «государственный менеджери́зм» может быть описан через два базовых признака: децентрализацию управления и внедрение рыночных (предпринимательских) инструментов в механизм государственного управления.

Децентрализация проявляется в форме структурной перестройки управленческой модели. В первую очередь, речь идет об отказе от концепции рациональной бюрократии, разработанной М. Вебером. Ей на смену приходит такой порядок управления, при котором спектр полномочий, функций, прав и обязанностей смещается с верхних этажей государственной пирамиды в нижние. Деятельность низовых структур, импульсы к исполнению должностных обязанностей определяются не предписаниями от вышестоящих звеньев бюрократии, а личной инициативой, от проявления которой зависит решение поставленных задач. В такой ситуации важную роль начинают играть связи со структурами гражданского общества и бизнесом. Их взаимная активность становится фактором переноса акцентов от поиска ресурсной базы в пределах бюджетной классификации в сторону средств, перераспределяемых на внебюджетной основе [7]. Органы власти, особенно это касается муниципалитетов, превра-

щаются в публичных агентов, задача которых наладить процесс перераспределения ресурсов между разными группами населения на взаимовыгодных основах. При такой схеме управления за высшими органами власти остается принятия нормативных актов и консолидированных стратегий развития. Фактически речь идет о создании институциональных условий для коммуникации социальных акторов.

Внедрение рыночных (предпринимательских) инструментов в механизм государственного управления. Это проявляется через интеграцию предпринимательских начал в руководстве фирмой (корпорацией) с традиционно принятыми в социальном управлении. При таком подходе любая государственная организация или попадающий в сферу её влияния объект управления становятся квазикommerческими корпорациями, эффективность которых оценивается по рыночным законам. При подобном подходе некоммерческие по своей юридической природе организации начинают функционировать, сообразовывая свою работу со стратегическим развитием, планированием менеджмента качества, автономным финансированием за счёт разрешенной в пределах исполнения должностных обязанностей коммерческой деятельности и т.п. Цель, установленная для организации, оформляется в стандартизированные индикаторы. Эффективность же определяется таким образом, чтобы результаты деятельности могли быть максимально удобно просчитаны. Следовательно, имеет место формализация, как неотъемлемое условие количественного учёта. Данный подход выступает неизбежным следствием внедрения рыночных механизмов работы. Поэтому результат действия уподобляется как бы получению прибыли, в роли которой выступают формализованные учётные единицы. Объём их производства, соотношенный с затраченными на них ресурсами, позволяет просчитать эффективность по всем направлениям

Литература:

1. Мухаев Р.Т. Критерии эффективности современных систем государственного управления: проблема квантификации качества публичного управления / Р.Т. Мухаев, О.Г. Абрамова // Фундаментальные исследования. 2016. № 7-1. С. 146–154.
2. Качество государственного управления. Гуманитарная энциклопедия: Исследования // Центр гуманитарных технологий, 2006–2020 (последняя редакция: 26.08.2020). URL : gtmarket.ru/ratings/governance-matters/governance-matters-info
3. Бирюкова Э.Р. Понятие «эффективность» в сфере государственного управления / Э.Р. Бирюкова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6(72). № 1. С. 419–422.
4. Граждан В.Д. Антибюрократическая революция: возможна ли она? / В.Д. Граждан // Власть. 2004. № 10. С. 42–52.

реализуемых операций. В мировой практике государственного менеджизма эта модель используется по всем секторам социального управления: здравоохранении, правоохранительной системе, спорте, а также в высшем образовании, где она стала универсальной практикой абсолютно для всех его сегментов, в том числе классических университетов [8].

Итак, государственный менеджизм был нами охарактеризован посредством описания двух его базовых признаков: децентрализации государственного управления и трансформации общественных организаций (объектов управления) в (квази)предпринимательские корпорации, внешне ориентированные в своей деятельности на (квази)рыночные закономерности развития. Цель внедрения указанной модели государственного управления – повышение управленческой эффективности, преимущественно, в области некоммерческого сектора. Индикативной категорией, посредством которой в рамках модели государственного менеджизма осуществляется оценка деятельности некоммерческих организаций, выступает понятие «количественные показатели эффективности». Инициаторы внедрения менеджеристских идей в систему государственного управления убеждены в том, что его управленческие инструменты окажутся способными обеспечить новое качество мотивации на исполнение должностных обязанностей, более адресный расход государственных средств, реорганизацию трудовой деятельности в некоммерческом секторе на принципы работы по проектам. Данная идеология является радикально новым управленческим инструментом для функционирования органов государственной власти. В настоящее время она является объектом многих критических замечаний со стороны заинтересованных участников. Мы полагаем, что предложенная концептуальная модель расширит когнитивные возможности ее оценки.

Literature:

1. Mukhaev R.T. Criteria for the effectiveness of modern public administration systems: the problem of quantifying the quality of public administration / R.T. Mukhaev, O.G. Abramova // Basic research. 2016. № 7-1. P. 146–154.
2. Quality of public administration. Humanitarian Encyclopedia: Research // Center for Humanitarian Technologies, 2006–2020 (last edition: 26.08.2020) URL : gtmarket.ru/ratings/governance-matters/governance-matters-info
3. Biryukova E.R. The concept of «efficiency» in the field of public administration / E.R. Biryukova // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2020. Vol. 6(72). № 1. P. 419–422.
4. Grazhdan V.D. Anti-bureaucratic revolution: is it possible? / V.D. Grazhdan // Power. 2004. № 10. P. 42–52.

5. *Дятлов А.В.* Административные и общественные риски института сити-менеджмента (по оценкам экспертов Республики Адыгея) / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев, В.В. Узунов // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 11. С. 109–117.

6. *Ляхова Н.И.* Влияние кейнсианского учения на формирование бюджетной политики / Н.И. Ляхова // Управленческий учёт. 2013. № 10. С. 99–106.

7. *Мансуров А.М.* Общие и специфические закономерности развития частно-государственного партнерства на современном этапе / А.М. Мансуров // Бизнес. Образование. Право. 2013. № 3. С. 173–176.

8. *Дятлов А.В.* Институционализация сити-менеджмента в муниципальном управлении республики Крым: оценки экспертов / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев, В.А. Чигрин // Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44. № 1. С. 37–49.

5. *Dyatlov A. V.* Administrative and public risks of the Institute of City Management (according to expert estimates of the Republic of Adygea) / A.V. Dyatlov, V.V. Kovalev, V.V. Uzunov // Socio-humanitarian knowledge. 2018. № 11. P. 109–117.

6. *Lyakhova N.I.* The influence of Keynesian exercises on the formation of budget policy / N.I. Lyakhova // Management accounting. 2013. № 10. P. 99–106.

7. *Mansurov A.M.* General and specific patterns of development of private-state partnership at the present stage / A.M. Mansurov // Business. Education. Right.. 2013. № 3. P. 173–176.

8. *Dyatlov A.V.* Institutionalization of city management in the municipal administration of the Republic of Crimea: expert assessments / A.V. Dyatlov, V.V. Kovalev, V.A. Chigrin // Scientific statements of BelSU. Philosophy. Sociology. Right. 2019. Vol. 44. № 1. P. 37–49.

Гришай Елена Владимировна

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет
МВД России,
полковник полиции
ev-grishay@mail.ru

Шубакин Алексей Алексеевич

преподаватель кафедры
административной деятельности ОВД,
Краснодарский университет
МВД России,
подполковник полиции
ev-grishay@mail.ru

**РАДИКАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ
ПО СРЕДСТВАМ ВЛИЯНИЯ
ДЕСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА
СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

Аннотация. Современную молодежь можно представить как поколение людей, проходящих стадию социализации, иными словами, как процесс вовлечения человека в социальную практику, приобретения им социальных качеств и усвоения социального опыта, социальных норм и культурных ценностей конкретного общества. В статье рассматривается проблема радикализации и молодежи, по средствам различных масс-медиа и сети «Интернет». Организующим началом в процессе формирования экстремизма выступают современные средства коммуникации. Именно сеть Интернет становится своеобразной площадкой для объединения молодых людей с похожими интересами и взглядами на ту или иную проблему. Преимущества сети интернет-сообщества и различных масс-медиа сегодня очевидны.

Ключевые слова: молодежь, масс-медиа, интернет, радикализация, экстремизм, конфликтogenicность, маргинальность, контраверсивность.

Несмотря на имеющееся в литературе достаточное количество определений молодежи, ее можно представить как поколение людей, проходящих стадию социализации, иными словами, процесс вовлечения человека в социальную практику, приобретения им социальных качеств и усвоения социального опыта, социальных норм и культурных ценностей конкретного общества.

Elena V. Grishay

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department
Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel
ev-grishay@mail.ru

Alexey A. Shubakin

Lecturer of the Department
Administrative Activities
of the Department of Internal Affairs,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel
ev-grishay@mail.ru

**RADICALIZATION OF YOUNG
PEOPLE THROUGH THE INFLUENCE
OF DESTRUCTIVE CONTENT
ON THE «INTERNET»**

Annotation. Modern youth can be imagined as a generation of people going through the stage of socialization, in other words, as a process of human involvement in social practice, acquiring social qualities and assimilating social experience, social norms and cultural values of a particular society. The article deals with the problem of radicalization and youth, by means of various mass media and the Internet. The organizing principle in the process of extremism formation is the modern means of communication. It is the Internet that becomes a kind of platform for bringing together young people with similar interests and views on a particular problem. The advantages of the Internet community and various mass media are obvious today.

Keywords: youth, mass media, Internet, radicalization, extremism, conflictogenicity, marginality, contraversivity.

Нормативно-правовые акты в Российской Федерации определяют молодежь как лиц в возрасте от 14 до 30 лет. В «Основах государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года» (утвержденных распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р) молодежь включает людей в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях – до 35 и более лет [1].

В итоге, в обществе формируются две социальные группы – группа принимающих опыт (молодежь) и группа передающих опыт (старшее поколение). В процессе социализации, безусловно, между двумя группами могут возникать конфликтные ситуации по причине нежелания усвоения социального опыта молодежью или отказа принятия новых прогрессивных идей и взглядов зрелым поколением. Следовательно, процесс социализации, по сути, носит конфликтогенный характер в силу расхождения взглядов и интересов групп. Причем конфликты могут возникать и внутри самой молодежной среды. Молодое поколение разрешает внутрилличностные конфликты, связанные с собственной идентификацией, также важно учитывать и неоднородный состав данной социальной группы.

Молодежь в процессе социализации выступает не только пассивным объектом усвоения социального опыта предыдущих поколений, но и в качестве субъекта воздействия на общество, который стремится преобразовать и развить социальную практику.

По мнению ряда ученых, «становление субъектности молодежи в процессе реализации ее основных социальных функций – воспроизводственной и инновационной, сопряжено с преодолением как внутренних, так и внешних противоречий» [2].

По своей сути, молодежь характеризуется «неполнотой социального статуса, маргинальностью социальных позиций, неопределенностью социальных identifications» [3].

Процесс самоопределения молодежи имеет неоднозначную природу. Молодой человек стремится обрести себя в группе «своих», но так же он готов отделиться от группы «чужих», показать свою уникальность, непохожесть.

Ученые выделяют такую характерную черту, присущую молодежи, как контраверсивность. Это некий способ понимания себя через противопоставление другому (этническому, расовому, национальному).

Зачастую, контраверсивность начинает преобладать и становится самостоятельным элементом, что способствует формированию собственных потребностей и интересов. В результате столкновения сформировавшихся самостоятельных интересов с «чужими» взглядами и интересами возникают конфликты, в том числе, и в экстремальной форме.

Очевидно, что контраверсивность может сформировать такое свойство молодежи, как экстремальность.

Многие ученые определяют экстремальность как стремление к крайностям (например, крайним проявлениям своих взглядов и убеждений). Вид экстремизма экстремальность обретает тогда, когда «экстремальные настроения приобретают характер самоцели, суть которой – достижение общественного резонанса. Реализация этой цели экстремальными способами сопряжена с причинением морального, физического, материального

ущерба окружающим» [4]. Причем, зачастую, молодые люди не могут найти адекватный способ выхода из сложившейся трудной ситуации, и порождаемая ими агрессивность, эпатажность может вылиться не только в причинение вреда окружающим, но и во всевозможные суициды.

Постепенно агрессивность может приобрести социальный характер и форму фанатизма. Последний находит свое приложение, как в спорте, так и в политике, в сфере этно-национальных отношений. Но, в отличие от агрессивности, фанатизм отличает крайняя нетерпимость и отсутствие своих убеждений и пр.

Экстремальность не может выступать негативным свойством молодежи, в отличие от экстремизма. Безусловно, перерастание экстремальности в экстремизм возможно в нестабильных обществах. Как правило, экстремальность молодежи находит выход в своих криминальных, насильственных формах в условиях кризиса социума, в том числе, в национальном и религиозном экстремизме.

По мнению ряда ученых, «экстремизм в молодежной среде представляет собой социально обусловленные формы отклонения от развития экстремального типа сознания молодежи и нарушения меры в выборе адекватных моделей поведения, выражающегося в приверженности к крайним взглядам и поступкам, представляющим опасность для окружающих» [5].

Если речь идет о характере современного молодежного экстремизма, то он может приобретать как стихийный, так и организованный характер. Причем, в первом случае экстремизм действительно предстает как способ непродолжительного конфликтного взаимодействия носителей различных интересов и взглядов, экстремистские установки в сознании субъектов-носителей не столь прочные. Во втором случае речь идет уже об организованном характере экстремизма, участники конфликта на почве экстремизма уже не просто конфликтуют и проявляют открытую агрессию, неприятие «чужих», но и воспринимают экстремизм как единственный способ воздействия на своих соперников, не приемлют компромиссы и ненасильственные способы разрешения ситуации.

Организующим началом в процессе окончательного формирования экстремизма выступают современные средства коммуникации, в том числе, Интернет. Именно сеть Интернет становится своеобразной площадкой для объединения молодых людей с похожими интересами и взглядами на ту или иную проблему.

Преимущества сети интернет-сообщества сегодня очевидны.

Во-первых, Интернет сегодня выполняет роль основных форвардов на рынке информационных услуг, являясь конкурентом телевидению и неэлектронным СМИ.

Во-вторых, Интернет – наиболее востребованный ресурс для потребления большей частью

населения контента, но также и для воспроизводства нужной информации.

Интересны результаты изучения методом фокусированного интервью особенности вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность, проведенного отечественными специалистами среди представителей республик Северного Кавказа [7].

Все респонденты представлены в возрасте 18 лет и являются приверженцами традиционного ислама. Со слов опрошенных респондентов, пропаганда радикальных идей посредством Интернета становится все сильнее и сильнее. Именно для этой цели используются социальные сети и различные мессенджеры, где создаются тематические форумы. Молодые люди отмечают: «Они сразу начинают «закидывать» литературой, ссылками на видеолекции, на утверждения «ученых» и других, якобы, компетентных лиц. Потом смотришь, например, в google, кто этот человек, и оказывается, что это боевик, который разыскивается. Но очень сложно противостоять такому напору, когда ты один пытаешься что-то возразить» [8]. Другой респондент приводит еще пример: «Один парень имел определенные религиозные знания и убеждения, ходил в мечеть, исповедовал традиционный ислам. Он знал, кто такие ваххабиты, и говорил, что никогда с ними не согласится. Стал вступать с ними в споры и попал под их влияние. Теперь он совместно с ними распространяет эту идеологию» [9].

Для пропаганды идеологии экстремизма и терроризма посредством Интернета используется специально организованная социальная риторика, так считают большинство ученых.

«В целях формирования «экстремистского сознания» и организации информационно-психологического воздействия, направленного на вовлечение молодежи в террористическую деятельность, используются технологии виртуального вирусного маркетинга, основанные на феномене психологического заражения и нацеленные на формирование социальной моды, не просто санкционирующей, но и стимулирующей соответствующее поведение» [10].

Самым доступными для молодежи формами демонстрации, а также, для передачи и усвоения информации становятся блогосфера и социальные сети. К примеру, основной потенциал блогосферы – это сайты blogger.com и livejournal.com. В числе социальных сетей, которые популярны среди молодежи, можно назвать «Одноклассники», Facebook, Twitter и «ВКонтакте», «Instagram».

Именно, благодаря сети Интернет, у молодых людей есть возможность размещать различные видеоматериалы, давать комментарии, причем, абсолютно разного содержания без всяких финансовых затрат. Социальные сети становятся площадкой для общественных дискуссий на различные темы, включая экстремистские. Причем,

информация такого рода распространяется оперативно, регулярно обновляясь. Интернет создает благоприятные условия для социализации молодежи, формирования экстремистских установок у молодого поколения и развития стихийного и организованного молодежного экстремизма в дальнейшем.

С изменением типа общества и общественной структуры современные социализационные процессы приобрели вид, отличный от классического, когда большую роль в становлении человека играет вербальная коммуникация с агентами социализации всех уровней. Изменился характер общественных связей и коммуникаций в социальных пространствах. Изменились сами социальные пространства: появились сетевые структуры взаимодействия, «сотовые системы проживания», иные локационные формирования, создаваемые современным человеком для приспособления проживания в меняющемся глобальном социуме. Характер коммуникаций – сложный, порой, резко противоречивый. С одной стороны, расстояния не являются сегодня препятствием для общения между удаленными точками земного шара. С другой стороны, замена вербальной коммуникации на интернет-коммуникацию запускает, зачастую, негативные, с точки зрения социализации, процессы.

Самой уязвимой категорией населения в условиях усложнившейся коммуникации оказалась молодежь. В связи с этим, негативные последствия социализационных процессов кардинальным образом могут преобразовать всю систему социальных отношений в обществе, вызвав его трансформацию, отнюдь, не в сторону позитивного развития в гуманистическом направлении.

Молодежь как не стабильная социально-демографическая группа играет в обществе роль смены поколений, принимает непосредственное участие в преобразовании всех сфер жизнедеятельности социума. Характер и содержание деятельности молодежи в обществе как субъекта социального развития напрямую зависят от объективных особенностей социальной среды. Такой активный характер влияния молодежной формации на общество, в целом, должен стать предпосылкой для глубокого изучения современных социализационных процессов, в первую очередь, их технологизации, виртуализации.

В этом контексте можно высказать предположение о том, что новая революция современного молодого поколения – это революция информатизации и виртуализации сознания, наложенная на фреймовость мышления и кризисные процессы в образовательной сфере. Современный молодой человек абстрагируется от живого общения, способствующего адаптации его в социуме. Однозначно нельзя называть данный процесс тотальным, но определить его как массовый представляется возможным. Необходимость регулирования таких социализационных процессов можно было бы не выдвигать на первый план в списке проблем современного общества, если бы его поле не накладывалось на информационные поля, носящие для молодого поколения

деструктивный, аномический характер. Имеются в виду проявления неприятия молодежной группой определенных явлений, выражающихся в крайне негативной и даже агрессивной формах. Речь идет о проявлениях экстремистского и террористического характера.

В современных условиях общественного и экономического развития России одной из актуальных социально-политических проблем становится распространение молодежного экстремизма.

Литература:

1. Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 29 нояб. 2014 № 2403-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 50. Ст. 7185.
2. Чупров В.И. Развитие молодежи: концептуализация понятия / В.И. Чупров // Молодежь России: социальное развитие. М. : Наука, 1992. С. 9–11.
3. Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. М., 2009. С. 38.
4. Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. М., 2009. С. 73.
5. Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. 2008. С. 43.
6. Коц А. Спецкор «Комсомолки» Александр Коц встретился с боевиком, находящимся в международном розыске по делу о теракте в «Домодедово». URL : <http://www.kp.ru/daily/26054.5/2965721/>
7. Седых Н.С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством Интернета / Н.С. Седых // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 137–147.
8. Седых Н.С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством Интернета / Н.С. Седых // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 143.
9. Боргоякова Т.В. О проявлениях экстремизма и радикализма в российской молодежной среде / Т.В. Боргоякова // Аналитический вестник. 2007. № 4 (321). С. 43–56.
10. Седых Н.С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством Интернета / Н.С. Седых // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 144.

Проблема экстремистских проявлений в Российской Федерации сегодня стоит как нельзя остро. Подтверждением тому может служить доклад Президента РФ В.В. Путина на заседании совета безопасности России 20 ноября 2014 года.

Понимание термина «экстремизм» по мнению многих отечественных ученых, лежит в междисциплинарной области. Особенно характерно это для терминологического обозначения экстремизма в прикладном аспекте.

Literature:

1. The foundations of the state youth policy of the Russian Federation for the period until 2025: utv. Decree of the Government of the Russian Federation dated November 29, 2014 № 2403-r // Assembly of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 50. Art. 7185.
2. Chuprov V.I. Youth Development: Conceptualization of the Concept / V.I. Chuprov // Youth of Russia: Social Development. M. : Nauka, 1992. P. 9–11.
3. Chuprov V.I. Youth extremism: the nature, manifestations, trends / V.I. Chuprov, Yu.A. Zubok. M., 2009. P. 38.
4. Chuprov V.I. Youth extremism: the nature, manifestations, trends / V.I. Chuprov, Yu.A. Zubok. M., 2009. P. 73.
5. Zubok Yu.A. Youth extremism: the essence and features of its manifestation / Yu.A. Zubok V.I. Chuprov // Sociological research. 2008. P. 43.
6. Kots A. Komsomolki special correspondent Alexander Kots met with a militant on the international wanted list in the case of the terrorist attack in Domodedovo. URL : <http://www.kp.ru/daily/26054.5/2965721/>
7. Sedykh N.S. Socio-psychological features of propaganda of extremism and terrorism through the Internet / N.S. Sedykh // Social psychology and society. 2013. № 2. P. 137–147.
8. Sedykh N.S. Socio-psychological features of propaganda of extremism and terrorism through the Internet / N.S. Sedykh // Social psychology and society. 2013. № 2. P. 143.
9. Borgoyakova T.V. On manifestations of extremism and radicalism in the Russian youth environment / T.V. Borgoyakova // Analytical bulletin. 2007. № 4 (321). P. 43–56.
10. Sedykh N.S. Socio-psychological features of propaganda of extremism and terrorism through the Internet / N.S. Sedykh // Social Psychology and Society. 2013. № 2. P. 144.

Ельникова Галина Алексеевна

доктор социологических наук,
профессор,
Белгородский университет
кооперации, экономики и права
mmabakumova@mail.ru

Абакумов Роман Григорьевич

кандидат экономических наук,
доцент,
Белгородский государственный
технологический университет
имени В.Г. Шухова
mmabakumova@mail.ru

Абакумова Марина Михайловна

аспирантка
кафедры гуманитарных,
социальных и правовых дисциплин
mmabakumova@mail.ru

**ПРАКТИКИ СТУДЕНЧЕСКОГО
ВОЛОНТЕРСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ
БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация. В статье анализируются современные волонтерские практики студенческой молодежи и факторы их формирования. На основе проведенного исследования выявлено, что волонтерские практики определяются характером участия студентов в добровольческой деятельности; членством в волонтерских организациях; способом реализации волонтерской деятельности. Было установлено, что наиболее распространенной волонтерской практикой студентов является участие в волонтерских акциях, позволяющее оказывать помощь в решении общественно значимых проблем, развивать творческие способности и реализовывать личные конкретные цели.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерское движение, волонтерские организации, мотивация волонтерской деятельности, волонтерские практики, студенческая молодежь.

В современной реальности трудно найти социальное явление столь однозначно позитивно оцениваемое, как волонтерство. Под волонтерством, как правило, понимается сложный социокультурный феномен, суть которого заключается в благотворительной деятельности, осуществляемой безвозмездно, без расчета на какое-либо вознаграждение.

Волонтерство сегодня можно рассматривать как один из значимых социальных институтов,

Galina A. Elnikova

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Belgorod University
Cooperation, Economics and Law
mmabakumova@mail.ru

Roman G. Abakumov

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Belgorod State
University of Technology
named after V.G. Shukhov
mmabakumova@mail.ru

Marina M. Abakumova

Graduate Student
Departments of Humanitarian Affairs,
Social and Legal Disciplines
mmabakumova@mail.ru

**STUDENT VOLUNTEERING
PRACTICES (ON THE MATERIALS
OF THE BELGOROD REGION)**

Annotation. The article analyzes the modern volunteer practices of student youth and the factors of their formation. The following factors are considered as factors influencing the generation of volunteering practices: a positive attitude of students towards volunteering and degree of motivation to participate in it. Based on the analysis, it was revealed that volunteering practices are determined by the nature of students' participation in volunteer activities; membership in volunteer organizations; a way of implementing volunteer activities. It was found that the most common volunteer practice of students is participation in volunteer actions, which allows them to provide assistance in solving socially significant problems, develop creativity and realize personal specific goals.

Keywords: volunteering, volunteer movement, volunteer organizations, motivation for volunteering, volunteering practices, student youth.

который способствует гуманизации общества, преодолению элиминации отдельных категорий людей, становлению гражданского общества, закреплению позитивных традиционных ценностей, формированию чувства востребованности и самореализации у индивидов, занимающихся волонтерской деятельностью. Одновременно волонтерство – это и общественное движение, и многочисленные добровольные организации, в которых преобладает молодежь и, прежде всего, студенчество.

Целью статьи является анализ наиболее распространенных волонтерских практик студенческой молодежи Белгородской области. При этом под волонтерскими практиками нами понимаются типизированные смыслообладающие действия в рамках волонтерской деятельности, направленные на преобразование социальной реальности и возможное решение отдельных личных целей волонтера.

Достижение указанной цели обусловило постановку следующих задач:

- 1) выявить основные направления деятельности студенческого волонтерства;
- 2) определить отношение студентов к волонтерской деятельности и мотивацию их участия в ней;
- 3) установить типы волонтерских практик, распространенные в студенческой среде.

Эмпирической базой для написания статьи послужили результаты социологического исследования, проведенного авторами в декабре 2020 г. – январе 2021 г. среди студентов высшего (ВО) и среднего профессионального образования (СПО) вузов города Белгорода (анкетирование – N = 700, формализованное интервью – N = 35), данные Центра молодежных инициатив г. Белгорода, отчеты вузовских волонтерских организаций.

Возраст опрошенных составил 15–25 лет. В выборке были представлены студенты практически всех направлений и профилей обучения. В выборочную совокупность вошли молодые люди, которые за последний год, исходя из собственного желания, занимались добровольческим трудом и оказывали какую-либо безвозмездную помощь незнакомым людям. Для отбора респондентов задавался вопрос-фильтр, позволявший отобрать для анкетирования только тех людей, у которых был реальный опыт волонтерства. Методом анкетирования опрошены две возрастные группы:

1. Менее 18 лет (студенты СПО);
2. 18–25 лет (студенты ВО). Удельный вес молодежи в возрасте до 18 лет среди опрошенных волонтеров составил 42 %, число респондентов от 18 до 25 лет – 58 % от числа всех принявших участие в опросе.

Волонтерство является предметом активного изучения во всей матрице общественных и гуманитарных наук. В имеющихся исследованиях большое внимание уделяется, прежде всего, определению самого понятия «волонтерство» (М.В. Певная) [5], а также, представлены различные стороны и аспекты волонтерской деятельности (А.А. Кузьминчук, Е. А. Луговая.) [2; 3]; раскрыт ее добровольческий характер (Л.А. Кудринская) [4], определены ее мотивы (Л.И. Сикорской) [6]. Однако стремительное развитие волонтерства и его растущая роль в общественной жизни вызывают необходимость постоянно держать его в фокусе научного изучения, создавая более полную его панораму и отмечая все происходящие в нем трансформации.

Наиболее активное участие в волонтерском движении принимает возрастная когорта 14–22-летних, состоящая, главным образом, из обучающихся (среди них около 80 % студентов СПО и ВО), специфической чертой которой является стремление включиться в качестве полноправных членов в общество, самореализоваться и продемонстрировать свою субъектность [1; 4].

Студенческое волонтерство – часть общего волонтерского движения, представляющая собой выполняемую на основе собственной воле и без принуждения практическую добровольческую деятельность студентов, направленную на решение общественно значимых задач и оказывающую социализирующее влияние на субъект деятельности. Студенты принимают активное участие в волонтерском движении по всем его направлениям. Исследователи, основываясь на разных критериях, выделяют от 5 до 12 основных направлений волонтерства и среди них: патриотическое, социальное, событийное, экологическое, медицинское, волонтерство чрезвычайных ситуаций, культурное.

В рамках каждого направления создаются волонтерские общественные движения и организации, которые, как правило, представлены на трех уровнях: общероссийском, региональном и на уровне отдельных учреждений (в нашем случае, вузов).

В настоящее время на территории Белгородской области функционируют 56 волонтерских организаций, в которых представлены практически все направления волонтерской деятельности и, как показало проведенное исследование, в каждом из них высок удельный вес студенчества, колеблющийся от 50 % до 80 %.

Студенты г. Белгорода наиболее активно участвуют в таких направлениях волонтерской деятельности, как событийное (70 %), социальное (68 %), патриотическое (65 %), культурное (57 %), экологическое (40 %), волонтерство чрезвычайных ситуаций (46 %). В последние годы студенты практически стали инициаторами развития в г. Белгороде и Белгородской области таких направлений волонтерства, как арт-волонтерство, включая экскурсионное, и медиа-волонтерство.

Волонтерство имеет две основные сущности: оказание помощи нуждающимся (людям, животным, природе в целом) и добровольность участия в нем. Но оказание помощи на добровольных и безвозмездных началах должно быть соответствующим образом осмысленно и мотивировано.

В нашем исследовании мы, прежде всего, попытались выяснить отношение молодых людей к волонтерскому труду. Студенты в нем видели: возможность бороться с определенной проблемой (7 %), желание улучшить качество жизни других (5 %), способ реализации своих знаний (5 %), общественный статус (2 %), достойная цель жизни (1 %).

Подавляющее большинство респондентов (80 %) считает волонтерский труд проявлением

альтруизма, желанием бескорыстно делать добро. Это соответствует сути волонтерства как феномена и говорит об адекватном его восприятии студентами. Второй по популярности ответ, содержащий мнение об использовании волонтерства в качестве средства для решения какой-либо возникающей социальной проблемы, хоть и имеет незначительный удельный вес (7 %), но демонстрирует восприятие отдельными студентами волонтерства не как постоянной деятельности по оказанию безвозмездной помощи, а как разовой акции, что сказывается и на их волонтерских практиках.

Мотивация молодежи в волонтерстве, по мнению значительного большинства исследователей [1; 4], достаточно широка: от масштабного желания сделать мир добрее, выполняя свой гражданский долг, до стремления к успешной карьере, а также к расширению круга полезных знакомств, посещению престижных мероприятий и получению выгодных бонусов.

С целью выявления мотивов участия студенческой молодежи в добровольчестве в нашем исследовании респондентам был задан вопрос об их мотивах участия в волонтерской деятельности. Ответы показали, что доминирующими мотивами участия в волонтерской деятельности для студентов являются: «желание бескорыстно помогать людям» (42 %), «желание улучшить жизнь в своем городе, в стране» (38 %), «посещение престижных мероприятий» (32 %), «новые знакомства, интересные люди» (31 %).

В мотивации студентов-волонтеров проявляется дуалистичность, заключающаяся в сочетании «альтруистических» и «эгоистических» мотивов их участия в волонтерской деятельности. Однако противоречие между безвозмездным трудом как основе волонтерства и рядом «эгоистических» мотивов, характерных для значительного числа волонтеров, можно считать, своего рода, диалектическим противоречием, способствующим увеличению волонтерского корпуса.

Отношение к волонтерству, оценка его важности и актуальности, а также, позитивная мотивация участия в нем обуславливают волонтерские практики студенчества. Прежде всего, при рассмотрении волонтерских практики среди студентов-волонтеров следует выделить две группы: постоянно участвующих в волонтерском движении и принимающих в нем эпизодическое участие. Как показало проведенное исследование, среди респондентов (студентов-волонтеров) на постоянной основе работали волонтерами 37 %, были эпизодически задействованы 63 %.

Студенты, осуществляющие волонтерскую деятельность как постоянно, так и эпизодически, реализовывали ее преимущественно через волонтерские организации: региональные и/или вузовские (98 % респондентов). Индивидуальную волонтерскую деятельность осуществляли лишь 14 респондентов (2 %). Наиболее популярными среди студентов Белгородской области являются следующие волонтерские организации: «Волонтеры Победы» (57 %), «Лиза Алерт» (40 %), «Команда 31» (37,8 %), Волонтеры Добра (31 %),

«Волонтеры-медики» (24,4 %), «Святое Белогорье против детского рака» (23 %), «Скорая молодёжная помощь» (18 %), НИУ «БелГУ» «Горячие сердца» (24,4 %), #ВолонтерБГТУ (21 %).

Основными методами работы, используемыми в деятельности волонтерских организаций, являются волонтерский труд на регулярной основе и многочисленные волонтерские акции (табл. 1).

Регулярный добровольческий труд – волонтерская практика студентов, характерная для тех, кто работает в волонтерских организациях на постоянной основе. При этом они ее совмещают с участием в различных волонтерских акциях.

Признавая важность оказания ежедневной помощи нуждающимся, респонденты отмечали, что разнообразные волонтерские акции привлекают возможностью проявить свои творческие способности, почувствовать дух коллективизма, получить новые положительные эмоции, а иногда, исполнить конкретную мечту (например, побывать на чемпионате мира по футболу в 2018 году).

Проведенное исследование показало, что в Белгородской области студенты-волонтеры участвуют практически во всех акциях, проводимых по разным направлениям волонтерской деятельности. Особенно это наглядно было продемонстрировано при проведении акции «#МыВместе» в условиях пандемии COVID-19, основу волонтерского корпуса которой составили студенты.

Как уже отмечалось, привлекательным для студентов моментом участия в волонтерских акциях является возможность использования творческого подхода. В последние годы среди молодых волонтеров особой популярностью пользуются, проводимые в рамках волонтерских акций, флешмобы. В Белгородской области уже становится традицией устраивать в рамках волонтерских акций студенческие флешмобы. Так, в последние годы регулярно проводятся флешмобы «День Победы», «Стена памяти», а в апреле 2021 года в акции, организованной в поддержку медиков, спасающих людей в условиях пандемии COVID-19, студентами-волонтерами был проведен флешмоб, в ходе которого они выстроились в огромную цифру 103 – номер скорой помощи.

Таким образом, можно говорить о существовании множества различных волонтерских практик среди студенчества, формирование которых происходит под влиянием признания исключительной важности волонтерской деятельности и на основе личной позитивной мотивации участия в ней. Волонтерские практики определяются:

- характером участия студентов в добровольческой деятельности (постоянные или эпизодические);
- членством в волонтерских организациях;
- способом реализации волонтерской деятельности (регулярный волонтерский труд или участие в волонтерских акциях).

**Основные методы волонтерской работы,
используемые волонтерскими организациями Белгородской области (2017–2021 гг.)**

Направление волонтерской деятельности	Регулярный волонтерский труд	Акции
Патриотическое («Волонтеры Победы»)	Социально-бытовая и адресная помощь ветеранам войны, категории граждан «Дети войны», труженикам тыла; благоустройство аллеи славы и мест воинских захоронений («Дорога к обелиску»)	«Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка», «Солдатская каша»; «Письмо Победы», «Сирень Победы»
Социальное	Оказание помощи инвалидам, воспитанникам детских домов, нуждающимся в постоянном уходе и т.д.	«#МыВместе», «Дети вместо цветов», «Стань Дедом Морозом»
Событийное	Участие в проведении различных событий: культурно-массовых, спортивных, официальных и других	Работа на чемпионате мира по футболу 2018 года и других культурно-массовых и спортивных мероприятиях
Экологическое	Уборка парков; утилизация макулатуры, пластика; проведение субботников; благоустройство улиц; помощь бездомным животным и др.	«Пойдем домой», «Зеленый маршрут»
Медицинское	Дополнительная помощь в осуществлении медицинской деятельности и уходе	День Донора, «Ведро радости» (сбор игрушек для онкобольных детей), профилактическая акция «Добро в Село», Поезда здоровья
Культурное	Участие в организации мероприятий в учреждениях культуры, проведение экскурсий, мастер-классов, встречу гостей, а также исследовательскую деятельность (помощь в учете и инвентаризации музейных предметов, подготовка выставок и подбор материалов, описание новых поступлений, расшифровка и перевод текстов), проведение экскурсий и т.п.	«Ночь музеев», «Музеи для всех», «Культурный квест», «#Бегущая книга»

Наиболее распространенной волонтерской практикой студентов является их участие в волонтерских акциях, позволяющее оказывать помощь в

решении общественно значимых проблем, развивать творческие способности и реализовывать личные конкретные цели.

Литература:

1. *Ельникова Г.А.* Проявление субъектности студенческой молодежи в общественной и частной жизни / Г.А. Ельникова // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 4(45). С. 11–14.
2. *Кузьминчук А.А.* Институциональное регулирование волонтеров как социальной общности : дис. ... канд. социол. наук. 2016. 222 с.
3. *Луговая Е.А.* Феномен добровольчества в социокультурном пространстве России : автореф. дис. ... канд. культурологии. 2012. 20 с.
4. *Нежина Т.Г.* Мотивация участия молодежи в волонтерском движении / Т.Г. Нежина // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 49.
5. *Певная М.В.* Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики 2016. 434 с.
6. *Сикорская Л.Е.* Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы / Л.Е. Сикорская // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 55.

Literature:

1. *Melnikova G.A.* Manifestation of subjectivity of student youth in public and private life / G.A. Melnikova // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. 2020. № 4(45). P. 11–14.
2. *Kuzminchuk A.A.* Institutional regulation of volunteers as a social community : dis. ... cand. social sciences. 2016. 222 p.
3. *Lugovaya E.A.* The phenomenon of volunteerism in the socio-cultural space of Russia : autoref. dis. ... cand. Cultural studies. 2012. 20 p.
4. *Nezhina T.G.* Motivation of youth participation in the volunteer movement / T.G. Nezhina // Issues of state and municipal administration. 2014. № 3. P. 49.
5. *Pevnaya M.V.* Management of volunteerism : international experience and local practices, 2016. 434 p.
6. *Sikorskaya L.E.* Tolerance in the Representation of Young Russian and German Social Work Volunteers / L.E. Sikorskaya // Sociological Studies. 2007. № 9. P. 55.

Карепова Светлана Геннадьевна

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социально-политических
исследований Федерального
научного-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук
Svetlran@mail.ru

Svetlana G. Karepova

Candidate of Sociological Sciences,
Lead Researcher,
Institute of Social
and Political Affairs Federal Research
Scientific-research Sociological Center
Russian Academy of Sciences
Svetlran@mail.ru

**К ВОПРОСУ О НОВОЙ
«ПОСТКАРАНТИННОЙ»
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ПАНДЕМИИ COVID-19**

**ON NEW «POST-QUARANTINABLE»
SOCIAL REALITY: IN THE IMPACTS
OF THE COVID-19 PANDEMIC**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики новой социальной реальности в детерминационных рамках последствий пандемии COVID-19. Автором акцентируется внимание на многогранности и сложноорганизованности феномена «посткарантинной» реальности. Отмечается выраженная актуальность данного направления научных исследований для социума, и выделяются потенциально востребованные на перспективу для общества направления аналитики. Особое внимание уделено рассмотрению социально-психологических последствий COVID-19 для новой социальной реальности, а также, вопросам воздействия пандемии на сознание современного социума как конструирующей компоненты. Обозначенное направление научных исследований имеет на перспективу значительный научно-исследовательский потенциал.

Ключевые слова: новая социальная реальность, COVID-19, пандемия, угрозы, вызовы, индивидуальное и массовое сознание, социум, безопасность, укрепление, перспективы, технологии, средства массовой информации.

Введение. Новая «посткарантинная» социальная реальность и ее детерминанты. Пандемии COVID-19 справедливо называют ключевым «водоразделом» в динамике развития современной социальной реальности. Комфортный и знакомый для социума мир уступил место его новому информационно-технологическому, экономическому и социально-психологическому формату с иными незнакомыми инновационными для общества детерминантами и контурами. «... Мир,

¹ Термин введен Т. Парсонсом и подразумевает научно-аналитический анализ ключевых социальных,

Annotation. The article is devoted to considering the specifics of the new social reality in the determinational framework of the consequences of the pandemic. COVID-19 The author focuses on the multifaceted and complex organization of the phenomenon of "post-car-toon" reality. The expressed relevance of this area of scientific research for society is noted, and the areas of analytics potentially in demand for the future for society are highlighted. Particular attention was paid to the consideration of the socio-psychological consequences of COVID-19 for the new social reality, as well as the issues of the impact of the pandemic on the creation of modern society as a constructing component. The indicated direction of scientific research has a significant research potential for the future.

Keywords: new social reality, COVID-19, pandemic, threats, challenges, individual and collective consciousness, society, security, consolidation, prospects, technology, Mass Media.

«...Опасна не столько агрессивность вируса, сколько неизвестность, помноженная на панику и страх, которые она порождает среди людей...» [1]

каким мы его знали, растворился в пандемии и в соответствии с этим изменения приводят к глубинным внешним и внутренним изменениям второго, третьего и четвертого порядка, кумулятивным эффектам и непредсказуемым результатам, и именно таким образом формируется новая нормальность, та, что мы оставили позади» [2].

Произошедшие, по своим качественным характеристикам, глубинные *социетальные*¹ изменения

экономических, политических, духовно-нравственных сфер жизнедеятельности современного общества.

сформировали новый формат «посткарантинной» реальности, как в России, так и в мировом глобальном пространстве. Речь идет о пока еще плохо изученном феномене с иными траекториям развития в настоящем и будущем, где макросоциетальные и микросоциетальные изменения в социуме, порожденные пандемией таят в себе значительный «взрывной» потенциал для будущего. С долей большой вероятности «...мы никогда не вернемся к сломанному состоянию нормальности, которое доминировало до кризиса пандемии» [2].

Безопасное вхождение социума в новую посткарантинную реальность и выбор адекватных жизнеспасающих стратегий невозможно без учета социетальных и важнейших, с нашей точки зрения, *детерминант* [3] или менталитета (национального характера, психологии и т.д.) россиян или исторически сформированного способа мышления, на основе которого осуществляется мировосприятие людьми окружающей реальности и ее создание. Именно эти социально-психологические особенности ответственны как за формирование общей ситуации в социуме на всех его уровнях, так и за специфику взаимодействия людей в обществе и с окружающей социально-природной средой.

В этой связи, особое звучание, с нашей точки зрения, приобретают:

– *менталитет россиян, исторически сформированный в рамках череды мировых войн, пройденных страной, нацелен на жизнь внутри сильного государства, обеспечивающего полную безопасность жизнедеятельности.* Даже при наличии детерминированных COVID-19 проблем в современном социуме – рост цен, коррупция [3], социальное неравенство-доминирующей темой всегда останется защищенность. «... Мы привыкли жить внутри сильного имперского государства, обеспечивающего безопасность и его проблемы для россиян, всегда личные проблемы, даже если граждане по роду своей профессиональной деятельности не относятся к сфере государственных органов и государственной власти» [4, с. 32];

– *ориентация на абсолютную стабильность и устойчивое социально-экономическое развитие¹ социума.* В России стабильность важнее, чем перемены и это также основополагающая часть ментальности народа. Тяготение к отсутствию революционных рывков следует учитывать и при нивелировании последствий пандемии COVID-19, а также, сложившегося потенциала развития кризисных явлений в ключевых институтах общества (семьи, морали, нравственности и т.д.). Речь идет только о поступательной и последовательной динамике социетальных реформаций;

– *«возвращение» россиян в привычный культурно-исторический формат коллективизма.* Разумно следовать ментально устоявшейся

соборности и комфортному для российской душевной организации единению, как в духовной, так и в мирской общности. Целесообразно культивировать объединение социума при активном нивелировании разрушительных социально-психологических последствий карантина, вынужденного дистанцирования, «...информационных атак СМИ на массовое/индивидуальное сознание социума/человека» [5, с. 25], связанных с COVID-19;

– *примат духовных ценностей над материальными* и важность всемерной поддержки, свойственного россиянам духа братства и взаимопомощи, что имело место в рамках гуманитарных акций помощи России странам Европы и Азии по борьбе с пандемией COVID-19 и др.

Обозначенные *тенденции «посткарантинной» реальности и ее детерминанты – социально-психологические особенности россиян* показывают следующее базовое противоречие, требующее в перспективе разрешения от социума и состоящее:

– во-первых, из приоритетных задач «...сохранения стабильности и национальной безопасности» [6, с. 38] на фоне сложившейся исторической памяти народа;

– во-вторых, из необходимости «...формирования нового безопасного образа будущего» [6, с. 38], которого в настоящее время нет и который необходимо на фоне созданного COVID-19 обстоятельствами хаоса выстроить. Не стоит забывать, что любой хаос, включая сложноорганизованный и плохо изученный феномен «посткарантинной реальности», как правило, имеет четкую причинно-следственную мозаику и те скрытые закономерности, выявить и предотвратить которые следует. Речь идет о системном уровне и единых звеньях взаимосвязанных процессов в социуме, без их одномерной событийной фиксации, что позволит понять направления изменений структуры будущего, цели и задачи многих социетальных процессов, а также определиться «зачем? и куда?» они ведут общество. Только тогда можно будет сложить «мозаику» происходящего и так называемый хаос исчезнет.

Актуальность научного изучения феномена «посткарантинной» реальности. Обозначенные в рамках данной проблематизации задачи, стоящие перед государством и обществом, актуализируют научный контекст изучения феномена новой «посткарантинной реальности».

Важность данных научных исследований подтверждается тем, что именно COVID-19 стал неожиданным маркером и точкой бифуркации для «...глубинного изменения привычного уклада жизни социума» [5, с. 51]. Речь идет об изучении многоуровневых системных сдвигов, как в самой социальной реальности, так и в привычном укладе жизни, в устоявшихся картинах мира современного общества. COVID-19 протестировал не только институциональный уровень

¹ Обеспечение национальной безопасности и устойчивое развитие социума – два ключевых приоритета,

определенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

«иммунной системы» общества, но затронул и его психофизиологическую устойчивость и потенциал адаптации к качественно иным условиям жизнедеятельности. Пандемия повлекла за собой ряд серьезнейших проблем мировоззренческого характера, что подтверждается ее *активным воздействием* на установки, мотивации, диспозиции социума, являющиеся фундаментальной основой конструирования как самой «посткарантинной» социальной реальности (Под социальной реальностью будем дальше понимать «... не что иное, как объективизацию субъективной деятельности человека, который действует на основе укорененных в его сознании ценностных установок, мотиваций и диспозиций [7, с. 24], так и формирования желательного/нежелательного направления ее развития. Социальная реальность создается именно на основе глубоко субъективного миропонимания.

Возникает также особая востребованность научных исследований *в сфере функционирования в новых условиях ключевых социальных институтов*, а также, их приоритетность в государственном стимулировании и регулировании. Следует отметить, что в настоящее время приоритеты в развитии отданы социально-экономическому направлению в ущерб социокультурным, научным, образовательным аспектам.

Важность подобных исследований *подтверждается и на законодательном уровне*, что нашло свое закрепление в ключевом нормативном документе страны – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В данном документе актуализирована и закреплена защита таких подвергающихся воздействию извне сфер жизнедеятельности как культурные, духовно-нравственные ценности, психологическая стабильность и т.д. Речь идет о способности общества нормативно реагировать на возникающие события и потенциале решения их, что ставит фундаментальные задачи, как перед наукой, так и перед органами государственными власти по изучению, контролю, регулированию «посткарантинной» реальности. COVID-19 будет иметь пролонгированные последствия, что потребует введение в систему государственного управления значительной превентивной компоненты.

Выраженную актуальность получают и исследования, связанные с *широким перечнем новых вызовов и рисков*, непосредственно и опосредованно связанных с феноменом COVID-19. Пандемия позволила выявить уже имеющиеся в обществе и требующие решения острые вопросы – потенциальные точки бифуркации, а также, вывести их на системный уровень государственного звучания и необходимости последующего решения.

Востребованность и широта ареала научных исследований по данной проблематике, в силу бесконечной изменчивости феномена, будет только расти, что позволяет вести речь о его значительном исследовательском потенциале для государства и общества.

«Посткарантинная» социальная реальность: социально-гуманитарное направление бифуркационных процессов в обществе. С нашей

точки зрения, новая «посткарантинная» социальная реальность поставила человечество перед необходимостью оперативной социально-психологической адаптации к происходящим в обществе изменениям, что диктует целесообразность особого внимания к аспектам сознания социума, как неотъемлемой части и значимой компоненты менталитета россиян.

Ключевой уровень значимости приобрели именно процессы, происходящие на уровне массового/индивидуального сознания и связанные с рекоgnасировкой (осмыслением) ее, принятием/непринятием, формированием новой картины мира, выраженным потенциалом планирования и конструирования будущего, поиска иной «точки сборки» для трансформации ее устоявшихся форм и т.д.

Речь идет как об индивидуальном сознании человека, так и о массовом сознании общества, что взаимосвязаны и взаимообусловлены и под которым далее будет пониматься «... не простая совокупность индивидуальных сознаний, а целостное образование, обладающее внутренней структурой, которая включает в себя различные уровни (теоретическое, обыденное сознание, идеология, общественная психология) и формы сознания (политическое, правовое, этическое, эстетическое, научное, религиозное, философское). Оно обладает выраженными интегративными качествами, присущими ему как цельному социальному образованию» [8, с. 52]. Массовое сознание, как правило, обладает своими характеристиками и неспособно к выработке собственных критических оценок происходящих в социуме событий, что значительно снижает возможность рационального восприятия событий и способствует повышению уровня управляемости. Вот здесь и таится основной потенциал бифуркаций, требующий внимания и защиты.

Воздействие на сознание социума ведется на всех уровнях (глобальном/локальном) его функционирования.

Глобальный уровень бифуркационных процессов представлен:

– необходимостью конструирования «картин нового мира», контуры которого через «призму» пандемии и кризис ключевых институтов, человечество должно «очертить». COVID-19 как ключевое трансформирующее событие, обладая высоким потенциалом институциональных изменений, выступил основанием для сброса старого формата социальной реальности.

На уровне сознания социума осуществлен отказ от ряда устоявшихся «картин мира», ценностей предыдущей допандемийной эпохи (свобода передвижения, личное пространство, невмешательство в частную жизнь и т.д.) и положено начало формированию новых. Настоящее время отмечено прогрессирующим в обществе антагонизмом между рациональным началом и сформировавшимся в рамках пандемии COVID-19 иррационализмом, поднимающим «вечные» вопросы жизни и смерти, бытия и небытия. Речь идет о

глубинном осмыслении человечеством базовых ценностей, устоявшихся в социуме. Следует предположить, что на перспективу основные «завоевания» в обществе будут происходить именно в сфере его сознания:

— *важностью осознания особой роли государства как гаранта сохранения самоидентичности и основных свобод в посткарантинном мире.* Четвертая промышленная революция определила ряд тревожных для общества тенденций, грозящих ему системным реформированием. Речь идет о новой социальной роли банков и ТНК, которые, «...превращаясь в социальные платформы, ставят под глобальный контроль нематериальные активы социума. Когда капитал приобретает нематериальную форму, он перестает быть капиталом, трансформируясь во власть. Четвертая промышленная революция к промышленности не имеет никакого отношения — собственность становится функцией власти и растворяется в ней» [9]. Развитие глобальных цифровизационных процессов, пронизывающих все сферы жизнедеятельности общества, позволило крупным корпорациям (ТНК) и банкам существенно расширить свои функции и начать формировать ключевые потребности социума на основе собранной о нем обширной информации. Информация — это «новая нефть», или «кровеносная система» общества, на которой строится его многоуровневая система, начиная от технологических, финансовых параметров и заканчивая личными, репутационными аспектами. Именно в этой ситуации грядущих негативных перспектив государство должно взять реванш, делая акцент на социальную ответственность перед обществом, сохраняя его самоидентичность:

— *формированием нового типа легко управляемого «глобального человека»¹ как качественно новой единицы «посткарантинного» социума.* Фактически, исходя из вышесказанного, происходит отчуждение уже не вещественных форм собственности в обществе (право на средства производства и т.д.), а осуществляется выход на уровень «присвоения» ТНК и банками сознания социума. Человек теперь «присваивается» весь, в целом, через ментальный, духовный, физический, социальный и т.д. уровни, что сплетены друг с другом и активно информационно контролируются ими. Подобный введенный в норму еще в «допандемийный» период эксперимент уже осуществлен в Китае и в Северной Корее в виде создания так называемого «социального портрета» человека. Суть данного нововведения состоит в сборе информации о каждом человеке по всем сферам его жизнедеятельности и внесении результатов его соответствия установленным государством нормам в единый социальный реестр. По факту анализа обозначенного соответствия осуществляется руководство им в виде социальных предпочтений (финансовые поощрения, скидки в супермаркетах и т.д.) или порицаний (штрафов, ограничений и т.д.). Человек в данной

системе координат перестает быть свободным Творцом своей социальной реальности, становясь обезличенной единицей в системе глобального информационного учета. Очевидны тенденции его обнуления в некоем надличностном плане. Происходит создание общества внешнего и внутреннего контроля или общества социального глобализма, где доминирует полный цифровой, технологический, автоматический надзор.

Обозначенный выше опыт азиатских стран, выводимый на глобальный мировой формат, транслирует новые формы управления потребностями, поведением, мышлением, где контролируемые организации стали выступать своего рода «мировоззренческими инженерами» ключевых социальных процессов в обществе. Это спровоцировало не только отмену приватной сферы жизни и частного пространства, но, что важнее, породило отчуждение у человека воли и целеполагания. Информационно заданный извне отказ от участия в процессах целеполагания опасен для общества потерей управленческой воли, отрешением от системы социально ориентированного управления, стабильности и безопасности. В рамках обозначенных процессов разумно вести речь и о том, что пандемия COVID-19 оставит после себя на перспективу? С большой долей вероятности, это будет широкий спектр систем контроля и учета населения с перспективами последующего введения его в норму;

— *необходимостью введения регулятивных административных практик в информационную сферу воздействия на массовое/индивидуальное сознание во избежание манипулирования им.* Обозначенные кризисные по своему содержанию процессы в социуме, стимулируются и сопровождаются «...массированным информационным воздействием» [10, с. 488] СМИ через профильные технологии, оказывающие воздействие напрямую на сознание общества. Кризис проявляется в том, что хлынувший на общество поток информации о COVID-19 объем и разнороден. Сознание социума дезориентировано, что влечет за собой потерю критической оценки происходящего. Обширное и противоречивое информационное пространство, представленное обществу для ознакомления, не дает возможности объемного видения событий, переводя все в плоскостной сиюминутный контекст, что создает благодатную основу для дальнейшего воздействия на него и манипуляцию им.

Инструментально, в рамках новой экзистенциальной угрозы COVID-19, с помощью СМИ сформировано «пространство страха». Люди запуганы информационным террором, на фоне которого произошел легкий отказ от массы социальных завоеваний (личное пространство человека, право на тайну и т.д.) Данные тенденции при наличии научной аналитики могут служить индикативными контурами новой социальной реальности,

¹ Речь идет об аналогии с художественным образом, созданным советским философом и социологом А.А. Зиновьевым в своем социологическом романе

антиутопии «Глобальный человек», вышедший в 1997 году.

указывающими вероятные направления ее развития.

Локальный уровень включает в себя следующий потенциал трансформаций:

– «*рассоциализацию*» и *изменение правил и норм социального поведения человека в обществе, направленное на дистанцирование*. Подобное поведение, нацеленное на сохранение «безопасной» социальной дистанции, не архитипично для сознания русского человека с его исторически выработанными объединяющими общинными и коллективными установками. Речь в настоящее время идет о формировании нового типа поведенческих сценариев, где в перспективе будет превалировать другая, более индивидуальная и дистанцированная по форме модель. Изменение структуры поведения человека осуществляется через трансформацию функционирования социальных институтов (семья, образование, культура, здравоохранение и т.д.), когда уходят коллективные сценарии социальной жизни, уступая место их онлайн модификации, что на уровне автоматизации диктует дистанцию. В рамках дальнейшего развития цифровизации, подобное дистанцирование, психологическая отстраненность, нетерпимость, «здоровый эгоизм» и т.д. будут только усиливаться.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что современный «посткарантинный» мир – мир минимума социальных контактов. В этом мире люди сознательно будут сохранять как свое, так и чужое личное пространство. Метки для соблюдения дистанции, оставшиеся после пика пандемии, стали негласным сигналом дистанцирования в местах массового скопления людей. Это касается и сознательного строительства различных перегородок в общественных местах, транслирующих социуму через физическую дистанцию идеи социального несоприкосновения.

Происходит введение в норму такого поведенческого сценария, где люди заведомо в социальном пространстве будут искать места и возможности не соприкасаться с другими. Привычки, связанные с близким физическим контактом – дружескими объятиями, поцелуями и приветствиями, уходят в прошлое. Речь идет о COVID-19 не столько как о вирусном заболевании, но как о своеобразном социально-психологическом феномене, разделяющем мир на до и после пандемии и формирующем новые правила взаимодействия в социуме. В условиях отсутствия понимания времени окончания пандемии COVID-19 многие приобретенные людьми поведенческие схемы выйдут на постоянный нормативный уровень и будут иметь неясную пока социальную трансформацию.

Физическая дистанция положила начало для дистанцирования людей и на социально-психологическом уровне. Значительный и еще недавно футуристический по своим содержательным характеристикам обезличивающий потенциал заложен и в символе «посткарантинная» реальности – медицинской маске, ношение которой также не способствует социальному сближению и

объединению людей. «...Они приходят как тысячи масок без лиц» [11], порождая и так называемую «обезличенную» социальную реальность, наполненную похожими друг на друга людей. Подобная динамика в социуме копирует ключевой фактор цивилизационного развития, где именно человеческая индивидуальность во всех ее проявлениях является двигателем прогресса. Сюрреалистической заменой данной природой каждому человеку индивидуальности становится «суррогат» или авторский (дизайнерский) вариант масок. Креативные маски прочно вошли в обиход привычной жизни и стали деталью повседневного гардероба, а также – частью самовыражения и самопрезентации людей в социуме.

COVID-19 сбивы привычные для человека картины мира и алгоритмы социальных действий в обществе, что положило начало формирования иным и тоже «сбитым» в социально-психологическом плане картинам нормальности, границы которых значительно расширились до ранее табуированных социумом горизонтов;

– *самоизоляцию как новую «точку сборки» для формирования качественно иных сценариев поведения и стратегий будущего*. Пандемия была воспринята обществом как своеобразный социальный эксперимент, где участвовало все население страны, и длительное сознательное затворничество оказалось не только тяжелым испытанием, но и поводом задуматься о собственных целях, задачах и перспективах на будущее в различных сферах жизнедеятельности (семья, работа, образ жизни и т.д.) Многим людям, как кризисным менеджерам, уставшим от длительного нахождения наедине с самими собой и переосмысления собственной жизни, пришлось искать новую «внутреннюю точку сборки», качественно изменяя свои привычки, образ жизни, алгоритмы действий, жизненные установки, что нашло отражение в смене работы, места жительства и т.д. Следует отметить, что в отличие от спокойного и размеренного исторического сценария развития западной цивилизации, Россия и ее граждане привыкли к различного рода встряскам и кризисам и научились вырабатывать иммунитет к ним, изменяя как себя самих, так и окружающую их социальную реальность;

– *наличие негативных последствий пандемии на уровне нарушения психического и физического здоровья людей*. Высокий уровень тревожности, спровоцированный изменением устоявшегося образа жизни, длительной социальной изоляцией, отсутствием общения оказал сильнейшее воздействие на психическое и физическое здоровье социума и может привести к таким долгосрочным психофизиологическим последствиям как:

– повышение уровня расстройств, тревожного спектра, спровоцированные COVID-19, создаёт риск развития психических заболеваний и состояний в обществе. Страхи, связанные с пока плохо изученной болезнью, смертностью, неуверенностью в будущем, порождают невротические или неврозоподобные расстройства. Следствием данных расстройств являются глубокие и

затяжные депрессивные состояния широкого спектра, значительно повышается риск суицидального поведения в обществе.

Любые травматические события сопровождаются изменениями психического состояния, а состояние людей, перенесших вирус, соприкоснувшихся с ним через болезнь близких людей и др., соответствует параметрам посттравматического стрессового расстройства (синдрома);

– затяжной стресс от COVID-19 и страха заразиться им как серьезный провоцирующий фактор может усугубить уже имеющиеся у людей психические и физические заболевания, перевести их в степень дискриминации и стигматизации и спровоцировать устойчивый уровень тревожности в социуме;

– психические изменения могут носить затяжной или временный характер и негативно влиять на все сферы взаимодействия человека с социумом (семья, работа, друзья и т.д.). В случае закрепления негативных сценариев требуется медицинская и социальная помощь;

– COVID-19 или своего рода психическая по силе воздействия на сознание социума эпидемия не только предрасполагает к различного рода навязчивым идеям, приводящим к компульсивным действиям, протестным настроениям, но и обладает значительным потенциалом управляемости, о чем было сказано выше. Стрессированная психика податливо реагирует на любого рода импульсы извне. Как правило, подобное воздействие имеет «...скрытый манипулятивный контекст, заключающийся в подмене устоявшихся духовно-нравственных ценностей и внедрении в сознание людей негативных ценностей, нацеленных на разобщение, конфронтацию» [8, с. 54];

– подвергнутая информационному воздействию психика крайне лабильна, что дает основание для очередного витка в обществе негативных идей, содержательно не связанных с пандемией;

– формирование новых социокультурных и этических стандартов поведения в социуме как негативных/положительных экстерналий воздействия на психику людей. Речь идет о сложившихся новых поведенческих тенденциях, связанных с повышенным нервическим уровнем заботы о собственном здоровье, граничащем с фобией.

COVID-19 придавал зарождавшимся до пандемии тенденциям здорового образа жизни новые характеристики, где, с одной стороны, заботу о своем здоровье человечество стало обостренно воспринимать как высшую ценность и единственный способ сохранить социальную ответственность перед социумом. На данном фоне россияне стали больше читать медицинскую литературу и серьезнее относиться к информационному контенту, связанному с вопросами психического и физического здоровья. С другой стороны, данное осознание стало проявляться в заботе о своем здоровье как заботе о здоровье других людей. Каждому человеку, ежедневно соблюдая пандемический режим, пришлось осознать себя частью

большого «социального организма», за здоровье которого он несет персональную ответственность. Люди стали менее терпимо относиться к тем, кто открыто пренебрегает мерами, предупреждающими распространение инфекции (хождение без маски, кашель и чихание в общественных местах и т.д.). Происходит избегание любого контакта с теми, у кого есть выраженные признаки респираторного заболевания.

Подобная взаимообусловленность породила *новые типы социально-психологических зависимостей в обществе*, проявляющихся в виде избыточной медикализации (регулярных и навязчивых измерений температуры в общественных местах, отказ от обслуживания без масок и перчаток в магазинах, обязательного тестирования на предприятиях и при выездах за рубеж, более частой диспансеризации работников и т.д.). Медицинский контроль здоровья людей, очевидно, становится новой формой социального контроля и регулирования жизнедеятельности социума.

Поведенческой антитезой тенденциям здорового образа жизни, социальному и медицинскому контролю может служить выраженный протестный потенциал антиковидных настроений части граждан, сознательно попирающих установленные меры безопасности (соблюдение социальной дистанции, ношение масок и перчаток, мытье рук и т.д.). Подобное отношение к собственному здоровью и здоровью социума также свидетельствует о выраженных тенденциях индивидуализма и эгоизма в обществе.

Противоречивость процессов «посткарантинной» социальной реальности оставляет открытыми многие вопросы, охватить которые не представляется возможным. Важнейшую роль, с нашей точки зрения, в динамике их развития и разрешении будут играть научные и временные факторы, направленные на помощь социуму в преодолении инерции во всех сферах его функционирования, а также в принятии новых правил организации жизнедеятельности и конструировании желательного будущего.

Заключение. Таким образом, можно отметить, что пандемия COVID-19 стала тем ключевым рубежом современной социальной реальности, что радикально и качественно изменил ее и «...сыграл роль великого «пробуждения риска» [2]. На фоне высокой степени турбулентности и неизученности новой реальности происходит формирование ключевых направлений развития будущего социума. Разумно озаботиться тем, как будет изменяться структура будущего. Для этого необходима глубокая рекогносцировка новых контуров «посткарантинной» реальности, где:

– присутствует намеренный уход от преваляирования устоявшихся картин мира, сформированных в условиях допандемических событий;

– целесообразен переход на научный анализ последствий пандемии, имеющий мировоззренческий характер, что окажет решающее воздействие на дальнейшее цивилизационное развитие;

– необходимо исследование особенностей функционирования ключевых социальных институтов;

– актуально создание государственной структуры (Институт кризисного реагирования) и системы раннего распознавания проблем во всех сферах жизнедеятельности социума с включением междисциплинарных научных методов реагирования на государственном уровне.

Противоречивый характер развития феномена требует на перспективу наличие углубленного

Литература:

1. *Тилье Франк*. Пандемия. М. : Азбука-Аттикус, 2016. URL : https://royallib.com/read/tile_frank/pandemiya.html#0

2. *Клаус Шваб*. COVID-19: Великая перезагрузка / Клаус Шваб, Тьерри Маллере; Пер. с англ. М. : Эксмо, 2020.

3. Коррупция: социально-психологическое измерение. М. : ИСПИ РАН, 2015. 230 с.

4. *Карелова С.Г.* Исторический и современный контекст становления концепта национальной безопасности страны как отражение динамики социальной реальности России: актуальное направление развития / С.Г. Карелова, А.Н. Пинчук, С.В. Некрасов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 3. С. 32.

5. Национальная безопасность России в информационную эпоху. Россия в системе глобальных изменений современной цивилизации. 2015–2016 годы. М. : ФГБУН ИСПИ РАН, 2017. 306 с.

6. *Карелова С.Г.* Национальная безопасность: тенденции, перспективы, научно-практическая основа для укрепления – система показателей и индикаторов / С.Г. Карелова, А.Н. Пинчук, С.В. Некрасов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 9. С. 38.

7. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносоциальном пространстве : колл. монография. М.; СПб. : Нестор-История, 2020. С. 24.

8. *Карелова С.Г.* К вопросу о национальной безопасности страны: информационное воздействие СМИ на современное общество / С.Г. Карелова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 51–57.

9. *Фурсов А.* О чем проговорился Клаус Шваб. URL : www.коронавирус.ru-an.info

10. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году : колл. монография /

научного знания о нем, включающего не только социетальные, но и социально-психологические аспекты. Речь идет о выходе за рамки классического анализа и теоретизирования в поле научного поиска, отвечающего динамике развития «посткарантинной» реальности.

Исследовательский потенциал и научный интерес к данному научному направлению бесконечен, как сама изменяющаяся «постковидная» реальность, являющаяся естественным базисом для выработки профильного эвристического знания о феномене.

Literature:

1. *Thilliez Franck*. Pandemia. M. : Azbuka-Attikus, 2016. URL : https://royallib.com/read/tile_frank/pandemiya.html#0

2. *Klaus Schwab*. COVID-19: The Great Reset / Klaus Schwab, Thierry Malleret; Translated from English. M. : Eksmo, 2020.

3. Corruption: socio-psychological measurement. M. : Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, 2015. 230 p.

4. *Karepova S.G.* The historical and current context of becoming the concept of the country's national security as a reflection of changes in the Russian social reality: current trends in development / S.G. Karepova, A.N. Pinchuk, S.V. Nekrasov // Humanities, social-economic and social sciences. 2019. № 3. P. 32.

5. National security of Russia in the age of information. Russia in the system of global changes of the modern civilization. 2015–2016. M. : Federal Budgetary Institution of Science, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, 2017. 306 p.

6. *Karepova S.G.* National security: tendencies, prospects, scientific and practical basis for the enhancement – indicator system / S.G. Karepova, A.N. Pinchuk, S.V. Nekrasov // Humanities, social-economic and social sciences. 2018. № 9. P. 38.

7. New social reality: system-creating factors, security and development prospects (A multi-authored monograph). M.; SPb. : Nestor-Historia, 2020. P. 24.

8. *Karepova S.G.* On the national security of the country: the influence of Mass Media on modern society / S.G. Karepova // Humanities, social-economic and social sciences. 2020. № 4. P. 51–57.

9. *Fursov A.* Klaus Schwab has come up. URL : www.коронавирус.ru-an.info

10. The Russian society and state in the pandemia: socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020 : collective monograph / G.V. Osipov [et al.]; Ed. by G.V. Osipov,

Г.В. Осипов [и др.]; Под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; Отв. ред. В.К. Левашов. М. : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2020. С. 488.

11. *Чапек Карел*. Война с саламандрами. URL : http://lib.ru/SOCFANT/CHAPEK/war_sal.txt

S.V. Ryazantsev, V.K. Levashov, T.K. Rostovskaya; V.K. Levashov (editor-in-chief). M. : ITD «PERSPECTIVA», 2020. P. 488.

11. *Čapek Karel*. War with the Newts. URL : http://lib.ru/SOCFANT/CHAPEK/war_sal.txt

Ле Нгок Куанг (Тхеро Тхить Тхан Кюи)

глава вьетнамской уездной буддийской администрации Зялам, аспирант кафедры религиоведения, университет гуманитарных и социальных наук, Национальный Университет Вьетнама
thegioinamkha@gmail.com

Le Ngoc Quang (Thero Thich Thanh Quy)

Head of Vietnamese Buddhist Administration of Gia Lam District, Postgraduate Student of the Department of Religious Studies, University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University
thegioinamkha@gmail.com

**Роль и структура
уездной буддийской
администрации Зялам
в развитии буддизма
во Вьетнаме**

**THE ROLE AND STRUCTURE
VIETNAMESE BUDDHIST
ADMINISTRATION OF GIA LAM DISTRICT
IN THE DEVELOPMENT OF BUDDHISM
IN VIETNAM**

Аннотация. Цели исследования: обзорно описать функции и структуру территориальной религиозной административной единицы во Вьетнаме. Объект исследования: Вьетнамская буддийская администрация уезда Зялам. Методы исследования: междисциплинарные исследования религии, а именно метод религиозной потребности, метод функциональной структуры, организационно-правовой метод и некоторые методы других смежных дисциплин: метод единства логического и исторического, метод сравнения, метод анализа и синтеза, метод обобщения, методы социальной антропологии: интервью, наблюдения. Результаты исследования: описан состав организации, общее количество бхикшу/бхикшун на данной территории, функции и распределение обязанностей в структуре данной организации. Заключение: при подробном анализе обзорной работы уездной буддийской администрации, её значение в развитии территориального буддизма, Вьетнам как социалистическая страна открыта для всех религий. Благодаря организованной структуре территориальной религиозной администрации осуществляется контроль и быстрота регулирования острых религиозных вопросов, по средствам местных и центральных властей Вьетнама, касающихся не только буддизма, но и других религий, что даёт возможность мирного сосуществования других мировых религий на территории Вьетнама, а также и параллельного развития социализма с религией.

Ключевые слова: Вьетнамская буддийская администрация, район Гиа Лам, Буддизм.

Annotation. The study objectives: to provide an overview of the functions and structure of the territorial religious administrative unit in Vietnam. The research object: Vietnamese Buddhist Administration of Gia Lam District. The research methods: the interdisciplinary studies of religion, the method of religious need, the method of functional structure, the organizational and legal method and methods of other related disciplines: the method of the unity of the logical and legal historical, the method of comparison, the method of analysis and synthesis, the method of generalization, the methods of social anthropology: interviewing and observation. The research results: the composition of the organization, the total number of bhikkhus/bhikkhunis in a given territory, the functions and distribution of responsibilities in the structure of this organization were described. The conclusion: taking into account the detailed analysis of the district Buddhist administration's survey work and its significance in the development of territorial Buddhism, Vietnam, as a socialist country, is open to all religions. Thanks to the organized structure of the territorial religious administration, the control and fast regulation of hot religious issues are carried out through the means of the local and central authorities of Vietnam, concerning not only Buddhism, but also other religions, which allows peaceful coexistence of other world religions on the territory of Vietnam, as well as the parallel development of socialism and religion.

Keywords: Vietnamese Buddhist Administration, Gia Lam District, Buddhism.

I. Введение.

Буддизм за 2000 лет стал национальной религией во Вьетнаме и оставил немалый след в культуре и веровании вьетнамского народа. Не только во Вьетнаме, но и в России буддизм имеет весомое значение, особенно в краях, таких как: Бурятия,

Калмыкии и Тувы, в которых буддизм также стал народной религией.

С течением истории только в 1975 году после освобождения от Американской интервенции Вьетнам стал единой страной, объединяя Север с Югом. В то время на территории Вьетнама

присутствовали различные буддийские организации и школы. С целью объединения буддийских организаций и школ, были проведены ряд решений от вьетнамских властей и кампания по объединению буддистов в общенациональную организацию. В 1981 году был проведён общий съезд Конгрегации буддистов Вьетнама и образования «Буддийской общины Вьетнама». Буддийская община Вьетнама действует под лозунгом «Дхарма – Национальность – Социализм».

Все организации религиозных общин во Вьетнаме соблюдают уставы Центральной Буддийской общины. На сегодняшний день в большинстве провинций, областей, городов, округов во Вьетнаме образованы территориальные буддийские администрации. Организация Центральной буддийской общины, также как и территориальные буддийские администрации, с каждым днём совершенствуются и вливаются в общественное развитие. Деятельность территориальной буддийской администрации играет ключевую роль и является ядром, плацдармом для общего развития Центральной вьетнамской буддийской общины, поэтому структурно территориальная администрация находится на административном уровне и имеет свою собственную печать для ведения непосредственно связанных дел, находящихся в её юрисдикции.

Буддизм уезда Зялам (Gia Lâm) расположен в городе Ханой, он внёс большой вклад в развитие буддизма Ханоя, в частности, и буддизма во Вьетнаме в целом. Чтобы достичь таких успехов невозможно не упомянуть роль уездной буддийской администрации Зялам.

II. Объект исследования, методы и цели исследования:

Методы исследования: междисциплинарные исследования религии, а именно метод религиозной потребности, метод функциональной структуры, организационный-правовой метод и некоторые методы других смежных дисциплин: метод единства логического и исторического, метод сравнения, метод анализа и синтеза, метод обобщения, методы социальной антропологии: интервью, наблюдения.

Объект исследования: Вьетнамская буддийская администрация уезда Зялам.

Масштабы исследования:

– По локализации: деятельность вьетнамской буддийской администрации уезда Зялам, город Ханой.

– По временному промежутку: с момента основания до наших дней.

– Цели исследования: обзорно описать функции и структуры территориальной религиозной административной единицы во Вьетнаме.

Метод обработки информации: материалы записывались и обрабатывались с помощью Microsoft Word 10 и Microsoft Excel 13.

III. Конфиденциальность информации:

Исследование проводится в соответствии с законами Вьетнама о религии и уставом Центральной Буддийской общины.

IV. Результаты исследования

Зялам – это уезд, входящий в состав города Ханой с 20 сельскими коммунами и 2 городами: Батчанг, Датон, Диньсюен, Донгзы, Кьеуки, Кимлан, Кимшон, Лети, Ниньхиеп, Фудонг, Футхи, Чунгмау, Вандык, Йенвьен, Йентхьюнг, город Чаукуи и г. Йенвьен.

История развития буддизма: начиная с эпохи правления императора Динь Тиен Хоанг (950 год).

История формирования буддийской администрации: В 1981 году зародилась Вьетнамская Буддийская община, с 2007 года вышел указ о формировании территориальной Буддийской администрации на уровнях уезда/района/города и подписание образования уездной буддийской администрации Зялам [3].

Общее количество пагод в уезде: На территории уезда Зялам располагаются 90 пагод.

Общее количество бхикшу (монахов) и бхикшуни (монахинь): на территории уезда Зялам: 37 бхикшу, 61 бхикшуни, 14 шраманеры (новичков-монахов), 2 учеников.

В структуру и организацию уездной буддийской администрации Зялам входят специализированные департаменты: департамент по делам Сангхи, департамент буддийского образования, справочно-информационный департамент буддийских-мирян, департамент по распространению веры, церемониальный департамент, департамент культуры, департамент экономики и финансов, департамент благотворительной и социальной помощи, департамент иностранных дел Буддизма, департамент информации и массовых коммуникаций, департамент по правовым вопросам, департамент по надзору и контролю [2].

Выбор кандидата для трудоустройства в уездную буддийскую администрацию должен соответствовать определенным критериям и условиям: возраст не старше 60 (в зависимости от условий это требование может смягчиться до 65), одно и то же лицо занимает не более двух постов в структуре буддийской администрации, не занимает один и тот же пост более трёх сроков, и персонал уездной буддийской администрации является либо бхикшу, бхикшуни, либо буддийским мирянином, обладающим хорошей отзывчивостью, региональным престижем, высокими моральными качествами и особыми заслугами перед буддийской Дхармой и родиной.

В период срока полномочий с 2016 по 2021 г., вьетнамская уездная буддийская администрация Зялам состоит из 18 членов, занимающих такие должности как: глава буддийской администрации, постоянный заместитель главы буддийской администрации, заместитель главы специальных учреждений и департаментов, главы департа-

ментов, генеральный секретарь, заместитель генерального секретаря, главный казначей, постоянные члены администрации, члены администрации.

Глава уездной буддийской администрации Зялам срок с 2016 по 2021 г. – «Тхера» Тхить Тхань Куи – пагода Дао Сюен, коммуна Да Тон, уезд Зялам [1].

Заместитель главы уездной буддийской администрации Зялам – «Бхаданта» Тхить Куанг Тхиен – пагода Кео, коммуна Ким Шон, уезд Зялам.

Второй заместитель главы уездной буддийской администрации Зялам – «Бхикшуни» Тхить Минь Ти – пагода Чунг Куан, коммуна Йен Тхыонг, уезд Зялам.

Генеральный секретарь: «Бхаданта» Тхить Тхань Ан – пагода Донг Зы Ха, коммуна Донг Зы, уезд Зялам.

Офис: пагода Дао Сюен, коммуна Да Тон, уезд Зялам.

Основной функцией Вьетнамской Уездной буддийской администрации является: «Уездная буддийская администрация – это административный орган, непосредственно руководящий всеми аспектами деятельности буддийской общины на данной территории» [5]. Уездная буддийская администрация Зялам имеет следующие функции, обязанности и полномочия:

- Организация исполнения политики, направлений и буддийских деятельностей под руководством Буддийской администрации города Ханоя на территории уезда Зялам.

- Установка годовой программы деятельности в соответствии с постановлением, планом деятельности на Конгрессе представителей и членов Уездной буддийской администрации Зялам.

- Организация запуска и надзора над выполнением программы буддийской деятельности в срок полномочий администрации, годовой программы буддийской деятельности, специальных программ и важных мероприятий на территории уезда Зялам.

- Контроль, направление, управление и администрирование буддийской деятельности персонала и членов уездной буддийской администрации Зялам. Трудно решаемые вопросы и проблемы следует направить в Ханойскую буддийскую администрацию для получения плана по решению проблемы.

- Утверждение состава кадров, регламента и устава для департамента по работе с пагодами, бодхимандами и учреждениями для обучения и обмена информации между бхикшу и бхикшуни.

- Выдвижение бхикшу и бхикшуни, буддистов – мирян как кандидатуру для участия в местных территориальных выборах и общественно-политических органах.

- Выдвижение кандидатов настоятелей для буддийских храмов, пагод, вихары, монастырей,

молитвенных буддийских залов и храмов, а также организация местных политических кандидатур для отбора на городском уровне буддийской администрации с получением согласия компетентных государственных центральных органов. Вопросы связанные с религиозными организациями и членами общин должны быть заранее согласованы.

А также ряд других обязанностей и полномочий в соответствии с регламентом деятельности Вьетнамской буддийской общиной на районном и уездном уровнях.

В обязанности высших чинов уездной буддийской администрации входит:

Глава уездной буддийской администрации:

- Глава буддийской администрации является правовым и юридическим представителем данной администрации, имеет прямую связь с национальным фронтом Вьетнама, местными органами власти. Отвечает за буддийскую деятельность на заведомую территорию перед Ханойской буддийской администрацией, также организует и стоит во главе структуры уездной буддийской администрации.

- Отвечает и руководит более маленькими административными единицами, официально входящими в состав данного уезда.

- Является ответственным лицом за происходящими религиозными событиями на данной территории, за делами в структуре администрации перед Вьетнамской Буддийской общиной и Ханойской буддийской администрацией.

- Глава уездной буддийской администрации имеет полное право принять или подписать решение об отставке должностного лица в структуре данной организации, за исключением лиц назначенных и утвержденных выше уполномоченными инстанциями власти и Буддийскими организациями.

- Ответственен за организацию важных событий и исполнение указов Ханойской буддийской администрацией.

Заместитель главы уездной буддийской администрации, заместитель главы постоянного совета уездной буддийской администрации:

- От имени главы занимаются повседневными делами, докладывают главе о положении дел и являются официальными спикерами данной организации. Подчиняются главе администрации и следуют по указу Главы администрации.

Генеральный секретарь:

- Контроль над специализированными департаментами уездной буддийской администрации.

- Обобщение дел, выдвижения курса развития буддизма в соответствии с данной территорией.

- Подготовка отчетов, документов для общего собрания уездной буддийской администрации,

извещение всех департаментов данной организации о датах собраний, надзор и подготовка подписей для глав департаментов.

Следующие позиции, такие как: заместитель генерального секретаря, главы департаментов, члены советов и комитетов на срок с 2017 по 2022 г. следуют по указу номер 175/QĐ-HĐTS, изданный 5 сентября 2018 года от постоянного исполнительного комитета Вьетнамской Буддийской Общины [4].

Литература:

1. Вьетнамская буддийская община уезда Gia Lâm, материалы для внутреннего пользования VIII съезда Вьетнамской буддийской общины уезда Gia Lâm на срок с 2016 по 2021 гг.
2. *Nguyễn Hồng Dương*. Взгляды Партии на религию и проблемы религии во Вьетнаме, издательство «Национальная политика». Вьетнам, 2012.
3. *Tâm Đạt*. Вьетнамская буддийская община – 36 лет развития и формирования, Журнал «Исследование буддизма». Вьетнам, 2017. № 11.
4. Вьетнамская буддийская община, Общий регламент деятельности буддийских общин на разных административных уровнях на срок с 2017 по 2022 г., оглашённый официально властям по решению 175/QĐ-HĐTS с 05 сентября 2018 года.
5. *Đỗ Quang Hưng*. Религия и современность, издательство «Национальный университет». Вьетнам, Ханой, 2016.
6. *Trần Thị Kim Oanh*. Социальная функция религии под углом философии, Журнал «Философия». 2013. № 1. С. 41–49.

Для повышения эффективности в управлении над уездом Зялам, уездная буддийская администрация поделила территорию на три административных подрайона: Бак Дуонг, Нам Дуонг и Центральная зона.

Уездная буддийская администрация Зялам также постоянно координирует свои действия с местными властями, кооперируя достижение максимальных результатов.

Literature:

1. The Vietnamese Buddhist Community of Gia Lâm County, materials for internal use of the VIII Congress of the Vietnamese Buddhist Community of Gia Lâm County for the period from 2016 to 2021.
2. *Nguyễn Hồng Dương*. The Party's views on religion and religious problems in Vietnam, National Policy Publishing House. Vietnam, 2012.
3. *Tâm Đạt*. The Vietnamese Buddhist Community – 36 years of development and formation, The Journal «Research of Buddhism». Vietnam, 2017. № 11.
4. The Vietnamese Buddhist Community, the General Regulations for the Activities of Buddhist Communities at Various Administrative Levels for the period from 2017 to 2022, officially announced to the authorities by decision 175/QĐ-HĐTS from September 05, 2018.
5. *Đỗ Quang Hưng*. Religion and Modernity, National University Publishing House. Vietnam, Hanoi, 2016.
6. *Trần thị Kim Oanh*. The social function of religion from the angle of philosophy, The Journal «Philosophy». 2013. № 1. P. 41–49.

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией
проблем повышения эффективности
государственного и муниципального
управления,
Южно-Российский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор,
popov-52@mail.ru

Кудряшов Константин Викторович

кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры истории
и теории государства и права,
АНО ВО «СКСИ», г. Ставрополь
kv-26@yandex.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РОССИИ: ОБСУЖДАЕМ
И ИНФОРМИРУЕМ**

■ ■ ■

Аннотация. Демографические вызовы представляют опасность всегда и для любого государства. В истории государства и права имеется немало примеров, когда они ввергали государство в хаос, вызывали устойчивый застой торговли, производства, рост безработицы, существенное снижение уровня жизни, вплоть до гибели самого государства. И в современной России демографические вызовы создают реальную угрозу национальной безопасности. Если вовремя на них не реагировать, если не предотвращать таящиеся в них вредные последствия, возможен любой сценарий дальнейшего развития нашего Отечества: от его упадка до гибели. Своими корнями демографические вызовы уходят в наше историческое прошлое, в различные многочисленные потрясения (далёкие или относительно недавние), которые пережила наша страна. Прежде всего, это экономические, социальные, военные и политические катаклизмы различных эпох. Современное положение России в демографической иерархии мира не просто снижается. В нашей стране прекращается рост населения, что порождает угрозу недонаселённости во многих её регионах. Отсюда и явное несоответствие численности населения и площади многих российских территорий. В представленной статье даётся информация об основном содержании и итогах Всероссийской научно-практической конференции с международным участием:

Alexander V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences,
Professor,
Head of the Laboratory
of Problems of Increasing the Efficiency
of State and Municipal Management
of the South Russian Institute
of Management – a branch of the RANEPa
under the President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Mikhail U. Popov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

Konstantin V. Kudryashov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of History and Theory of State and Law
of ANO VO «SKSI», Stavropol
kv-26@yandex.ru

**ACTUAL PROBLEMS
OF THE DEMOGRAPHIC
DEVELOPMENT OF RUSSIA:
DISCUSSING AND INFORMING**

■ ■ ■

Annotation. Demographic challenges always pose a threat to any state. In the history of the state and law there are many examples when they plunged the state into chaos, caused a steady stagnation of trade, production, an increase in unemployment, a significant decrease in the standard of living, up to the death of the state itself. And in modern Russia, demographic challenges pose a real threat to national security. If you do not react to them in time, if you do not prevent the harmful consequences lurking in them, any scenario for the further development of our Fatherland is possible: from its decline to death. Demographic challenges are rooted in our historical past, in various numerous shocks (distant or relatively recent) that our country has experienced. First of all, these are economic, social, military and political cataclysms of different eras. Russia's current position in the world's demographic hierarchy is not just declining. In our country, population growth stops, which creates a threat of underpopulation in many of its regions. Hence the obvious discrepancy between the population and the area of many Russian territories. The presented article provides information on the main content and results of the All-Russian scientific and practical conference with international participation: «Demographic development of Russia: problems and solutions», proposals prepared by its participants to overcome problems in the field of demographic development of the country.

«Демографическое развитие России: проблемы и пути решения», подготовленных её участниками предложений по преодолению проблем в сфере демографического развития страны.

Ключевые слова: государственная демографическая политика, демографические вызовы, демографические проблемы, демографические решения, депопуляция населения.

Keywords: state demographic policy, demographic challenges, demographic problems, demographic solutions, depopulation of the population.

26 апреля 2021 г. на базе Южно-Российского института управления – филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (далее, РАНХиГС) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием: «Демографическое развитие России: проблемы и пути решения», Она была проведена в режиме онлайн посредством организации дискуссионной площадки в Ростове-на-Дону на базе Городская Точка кипения «Ростов» (Ростов-на-Дону, ул. Седова, 6/3).

Её организаторами дискуссии выступили более 20 учреждений, организаций и органов публичной власти. Среди них: Южно-Российский институт управления филиала РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону), Общественная палата Ростовской области, Общественная организация «Российское общество политологов», Лаборатория проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления ЮРИУ – филиала РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону) и др. [1] Следует отметить, что проведению данного мероприятия предшествовала масштабная и кропотливая работа, проведенная его организаторами, по выяснению мнения большой группы представителей экспертного сообщества, представленной большинством субъектов Российской Федерации, о состоянии демографической ситуации в нашей стране и в ее регионах. Именно благодаря ей, участники конференции получили возможность для объективного обсуждения проблем, вынесенных в ее заголовки.

В рамках научно-практической конференции были рассмотрены многочисленные вопросы и проблемы в сфере демографического развития России. Конференцию открыл заместитель директора ЮРИУ РАНХиГС А.В. Баранов, который передал её участникам приветственный адрес директора Южно-Российского института управления В.В. Рудого. В нём, В.В. Рудой отметил: тот факт, что демография – наверное, одна из самых объёмных и важных областей академического знания». По мнению директора «сегодня проблемам демографии уделяется очень много внимания на самом высоком уровне» [2].

Подробнее о результатах проведённого исследования рассказал Заслуженный деятель науки РФ, профессор А.В. Понеделков, который отметил, что параметры демографического развития являются одной из фундаментальных характеристик любой страны или региона, т.к. они абсолютно необходимы для оценки, как их экономического потенциала, так и многих социально-полити-

ческих процессов, а колоссальные усилия власти и представителей гражданского общества по изменению неблагоприятных тенденций развития страны в большинстве значимых сфер, в том числе и демографии, направлению её на траекторию устойчивого развития и долговременной глобальной конкурентоспособности не могут не стимулировать интереса и со стороны представителей научного сообщества к изучению подобных практик [3, с. 5–15].

Л.Л. Рыбаковский и Н.И. Кожевникова выступили с докладом о стратегии демографического развития России, определили её основной вектор и обозначили его детерминанты. Они отметили ухудшающуюся демографическую ситуацию в России, вызванную постоянным ростом естественной убыли населения и предложили придать мерам по оздоровлению демографического развития страны целенаправленный характер, которые должны быть дополнены таким юридически оформленным документом как «Стратегия демографического развития России». По их мнению, «Стратегия демографического развития» может также явиться тем инструментом, который будет содействовать обеспечению восходящей демографической динамики в России [4, с. 4–7].

По мнению Ф.И. Шаркова, исследовавшего российский и зарубежный опыт социально-политических и политико-управленческих механизмов решения проблем рождаемости, ещё с 70-х годов прошлого века в центре внимания мировой демографической политики оказалась проблема резкого падения рождаемости в экономически развитых странах мира. По его мнению, в более чем 60-и странах современного мира, где проживает половина населения земли уже рождаемость не обеспечивает даже простого воспроизводства. Во Франции, теперь тратят 13 % своего ВВП на материальную поддержку семей. В Великобритании материальная поддержка семей привела к появлению поколения, которое живёт на детские пособия нигде не работая. В странах же с резким ростом рождаемости, наоборот, проводится политика по контролю за нею. Китай, Индия и другие азиатские страны запустили механизмы по снижению рождаемости: «одна семья-один ребёнок», стерилизация, дополнительное налогообложение и многое другое. В результате сейчас, Китай тщетно пытается поднять рождаемость, разрешено уже и трёх детей иметь, а дефицит невест, дисбаланс между молодыми и старшими поколениями создают реальные угрозы его национальной безопасности. На основе вышеизложенного Ф.И. Шарков делает вывод о том, что любое произвольное вмешательство государства, будь

то принуждение к контролю за рождаемостью или принуждение иметь определённое число детей в семье – контрпродуктивно и неизбежно ведёт к демографическим искажениям. Ф.И. Шарков также выразил опасения, что проводимая ООН последние годы идеология «устойчивого развития» ООН в части демографической политики не может быть безусловным ориентиром для России. Она навязана всему миру в качестве глобального дискурса. Однако её изначальной целью было сдерживание роста численности населения планеты, а в перспективе и его сокращение за счёт снижения рождаемости [5, с. 7–11].

Н.В. Оскина, рассматривая реализацию демографической политики в Алтайском крае, показала как в Алтайском крае проходят различные мероприятия по поддержке семьи, координации органов государственной власти края и местного самоуправления убеждена, что важно сохранить дальнейшее обучение и совершенствование работы всех органов публичной власти в сфере национального проекта «Демография» и иных мероприятий по демографической политике, а также мониторинг восприятия введённых мер непосредственно населением региона и экспертную оценку качества эффективности демографической политики [6, с. 21–26].

С.А. Гадарова полагает, что НТР радикально изменила наш образ жизни, в этом есть много позитива, но, к сожалению, есть и негативные аспекты: нарушение многочисленных функций человеческого организма (они стали неизбежны при ограничении двигательной активности современных людей – нарушение дыхания, пищеварения, кровообращения, опорно-двигательной и репродуктивной систем), сползание к гипокинезии, а также нервным и физическим перегрузкам, стрессам, как профессионального, так и бытового характера [7, с. 21–26].

Литература:

1. Демографическое развитие России: проблемы и пути решения // Сборник информационно-аналитических материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 26 апреля 2021. Ростов-н/Д., 2021. 319 с.
2. Ученые ЮРИУ: 70 % экспертов испытывают тревогу по отношению к актуальной демографической ситуации в России. URL : https://uriu.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=416903 (дата обращения 18.06.2021).
3. Рудой В.В. Демографическое развитие России: проблемы и пути решения: Информационно-аналитические материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 26 апреля 2021 г. / В.В. Рудой, С.А. Воронцов, А.В. Понеделков, В.П. Ляхов, М.А. Васильков, А.П. Яланский. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2021. С. 5–15.
4. Рыбаковский Л.Л. Стратегия демографического развития России, её основной вектор и его детерминанты / Л.Л. Рыбаковский, Н.И. Кожев-

М.Ю. Попов и Т.П. Черкасова, оценивая демографическую ситуацию в стране, в целом, и на юге России, в частности, квалифицировали её как неудовлетворительную и сделали выводы о том, что для её положительной динамики нам необходима реализация доктрины социального государства, включая материальную и социальную поддержку молодых семей, сохранение и пропаганду ценностей традиционной семьи, обеспечение не только государственной безопасности во всех её видах, но и постоянного государственного контроля за мероприятиями и деятельностью, вытекающих из государственных демографических программ [8, с. 40–45].

В завершение дано публикации ее авторы в результате проведенного ими анализа выступлений участников конференции отмечают, что колоссальные усилия власти и представителей гражданского общества по изменению неблагоприятных тенденций в развитии нашей страны в большинстве значимых сфер, в том числе и демографии, направлению ее на траектории устойчивого развития и долговременной глобальной конкурентоспособности не могут не стимулировать интереса и со стороны исследователей научного сообщества к изучению подобных практик. Мы разделяем мнение тех из них, кто полон решимости и гражданской ответственности за реализацию своего профессионального долга, направленного на активное участие в битве за будущее России [1, с. 8–9].

По результатам дискуссии Лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС планируется продолжить исследования по проблемам демографического развития России.

Literature:

1. Demographic development of Russia: problems and solutions/Collection of information and analytical materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. April 26, 2021. Rostov-on/D. 2021. 319 p.
2. Scientists of YURIU: 70 % of experts are concerned about the current demographic situation in Russia. URL : https://uriu.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=416903 (date of application 18.06.2021).
3. Rudoj V.V. Demographic development in Russia: problems and solutions: Information and analytical materials of all-Russian scientific-practical conference with international participation, April 26, 2021 / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkova, V.P. Lyakhov, M.A. Vaskov, A.P. Alansky. Rostov-on/D. : Publishing house of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 5–15.
4. Rybakovsky L.L. The strategy of demographic development of Russia, its main vector and its determinants / L.L. Rybakovsky, N.I. Kozhevnikova,

никова, В.В. Рудой, А.В. Понеделков, В.П. Ляхов, М.А. Васьков, А.П. Яланский. Демографическое развитие России: проблемы и пути решения: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 26 апреля 2021 г. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2021. С. 4–7.

5. *Шарков Ф.И.* Социально-политические и политико-управленческие механизмы решения проблем рождаемости: российский и зарубежный опыт / Ф.И. Шарков, В.В. Рудой, А.В. Понеделков, В.П. Ляхов, М.А. Васьков, А.П. Яланский. Демографическое развитие России: проблемы и пути решения: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 26 апреля 2021 г. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2021. С. 7–11.

6. *Оськина Н.В.* Реализация демографической политики в Алтайском крае / Н.В. Оськина, В.В. Рудой, А.В. Понеделков, В.П. Ляхов, М.А. Васьков, А.П. Яланский. Демографическое развитие России: проблемы и пути решения: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 26 апреля 2021 г. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2021. С. 21–26.

7. *Гадарова С.А.* О мерах, реализуемых в Ростовской области по достижению доли занимающихся физической культурой и спортом до 70 % к 2030 году / С.А. Гадарова, В.В. Рудой, А.В. Понеделков, В.П. Ляхов, М.А. Васьков, А.П. Яланский. Демографическое развитие России: проблемы и пути решения: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 26 апреля 2021 г. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2021. С. 21–26.

8. *Попов М.Ю.* Региональные аспекты, влияющие на демографическую ситуацию в Краснодарском крае / М.Ю. Попов, Т.П. Черкасова, В.В. Рудой, А.В. Понеделков, В.П. Ляхов, М.А. Васьков, А.П. Яланский. Демографическое развитие России: проблемы и пути решения: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 26 апреля 2021 г. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2021. С. 40–45.

V.V. Rudoy, A.V. Ponedelkov, V.P. Lyakhov, M.A. Vaskov, A.P. Yalansky. Demographic development of Russia: problems and solutions: A collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation on April 26, 2021. Rostov-on/D. : Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 4–7.

5. *Sharkov F.I.* Socio-political and political-managerial mechanisms for solving problems of fertility: Russian and foreign experience / F.I. Sharkov, V.V. Rudoy, A.V. Ponedelkov, V.P. Lyakhov, M.A. Vaskov, A.P. Yalansky. Demographic development of Russia: problems and solutions: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation on April 26, 2021. Rostov-on/D. : Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 7–11.

6. *Oskina N.V.* Implementation of demographic policy in the Altai Territory / N.V. Oskina, V.V. Rudoy, A.V. Ponedelkov, V.P. Lyakhov, M.A. Vaskov, A.P. Yalansky. Demographic development of Russia: problems and solutions: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation on April 26, 2021. Rostov-on/D. : Publishing house of the RANEPА, 2021. P. 21–26.

7. *Gadarova S.A.* On measures implemented in the Rostov region to achieve the share of those engaged in physical culture and sports up to 70 % by 2030 / S.A. Gadarova, V.V. Rudoy, A.V. Ponedelkov, V.P. Lyakhov, M.A. Vaskov, A.P. Yalansky. Demographic development of Russia: problems and solutions: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation on April 26, 2021. Rostov-on/D. : Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 21–26.

8. *Popov M.Yu.* Regional aspects affecting the demographic situation in the Krasnodar Territory / M.Yu. Popov, T.P. Cherkasova, V.V. Rudoy, A.V. Ponedelkov, V.P. Lyakhov, M.A. Vaskov, A.P. Yalansky. Demographic development of Russia: problems and solutions: A collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation on April 26, 2021. Rostov-on/D. : Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 40–45.

Тамбиянц Юлиан Григорьевич

доктор философских наук,
доцент,
профессор кафедры,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
8583605@gmail.com

Кушу Арсен Моссович

аспирант 4 года заочного обучения,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
kam-2011@bk.ru

Цыганкова Марина Михайловна

аспирантка 4 года заочного обучения,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
8583605@gmail.com

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ СМИ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД:
АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ**

■ ■ ■
Аннотация. Статья посвящена рассмотрению динамики российских средств массовой информации в советский период отечественной истории. Подчеркивается, что степень значимости СМИ была весьма неодинаковой в разные периоды существования СССР. Если в начальный период воздействие информационных структур было весьма успешным, что выразилось в достижении максимальной мобилизации социальных ресурсов и усилий субъектов, то в застойный период рассогласование между декларируемой идеологией и реальной ситуацией проявлялось все сильнее, что привело к резкому падению эффективности СМИ, ставших во многом дисфункциональными. Делается вывод о необходимости усиления гибкости информационных институтов в контексте ускоряющихся процессов социального бытия.

Ключевые слова: СМИ, советское общество, ленинско-сталинский период, эпоха «застоя», идеологический контроль, каналы информации, образ харизматичного вождя.

■ ■ ■
Усиливающиеся тенденции информационного общества заставляют переосмыслить функциональную сущность СМИ как социального института. Имеется точка зрения, согласно которой современные информационно-технологические возможности позволяют «переформатировать» социальное сознание [1, с. 23]. За

Yulian G. Tambiyants

Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Professor of the Department,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
8583605@gmail.com

Arsen M. Kushu

Postgraduate Student 4 years
of Correspondence Studies,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
kam-2011@bk.ru

Marina M. Tsygankova

Postgraduate Student of 4 years
of Correspondence Studies,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
8583605@gmail.com

**DOMESTIC MEDIA
IN THE SOVIET PERIOD:
AN ASPECT OF SOCIAL DYNAMICS**

■ ■ ■
Annotation. The article is devoted to the dynamics of the national media in the Soviet period. It is emphasized that the degree of importance of the media was very various in different periods of the existence of the USSR. If in the initial period the impact of information structures was very successful, which resulted in the maximum mobilization of social resources and actors' efforts, in the stagnation period, the discrepancy between the declared ideology and the real situation manifested itself more and more, which led to a sharp drop in the effectiveness of the media, which became largely dysfunctional. A conclusion is made on the need to strengthen the flexibility of information institutions.

Keywords: the media, Soviet society, the Lenin-Stalin period, the era of «stagnation», ideological control, channels of information, the image of a charismatic leader.

■ ■ ■
некоторой поспешностью подобной позиции все же скрывается рациональное зерно – роль СМИ действительно изменилась, охватывая все мировое информационное пространство. При этом подобные процессы присущи по большей части индустриально развитым странам глобальной системы.

В условиях кризиса классических идеологических систем СМИ становятся не только главными поставщиками информации, но и субъектом навязывания определенного отношения к ней. Другими словами, усиливается аксиологическая (ценностная) функция СМИ.

Разумеется, общие черты, присущие высокоразвитым и среднеразвитым странам, не отменяют национальных особенностей. В этом контексте особый интерес представляет собой Россия, не столь уж давно избавившаяся от советского наследия, которому был присущ идеологический диктат, в том числе и в отношении средств массовой информации. Лучшее понимание специфики российских СМИ дает обращение к прошлому опыту, а именно, к советскому периоду отечественной истории.

Здесь следует отметить, что в предреволюционную эпоху сформировались необходимые объективные и субъективные предпосылки для расширения институтов СМИ. Однако с приходом к власти коммунистов не могла существенным образом не измениться политическая конъюнктура. Усилилась центральная власть, ликвидировав зачатки идейного плюрализма последних предреволюционных лет, а советские СМИ, соответственно, оказались подвержены контролю и управлению центральных органов власти [6, с. 151]. Функционирование информационных институтов основывалось на принципе партийности и идеологической заданности под жестким надзором государства, использующим методы дозирования информации, цензуры и санкций.

Отечественной особенностью следует считать то обстоятельство, что деструктивность идеологического догматизма в полной мере проявилась лишь с 1960-х годов. В первые десятилетия существования СССР советская идеология сыграла видную роль в мобилизации общества на решение поставленных грандиозных задач. Применительно к советскому обществу можно отметить ряд касавшихся СМИ тенденций, ставших отражением, как универсализма модерна, так и национальных особенностей.

Во-первых, технологические прорывы в коммуникационной сфере значительно расширили возможности распространения информации. Распространившееся в первой половине двадцатого столетия радио явило собой фактически новый информационный источник, значительно превосходящий средства печати скоростью распространения информации. Тем самым, радио как средство аудиторной культуры заметно потеснило «галлактику Гуттенберга» с ее преимущественно визуальными ценностями [5, с. 99].

Помимо радио, возросла роль кинематографа, с появлением которого расширились возможности интуитивного познания мира. По мнению А.Якимовича, толпа глазела «на невиданное и немислимое» не подозревая, что с этого момента на ее сознание воздействует новый мощный информационный источник [8, с. 14]. Исследования психологов подтверждают, что зрительное восприятие значительно богаче звукового, наполняя зрителя

полноценным комплексом ощущений. Как пишет Н. Кириллова, кинематограф подключает зрителя к конкретному информационному полю, в силу чего эмоционально-психологическое состояние человека представляется в виде помещенной внутрь некоего кокона субстанции [5, с. 119].

В ленинский и сталинский периоды существования СССР главную информационную роль «разделяли» между собой печатная информация и радио. Одновременно неуклонно возрастало значение кинематографа, поначалу воздействующего только на находящуюся в кинозале публику. Все же, имеет смысл отметить мощную идеологическую составляющую фильмов тех лет – «Броненосец Потемкин», «В шесть часов вечера после войны», «Если завтра война» и др. Неслучайно, в 1960–1970-е гг., благодаря росту популярности, телевидение стало осуществлять переориентацию массовой аудитории на источники, сочетающие вербальное и визуальное воздействие, отодвигая радио на вторые роли.

Во-вторых, цели форсированной индустриализации предполагали мобилизацию общественных ресурсов. Отсюда возникала потребность мощной идеологии, апеллирующей к коллективному сознанию советских людей. Именно в подобной роли выступила коммунистическая доктрина, центральным элементом которой явилась фигура харизматического вождя, что вполне согласовывалось с национальными психологическими особенностями. Тем самым, системное воздействие информационных средств направлялось на концентрацию общественных усилий в заданном направлении, чему содействовало закрепление идеологических постулатов в массовом сознании.

В целом, цели пропаганды успешно выполнялись, во многом благодаря как систематическому воздействию технических средств (радио, кинематограф, наглядная агитация, печать), так и продуманной содержательной стороне идеологии, учитывающей ментальность и национальную мифологию. Помимо этого, обеспечивалось развитие интеллектуальных возможностей, а именно, поднятие образовательного уровня советских людей. О грандиозных результатах в этом направлении свидетельствует то обстоятельство, что в 1970-х годах для характеристики культурно-интеллектуального уровня СССР применялся эпитет «самая читающая страна в мире», для чего имелись объективные основания.

Ученые отмечают высокую степень доверия к информационным публикациям 1930–1950-х гг. [6, с. 152]. Однако в 1970–1980-е гг. положение меняется, чему, прежде всего, содействует эпоха стагнации, ознаменовавшая начало деградации советской системы. Впечатляющие результаты сталинского периода во внутренней (индустриализация), а также во внешней политике (победа во Второй мировой войне), фактически, сыграли с СССР злую шутку – его руководители не смогли осознать изменившуюся ситуацию и переориентировать соответствующим образом общественные задачи. Прав в этом отношении Б.Ю. Кагарлицкий, констатирующий, что Советский Союз, фактически, «оказывался жертвой собственного

успеха. Централизованная система и мобилизационная экономика, созданные в 1930-е годы в качестве советского ответа на вызов Великой депрессии, были эффективны во время индустриализации и войны. Теперь, когда страна уже стала индустриальной, а жизнь вошла в мирное русло, эти методы просто не работали. Политические реформы 1950-х и начала 1960-х годов оказались недостаточными. Они раскрепостили людей, создав условия для открытого или полуоткрытого обсуждения проблем, но не создали механизма для решения этих проблем на практике» [3, с. 464].

Правящая элита оказалась склонной к политическому консерватизму, особенно заметному в годы правления Л. Брежнева. Это отразилось на идеологии, эффективность которой уже была иной. Усовершенствование технологических возможностей (распространение телевидения), тем не менее, уже не давало сопоставимого пропагандистского эффекта, как это имело место в сталинский период, и тому имеются следующие причины.

С одной стороны, коммунистическая идеология приобретала догматический характер, в то время как онтологическая сторона социума все сильнее расходилась с идейными декларациями. В ходе индустриализации возросла доля горожан, более сельского населения подверженного потребительским тенденциям, которые входили в явное противоречие с основами советского мировоззрения [4, с. 34].

С другой стороны, популяризации потребительских культурных стимулов способствовала западная пропаганда, располагающая несколькими каналами, находящимися вне советских структур идеологического контроля. Украинский исследователь Г. Почепцов описывает три подобных канала:

1. Вещи западного производства, используемые в быту.
2. Картины повседневной жизни людей за рубежом, которые представлялись в кинофильмах. В результате подобных просмотров зрители составляли собственные представления о жизни и быте капиталистических стран, обычно существенно отличающиеся от официальной точки зрения.
3. Рассказы людей, посетивших зарубежные страны [7, с. 141–142].

С третьей стороны, идеологическая обработка населения основывалась на теряющих эффективность методах, что, зачастую, вело к принципиально противоположным результатам. Например, попытки сформировать образ харизматичного генсека Л. Брежнева более способствовали сатиризации последнего, на что указывает факт многочисленных анекдотов, где Л. Брежнев выступал основным героем.

Вышеизложенное позволяет предположить, что возможности информационных институтов не являются беспредельными в осуществлении целей формирования конкретных установок обществен-

ного сознания. Несомненно, методологически необходим учет как ментальных особенностей, формируемых национальной культурной традицией, так и ситуационных характеристик. Так, формирование харизматического образа И. Сталина осуществлялось при активном привлечении СМИ, которые обладали в тот период значительно более скромными возможностями, нежели в годы брежневского правления. Однако превращению Сталина в харизматичную фигуру поспособствовали как его личные качества, так и потребность в «вожде», определяющаяся политической и духовно-культурной ситуацией тех лет.

После свертывания хрущевской «оттепели» со второй половины 1960-х годов обозначилось усиление идеологического прессы в отношении культурных и информационных средств. Однако это привело, фактически, к противоположным результатам. Вместо консервации социального сознания произошел всплеск популярности различного рода контркультур, либо имеющих неофициальный (лагерная, тюремная культура) либо полуофициальный статус (бардовские течения, рок-н-рол). Параллельно набирало силу диссидентское движение. В то же время, работая на подавление различных групп инакомыслящих, власти гораздо сильнее содействовали их скрытой популяризации. При этом ряд печатных изданий (альманахи «Литературная Москва», «Тарусские страницы») превратились в источники некоторых, пусть и умеренных, но оппозиционных идей.

С началом нового курса М. Горбачева роль СМИ закономерно возрастает с середины 1980-х гг. Масштабы, декларируемые властью общественных реформ, предполагали мощную поддержку информационных институтов для расширения социальной базы преобразований. Надо признать, что воздействие пропаганды на массовое сознание в период «Перестройки» было системным и последовательным. В целом, было обеспечено взаимодействие теории и практики, что являлось «слабым местом» в период застоя. Наряду с последовательной критикой сталинизма, не замалчивались экономические слабости советской системы, что отвечало реальному положению дел. В отношении западных стран народу перестали навязываться образ-установки «загнивающего капитализма». Во многом, именно поэтому перестроечный курс пользовался широкой общественной поддержкой, подкрепляемой ожиданиями быстрого и ощутимого результата.

Однако динамика развития общественных сфер оказалась неодинаковой, если на рубеже 1980–1990-х гг. экономические преобразования буксовали, то политическая сфера быстро либерализировалась. Это нашло отражение в функционировании информационных институтов, а также – в их юридическом статусе. В 1990 г. отменяется цензура, а в результате принятия закона о печати и других СМИ, права на учреждение информационных средств получили объединения граждан, а также – организации, предприятия, учреждения или государственные органы.

В перестроечные годы для прессы сложилась очень благоприятная ситуация. С одной стороны,

печатные СМИ все еще оставались на обеспечении государства, не испытывая экономических затруднений, с другой стороны неудачи политики «перестройки» работали на усиление влияния средств массовой информации. Особой популярностью пользовались демократические СМИ, получившие фактическое «право выносить окончательные оценки, выступать в качестве источника решающих суждений» [6, с. 156]. По мнению известного исследователя СМИ И. Засурского, это обстоятельство вполне вписывается в традиции раннего советского периода. Средства информации выступали в основном как средства просвещения, агитации и организации во имя действительно истинных целей и ценностей теперь уже демократии и рынка [2, с. 54].

Подытоживая вышеизложенное, мы пришли к следующим выводам.

1. Характер эволюции отечественных средств информации во многом детерминирован особенностями политической традиции. В этом плане следует подчеркнуть регулируемую роль государственных властных структур в процессах институционализации СМИ. Задачи последних, в основном, редуцировались к обслуживанию официальной политической линии, ее легитимации в общественном сознании.

Литература:

1. *Борисов Б.П.* Постмодернизм. М., Берлин : Директ-Медиа, 2015. 316 с.
2. *Засурский И.* Масс-медиа второй республики. М., 1999. 184 с.
3. *Кагарлицкий Б.Ю.* Периферийная империя. Россия и миросистема. М. : УльтраКультура, 2004. 528 с.
4. *Кара-Мурза С.Г.* Историческая память и проект будущего. Второе предупреждение. Неполладки в русском доме. М. : Алгоритм, 2005. 379 с.
5. *Кириллова Н.Б.* Медиакультура: от модерна к постмодерну. М. : Эксмо, 2005. 432 с.
6. *Назаров М.М.* Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. М. : Аванти плюс, 2004. 428 с.
7. *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. Киев, 2000. 428 с.
8. *Якимович А.* Кино. О художественном мышлении XX в / А. Якимович // Киноведческие записки. 1993. № 20. С. 3–18.

2. Индустриализация советского общества, проходившая ускоренными темпами, определила усиление социальных функций СМИ, степень значимости которых была неодинаковой в разные периоды существования СССР. Так, в начальный период его истории воздействие информационных структур на массовое сознание было весьма успешным. Масштабы задач, стоявших перед обществом, предполагали максимальную мобилизацию ресурсов и усилий субъектов, что, в целом, было достигнуто. В застойный период рассогласование между декларируемой идеологией и реальной ситуацией проявлялось все сильнее, что привело к резкому падению эффективности СМИ, в которых стали проявляться дисфункциональные тенденции.

3. В общем и целом, следует заключить, что советский опыт, связанный с развитием институтов СМИ, показывает необходимость усиления гибкости последних. В контексте ускоряющихся процессов социального бытия информационные структуры должны гибко реагировать на меняющуюся ситуацию, соответственно, корректируя собственные действия. В противном случае, работа СМИ может приобретать дисфункциональный смысл, как это имело место в СССР эпохи брежневского застоя.

Literature:

1. *Borisov B.P.* Postmodernism. M., Berlin : Direct-Media, 2015. 316 p.
2. *Zasursky I.* Mass-media of the second republic / I. Zasursky-M., 1999. - 184c
3. *Kagarlitsky B.Yu.* Peripheral Empire. Russia and the world system. M. : Ultracultura, 2004. 528 p.
4. *Kara-Murza S.G.* Historical memory and the project of the future. The second warning. Problems in the Russian house / S.G. Kara-Murza. M. : Algorithm, 2005. 379 p.
5. *Kirillova N.B.* Media culture: from modern to post-modern. M. : Eksmo, 2005. 432 p.
6. *Nazarov M.M.* Mass communication and society. Introduction to theory and research. M. : Avanti Plus, 2004. 428 p.
7. *Pochepstov G.G.* Information wars. Kiev, 2000. 428 p.
8. *Yakimovich A.* Kino. On the artistic thinking of the XX century / A.Yakimovich // Film Research Notes. 1993. № 20. P. 3–18.

Хорошкевич Наталья Геннадьевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории, методологии
и правового обеспечения
государственного и муниципального
управления,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
natali.khoroshckewitch@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ КАК ФЕНОМЕН ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА И ПУТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается политическая культура государственных гражданских служащих как феномен постиндустриального общества. По мнению автора, для любого нового типа общества характерна новая политическая культура, в том числе. Это касается всех его акторов. Политическая культура государственных гражданских служащих в новом типе общества должна стать передовой, образцом для остального населения, в результате чего изменится ее роль в обществе и статус представителей данной социально-профессиональной группы. Также, автором рассмотрены направления работы, которые способствовали развитию политической культуры госслужащих. Это – развитие законности, образования, поднятие общего уровня благосостояния населения, позиционирования государственной службы как профессиональной деятельности по призванию.

Ключевые слова: политическая культура, феномен, государственные гражданские служащие, постиндустриальное общество.

В настоящее время происходит становление нового типа – постиндустриального общества. Меняется сознание граждан, пересматриваются ценности и нормы, функционирование социальных институтов, отношение к государству и государственным гражданским служащим. Сегодня особенно актуально становится переосмысление на научной основе роли государства и его аппарата, тех, кто осуществляет государственную политику. Социология исследует общественные взаимодействия, отношение различных групп населения к происходящим событиям. В этой связи крайне важен социологический анализ новой формации государственных гражданских служащих, изучение с различных сторон этой социальной общности, т.е. от того насколько эффективно работают сотрудники зависит конечный результат мероприятий, реализуемых в рамках

Natalya G. Horoshkevich
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Theory,
Methodology and Legal security
State and Municipal Management,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin
natali.khoroshckewitch@yandex

POLITICAL CULTURE OF STATE CIVIL AND MUNICIPAL EMPLOYEES AS A PHENOMENON OF POST-INDUSTRIAL SOCIETY AND WAYS OF ITS DEVELOPMENT

Annotation. The article considers the political culture of civil servants as a phenomenon of post-industrial society. any new type of society is characterized by a new culture, including political culture. This applies to all his actors. The political culture of state civil servants in a new type of society should become an advanced model for the rest of the population. As a result, its role in society and the status of representatives of this socio-professional group will change. We also considered the areas of work that contributed to the development of the political culture of civil servants. This is the development of the rule of law, education, raising the general level of well-being of the population, positioning the public service as a professional vocation activity.

Keywords: political culture, phenomenon, public civil servants, post-industrial society.

государственной политики, стабильность в обществе.

Одним из таких аспектов изучения является политическая культура представителей данной социально-профессиональной группы. Политические ценности и нормы во многом влияют на реализацию представителями властных структур государственной политики. Автор статьи рассматривает политическую культуру государственных гражданских и муниципальных служащих с точки зрения того, какая она должна быть, ее роли в новом обществе.

Новый тип общества предполагает новое сознание граждан, их новое политическое сознание, а значит, нужны государственные служащие с другой политической культурой, более передовой и

прогрессивной, нежели в индустриальном обществе.

Процесс развития политической культуры в России всегда отличался стихийностью. Власть никогда не занималась развитием демократических институтов так, как это делалось на Западе. В России иногда были попытки либеральных реформ, но это носило эпизодический характер [1, с. 75]. В России всегда отсутствовала планомерная, последовательная политика относительно развития политической культуры [1, с. 75]. Это касается как всего населения, так и его части – государственных служащих.

Новое общество предполагает новую политическую культуру государственных служащих. Тогда политическую культуру государственных гражданских и муниципальных служащих можно рассмотреть как новое социальное явление и новый социальный феномен. В самом «широком» понимании, под феноменом обычно понимают явление, имеющее место в чувственном созерцании. В обыденной речи этот термин может означать необычное явление, редкий факт [2].

В социологии рассматривают социальный феномен, т.е., явление, имеющее место в обществе. Оно означает «элемент социальной реальности, обладающий всей полнотой социальных свойств и признаков»; это любое проявление отношений или взаимодействия людей или даже отдельное событие или случай; все, что проявляет себя, существует, есть в социальной действительности» [3]. Социологи понимают социальный феномен, скорее, в более широком смысле, а не только, что это новое необычное явление, и оно имеет место в сфере социальных взаимодействий. Тогда политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих в новом типе общества – это феномен. Для любого нового типа общества характерна своя политическая культура, как у всего общества, так и отдельных его групп.

Какой должна быть политическая культура государственных гражданских служащих в новом типе общества? Это должна быть более передовая политическая культура, чем в индустриальном обществе. Но, не только. Как отмечает Я.А. Гайдук, политическая культура государственных служащих должна быть «ядром социально-политического развития» [4]. Это значит, что государственные гражданские и муниципальные служащие должны стать проводниками государственной политики во всех сферах жизни общества, в том числе, и политической, и развивать политическую культуру населения.

Какие сегодня складываются тенденции относительно развития политической культуры и самое главное, ее ядра – политических ценностей?

Во-первых, это утверждение таких терминальных политических ценностей, как право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, мир, равенство перед законом, инновационность, социальная справедливость, глобализм, патриотизм, свободу вероисповедания, космополитизм,

свободу информации, свободу слова, институционализм, самореализация и т.д. [5, с. 246]. Идет интенсивное развитие инструментальных ценностей. Это – высшая власть в государстве принадлежит народу, выборность представительных органов власти, государство как партнер, верховенство закона, ответственность государственных служащих при принятии и реализации политических решений, многопартийность, плюрализм мнений, «прозрачность» всех выборных процедур в политике, толерантность, открытость к новым формам демократических процедур и т.д. [5, с. 246].

В силу того, что государственные служащие начинают заниматься развитием политической культуры населения, меняется их роль в и роль их политической культуры в обществе. Они начинают оказывать еще большее влияние на политическое развитие страны.

Влияние на общество со стороны государственных служащих в этой сфере отношений становится позитивным. И не в негативном ключе, как сегодня это имеет место. Таким образом, политическая культура государственных и муниципальных служащих становится фактором, влияющим на развитие страны.

Однако сегодня государственные служащие не стремятся влиять только в передовом плане на развитие политических отношений в обществе. Сегодня «...бюрократия стала вполне самостоятельным игроком на политико-экономическом поле, ... Начинает доминировать тенденция определенной политизации бюрократического слоя..., предполагающий не только разработку и экспертизу ключевых политических решений, но и блокировку этих решений» [6, с. 38–39]. В постсоветской России публичная власть продолжает во многом осуществляться мимикрирующей бюрократией, действующей в своих интересах [7, с. 168]. И при таких условиях, как считает ряд ученых, у государственных служащих нет стимула меняться в более прогрессивную сторону. В этом случае нужно волевое усилие верховной власти [6, с. 52], но оно пока также отсутствует.

Более того, сегодня современная международная система разделения труда повышает роль транснациональной бюрократии в целенаправленном распределении сокращающихся ресурсов, происходит концентрации капитала в руках транснациональных корпораций, финансовых групп и других наднациональных центров власти. Для этого транснациональная бюрократия ведет борьбу «против ядра национальной власти пока еще суверенных государств» [7, с. 168]. Контроль над интернациональной бюрократией со стороны общественности сегодня невозможен. Встает вопрос выживания национальных бюрократий [7, с. 168]. Разумеется, национальные бюрократии могут просто подчиниться наднациональной бюрократии, но не стоит забывать об удовлетворении потребностей всех социальных групп в обществе. Именно в этих условиях на данном этапе общественного развития необходимо сохранение

государства. Оно является сегодня наиболее эффективным инструментом политической стабильности общества, регулирующим интересы разных политических групп. Оно, безусловно, должно меняться, и как отмечают сегодня многие исследователи, в сторону субъект-субъектных отношений (общество – государство). В этих непростых условиях политика государства должна стать более передовой. Это в интересах всего общества, т.к. ущемление его интересов приведет к социальной нестабильности.

Сегодня есть социальный запрос со стороны общественности в прогрессивном развитии общества и политических отношений, в том числе. И это не стоит сбрасывать со счетов элите. Р. Миллс писал, что могущество элиты «...определяется теми функциями, которые предоставлены ей в возглавляемых ею институтах. ... Зависимость элиты от предоставленных ей функций в разные времена и при разной структуре общества глубоко различна...» [8, с. 56]. Таким образом, элита всегда выполняла определенные функции в обществе, а значит, в ней всегда была потребность. Другое дело, что менялись потребности общества, а значит, и в функциях, выполняемых элитой, также потребность менялась, т.е., политическая элита в функциональном плане должна была становиться другой. Согласно теории В. Парето, революции происходят в результате того, что или происходит замедление циркуляции элиты, или элементы низкого качества начинают накапливаться и накапливаются в высших слоях. В ходе революции к власти приходит элита, которая более соответствует требованиям времени [9, с. 323–326].

В разные периоды истории в зависимости от потребностей общества элиты «...могут легко сломать одну структуру и создать другую, в которой они затем будут играть совершенно иные роли» [8, с. 58]. Сегодня, чтобы удержаться у власти, политическая элита должна пропагандировать демократические, гуманистические принципы и соответственно содействовать их претворению в жизнь.

Чтобы политическая культуры государственных служащих была передовой относительно остального населения, работали федеральные программы, стратегии, направленные на развитие у них политической культуры и в обществе, в целом, необходимо создать для этого условия.

Литература:

1. *Хорошкевич Н.Г.* Процессуальность и стихийность российской политической культуры / Н.Г. Хорошкевич // *Дискуссия*. 2014. № 2(43). С. 70–78.
2. Феномен. Википедия. URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/58305> (дата обращения 14.06.2021).
3. Социальный феномен, определение, примеры кратко. URL : <https://intellect.icu/sotsialnyj->

Сюда можно отнести:

- изменение роли государства в решении социальных вопросов (субъект-субъектные отношения);
- пропаганду и обучение, направленное на создание установок повышения уровня политической культуры, и ее освоения. Например, в механизм формирования гражданской культуры Самсонова Т.Н. включает политическую социализацию и политическое образование, т.е., развитие политических ценностей, а также – правовое, политическое, нравственное, патриотическое воспитание [10, с. 65];
- правовое развитие. Исключение из практики случаев оказания давления, гонений на госслужащих за их политические убеждения посредством развития права.

Развитие политической культуры в России многие авторы связывают с развитием в нашей стране правовых гарантий. Как отмечает Г.Л. Тульчинский, это – развитие личной инициативы, науки, городских агломераций. Главной задачей он видит развитие конституционализма, парламентаризма, судов, равенства перед законом. Нужно эффективное функционирование государства, только в этом случае экономика будет эффективной, а политическая жизнь в стране – приобретет смысл [10];

- создание экономических благоприятных условий в обществе, рост благосостояния граждан. Согласно теории А. Маслоу, интерес к удовлетворению производных потребностей возрастает, когда удовлетворены базисные потребности. Сегодня основой стимулирования госслужащего является оплата стимулирования. На данном этапе это правильно. Но сегодня не все идут работать по призванию на государственную службу, главное – это доход. Однако в перспективе госслужба должна стать профессией по призванию, где должно реализовываться желание гражданина работать на благо общества.

Итак, в статье политическая культура государственных гражданских служащих нового типа общества была рассмотрена как социальный феномен. Рассмотрены ее ключевые характеристики через ценностный аспект и предложены направления работы, способствующие ее формированию.

Literature:

1. *Khoroshkevich N.G.* Procedural and spontaneity of Russian political culture / N.G. Khoroshkevich // *Discussion*. 2014. № 2(43). P. 70–78.
2. Phenomenon. Wikipedia. URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/58305> (date of application 14.06.2021).
3. Social phenomenon, definition, examples briefly. URL : <https://intellect.icu/sotsialnyj-fenomen->

fenomen-opredelenie-primery-9273 (дата обращения 14.06.2021).

4. *Гайдук Я.А.* Политическая культура государственных гражданских служащих в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2012. 26 с. URL : <http://dissers.ru/avtoreferati-kandidatskih-dissertatsii1/a630.php> (дата обращения 25.12.2018).

5. *Хорошкевич Н.Г.* Политические ценности государственных гражданских и муниципальных служащих в современной России / Н.Г. Хорошкевич // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 243–247.

6. *Сытин С.В.* Современная российская бюрократия как субъект государственной политики / С.В. Сытин // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и управление) 2010. № 2. С. 34–53.

7. *Левакин И.В.* Историко-компаративистский анализ бюрократии на основных этапах развития публичной власти / И.В. Левакин // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 2. С. 158–173.

8. *Миллс Р.* Властвующая элита / Р. Миллс; Пер. с англ. Е.И. Розенталь, Л.Г. Рошаль, В.Л. Кон. М. : Издательство иностранной литературы, 1959. 844 с.

9. *Кон И.С.* История буржуазной социологии XIX – начала XX века. М. : Изд-во Наука, 1979. 344 с.

10. *Зимин В.А.* Рефлексируя проблему / В.А. Зимин, С.А. Шапиро, Т.Н. Самсонова, Г.Л. Тульчинский, Е.Л. Сысолятина, Л.Г. Титова // Философские науки. 2013. № 1. С. 63–70.

opredelenie-primery-9273 (date of application 14.06.2021).

4. *Gaiduk Y.A.* Political culture of civil servants in modern Russia: autorecording dis. ... candidate of political sciences: 23.00.02. M., 2012. 26 p. URL : <http://dissers.ru/avtoreferati-kandidatskih-dissertatsii1/a630.php> (date of application 25.12.2018).

5. *Khoroshkevich N.G.* Political values of state civil and municipal servants in modern Russia / N.G. Khoroshkevich // State and municipal administration. Scientific notes. 2019. № 2. P. 243–247.

6. *Syтин S.V.* Modern Russian bureaucracy as a subject of state policy / S.V. Sytin // Bulletin of Moscow University. Ser. 21. Governance (State and Government) 2010. № 2. P. 34–53.

7. *Levakin I.V.* Historical and comparative analysis of bureaucracy at the main stages of the development of public power / I.V. Levakin // Comparative policy 2020. Vol. 11. № 2. P. 158–173.

8. *Mills R.* The ruling elite / R. Mills; Translation from English E.I. Rozenhal, L.G. Roshal, V.L. Kon. M. : Publishing House of Foreign Literature, 1959. 844 p.

9. *Kon I.S.* The history of bourgeois sociology of the XIX – early XX centuries. M. : Publishing House of Science, 1979. 344 p.

10. *Zimin V.A.* Reflecting the problem / V.A. Zimin, S.A. Shapiro, T.N. Samsonova, G.L. Tulchinsky, E.L. Sysolyatina, L.G. Titova // Philosophical sciences. 2013 № 1. P. 63–70.

Чан Тхи Ким Оань

кандидат медицинских наук,
доцент,
заведующая кафедрой религиоведения,
университет гуманитарных
и социальных наук,
Национальный университет Вьетнама,
г. Ханой
oanhtgh@yahoo.com

Ле Ба Чинь

кандидат медицинских наук,
доцент,
экс вице-председатель Центрального
Отечественного Фронта Вьетнама,
преподаватель кафедры религиоведения,
университет гуманитарных
и социальных наук,
Национальный университет Вьетнама,
г. Ханой
oanhtgh@yahoo.com

Чан Тхи Ханг

аспирант кафедры религиоведения,
университет гуманитарных
и социальных наук,
Национальный университет Вьетнама,
г. Ханой
oanhtgh@yahoo.com

Tran Thi Kim Oanh

Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Religious Studies,
University of Humanities
and Social Sciences,
National University of Viet Nam,
Hanoi
oanhtgh@yahoo.com

Le Ba Trinh

Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor,
Ex-vice-chairman of the Central
Domestic Front of Vietnam,
lecturer in the Department
of Religious Studies,
University of Humanities
and Social Sciences,
National University of Viet Nam,
Hanoi
oanhtgh@yahoo.com

Tran Thi Hang

Graduate Student of the Department
of Religious Studies,
University of Humanities
and Social Sciences,
National University of Viet Nam,
Hanoi
oanhtgh@yahoo.com

Вклад и влияние буддизма на социальную жизнь Вьетнама

■ ■ ■

Аннотация. Цели исследования: обзорно описать функции Буддизма и Вьетнамской буддийской общины во Вьетнаме. Объект исследования: Буддизм во Вьетнаме. Методы исследования: междисциплинарные исследования религии, а именно метод религиозной потребности, метод функциональной структуры, организационно-правовой метод и некоторые методы других смежных дисциплин: метод единства логического и исторического. Результаты исследования: Были выявлены и рассмотрены такие функции Буддизма во Вьетнаме: роль буддизма в становлении и в сохранении мира во Вьетнаме; роль буддизма в строительстве коммунистической страны; Вьетнамская буддийская община активно участвует в борьбе с бедностью во Вьетнаме; Вьетнамская буддийская община участвует в решении вопросов социального равенства, в защите границы вьетнамского государства, выполнении своих обязательств перед страной и родиной; Вьетнамская буддийская община активно участвует в мероприятиях, направленных на решение экологических проблем; буддизм как инструмент в духовной жизни

CONTRIBUTION AND INFLUENCE OF BUDDHISM IN SOCIAL LIFE OF VIETNAM

■ ■ ■

Annotation. The Research Objectives: To provide an overview of the functions of Buddhism and the Vietnamese Buddhist community in Vietnam. The Research Object: Buddhism in Vietnam. The Research Methods: the interdisciplinary studies of religion, namely the method of religious need, the method of functional structure, the organizational and legal method, and some methods of other related disciplines: the method of the unity of the logical and the historical. The Research Results: The following functions of Buddhism in Vietnam were identified and considered: the role of Buddhism in the formation and preservation of peace in Vietnam; the role of Buddhism in building a communist country; the Vietnamese Buddhist community is actively involved in the fight against poverty in Vietnam; the Vietnamese Buddhist community participates in resolving issues of social equality, in protecting the border of the Vietnamese state, fulfilling its obligations to the country and homeland; the Vietnamese Buddhist community is actively involved in activities aimed at solving environmental problems; Buddhism, as a tool in the spiritual life of the Vietnamese, helps to reduce the

вьетнамцев помогает снизить давление в психологическом аспекте; Вьетнамская буддийская община активно участвует в процессе здравоохранения и образования во Вьетнаме; Вьетнамская буддийская община участвует в движении по профилактике ВИЧ/СПИДа; Вьетнамская буддийская община участвует в адаптации социальной этики, сохраняя традиционные культурные ценности.

Ключевые слова: Буддизм, Вьетнамская буддийская община, Вьетнам.

pressure in the psychological aspect; the Vietnamese Buddhist community is actively involved in healthcare and education process in Vietnam; the Vietnamese Buddhist community is involved in the HIV/AIDS prevention movement; the Vietnamese Buddhist community participates in the adaptation of social ethics while preserving traditional cultural values.

Keywords: Buddhism, Vietnamese Buddhist community, Vietnam.

I Введение.

Буддизм является одной из мировых религий, и пришёл во Вьетнам очень рано – в начале первого столетия нашей эры. Около 2000 лет сосуществования с вьетнамским народом, вьетнамский буддизм имел и имеет немалое влияние на общественный быт вьетнамского народа, находится в гармонии с народной культурой, способствует любви к родине и нации. Из-за тесного переплетения с историей Вьетнама, мы видим роль и вклад буддизма в развитии государства: в периоды стабильности и процветания государства Вьетнама, это были периоды расцвета буддизма; в периоды иностранной военной интервенции или вторжения иноземных захватчиков во Вьетнам, буддизм становился щитом, объединяясь с народом противился врагу и добивался мира на территории государства.

II. Объект исследования, методы и цели исследования:

Методы исследования: междисциплинарные исследования религии, а именно метод религиозной потребности, метод функциональной структуры, организационно-правовой метод и некоторые методы других смежных дисциплин: метод единства логического и исторического.

Объект исследования: Буддизм во Вьетнаме.

Цели исследования: обзорно описать функции Буддизма и Вьетнамской буддийской общины во Вьетнаме.

Метод обработки информации: материалы записывались и обрабатывались с помощью Microsoft Word 10 и Microsoft Excel 13.

III. Конфиденциальность информации:

Исследование проводится в соответствии с законами Вьетнама о религии и уставом Центральной Буддийской общины.

IV. Результаты исследования:

Были выявлены и рассмотрены такие функции Буддизма во Вьетнаме:

Роль буддизма в становлении и в сохранении мира во Вьетнаме.

Роль буддизма в строительстве коммунистической страны.

Вьетнамская буддийская община активно участвует в борьбе с бедностью во Вьетнаме.

Вьетнамская буддийская община участвует в решении вопросов социального равенства, в защите границы вьетнамского государства, выполнение своих обязательств перед страной и родиной.

Вьетнамская буддийская община активно участвует в мероприятиях, направленных на решение экологических проблем.

Буддизм как инструмент в духовной жизни вьетнамцев помогает снизить давление в психологическом аспекте.

Вьетнамская буддийская община активно участвует в процессе здравоохранения и образования во Вьетнаме.

Вьетнамская буддийская община участвует в движении по профилактике ВИЧ / СПИДа.

Вьетнамская буддийская община участвует в адаптации социальной этики, сохраняя традиционные культурные ценности.

Роль буддизма в становлении государства и в сохранении мира во Вьетнаме

Сознавая немаловажную роль буддизма в сохранении ценностей культуры Вьетнама на приграничных областях, островах и в отдаленных районах, власти Вьетнама ведёт политику широкого распространения буддизма. Как говорил Дацзянь Хуэй-нэн: «Люди делятся на северян и южан, но в буддизме нет севера или юга» [3]. Буддийская пагода также стала неотъемлемой частью в жизни народа Вьетнама: «Пагода укроет всех нас от всяких невзгод». Буддизм всегда пытался и пытается быть рядом с вьетнамским народом, невзирая на географических сложностей, языковых барьеров и противоречий во верованиях.

Особенность приграничных, отдаленных и островных районов Вьетнама состоит в том, что в этих областях проживают в основном жители этнических меньшинств с экономическим и социально-культурным сложностями. Поэтому забота о культурной и духовной жизни, параллельно с этим улучшение качества материальной жизни проживающих здесь этнических меньшинств имеет не только глубокое человеческое значение, но и глубокую политическую задачу. В нынешнее время вопрос утверждения суверенитета

Вьетнама, подтверждения национальной безопасности границ является очень важной и значимой задачей. Для стабилизации ситуации в указанных регионах необходимо принять две меры: с одной стороны, улучшить качество материальной жизни людей, с другой стороны, улучшить качество духовной жизни, создать благоприятные условия для проживания, вызывая у людей доверие к партии и правительству Вьетнама. Улучшение духовной жизни означает «удовлетворение» религиозных потребностей жителей.

В истории вьетнамского буддизма были случаи, когда Великие Монахи Дзен-мастера вносили немалый вклад в сохранении границ Вьетнама. На данный момент имеются записи о двух случаях: первый – в конце десятого века с помощью двух Дзен-мастеров Фап Тхуан и Хуонг Вьет, и второй – в эпоху династии Чан с расширением границы Буддийского императора Чан Нян Тонг [5]. На основе вышеизложенного рассуждения видно, что распространение буддизма в отдаленные районы, приграничные районы и острова имеет большое значение не только для буддизма, но и для политической и общественной жизни Вьетнама. Как мы знаем, суть Дхармы в буддизме это распространение идеи освобождения от оков жизни, и для устойчивого существования и развития буддизм не будет навязывать свою идею, а спокойно и мирно сосуществовать с другими религиями. Для политической и общественной жизни Вьетнама буддизм как религия, близкая к национальной культуре, способствует сохранению национальной культурной самобытности. Буддизм распространяет свои идеи в отдаленные, приграничные районы и острова, с одной стороны, встречается с религиозными потребностями и верованиями жителей, а с другой стороны, имеет «политическое» значение, способствуя поддержанию социальной стабильности и сохранению национального единства, утверждая территориальный суверенитет Вьетнама.

Присутствие вьетнамских храмов в приграничных районах и на островах служит убедительным подтверждением национального вьетнамского суверенитета и целостности вьетнамской границы. Как записан стих на пагоде Шонг Ты Тай, остров Чыонгша, провинция Кханьхоа:

*Архипелаг что окружен прекрасным пейзажем
На нём гордо возвышается пагода Вьетов
(Неофициальный перевод от автора статьи).*

Буддизм и его роль в строительстве коммунистической страны.

С момента своего основания Вьетнамская буддийская община служит под лозунгом «Дхарма – национальность – социализм», что означает религиозная деятельность всегда идёт рука об руку с государством, служа нации и народу, с общей идеологией социализма, а именно строительство мирного социального порядка [4]. По вьетнамским правовым законам, статья 55 «Закон о религии и народных верованиях» предусматривает что религиозные организации имеют право участвовать в деятельности сфер образования, здравоохранения, социальной защиты, гуманитарной помощи согласно общим положениям

законодательств. Именно буддийская благотворительная помощь стала образцом, проявляющее время благотворительная деятельность вьетнамской буддийской общины осуществляется во многих разнообразных формах, принося множество положительных результатов: оказание помощи в экстренных и чрезвычайных ситуациях, людям, пострадавшим от стихийных бедствий, пандемии; построение молитвенных храмов, школ медицины (согласно статистике, во вьетнамской буддийской общине насчитывается около 165 молитвенных храмов, сотни лечебных кабинетов (Согласно статистике, представленной на седьмом съезде Центральной Вьетнамской Буддийской общины)); открытие школ, домов престарелых, детских домов, колледжей (в настоящее время насчитывается около 1000 школ, 64 детских домов, 20 домов престарелых с общим количеством до 1000 людей пожилого возраста). Общая сумма благотворительности за период седьмого съезда Вьетнамской буддийской общины составила 6838199841000 донгов (около 22153755924 рублей) (Согласно статистике, представленной на седьмом съезде Центральной Вьетнамской Буддийской общины).

– Вьетнамская буддийская община активно участвует в борьбе с бедностью во Вьетнаме: за прошедшие годы своей практической деятельностью вьетнамская буддийская община ясно продемонстрировала ответственность организации в решении важных национальных вопросов. В ответ на зов партии и государства на борьбу в искоренении голода, стремясь обеспечить людям процветающую и счастливую жизнь, вьетнамская буддийская община мобилизовала монахов, монахинь, буддистов-мирян и организации для обеспечения духовной и материальной помощи. Помимо этого, за прошедшие годы, вьетнамская буддийская община занялась строительством мостов, дорог, пожертвованием каноэ и лодок, бурением скважин на воду, бурением и строительством колодцев (по статистике, за период с 2012 по 2017 гг., вьетнамская буддийская община построила 253 бетонных моста, 27 км цементных дорог, подарила 370 лодок, пробурила 150 скважин с чистой водой) (Согласно статистике, представленной на седьмом съезде Центральной Вьетнамской Буддийской общины).

– Вьетнамская буддийская община участвует в решении вопросов социального равенства, в защите границы вьетнамского государства, выполнение своих обязательств перед страной и родиной. Распространение буддизма в отдаленные земли, острова, приграничные области способствует развитию духовной и материальной жизни.

– Вьетнамская буддийская община активно участвует в мероприятиях, направленных на решение экологических проблем: загрязнение окружающей среды является глобальной проблемой и Вьетнам это не исключение. Ареолы обитания диких животных сильно страдают из-за загрязнения. Согласно статистике Минздрава Вьетнама (Согласно общей статистике, выпущенной Министерством здравоохранения Вьетнама за

2018 г.), количество людей, страдающих онкологическими и тяжелыми заболеваниями, за последнее время резко увеличилось по сравнению с предыдущими периодами.

– Буддизм как инструмент в духовной жизни вьетнамцев помогает снизить давление в психологическом аспекте: во Вьетнаме где плотность населения очень высокая, из-за этого конкуренция на работе очень напряжённая и это ведёт к стрессу, что даёт буддизму помочь населению избавиться от рабочей рутины, вернуться к обычному состоянию с помощью дзена и молитвы [1].

– Вьетнамская буддийская община активно участвует в процессе здравоохранения и образования во Вьетнаме. Здоровье и образование – две основные сферы будущего любой страны, однако во Вьетнаме эти сферы сталкиваются с проблемами перенагрузки. Для уменьшения перенагрузки в системе образования и здраво-

Литература:

1. Нгуен Тхи Минь Ханг, Данг Хоанг Нган – Буддизм и психическое здоровье, изд. «Национальный Ханойский Университет». Вьетнам, Ханой, 2018.
2. Кандидат наук Ха Нгок Ань. Государственное управление религиозной деятельности во Вьетнаме. Вьетнам : Изд. «Национальная политическая правда», 2018.
3. Дадзянь Хуэй-нэн и его проповеди о мантрах / Пер. Нгуен Хиен. Вьетнам : Изд. «Восток». 2009. 242 с.
4. Ле Мань Тхат. Биография Чан Нянь Тонг. Вьетнам, Хошимин : Изд. «Хошимин», 2006. 362 с.
5. Ле Мань Тхат. История Буддизма во Вьетнаме. Вьетнам : Изд. «Тхуан Хоа», 1999.
6. Нгуен Зуй Хинь. Буддизм в культуре Вьетнама / Нгуен Зуй Хинь, Ле Дык Хань. Вьетнам : Изд. «Информационный и культурный институт», 2011.
7. До Куанг Хынг – Страна – Религия – Юриспруденция. Вьетнам, Ханой : Изд. «Национальная полиция», 2010.
8. Нгуен Тхи Минь Нгок. Вьетнамская буддийская община, от 1986 г. до наших дней. Вьетнам : Изд. «Восток», 2014.

охранения, вьетнамская буддийская община открывает бесплатные школы, колледжи, медицинские клиники и больницы.

– Буддизм участвует в решении социальных проблем во Вьетнаме: например, Вьетнамская буддийская община участвует в движении по профилактике ВИЧ/СПИДа. Буддийская ассоциация открыла консультационные пункты и учреждения при некоторых провинциальных и муниципальных администрациях по уходу для людей живущих с ВИЧ/СПИДом.

– Вьетнамская буддийская община участвует в адаптации социальной этики, сохраняя традиционные культурные ценности. Буддийская этика может этому способствовать и неслучайно сегодня буддизм почитается человечеством как одна из религий с наиболее гуманной и практичной жизненной философией.

Literature:

1. Nguyen Thi Minh Hang, Dang Hoang Ngan-Buddhism and Mental Health, ed. «National Hanoi University». Vietnam, Hanoi, 2018.
2. Candidate of Sciences Ha Ngoc An. State Administration of Religious Activities in Vietnam. Vietnam : Publishing house «National Political Truth», 2018.
3. Dajian Hui-neng and his sermons on mantras-trans. Nguyen Hien. Vietnam : Publishing house «Vostok», 2009. 242 p.
4. *Le Man That*. Biography of Chang Niang Tong. Vietnam, Ho Chi Minh City : Publishing house «Ho Chi Minh City», 2006. 362 p.
5. *Le Man That*. The History of Buddhism in Vietnam. Vietnam : Publishing house «Thuan Hoa», 1999.
6. *Nguyen Duy Hin*. Buddhism in the culture of Vietnam / Nguyen Duy Hin, Le Duc Han. Vietnam : Publishing house «Information and Cultural Institute», 2011.
7. Do Quang Heung-Country-Religion – Jurisprudence. Vietnam, Hanoi : Publishing house «National Police», 2010.
8. *Nguyen Thi Minh Ngoc*. The Vietnamese Buddhist Community, from 1986 to the present day. Vietnam : Publishing house «Vostok», 2014.

Шульгин Александр Сергеевич

аспирант кафедры философии,
социологии и педагогики,
Майкопский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ СУБКУЛЬТУРЫ ЭКСТРИМА**

Аннотация. В статье показано, что несмотря на то, что во все времена существовали сферы деятельности, сопряженные с риском, общая направленность развития культуры и общества связана со снижением рисков. В рамках анализа основных факторов развития экстрима как социального явления, проводится детализация социокультурных и институциональных факторов развития экстремальной сферы. Доказывается, что экстремальная деятельность не только представляет собой область повышенных рисков для членов общества, но и способствует реализации ряда значимых социальных функций, что определяет ее неоднозначный статус. Обосновывается тот факт, что наибольшую угрозу несет в себе стихийное занятие экстремальными практиками, что связано с недостаточным пониманием носителями экстремальной деятельности основных рисков и техники безопасности.

Ключевые слова: экстрим, социальные риски, субкультура экстрима, экстремальные практики, ценности, самоопределение.

Историческое развитие человечества представляет собой долгий путь прогресса, результатом которого стало высвобождение временных ресурсов человека, удовлетворение его витальных потребностей, создание комфортных условий существования. В настоящее время риски, с которыми сталкиваются члены общества, проявляются намного менее интенсивно, нежели это было еще несколько сотен лет назад, что может быть оценено, как минимум, с учетом изменения уровня средней продолжительности жизни. Потребность в безопасности, которая оценивается известным исследователем А. Маслоу [1] в качестве одной из базовых, в существенной степени удовлетворена, что можно расценивать как положительный аспект современного состояния общества. Вместе с тем, на фоне роста комфорта и защищенности члены современного общества проявляют все большую тягу к занятиям, сопряженным с существенными рисками.

Это проявляется в колоссальной востребованности приключенческой литературы и остросюжетных фильмов, и этот же аспект обнаруживается в

Alexander S. Shulgin

Postgraduate Student of the Department
of Philosophy, Sociology and Pedagogy,
Maikop State Technological University
emirtu@yandex.ru

**SOCIOCULTURAL AND INSTITUTIONAL
ASPECTS OF THE DEVELOPMENT
OF THE EXTREME SUBCULTURE**

Annotation. The article shows that despite the fact that at all times there were areas of activity associated with risk, the general direction of development of culture and society is associated with reducing risks. As part of the analysis of the main factors in the development of extreme as a social phenomenon, a detailed elaboration of the socio-cultural and institutional factors of the development of the extreme sphere is carried out. It is proved that extreme activity is not only an area of increased risks for members of society, but also contributes to the implementation of a number of significant social functions, which determines its ambiguous status. The fact is substantiated that the greatest threat is posed by spontaneous engagement in extreme practices, which is associated with a lack of understanding by carriers of extreme activities of the main risks and safety precautions.

Keywords: extreme, social risks, subculture of extreme, extreme practices, values, self-determination.

рамках практик, самостоятельно осуществляемых членами общества как индивидуально, так и в рамках группового взаимодействия. Для современных людей опасность является одним из способов самоактуализации, доказательства собственной значимости, и одновременно с этим – способом получения сильных эмоций. В связи с этим все большее распространение приобретают экстремальные практики, от широко известных практик (паркур, парашютный спорт, горнолыжный спорт и т.д.) до сравнительно слабоизученных (зацепинг, электричкинг).

Как и всякое нарождающееся социальное явление, практика экстремальной деятельности представляет серьезный интерес для социального знания, поскольку необходимо осмыслить социальное значение данного явления, его факторы и последствия, а также риски и возможности для общества, которые оно в себе несет. При этом, следует отметить, что проблема экстремальности и, в частности – экстремальных практик в современном гуманитарном знании относится к числу слабоизученных, в частности, даже

касательно трактовки категории «экстремальность» в исследовательской среде не сформировалось какой-либо определенности [2]. В рамках настоящей статьи реализуется комплексное осмысление данной проблемы, что предполагает формирование общего определения экстремальной деятельности, а также рассмотрение ее социокультурного и институционального аспектов.

Для начала определим значение понятия «экстремальный». Экстремальность (от лат. *Extremum* – крайний) характеризует максимальное отхождение чего-либо от усредненной нормы, рассматриваемой в качестве эталона или критерия оценки. Так, например, в рамках рассмотрения условий существования человека, существуют нормы температурного режима, относительно которых определяются экстремальные внешние условия (экстремально высокая температура, экстремально низкая температура). Применительно к социальным практикам экстрима данный принцип реализуется через создание условий, в существенной степени, расходящихся с традиционно определяемыми нормами безопасности деятельности.

Это позволяет рассматривать в качестве экстремальных все формы деятельности, которые сопряжены с преодолением крайне неблагоприятных внешних условий, в частности – формы деятельности, сопряженные с серьезным риском для жизни и здоровья. В рамках институциональной сферы общества существует ряд профессий, которые могут быть охарактеризованы как экстремальные – работа пожарных, спасателей, военных, сотрудников правоохранительных органов и т.д. Данные области профессиональной деятельности предполагают повышенные требования к вовлеченным в них людям, связанные с важностью стрессоустойчивости, скоростью принятия решений, хладнокровием и иными качествами, выделяющими представителей опасных профессий в специфическую социальную группу [3]. Вместе с тем, феномен экстрима в общепринятом понимании включает в себя не столько трудовую деятельность, сопряженную с существенной степенью риска для здоровья и жизни, сколько добровольно осуществляемую досуговую деятельность (в частности, занятие определенным видом спорта), предполагающую повышенные нагрузки на организм и, в том числе, сопряженную с преодолением серьезных трудностей и сопутствующими данному процессу рисками.

Рассматривая причины, по которым экстремальные формы деятельности приобретают высокую популярность, можно выделить ряд социокультурных и психологических факторов, определяющих востребованность областей деятельности, сопряженных с преодолением опасности и экстремальных нагрузок. Прежде всего, следует отметить, что в современной культуре имеет место высокий уровень ценностного восприятия личных качеств, зачастую не востребованных в рамках рутинного выполнения повседневных задач – мужества, воли, готовности к преодолению трудностей. Общество, стремящееся к формированию «зон комфорта» для большинства людей, включенных в систему общественных отношений,

создает условия, в которых проявление данных качеств не требуется для удовлетворения базовых потребностей человека.

Как результат, формируется практика замещения сильных переживаний через приобщение к культурной продукции, в рамках которой демонстрируемые герои книг и кинофильмов проявляют данные качества в гипертрофированной форме, что лишь способствует их продвижению как образцов, которым стремятся подражать. Это – общий культурный контекст актуализации экстремального в общественном сознании, однако, следует отметить, что в данном случае еще не реализуются культурные предпосылки непосредственного вовлечения субъекта в экстремальную деятельность. Скорее речь идет о том, что человек, глубоко воспринявший идеалы мужества, решительности, воли, готовности к риску и т.д., формирует в себе те ценностные ориентации, которые определяют его предрасположенность к включению в экстремальную деятельность.

Рассматривая психологические основания вовлечения в экстремальную деятельность, следует отметить, что для многих людей актуальной является проблема самоопределения, поиск ориентиров, в опоре на которые человек может оценить себя, понять «чего он стоит». В этом контексте одним из путей самоактуализации является преодоление очевидных трудностей, и через это – оценка собственной значимости, силы и т.д. Это является одним из оснований того, почему специалисты отмечают рост уровня самооценки у людей, включающихся в экстремальную спортивную деятельность [4].

Помимо психологических и культурных оснований актуализации экстремальных видов деятельности, следует отдельно выделить область социальных факторов, определяющих вовлечение членов общества в экстремальную сферу. Прежде всего, в данном случае большое значение имеет то, что люди, активно вовлеченные в экстремальные формы деятельности, образуют сообщества, на уровне которых реализуют активную коммуникацию. При этом, носители экстремальной деятельности являются приверженцами ценностных установок, утверждающих значимость личностных качеств, проявляемых в рамках экстремальной активности, а также основанных на этих ценностных ориентирах механизмов социальной идентификации (и, соответственно, определения статуса других людей по критерию наличия у них или отсутствия значимых для экстремальной активности качеств). В этих условиях люди, по той или иной причине стремящиеся к общению с представителями экстремальных сообществ, оказываются замотивированными на включение в данные сообщества.

Таким образом, стремление к расширению круга общения, и не только самоидентификации, но и получения высокого статуса в определенной среде может являться причиной того, что человек включается в экстремальные практики. Такого рода «попытки доказать что-то» присущи, в первую очередь, представителям младших возрастных групп – детей, подростков, молодежи. В

свою очередь, для представителей старших возрастных групп может иметь место другой набор мотивирующих социальных факторов. В частности, состоявшиеся в социальном плане, материально успешные люди могут стремиться к включению в сообщество, в котором будут оцениваться их личные качества, а не социальные достижения или материальный достаток. Такого рода стремление к «сбросу статуса» и выстраиванию отношений через проявление позитивных личностных качеств здесь и сейчас является одной из причин привлекательности экстремальных форм деятельности, фактически, уравнивающих вовлеченных в них людей, для представителей старших возрастных групп.

Одним из очевидных аспектов анализа феномена экстремальной активности является оценка социальных рисков, связанных с развитием и популяризацией экстремальных практик. Вместе с тем, следует отметить, что занятие экстремальными видами спорта, помимо негативных последствий, связанных с травмами, получаемыми экстремалами, несет в себе также и ощутимые позитивные последствия. Прежде всего, следует отметить, что экстремальный спорт является одним из направлений саморазвития, что определяет повышение уровня социальной удовлетворенности членов общества, занимающихся им.

Соответственно, реализация экстремальных практик способствует сбросу социальной напряженности, снижению конфликтности в социальной среде, что имеет очень большое значение в контексте общей тенденции роста конфликтности в обществе. Кроме того, экстремальные сообщества могут выступать в роли среды коммуникации для людей, испытывающих проблемы с общением в других социальных средах. Наконец, помимо обозначенного выше момента улучшения самооценки через успешное преодоление трудностей, следует отметить, что занятие экстремальными видами спорта предполагает высокий уровень физической подготовки и, в том числе – отказ от вредных привычек, что также несет в себе существенную пользу.

Рассматривая общие аспекты развития экстремальных сообществ, следует отметить, что существуют два ключевых социальных механизма, обуславливающие вовлечение в экстремальную деятельность все большего числа людей. С одной стороны, речь идет о культурных процессах, связанных с развитием и распространением субкультуры экстрима (несущей в себе набор ценностей экстремальной деятельности, а также совокупность позитивных представлений о носителях экстремальной деятельности, о чем мы уже говорили в проводимых ранее исследованиях [5]) и, в частности, ее популяризацией в информационно-коммуникативной сфере. В настоящее время существует множество продуктов кинематографа и книг, на уровне которых демонстрируются позитивные образы представителей экстремальных видов спорта. При этом распространение субкультуры экстрима, как уже отмечалось выше, осуществляется не только через средства массовой коммуникации, но и в рамках межличностной коммуникации между сторонниками экстре-

мальных практик и людьми, изначально не знакомыми с субкультурой экстрима.

Вторым важным механизмом повышения вовлеченности членов общества в экстремальные практики является их институционализация, что проявляется в формировании организаций, предоставляющих услуги по обучению экстремальным видам деятельности, развитие соответствующих сообществ, клубов, секций, возникновение специальных услуг по приобщению к экстремальной деятельности. В совокупности все это создает серьезные предпосылки для роста числа людей, активно занимающихся экстремальными формами деятельности.

Оценивая текущие тенденции развития экстремальных практик, следует отметить, что существует две основные формы развития экстрима в социальной среде – стихийный и институционально определенный. Стихийное развитие экстремальной сферы связано, преимущественно, с приобщением членов общества к субкультуре экстрима и, соответственно, его ценностным ориентирам, не сопряженное с реализацией институционального аспекта развития экстремальных практик, в результате чего новый носитель экстремальной деятельности осваивает ее самостоятельно, не обладая изначальным пониманием техники безопасности, основных рисков экстремальной деятельности, допустимых и недопустимых способов выполнения определенных действий. Стихийная экстремальная деятельность имеет чрезвычайно высокий деструктивный потенциал, поскольку речь идет о сценарии включения в опасные формы деятельности в условиях слабого понимания их специфики, и нередко – при отсутствии необходимой материально-технической базы для снижения рисков при осуществлении экстремальных видов деятельности. Так, например, человек может разучивать трюки на роликах, не обладая защитным снаряжением и не владея последовательностью действий, необходимой для закрепления конкретного навыка. Общий анализ механизмов развития экстремальных видов деятельности в социальной среде свидетельствует о том, что стихийное развитие экстремальной деятельности представляет собой первоначальный этап становления экстремальной сферы в рамках конкретного общества. При условии локальной востребованности экстремальных видов активности, стихийное развитие экстрима сменяется его институционализацией, что проявляется в формировании специфических сообществ, а также формировании развитых практик по адекватному приобщению к экстремальным видам спорта. С учетом того, что распространение элементов субкультуры экстрима реализуется естественным образом (и потому сложно говорить о каких-либо возможностях по его ограничению), на наш взгляд, развитие институциональных аспектов экстремальной деятельности представляет собой значимый шаг по преодолению рисков, связанных с некомпетентным ее осуществлением.

Таким образом, институционализация экстремальной сферы активности представляет собой весомый шаг по снижению социальных рисков, связанных с ее некомпетентным осуществлением

одиночками или группами энтузиастов. При этом, говоря об институционализации экстрима, мы подразумеваем не только наличие коммерческих организаций, направленных на предоставление услуг носителям экстремальной активности, но и, в первую очередь, возникновение механизмов

Литература:

1. *Букейханов Н.Р.* Иерархия потребностей А. Маслоу и потребность в управлении / Н.Р. Букейханов, С.И. Гвоздкова, А.П. Никищечкин // *Российские регионы: взгляд в будущее.* 2017. № 4. С. 15–28.
2. *Завьялова Н.В.* Сущностные характеристики экстремальности / Н.В. Завьялова // *ИСОМ.* 2013. № 6. С. 114–120.
3. *Родыгина Ю.К.* Особенности личностной структуры лиц экстремальных профессий / Ю.К. Родыгина // *Ученые записки университета Лесгафта.* 2009. № 8. С. 106–110.
4. *Малик Я.К.* Развитие личности в экстремальных видах спорта / Я.К. Малик // *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения.* 2014. № 36. С. 20–25.
5. *Шульгин А.С.* Экстремальные субкультуры: теоретико-методологические аспекты исследования / А.С. Шульгин // *Russian Journal of Education and Psychology.* 2017. № 6. С. 19–28.
6. *Тужба Э.Н.* Глобализация культуры: основные измерения и последствия / Э.Н. Тужба // *Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. Научный журнал.* СПб., 2011. Вып. 1. Т. 15.

передачи опыта от опытных экстремалов по отношению к новичкам, не обладающим достаточными знаниями и, соответственно, входящим в группу риска получения травм в процессе приобщения к экстремальным видам спорта.

Literature:

1. *Bukeikhanov N.R.* Hierarchy of A. Maslow's needs and the need for management / N.R. Bukeikhanov, S.I. Gvozdokova, A.P. Nikishechkin // *Russian regions: a look into the future.* 2017. № 4. P. 15–28.
2. *Zavyalova N.V.* Essential characteristics of extremality / N.V. Zavyalova // *ISOM.* 2013. № 6. P. 114–120.
3. *Malik J.K.* Personality development in extreme sports / J.K. Malik // *Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application.* 2014. № 36. P. 20–25.
4. *Rodygina Yu.K.* Features of the personal structure of persons of extreme professions / Yu.K. Rodygina // *Scientific notes of the University of Lesgaft.* 2009. № 8. P. 106–110.
5. *Shulgin A.S.* Extreme subcultures: theoretical and methodological aspects of research / A.S. Shulgin // *Russian Journal of Education and Psychology.* 2017. № 6. P. 19–28.
6. *Tuzhba E.N.* Globalization of culture: main dimensions and consequences / E.N. Tuzhba // *Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. Science Magazine.* SPb., 2011. Iss. 1. Vol. 15.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Асланян Руслан Георгиевич
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
aslanyanruslan@mail.ru

СИСТЕМА ТИПИЧНЫХ И НЕТИПИЧНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРЕДПИСАНИЙ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассматриваются множество нормативных правовых предписаний, составляющих особенную часть уголовного права в призме их классификация. В зависимости от соответствия нормативного предписания его эталонному стандарту, в статье предложено деление их на типичные и нетипичные. Типичные предписания в логически цельной форме содержат суждение законодателя о преступности и наказуемости деяния. Нетипичные содержательно раскрывают только один компонент структуры предписания. Нетипичные предписания особенной части уголовного права призваны выполнять важные функции в обеспечении ее системных свойств. Это позволяет их классифицировать на системосохраняющие, включая правила о формировании правил и правила о применении правил, и системоразвивающие или адаптационные.

Ключевые слова: особенная часть уголовного права, нормативное правовое предписание, уголовно-правовая норма, классификация.

Содержание нормативного предписания особенной части уголовного права образует суждение законодателя об основаниях (в гипотезе) и пределах (в диспозиции) наказуемости того или иного преступления. Признаки конкретного состава преступления, отличающие его от иных составов, и размер санкции определяются в предписании, закрепленном в тексте уголовного закона, и не могут в силу требований принципа законности быть фиксированы в иных нормативных правовых актах.

Такое нормативное предписание, отвечающее всем его общим признакам, соотносится с разработанным в теории права понятием «типичной правовой нормы». И хотя четкого определения типичной нормы в литературе встретить не удалось (как правило, основное внимание специалистов сосредотачивается на формулировании признаков ее антипода – «нетипичной нормы»), можно утверждать, что типичная правовая норма это та, что содержит все требуемые для определения поведения субъектов правоотношения содержательные и структурные элементы. В нашем

Ruslan G. Aslanyan
Associate Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
aslanyanruslan@mail.ru

THE SYSTEM OF TYPICAL AND ATYPICAL REGULATIONS OF THE SPECIAL PART OF CRIMINAL LAW

Annotation. The article examines the set of normative legal prescriptions that make up a special part of criminal law in the prism of their classification. Depending on the compliance of the regulatory requirement with its reference standard, the article suggests dividing them into typical and atypical. Typical prescriptions contain, in a logically coherent form, the legislator's judgment on the criminality and punishability of the act. Atypical content reveals only one component of the prescription structure. Atypical prescriptions of a special part of criminal law are designed to perform important functions in ensuring its systemic properties. This allows them to be classified into system-preserving, including rules on the formation of rules and rules on the application of rules, and system-developing or adaptive.

Keywords: special part of criminal law, normative legal order, criminal law norm, classification.

случае типичное уголовно-правовое предписание особенной части – это то, что содержит в полном виде законодательное суждение о специфических признаках отдельного преступления и его наказуемости (например, «разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, – наказывается принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок до восьми лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет или без такового»). Объем таких предписаний исчерпывается статьями особенной части УК РФ. И если ориентироваться в их поиске на части статьи особенной части УК РФ, то типичных предписаний в действующем законе (по состоянию на 28.02.2021) насчитывается 944.

Этот массив предписаний особенной части уголовного права не является монохромным и вполне может быть разбит на группы. В частности,

- в зависимости от содержания и направленности описываемого преступления, они могут быть классифицированы на предписания, содержание основания ответственности за преступление против жизни, против здоровья, против собственности и т.д.;
- в зависимости от степени опасности закрепленного в предписании состава преступления, на те, что содержат основной, привилегированный, квалифицированный состав;
- в зависимости от специфики описания состава преступления, на предписания с бланкетными (ч. 1 ст. 264 УК РФ и др.), отсылочными (ч. 1 ст. 117 УК РФ), описательными (ч. 1 ст. 111 УК РФ), назывными (ст. 329 УК РФ) гипотезами;
- в зависимости от особенностей описания государственных возможностей в части назначения наказания, на предписания с абсолютно определенными (теоретически моделируемые), относительно определенными (ч. 1 ст. 205 УК РФ), альтернативными (ч. 2 ст. 172 УК РФ), кумулятивными (ч. 2 ст. 205 УК РФ) диспозициями.

Вместе с тем, должно быть очевидно, что классификации подобного рода, по большому счету, являются искусственными и мало что дают для познания самих предписаний. Они имеют значение для исследования проблем преступления, состава преступления, юридической техники, но не приносят новой информации в процесс изучения собственно предписаний особенной части уголовного права. По этой причине градацией типичных предписаний в последующем изложении можно, до известной степени, пренебречь. Не случайно, по-видимому, и в общей теории права вопросам классификации типичных правовых норм практически не уделяется особого внимания, а если это и происходит, то такая градация непосредственно связывается с функциями права, то есть опять же выходит за пределы познания собственно правовых норм [1].

Гораздо больший познавательный интерес в плане классификации традиционно вызывают «нетипичные» правовые нормы или правовые предписания. Объективное развитие право таково, что стандартных предписаний, строящихся по типу «если – то», становится все более недостаточно для упорядочения правоотношений. Процессы специализации, дифференциации, конкретизации, интеграции, унификации и т.д. приводят к появлению целого ряда нормативных предписаний, которые не укладываются в эту традиционную логику, и которые в силу этого получили в теории права именование «нетипичных».

Надо отметить, что при общем понимании самого факта наличия таких предписаний, их интерпретация в теоретической науке далека от единообразия, причем, начиная с терминологии, которая используется для их описания. Их называют «нетипичными» нормативными предписаниями [2], «предписаниями, не выражающими нормы права» [3], «исходными нормами права» [4], «специализированным» нормами [5], «нестандартными» [6]. Нет единства и в части понимания

признаков, по которым эти предписания отличаются от «типичных» или «стандартных». Высказаны суждения о том, что нетипичные предписания лишены некоторых свойств типичных (например, нормативности, завершенности, общеобязательности) и (или) не выполняют главной функции права – не регулируют правоотношения. При этом специалисты по-разному расставляют акценты на этих обстоятельствах. Некоторые авторы подчеркивают функциональные особенности нетипичных предписаний. Так, например, В.А. Рыбаков пишет, что «нетипичные нормы права не являются правилами поведения субъектов права в конкретной ситуации, а содержат определенные положения, обеспечивающие действие типичных норм права» [7]. Равным образом А.В. Баранов отмечает, что эти нормы «не имеют своей целью непосредственное воздействие на общественные отношения, установление конкретных правил поведения людей и их коллективов» [8]. О.Ф. Скакун подтверждает, что специализированные нормы «сами не регулируют общественные отношения и как бы присоединяются к регулятивным и охранительным нормам» [9]. Другие специалисты в большей степени образуются к признакам нетипичных предписаний. В.Ю. Чуфаров видит в низ нормативные предписания, закрепленные в тексте нормативно-правового акта, в котором отсутствуют какие-либо существенные признаки, присущие классической модели правовой нормы, но призванное регулировать определенным образом общественные отношения [10]. А.Р. Барахоева также указывает, что нестандартные нормативные предписания лишены некоторых классических нормативных свойств, но выполняют важную вспомогательную функцию в нормативно правовом регулировании [11]. В.М. Горшенев отмечает, что они «лишены традиционной логичности нормы права, не содержат или почти не содержат некоторых ее естественных элементов, в силу чего выглядят композиционно несовершенными, структурно незавершенными» [12]. Ю.В. Блохин полагает, что эти предписания отличаются от типичных, традиционных форм изложения нормативно-правового материала по своим текстуальным, логико-грамматическим параметрам [13].

По нашему представлению, нет оснований в определении нетипичных предписаний ограничиваться только их функциональными или структурными особенностями. Истина в данном случае лежит в области совмещения подходов. Обсуждаемые нормативные предписания, во-первых, являются собственно нормативными, так как содержат официальные, общеобязательные, государственные веления; во-вторых, вполне типичными, поскольку активно используются, а темпы и объемы их использования только нарастают. Нетипичность или нестандартность этих предписаний следует усматривать в иных их особенностях. А именно:

- такие предписания не содержат в цельной логической форме указания одновременно на преступность и наказуемость деяний, если они содержательно посвящены этим вопросам, то только части из них, в связи с чем они обладают

нетипичной структурой, не имеют в своем составе гипотезы и диспозиции;

– если в таких предписаниях структурно выделяются гипотеза и диспозиция, то содержательно они могут охватывать только один компонент уголовно-правовой нормы – или его гипотезы или диспозиции;

– в силу своих содержательно-структурных особенностей такие предписания необязательно должны быть зафиксированы в статьях особенной части уголовного закона;

- эти предписания призваны выполнять в правовом регулировании ряд функций, которые не доступны для типичных предписаний.

Таких нетипичных предписаний, содержательно тяготеющих к особенной части уголовного права, гораздо больше, нежели предписаний типичных. В этой связи их познание с необходимостью требует отдельной, самостоятельной классификации. Стоит отметить, однако, что в теории права не сложилось единого подхода к классификации нетипичных предписаний. Более того, анализ показывает, что целостной и развернутой их градации, которая бы совмещала различные критерии и позволяла бы охватить нетипичные предписания целиком и всесторонне, в литературе не представлено. Некоторые авторы вообще ограничиваются простым перечислением исследуемых предписаний, указывая, что к таковым относятся принципы права, определения (дефиниции), декларации, правовые презумпции, фикции, оперативные и коллизионные предписания [14]. Очевидно, что такой подход не может быть взят за основу. В решении задачи классификации нетипичных предписаний особенной части уголовного права следует, на наш взгляд, учитывать, что таковые: а) являются элементом системы уголовно-правовых предписаний и потому должны отражать системные свойства права; б) являются системным элементом уголовно-правовой нормы и потому должны отражать ее содержание. С учетом этого, полагаем, что классификация нетипичных нормативных правовых предписаний особенной части уголовного права должна строиться, в первую очередь, с точки зрения их роли и места именно в системе уголовного права.

В общей теории права отдельными специалистами отмечается это принципиальное обстоятельство. Так, А.В. Баранов указывает, что специализированные нормы оказывают системоопределяющее, системообеспечивающее и системоадаптирующее воздействие на систему права в целом и на формирование и состояние отдельных отраслей и институтов права в частности [15]. Аналогичные суждения высказывает В.Ю. Чуфаров, когда классифицирует нетипичные нормативные предписания в зависимости от функциональной роли, на системоформирующие (нормы-цели, нормы-задачи, дефиниции), системооптимизирующие (презумпции, фикции), системообразующие (рекомендации, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации) [16]. В рамках этой же логики выдержана позиция

А.И. Бойко, который в системе уголовного права выделяет два типа положений: гомеостатические (обеспечивающие сохранение цельности уголовного права) и адаптационные (обеспечивающие приспособление уголовного права к давлению внешней среды) [17]. Особое внимание системосохраняющему механизму уголовного права, структуру которого образуют принципы, цели, задачи, презумпции, фикции, преюдиции, пробельные и коллизионные правила, правоположения, уделяет в своей работе А.В. Денисова [18].

Этот подход заслуживает пристального внимания. Взяв его за основу, можно предложить следующую градацию нетипичных нормативных правовых предписаний особенной части уголовного права.

В зависимости от функциональной роли в обеспечении системного функционирования уголовного права, нетипичные нормативные предписания особенной части уголовного права могут быть классифицированы на две большие группы: системосохраняющие и системообразующие. Как и в любом теоретическом построении используемая здесь терминология одновременно и условна, и конвенциональна.

1. К *системообразующим* можно отнести такие нетипичные предписания, которые обеспечивают единство и целостность особенной части уголовного права, ее функционирования в качестве системного, внутренне непротиворечивого механизма. Конечно, большую роль в решении этой задачи играют предписания, имеющие всеобщий, универсальный характер, распространяющие свое действие на всю область уголовного права и расположенные в силу такой универсальности в общей части уголовного закона. Речь идет, прежде всего, о задачах уголовного права, его принципах, определении фундаментальных категорий преступления и наказания. К ним же следует отнести и выработанные Конституционным Судом РФ общие правила криминализации общественно опасных деяний. Однако, учитывая, что содержательно такие предписания не ограничены исключительно сферой особенной части уголовного права, в рамках нашего анализа они не могут рассмотрены. К специфическим системосохраняющим предписаниям именно особенной части уголовного права следует отнести только те, что имеют более узкую направленность, и распространяют свое действие либо исключительно на предписания особенной части (не включая общую часть уголовного права), либо на отдельные группы и виды предписаний особенной части уголовного права. Такие нетипичные нормативные правовые предписания могут иметь несколько видов. В теоретическом отношении полезным представляется их членение на те, которые состоят из правил о содержании норм права, и на те, которые содержат правила о действии и применении норм права [19].

А) Правила о правилах:

– *Нормативные принципы криминализации отдельных видов преступлений* относятся к разряду правил о содержании норм права. Как пишет

А.В. Баранов, они, хотя и непосредственно правила поведения не выражают, но тем не менее выступают в качестве общего образца узаконенного установления, определяя не столько модель поведения субъектов права, сколько модель содержания и характера правового регулирования в целом [20].

Так, например, Суд сформулировал принципиальное правило определяющее допустимость уголовно-правовой охраны предпринимательской деятельности: «предпринимательская деятельность является объектом государственной защиты постольку, поскольку она осуществляется лицами, которые имеют соответствующий статус и выполняют обусловленные этим статусом предусмотренные законом и (или) не противоречащие ему экономические функции, направленные на получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» [21].

В рамках нашего исследования не представляется возможным провести полную ревизию решений органа конституционной юстиции на предмет выявления и формулирования принципов криминализации отдельных видов преступлений или принципов отдельных институтов особенной части уголовного права. Это большая и совершенно отдельная работа, которая, теме не менее, должна быть проведена в науке при проведении исследований, посвященных отдельным институтам особенной части уголовного права.

– *Нормативные понятия.* Эти предписания также относятся к группе тех, что определяют содержание правовых норм. Нормы-дефиниции «выступают соединительной тканью определенной структуры законодательства, обеспечивают надежную связь нормативных предписаний определенных видов между собой» [22]. Как отмечает Л.Ф. Апт, дефиниции в современных условиях все более утрачивают свойства нетипичности, превращаясь в традиционные и едва ли не обязательные предписания любой отрасли права [23]. По этой причине, видимо, объем общетеоретической и отраслевой уголовно-правовой литературы, которая посвящена исследованию дефиниций, достаточно велик, а сама эта тема входит в пул наиболее актуальных.

Тема дефиниций особенной части уголовного права не менее обширна. Ее исследование давно и последовательно приводит специалистов к выводу о целесообразности создания терминологического словаря непосредственно в структуре УК РФ [24] по аналогии с законодательными решениями, воплощенными в УК Беларуси, УК Казахстана и некоторых иных стран. Очевидно, что реализация такого рода предложений выведет проблематику дефиниций за пределы особенной части уголовного права и придаст ей всеобщее значение. Однако должно быть столь же очевидным, что дефинитивная глава уголовного закона, когда или если она будет создана, не сможет охватить собой всех понятий и терминов, в связи с чем вопросы нормативного определения понятий особенной части уголовного права и в этом случае не утратят своей актуальности.

Исследование дефинитивных предписаний особенной части уголовного права является весьма перспективным направлением. Полагаем, что повышение качества и эффективности правового регулирования настоятельно требует и увеличения таких предписаний. Это актуализирует проблему их отбора, содержательного направления и юридико-технического оформления в источниках уголовного права.

Б) Правила о действии правил:

– *Правоположения.* Это нетипичный вид нормативных предписаний особенной части уголовного права, функционально предназначенный для преодоления и разрешения коллизионных ситуаций, возникающих между отдельными предписаниями закона в процессе их применения. Как верно отмечает Б.Я. Яценко, в действующей системе уголовного законодательства противоположения не находят отражения в виде самостоятельных норм и объективируются вовне в актах правоприменительных органов, прежде всего в разъяснениях высших судебных инстанций [25]. Такие нормативные положения составляют значительную часть в массиве предписаний, формулируемых Верховным Судом РФ. С содержательной стороны, они могут быть классифицированы на виды, в зависимости от того, какой вид конкуренции ими разрешается. В частности, можно выделить противоположения, которые разрешают:

– конкуренцию предписаний, соотносящихся между собой как часть и целого (например, п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 устанавливает: «В случае, когда виновное лицо, первоначально незаконно лишившее человека свободы, в дальнейшем переместило потерпевшего в другое место, содеянное квалифицируется по соответствующей части статьи 126 УК РФ без дополнительной квалификации по статье 127 УК РФ» [26]);

– конкуренцию общего и специального предписания (например, п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 предписывает: «С учетом того, что нормы об ответственности за мелкое взяточничество и мелкий коммерческий подкуп являются специальными по отношению к положениям статей 290, 291, 204 УК РФ, получение или дача взятки, а равно предмета коммерческого подкупа в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, следует квалифицировать по части 1 статьи 291.2 УК РФ либо части 1 статьи 204.2 УК РФ независимо от того, за какие действия (законные или незаконные), в каком составе участников (единолично или группой лиц), а также при наличии других квалифицирующих признаков взяточничества и коммерческого подкупа они совершены [27]);

– конкуренцию специальных предписаний (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 провозгласил на этот счет: «Если использование должностным лицом своих служебных полномочий выразилось в хищении чужого имущества, когда фактически произошло его изъятие, содеянное полностью охватывается частью 3 статьи 159 УК РФ или частью 3 статьи

160 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 285 УК РФ не требует [28]);

– иерархическую конкуренцию (например, п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 установил, что «международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, должны применяться судами Российской Федерации в тех случаях, когда норма Уголовного кодекса Российской Федерации прямо устанавливает необходимость применения международного договора Российской Федерации (например, статьи 355 и 356 УК РФ)» [29].

– Оперативные предписания. Это группа правил, определяющих пространственно-временные пределы действия типичных уголовно-правовых предписаний особенной части. В силу своей всеобщности они, как правило, относятся к группе предписаний общей части уголовного права. Однако законодатель и правоприменитель могут выработать предписания, которые по сути своей имеют специальный характер, рассчитаны на случаи совершения строго определенных преступлений, и в этом отношении содержательно ограничены применением лишь некоторых предписаний особенной части уголовного права.

2. К системоразвивающим нетипичным предписаниям особенной части уголовного права нами отнесены те, что обеспечивают развитие уголовного права и его приспособление, адаптацию к меняющимся условиям внешней среды. Такие предписания, в зависимости от предусмотренного в них механизма адаптации, можно условно разделить на две группы:

Литература:

1. К примеру, С.С. Алексеев в своем классическом произведении, фактически ограничивается делением типичных правовых норм на охранительные и регулятивные, а также отмечает, что логические нормы права, как правило, вообще не подразделяются на какие-либо виды, разве что по сфере действия и юридической силе. См.: Алексеев С.С. Общая теория права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект. 2009. С. 314.
2. Рыбаков В.А. Нетипичные нормы права / В.А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3. С. 24.
3. Давыдова М.Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве : учеб. пособие. Волгоград : Изд-во Волгогр. ун-та, 2001. С. 13.
4. Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2014. С. 230.
5. Баранов А.В. Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права / А.В. Баранов // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4(53). С. 14.

– предписания, которые содержат отсылку к меняющимся социальным условиям функционирования уголовно-правовой нормы (например, примечание к ст. 141.1 УК РФ связывает условия признания деяния преступным с размером избирательного фонда - крупным размером признаются размер суммы денег, стоимость имущества или выгод имущественного характера, которые превышают одну десятую предельной суммы всех расходов средств избирательного фонда; аналогичный прием использован в примечании 3 к ст. 185.3 2, примечании 3 к ст. 200.1 УК РФ);

– предписания, которые содержат отсылку к меняющейся нормативной базе регулирования охраняемых уголовным законом отношений (например, примечание к ст. 143 УК РФ в обобщенном виде устанавливает, что под требованиями охраны труда понимаются государственные нормативные требования охраны труда, содержащиеся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах РФ, законах и иных нормативных правовых актах субъектов РФ; аналогичный прием использован в примечании к ст. 144.1 УК РФ, примечании к ст. 191 УК РФ).

Классификация нетипичных нормативных предписаний особенной части уголовного права, построенная в зависимости от их роли и функций в обеспечении системности уголовного права, может быть признана основной. Она в достаточной степени отражает специфику этих предписаний и их значение для развития отрасли и ее эффективного функционирования.

Literature:

1. For example, S.S. Alekseev in his classic work, in fact, is limited to the division of typical legal norms into protective and regulatory, and also notes that logical norms of law, as a rule, are not divided into any types at all, except for the scope and legal force. See: S.S. Alekseev. General Theory of Law : textbook. 2nd ed., reprint. and add. M. : Prospect. 2009. P. 314.
2. Rybakov V.A. Atypical norms of law / V.A. Rybakov // Bulletin of the Omsk University. The "Right" series. 2013. № 3. P. 24.
3. Davydova M.L. Normative-legal prescriptions in the Russian legislation : Training manual. Volgograd : Publishing House of the Volgogr. un-ta, 2001. P. 13.
4. Morozova L.A. Theory of State and law : textbook. 5th ed., reprint. and add. M. : Norm, Infra-M, 2014. P. 230.
5. Baranov A.V. System-defining specialized norms of modern Russian law / A.V. Baranov // Bulletin of the Omsk University. The «Right» series. 2017. № 4 (53). P. 14.

6. *Барахоева А.Р.* Нестандартные нормативные предписания как элемент права / А.Р. Барахоева // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2015. № 14(14).
7. *Рыбаков В.А.* Нетипичные нормы права / В.А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3(36). С. 24.
8. *Баранов А.В.* Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права / А.В. Баранов // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4(53). С. 13.
9. *Скакун О.Ф.* Теория государства и права : учебник. Харьков : Консум, Ун-т внутр. дел, 2000. С. 296–297.
10. *Чуфаров В.Ю.* Нетипичные нормативные предписания в трудовом праве / В.Ю. Чуфаров // Право и государство: теория и практика. 2009. № 11(59). С. 44.
11. *Барахоева А.Р.* Нестандартные нормативные предписания как элемент права / А.Р. Барахоева // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2015. № 14(14). С. 108.
12. *Горшенев В.М.* Нетипичные нормативные предписания в праве / В.М. Горшенев // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 115.
13. *Блохин Ю.В.* Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 13–14.
14. *Алексеев С.С.* Общая теория права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект. 2009. С. 319; *Барахоева А.Р.* Нестандартные нормативные предписания как элемент права / А.Р. Барахоева // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2015. № 14(14). С. 108; *Баранов А.В.* К вопросу о понятии и месте специализированных норм в системе российского права / А.В. Баранов // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1(50). С. 26.
15. *Баранов А.В.* Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права / А.В. Баранов // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4(53). С. 13.
16. *Чуфаров В.Ю.* Нетипичные нормативные предписания в трудовом праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 6.
17. *Бойко А.И.* Система и структура уголовного права : в 3 т. Т. III: Структура уголовного права и ее идентификация в национальной юриспруденции. Ростов-н/Д. : СКАГС, 2008. С. 38–42.
18. *Денисова А.В.* Системность российского уголовного права. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 369.
19. *Леканова Е.Е.* Системоопределяющие нормативно-правовые предписания / Е.Е. Леканова // Антиномии. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 76.
6. *Barakhoeva A.R.* Non-standard normative prescriptions as an element of law / A.R. Barakhoeva // Actual problems of the theory and history of the legal system of society. 2015. № 14(14).
7. *Rybakov V.A.* Atypical norms of law / V.A. Rybakov // Bulletin of the Omsk University. The «Right» series. 2013. № 3(36). P. 24.
8. *Baranov A.V.* System-defining specialized norms of modern Russian law / A.V. Baranov // Bulletin of the Omsk University. The «Right» series. 2017. № 4(53). P. 13.
9. *Skakun O.F.* Theory of State and Law : textbook. Kharkiv : Consum, Un-t of Internal Affairs, 2000. P. 296–297.
10. *Chufarov V.Yu.* Atypical normative prescriptions in labor law / V.Yu. Chufarov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2009. № 11(59). P. 44.
11. *Barakhoeva A.R.* Non-standard normative prescriptions as an element of law / A.R. Barakhoeva // Actual problems of the theory and history of the legal system of society. 2015. № 14(14). P. 108.
12. *Gorshenev V.M.* Atypical normative prescriptions in law / V.M. Gorshenev // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1978. № 3. P. 115.
13. *Blokhin Yu.V.* Criteria for distinguishing normative-legal prescriptions from non-normative ones in the Soviet legislation (on the example of atypical prescriptions) : autoref. dis. ... cand. jurid. nauk. M., 1991. P. 13–14.
14. *Alekseev S.S.* General theory of law : textbook. 2nd ed., reprint. and add. M. : Prospect. 2009. P. 319; *Barakhoeva A.R.* Non-standard normative prescriptions as an element of law / A.R. Barakhoeva // Actual problems of the theory and history of the legal system of society. 2015. № 14(14). P. 108; *Baranov A.V.* On the question of the concept and place of specialized norms in the system of Russian law / A.V. Baranov // Bulletin of the Omsk University. The «Right» series. 2017. № 1(50). P. 26.
15. *Baranov A.V.* System-defining specialized norms of modern Russian law / A.V. Baranov // Bulletin of the Omsk University. The «Right» series. 2017. № 4(53). P. 13.
16. *Chufarov V.Yu.* Atypical normative prescriptions in labor law : autoref. dis. ... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2010. P. 6.
17. *Boyko A.I.* System and structure of criminal law : in 3 vol. Vol. III: The structure of criminal law and its identification in national jurisprudence. Rostov-on/D. : SKAGGS, 2008. P. 38–42.
18. *Denisova A.V.* The systemic nature of Russian criminal law. M. : YurLitinform, 2018. P. 369.
19. *Lekanova E.E.* System-defining normative-legal prescriptions / E.E. Lekanova // Antinomies. 2019. Vol. 19. Iss. 1. P. 76.

20. Баранов А.В. К вопросу о понятии и месте специализированных норм в системе российского права / А.В. Баранов // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1(50). С. 22–23.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 2.
22. Заец А.П. Система советского законодательства (проблемы согласованности). Киев : Наукова думка, 1987. С. 23.
23. Апт Л.Ф. Нетипичные предписания в федеральном законодательстве / Л.Ф. Апт // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 3(13). С. 25–43.
24. Кузнецова Н.Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства / Н.Ф. Кузнецова // Уголовное право в XXI веке. Материалы междунар. науч. конф. (МГУ имени М.В. Ломоносова, 31 мая – 02 июня 2002). М. : ЛексЭст, 2002. С. 7–12; Кострова М.Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ / М.Б. Кострова // Журнал Российского права. 2003. № 12(84). С. 80–88; Бойко А.И. Системная среда уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 47–48.
25. См. Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования. М. : МЮИ МВД России, 1996. С. 198; Яцеленко Б.В. Правоположения в уголовном праве / Б.В. Яцеленко // Государство и право. 2000. № 6. С. 34–40.
26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.
27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.
28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.
29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.
20. Baranov A.V. On the question of the concept and place of specialized norms in the system of Russian law / A.V. Baranov // Bulletin of the Omsk University. The «Right» series. 2017. № 1(50). P. 22–23.
21. The decision of the constitutional Court of the Russian Federation dated 11.12.2014 № 32-P «On the case about the verification of constitutionality of the provisions of article 159.4 of the Criminal code of the Russian Federation in connection with the request of the court of the Salekhard city Yamal-Nenets Autonomous region», Bulletin of the constitutional Court of the Russian Federation. 2015. № 2.
22. Zayets A.P. The system of Soviet legislation (problems of consistency). Kiev : Naukova dumka, 1987. P. 23.
23. Apt L.F. Atypical prescriptions in federal legislation / L.F. Apt // Leningrad Law Journal. 2008. № 3 (13). P. 25–43.
24. Kuznetsova N.F. Main trends in the development of Russian criminal legislation / N.F. Kuznetsova // Criminal law in the XXI century. Materials of the International Journal. scientific conference (Lomonosov Moscow State University, May 31 – June 2, 2002). M. : LeksEst, 2002. P. 7–12; Kostrova M.B. Definition of concepts and terms used in the Criminal Code of the Russian Federation / M.B. Kostrova // Journal of Russian Law. 2003. № 12(84). P. 80–88; Boyko A.I. System environment of criminal law: auto-ref. dis. ... doctor of Law. M., 2008. P. 47–48.
25. See: Yatselenko B.V. Contradictions of legal regulation. M. : MUY MVD Rossii, 1996. P. 198; Yatselenko B.V. Provisions in criminal law / B.V. Yatselenko // State and law. 2000. № 6. P. 34–40.
26. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.12.2019 № 58 «On judicial practice in cases of kidnapping, false imprisonment and human trafficking» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. № 3.
27. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2013 № 24 (ed. of 24.12.2019) «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. № 9.
28. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.10.2009 № 19 (ed. of 11.06.2020) «On judicial practice in cases of abuse of official powers and abuse of official powers» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009. № 12.
29. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.10.2003 № 5 (ed. of 05.03.2013) «On the application by courts of general jurisdiction of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. № 12.

Бежанов Аслан Иванович
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
aslanbezhanov1994@gmail.com

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОСТАВЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА (ОРГАНИЗАЦИИ) НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА КАК ОСНОВАНИЕ ИХ КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается уголовно-правовое понимание общественной опасности деяния как основания его криминализации. Дается представление о современном состоянии террористической безопасности общества, действующих террористических организациях. Проводится анализ общественной опасности преступлений, совершаемых в составе террористического сообщества (организации) на территории иностранного государства.

Ключевые слова: уголовная ответственность, общественная опасность преступлений, террористическое сообщество, террористическая организация, основания криминализации преступлений, противодействие преступности.

На рубеже XX–XXI века терроризм стал одной из наиболее серьезных проблем не только отдельно взятых государств, но и всего человечества. Многообразие форм террористической деятельности, ее масштаб и непредсказуемость последствий создают реальную угрозу, влекут гибель людей, разрушение сложившихся морально-этических устоев, изменение политических режимов и ухудшение экономического состояния целых стран. Терроризм давно перестал быть локальной проблемой и превратился в новое оружие, сравнимое с тем, которое нацелено на поражение значительных масс населения. Не имея четко выраженных границ, он приобрел глобальный, международный характер. Возникая в виде локального явления под воздействием социально-политических проблем, организации, избирающие террористический путь достижения своих целей, распространяют свое влияние далеко за пределы локации конфликта.

Учитывая трагические страницы истории Российской Федерации, омраченные произошедшими в XXI веке террористическими актами на ее территории, руководство страны демонстрирует

Aslan I. Bezhanov
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
aslanbezhanov1994@gmail.com

THE PUBLIC DANGER OF CRIMES COMMITTED AS PART OF A TERRORIST COMMUNITY (ORGANIZATION) ON THE TERRITORY OF A FOREIGN STATE AS THE BASIS FOR THEIR CRIMINALIZATION

Annotation. The article considers the criminal-legal understanding of the public danger of an act as the basis for its criminalization. The article gives an idea of the current state of the terrorist security of society and active terrorist organizations. The analysis of the public danger of crimes committed as part of a terrorist community (organization) on the territory of a foreign state is carried out.

Keywords: criminal liability, public danger of crimes, terrorist community, terrorist organization, grounds for criminalization of crimes, counteraction to crime.

активную антитеррористическую позицию, отражающуюся как в нормативно-правовом регулировании, так и пресечением фактов террористической угрозы за пределами государства [1, с. 40–47].

Изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), внесенные в 2013 году путем принятия Федерального закона от 02.11.2013 года № 302-ФЗ, повлекли криминализацию таких противоправных деяний, как организация террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ) и организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ).

Статья 205.4 УК РФ устанавливая ответственность за создание террористического сообщества, руководство таким сообществом либо участие в нем, как справедливо отмечает В.С. Соловьев, не предусматривает ответственности за совершение членами террористического сообщества действий, которые образуют самостоятельные составы преступлений [2, с.18]. Так совершенные преступления, перечисленных в ч. 1 ст. 205.4

УК РФ (ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ), образует совокупность преступлений.

Одномоментно со статьей 205.4 УК РФ в действие введена статья 205.5 УК РФ, устанавливающая ответственность за организацию и участие в деятельности террористической организации, которая признана таковой в соответствии со статьей 24 Федерального закона от 06.03.2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [3].

Криминализация в отечественном законодательстве обозначенных деяний обусловлена происходящими политическими и экономическими изменениями, характерными как для стран ближнего востока и северной Африки, так и ближнего зарубежья, непосредственно затрагивающими как интересы Российской Федерации, так и гарантии ее территориальной целостности, обеспечения национальной безопасности. Существующие террористические организации нацелены на насильственное изменение политического строя, территориальной целостности, идейных мировоззрений, а также нередко используют свои ресурсы и в иных целях (например, выполнение политических заказов путем проведения терактов, акций устрашения на территории других стран). Среди наиболее известных действующих террористических организаций выделяют «ИГИЛ» (Исламское государство Ирака и Леванта), «Аль-Каида», «Боко Харам», «ХАМАС» и другие [4]. Единый федеральный список организаций, отнесенных в соответствии с законодательством Российской Федерации к террористическим, в настоящее время насчитывает более 30 наименований [5].

Подобные образования на современном уровне развития общества не редко позиционируют себя как оппозиционные движения, противопоставляющие себя легитимной власти, использующие любые доступные способы политической и экономической манипуляции, в том числе и носящие явный преступный характер.

Проведенный анализ статистической информации за последнее десятилетие, отражающей уровень совершения преступлений террористического характера и экстремистской направленности, свидетельствует о сохранении общей тенденции к увеличению числа таких преступлений.

Так по итогам 2011 года совершено 622 преступления террористического характера и 622 преступлений экстремистской направленности. В 2012 году 637/696, в 2013 году 661/896, в 2014 году 1128/1034, в 2015 году 1538/1329, в 2016 году 2227/1450, в 2017 году 1871/1521, в 2018 году 1679/1265, в 2019 году 1806/585, в 2020 году количество анализируемых преступлений сохранило положительную динамику их число в общей структуре преступности составило 2342/833 соответственно [6].

Как показывает практика, зачастую мы имеем отношение не с обособленными локальными террористическими группами, а с международным терроризмом, на актуальность определения которого уже не раз обращалось внимание [7, с. 85–86]. В

качестве внешних проявлений террористической деятельности организаций, определяющих их деятельность как международную, называют: количественный показатель террористических актов; уровень жестокости террористических актов; влияние совершенных террористических актов на сохранение международной безопасности; количество жертв среди мирного населения; наличие финансирования деятельности террористической организации за счет средств иностранных корпораций (в том числе и транснациональных преступных организаций); устремление на завладение видами оружия массового поражения; пропагандирование радикальных взглядов, выходящее за пределы первоначального локального существования организации (разрастание сферы влияния за пределы одного государства) и т.д. [8, с.141–142]. Вместе с тем многие предлагаемые определения международного терроризма сводятся к тому, что террористическая деятельность осуществляется террористом или террористической организацией за пределами одного государства, либо ее последствия подрывают национальную безопасность более чем одного государства, либо она осуществляется при иностранной поддержке, либо в ней участвуют граждане других государств. Ярким примером такого понимания является определение международного терроризма, закрепленное в национальном законодательстве Киргизии [9].

Проводя анализ процесса криминализация того или иного деяния, следует отметить, что оно вытекает из наличия на то основания. Основание всегда выступает необходимым условием, без которого невозможно принятие решения. Между тем следует понимать, что наличие основания еще не обуславливает обязанность принятия заранее установленного решения. Примечательно, что в юридической науке до настоящего времени отсутствует единый подход к основаниям криминализации (декриминализации) деяний. Вместе с тем, не смотря на наличие разных точек зрения, многие исследователи солидарны в том, что при принятии решения о криминализации (декриминализации) деяния обязательно следует учитывать его общественную опасность. Представляется очевидным, что только за общественно опасное деяние лицо может быть подвергнуто уголовному наказанию.

Общественная опасность это свойство деяния, существующее вне зависимости от его законодательной регламентации. Оно существует объективно вне зависимости от мнения законодателя. Как верно отмечено Л.М. Прокументовым, деяние общественно опасно «потому, что оно по своему объективному содержанию противоречит нормальным условиям жизни данного общества» [10, с. 82]. Свойство общественной опасности присуще всем видам правонарушений, так как, безусловно, выражается в способности деяния причинить тот или иной ущерб. Степень ущерба, причиняемого деянием, может по-разному восприниматься в отличных друг от друга социальных группах под влиянием сложившихся на конкретной территории морально-нравственных, культурных и материальных ценностей, политических и социальных свобод, религиозных

убеждений, обычаев и традиций. Отсюда следует, что общественная опасность в определенной степени свойство субъективное, зависящее от восприятия и отношения общества к конкретному деянию. Степень общественной опасности одного и того же деяния воспринимается по-разному не только в различных социальных группах, но и общественно-экономических формациях. Так с развитием человечества менялось и отношение к одним и тем же деяниям. Например, в 19 веке на территории современной России совершение убийства в драке крестьянами не считалось преступлением, так как считалось, что дерущиеся не стремились совершить убийство. Что касалось совершения убийства крестьянина, совершенного помещиком или баринком, то такое деяние уже с 17 века строго каралось в России, что нельзя сказать о некоторых европейских государствах (например, в Польше), в которых подобное деяние не считалось тяжким, а порой и вовсе не каралось [11]. Безусловно, одним из показателей уровня развития общества выступает его отношение к правам и свободам любого человека вне зависимости от социального положения и внутренних убеждений. Сформировавшаяся шкала социальных ценностей выступает мериллом для определения степени общественной опасности при решении вопроса о криминализации или декриминализации деяния.

Среди элементов деяния, определяющих его общественную опасность, выступают объект посягательства и его объективная сторона. Именно они отражают, насколько деяние представляется опасным для общества. Очевидно, что субъективные признаки состава преступления не влияют на его общественную опасность, так как совершенно не имеет значение кем и из каких побуждений совершено преступлений, так как само по себе оно в равной степени будет наносить вред обществу.

Схема криминализации возникшего деяния всегда неразрывно связана с определением его общественной опасности. Как правило, она может быть представлена следующим механизмом: возникновение общественного отношения; определение возможности правового вмешательства в данные отношения; установление наличия общественной опасности во вновь возникшем отношении; определение возможных государственных мер, направленных на охрану правоотношения.

Проводя анализ в данном аспекте применительно к преступлениям, совершаемым в составе террористического сообщества (организации) на территории иностранного государства, следует отметить, что, как уже было отмечено ранее, в большинстве случаев преступления террористической направленности представляют угрозу неопределенно широкому кругу людей. Выделяется целый ряд международных террористических организаций, представляющих опасность, в том числе, и для Российской Федерации. Однако здесь возникает сложность в установлении непосредственной угрозы таких преступлений для сформировавшихся в нашем государстве общественных отношений, представляющих ценность. Если факт совершения любых видов террористических проявлений на территории Российской Федерации

воспринимается, безусловно, вредным для общества, причиняющим непосредственный ущерб его субъектам, то подобные действия на территории иностранного государства представляют, на первый взгляд, лишь опосредованную общественную опасность. Вместе с тем это не так.

Преступления террористической направленности, совершаемые вне пределов Российской Федерации, так или иначе направлены на нарушение мирного сосуществования государств и народов, нередко сопровождаются созданием опасности для жизни и здоровья, свободы или неприкосновенности людей, в том числе и граждан Российской Федерации. Для лиц, совершающих террористические акции, нет различия, кто станет жертвой их действий на пути достижения намеченных целей. Стремясь к расширению террористического сообщества (организации), они используют любые предлоги для вовлечения новых участников, проводя вербовку в разных уголках света. Действия по вовлечению лиц в совершение преступлений террористической направленности осуществляются как путем личного контакта, так и путем использования возможностей современных информационно-телекоммуникационных средств. Подобные противоправные деяния, безусловно дестабилизирующие общество, проводятся во многих странах мира, в том числе и на территории Российской Федерации. Так, из доклада Национального антитеррористического комитета Российской Федерации (НАК РФ), прозвучавшего в ходе ежегодной пресс-конференции, следует, что на территорию Российской Федерации систематически засылают эмиссаров, осуществляющих пропагандистскую и вербовочную деятельность, направленную на вовлечение граждан в их террористические организации, принятие ими участия в военных конфликтах и террористических акциях. Как отметил заместитель НАК РФ, все большее предпочтение террористы отдают вербовочной деятельности молодежи через сеть Интернет. По оценкам экспертов свыше 1,8 тыс. граждан России были вовлечены в военные действия на стороне ИГ. Из Глобального индекса терроризма, опубликованного в 2019 году, следует, что за прошедший год граждане 71 страны стали жертвами терроризма, а террористические акты были зафиксированы в 103 государствах [12].

Следует отметить, что еще одним свойством общественно опасного деяния является его повторяемость. Преступлением не может быть признано единичное, неповторимое более деяние. Распространенность преступлений террористического характера не вызывает сомнений.

Таким образом, подводя итоги данного исследования, можно заключить, что преступления, совершаемые в составе террористического сообщества (организации) на территории иностранного государства, оказывают дестабилизирующее действие, создают непосредственную угрозу жизни и здоровья граждан Российской Федерации, разрушают целостность общественного сознания, влияют на нормальное развитие и существование общества, в свете всеобщей глобализации мировой экономики оказывают на нее

негативное воздействие. Тем самым, общественная опасность преступлений, совершаемых в составе террористического сообщества (организации) на территории иностранного государства, безусловно, присутствует. Между тем она может быть на первый взгляд и не совсем очевидной, являться обстоятельством труднодоказуемым в

Литература:

1. *Ефимова М.А.* Контртеррористическая деятельность России / М.А. Ефимова // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 1. С. 40–47.
2. *Соловьев В.С.* Особенности квалификации преступлений, совершенных в составе террористического сообщества / В.С. Соловьев // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 4. С. 18–22.
3. О противодействии терроризму: федеральный закон Российской Федерации № 35-ФЗ от 06 марта 2006 г. (ред. от 26 мая 2021 г. № 155-ФЗ.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
4. Топ-10 самых известных террористических организаций в мире. URL : <https://bugaga.ru/interesting/1146745638-top-10-samyh-izvestnyh-terroristicheskikh-organizaciy-v-mire.html> (дата доступа 04.09.2020).
5. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. URL : http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm%21_print%3Dtrue%26fid%3D54.html (дата доступа 04.09.2020).
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года. URL : <https://мвд.рф/reports/item/22678184> (дата обращения 16.02.2021).
7. *Буткевич С.А.* Международный терроризм: проблемы дефиниции, криминализации и противодействия / С.А. Буткевич // Юрист-Правовед. 2016. № 6. С. 85–91.
8. *Ледях И.А.* Борьба с международным терроризмом и защита прав человека / И.А. Ледях // Тр. Ин-та гос-ва и права РАН. 2013. № 1. С. 137–163.
9. Закон Киргизской Республики от 8 ноября 2006 года № 178 (в ред. от 06.08.2018) «О противодействии терроризму» // Эркинтоо. 2006. 17 ноября.
10. *Прокументов Л.М.* Основание криминализации (декриминализации) деяний / Л.М. Прокументов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4. С. 81–91.
11. Что грозило помещику за убийство крепостного. URL : <https://weekend.rambler.ru/other/41424984-cto-grozilo-pomeschiku-za-ubiystvo-krepostnogo/?updated> (дата доступа 04.09.2020).

ходе расследования. Однако процесс сбора доказательств совершенного преступления, трудоемкость его реализации выходит за пределы нашего исследования и не исключает факта признания рассматриваемой категории преступлений общественно опасными.

Literature:

1. *Efimova M.A.* Counterterrorist activity of Russia / M.A. Efimova // Post-Soviet studies. 2020. Vol. 3. № 1. P. 40–47.
2. *Solov'ev V.S.* Features of the qualification of crimes committed as part of a terrorist community / V.S. Solov'ev // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 4. P. 18–22.
3. On countering terrorism: Federal Law of the Russian Federation № 35-FZ of March 06, 2006 (ed. № 155-FZ of May 26, 2021) // Sobranie zakonodatelstva RF. 2006. № 11. Art. 1146.
4. Top-10 most famous terrorist organizations in the world. URL : <https://bugaga.ru/interesting/1146745638-top-10-samyh-izvestnyh-terroristicheskikh-organizaciy-v-mire.html> (Access date 04.09.2020).
5. The unified federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation. URL : http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm%21_print%3Dtrue%26fid%3D54.html (access date 04.09.2020).
6. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-December 2020. URL : <https://мвд.рф/reports/item/22678184>
7. *Butkevich S.A.* International terrorism: problems of definition, criminalization and counteraction / S.A. Butkevich // Yurist-Pravovedist. 2016. № 6. P. 85–91.
8. *Ledyakh I.A.* Fight against international terrorism and protection of human rights / I.A. Ledyakh // Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of sciences. 2013. № 1. P. 137–163.
9. Law of the Kyrgyz Republic № 178 of November 8, 2006 (as amended). from 06.08.2018) «On countering terrorism» // Erkintoo. 2006. November 17th.
10. *Prozumentov L.M.* The basis of criminalization (decriminalization) of acts / L.M. Prozumentov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2014. № 4. P. 81–91.
11. What threatened the landowner for the murder of a serf. URL : <https://weekend.rambler.ru/other/41424984-cto-grozilo-pomeschiku-za-ubiystvo-krepostnogo/?updated> (access date 04.09.2020).

12. Бесконтактная вербовка: как террористы заманивают молодежь через соцсети. URL : <https://ria.ru/20180228/1515459761.html> (дата доступа 04.09.2020).

12. Contactless recruitment: how terrorists lure young people through social networks. URL : <https://ria.ru/20180228/1515459761.html> (access date 04.09.2020).

Глинщикова Татьяна Вадимовна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры международного
частного и предпринимательского права,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
glinshikowa@yandex.ru

Айрапетян Давид Арамович
студент 2 курса магистратуры
юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
Университет имени И.Т. Трубилина
davarami@mail.ru

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В последнее десятилетие отечественное коллизионное регулирование претерпело определенные изменения под влиянием зарубежного права. Не остался без внимания и такой институт коллизионного права, как правовая квалификация юридических понятий при определении применимого права, который получил законодательное закрепление с принятием третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации. Правовая квалификация в сфере международных частноправовых отношений характеризуется существенной спецификой по сравнению с правовой квалификацией при разрешении гражданско-правовых споров, связанных с правовой системой одного государства. Появление новых подходов по вопросу определения применимого права при разрешении споров, вытекающих из частноправовых отношений с иностранным элементом, не могли не оказать влияние на место и роль правовой квалификации в международном частном праве. Как следствие, возникает потребность в анализе положений, касающихся правовой квалификации при разрешении частноправовых споров с присутствием иностранного элемента на предмет соответствия современной практике и доктрине.

Ключевые слова: международное частное право, правовая квалификация, квалификация *lex fori*, квалификация *lex causae*, хромоющие отношения, международный коммерческий арбитраж, суверенитет, коллизионные нормы.

Проблема квалификации связана с толкованием понятий и правовых категорий, которые имеют одинаковое звучание, но различное смысловое значение в правовых системах. В доктрине международного частного права неоднократно обращалось внимание на сложность

Tatiana V. Glinshchikova
Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor of the Department
of International Private and Business Law,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilina
glinshikowa@yandex.ru

David A. Hayrapetyan
2 Year Master's Student
Faculty of Law,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilina
davarami@mail.ru

ON THE QUESTION OF HOW TO SOLVE THE PROBLEM OF LEGAL QUALIFICATIONS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Annotation. In the last decade, domestic conflict regulation has undergone certain changes under the influence of foreign law. The institution of conflict of law, such as the legal qualification of legal concepts in determining the applicable law, which was legislatively consolidated with the adoption of the third part of the Civil Code of the Russian Federation, was not ignored either. Legal qualifications in the field of international private law relations are characterized by significant specificity in comparison with legal qualifications in resolving civil law disputes related to the legal system of one state. The emergence of new approaches to the issue of determining the applicable law in resolving disputes arising from private law relations with a foreign element could not but have an impact on the place and role of legal qualifications in private international law. As a consequence, there is a need to analyze the provisions regarding legal qualifications in the resolution of private law disputes with the presence of a foreign element for compliance with modern practice and doctrine.

Keywords: private international law, legal qualification, *lex fori* qualification, *lex causae* qualification, lame relations, international commercial arbitration, sovereignty, conflict of laws rules.

определения правовой системы, на основании которой необходимо осуществить квалификацию юридических понятий при разрешении споров, вытекающих из трансграничных отношений частного правового характера [1, с. 4].

С целью разрешения проблемы квалификации изначально в теории и практике, а затем в нормативных актах государств получили отражение способы, которые позволяли определить, какая правовая система будет компетентной при квалификации юридических понятий в каждом конкретном случае.

Э. Бартэн стал первопроходцем в вопросе решения проблемы правовой квалификации. В конце 19 века он предложил осуществлять квалификацию по закону страны суда (*lex fori*). Его поддержал авторитетный немецкий ученый Ф. Кан. В основе теории квалификации по закону суда на первых этапах ее существования лежала доктрина суверенитета. Позволяя применить на своей территории иностранное право, государство суда ограничивало тем самым свой государственный суверенитет. Поэтому на первых порах идея квалификации по закону суда объяснялась отрицанием применения судом на своей территории норм иностранного права.

Квалификация по *lex fori* никогда не использовалась в том виде, в котором она была создана. Ученые еще на ранних этапах развития доктрины утверждали о наличии исключений из квалификации по *lex fori*, отмечая, что коллизионные нормы в сфере деликта или обязательственных отношений, отсылающие к иностранному праву не могут использовать такие же понятия, которые используются в гражданском законодательстве государства суда.

Кардинальных изменений в связи с использованием квалификации по *lex fori* в течение времени не произошло. Поскольку данный подход характеризовался не малым количеством положительных аспектов, его адепты старались всячески нивелировать его отрицательные стороны, связанные с его применением.

Для ученых было понятно изначально, что квалификация по закону страны суда не может стать окончательным вариантом решения проблемы квалификации, поскольку в праве государства суда мог отсутствовать какой-либо правовой институт, с которым связана фактическая ситуация [2, с. 27]. Некоторые правоведы считали, что *lex fori* должна применяться и при квалификации норм иностранного права [3, с. 23]. В этом заключался подход, предполагающий выбор между двумя основными квалификациями.

По мнению ряда авторов, осуществление квалификации по *lex fori* всегда приводит к однозначному решению, поскольку квалификация может иметь несколько вариантов в зависимости от того, суд какого государства рассматривает конкретный вопрос [4, с. 209]. Проблема виделась в том, что осуществление квалификации по *lex fori* могло приводить к, так называемым, хромающим отношениям – признанным в одном государстве и не признанным в другом.

В том случае, если есть необходимость квалифицировать правовой институт, который не известен отечественному праву, квалификация по *lex fori* даст положительного результата. Поэтому

далеко не все ученые были согласны с подходом квалификации по праву страны суда в интерпретации, представленной Э. Бартэном. Возникли вопросы о пределах квалификации, об отличии квалификации от других случаев толкования коллизионной нормы.

Французские ученые указывали на необходимость расширения границ квалификации по *lex fori*, благодаря чему произойдет взаимовлияние правовых систем. Они полагали, что квалификация по *lex fori* должна стать основой, которую следует использовать для анализа правового института, закрепленного в иностранном праве.

Некоторые авторы полагали, что применение *lex fori* без каких-либо отступлений может привести к непредвидимому результату. В частности, брак, заключенный в Италии в соответствии с итальянским законодательством, не будет считаться браком по законодательству Греции. По этой причине характеристику понятий *lex fori* необходимо адаптировать к трансграничным отношениям частного правового характера [5, с. 36].

Для ученых советского периода проблема квалификации тесно сочеталась с политическими мотивами. По этой причине квалификация *lex fori* в отечественной доктрине не выглядела безукоризненной [6, с. 107]. Как следствие, в это же время был создан еще один способ решения данной проблемы. Критикуя в своих исследованиях квалификацию по *lex fori*, отечественные юристы при этом, положительно оценивали квалификацию по праву, применимому к существу отношения (*lex causae*). Однако поиск приемлемого способа решения проблемы найден так и не был. Использовать иностранные категории и институты с целью квалификации отечественных коллизионных норм суд, очевидно, не может. Причина скрывается в том, что у суда не будет точного представления о содержании правовых понятий в иностранном государстве.

Однако если отразить в законодательстве способ правовой квалификации по *lex causae* в качестве единственного, то использовать понятия иностранного права при квалификации коллизионной нормы пришлось бы при каждом рассмотрении трансграничного спора и, соответственно, определении применимого права.

Начало 21 века в Российской Федерации характеризуется крупномасштабными реформами и преобразованиями, благодаря которым в общественно-экономические отношения вернулись общемировые ценности [6, 14]. Ученые не теряли надежды преодолеть ограниченность квалификации по *lex fori* и *lex causae*. Необходимо было создать систему понятий, носящую общий характер, и позволяющую нивелировать все сложности, возникающие в процессе квалификации. Конечно, ученые, отмечая сложность достижения такой цели, при этом указывали и на огромное количество положительных сторон такой идеи. Недаром она получила значительную поддержку среди исследователей, как способствующую эффективности международного коммерческого оборота.

С другой стороны, система понятий, имеющих нормативную природу, не может находиться вне правовых источников. Поэтому в рамках данной концепции подразумевается автономность от содержания конкретного понятия в правовой системе государства, а не от нормативно-правового акта.

Представления об этой правовой системе у ученых совпадали, хотя названия ее были различными. Одни авторы обозначили данную правовую систему, как международный правопорядок [7, с. 94]. Э. Рабель видел такую правовую систему в рамках теории автономной квалификации [8, с. 215].

Некоторые ученые обращали внимание, что автономная квалификация не жизнеспособна в виду отсутствия специальных практических навыков у судей в сфере сравнительного правоведения. На их взгляд, метод автономной квалификации в большей степени отражает теоретический, чем практический подход [9, с. 21].

Полагаем, несоответствие правовых понятий, принятых в стране суда и праве, разрешающем спор по существу может нивелировать концепция автономной квалификации. Ее идея заключается в том, чтобы квалифицировать сущность юридических терминов, содержащихся в коллизионной норме, не привязываясь к конкретной правовой системе государства, то есть автономно от нее.

Литература:

1. Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб. : Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
2. Коробов А.П. Правовая квалификация: основы, понятие, значение, этапы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
3. Звекон В.П. Коллизии законов в международном частном праве. М. : «Норма», 2007.
4. Бендевский Т. Международное частное право : учебник / Т. Бендевский; Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2005.
5. Елисеев Н.Г. Гражданское процессуальное право зарубежных стран. М., 2004.
6. Глинщикова Т.В. Юридическая природа инвестиционных соглашений / Т.В. Глинщикова // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 1(35).
7. Толстых В.Л. Указ. соч.
8. Лунц Л.А. К вопросу о «квалификации» в МЧП / Л.А. Лунц // Советский ежегодник международного права – 1979. М., 1980.
9. Кольцов Б.И. Критика буржуазных теорий по вопросам действия коллизионной нормы в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973.

Однако найти общее не всегда представляется возможным. Следует утверждать о целесообразности разработки специальной терминологии, отличной от той, которая используется в национальном праве. В качестве примера для совершенствования российского законодательства по вопросу правовой квалификации может служить Кодекс о международном частном праве Туниса 1998 г., положения которого гласят: «При квалификации надлежит учитывать различные международные юридические понятия и особенности международного частного права». Учитывая важность проблемы, следует аналогичное положение включить в раздел VI ГК РФ.

Анализ доктринальных подходов по вопросу квалификации позволяет сделать вывод, что автономная квалификация в советский период времени выступала тем методом, который одобряли отечественные ученые. В современный период автономная квалификация используется, как способ предотвратить обход основных принципов международного частного права. В российском законодательстве возможность применения автономной квалификации не предусмотрена. Представляется, следует утверждать о целесообразности разработки и принятия закона о международном частном праве в России и включении в него положений о квалификации, являющиеся результатом развития отечественной и зарубежной доктрины.

Literature:

1. Tolstykh V.L. International private law: conflict regulation. SPb. : Publishing house of R. Aslanov «Legal Center Press», 2004.
2. Korobov A.P. Legal qualifications: fundamentals, concept, meaning, stages : author. dis. ... cand. law sciences. Saratov, 2005.
3. Zvekov V.P. Collisions of laws in private international law. M. : «Norma», 2007.
4. Bendevsky T. International private law : textbook / T. Bendevsky; editor-in-chief E.A. Sukhanov. M., 2005.
5. Eliseev N.G. Civil procedural law of foreign countries. M., 2004.
6. Glinshchikova T.V. Legal nature of investment agreements / T.V. Glinshchikova // Leningrad legal journal. 2014. № 1(35).
7. Tolstykh V.L. Specified works.
8. Lunts L.A. On the issue of «qualifications» in the international law / L.A. Lunts // Soviet Yearbook of International Law. 1979. M., 1980.
9. Koltsov B.I. Criticism of bourgeois theories on the operation of the conflict of laws in private international law : author. dis. ... cand. law sciences. M., 1973.

Елисеев Сергей Геннадьевич
президент,
Московская городская коллегия адвокатов
«Елисеев и партнеры»
eliseev-partners@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ЗАКОННОГО ВЛАДЕНИЯ В РФ

Аннотация. Защита законного владения в Российской Федерации представляет собой совокупность способов и средств, прописанных в Гражданском кодексе РФ, и применяемых при нарушении прав законного владения с целью восстановления этих прав и дальнейшей их защиты. Гражданское право регулирует правовые отношения собственности, а также является гарантом стабильности этих отношений, в случае нарушения имущественных прав собственников обеспечивает их защиту. Защита в данном случае представляет собой судебный порядок с подачей искового заявления: вещно-правового или обязательно-правового, а также с помощью исков о признании права собственности и исков в отношении органов государственной власти. В статье автором рассмотрены основные гражданско-правовые механизмы защиты законного владения в Российской Федерации.

Ключевые слова: законное владение, право собственности, вещно-правовые иски, обязательно-правовые иски, механизм защиты законного владения, виндикационный иск, негаторный иск.

Механизмы защиты законного владения в Российской Федерации включают в себя вещно-правовые и обязательно-правовые способы защиты, с использованием иска – как основного средства защиты законного владения в РФ.

Иск, как гражданско-правовое средство защиты законного владения, подразделяется на несколько видов:

- вещно-правовые иски;
- обязательно-правовые иски;
- при прекращении в силу закона право собственности подаются иски в защиту интересов собственника.

Рассмотрим подробнее механизм защиты законного владения с помощью вещно-правовых исков. В систему вещно-правовых исков входят негаторные и виндикационные иски.

Sergei G. Eliseev
President,
Moscow City Bar Association
«Eliseev & Partners»
eliseev-partners@mail.ru

CIVIL LAW MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF LEGAL OWNERSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Protection of legal possession in the Russian Federation is a set of methods and means prescribed in the Civil Code of the Russian Federation, and used in violation of the rights of legal possession in order to restore these rights and further protect them. Civil law regulates the legal relations of property, and is also a guarantor of the stability of these relations, in case of violation of the property rights of owners, it ensures their protection. Protection in this case is a judicial procedure with the filing of a statement of claim: real-right or mandatory-legal, as well as with the help of claims for recognition of property rights and claims against state authorities. In the article, the author considers the main civil-legal mechanisms for the protection of legal ownership in the Russian Federation.

Keywords: legal possession, property right, property lawsuits, mandatory lawsuits, the mechanism of protection of legal ownership, vindication claim, negatory claim.

Виндикационный иск – подаваемый собственником иск, направленный на истребование имущества из незаконного владения [1]. Стороны спора в этой ситуации не связаны между собой договорными отношениями, собственник в данном случае требует возвращения его законного имущества из незаконного владения другого лица. Обязательными условиями предъявления виндикационного иска и запуска механизма гражданско-правовой защиты является [4]:

- собственник имеет возможность доказать законность своего владения;
- в качестве истца по иску может выступать как собственник, так и титульный владелец;
- спорная вещь должна быть индивидуализирована;
- спорная вещь должна находиться у ответчика (незаконного владельца);

– ответчиком по иску будет являться лицо (незаконный владелец), которое либо приобрело спорное имущество у третьего лица, не имеющего права распоряжаться данным имуществом либо самовольно овладело им. Здесь следует различать два вида незаконного владения: когда человек априори не знал о незаконности своего владения (добросовестное владение) и когда человек знал изначально, о том, что имеющаяся у него вещь получена незаконным путем (недобросовестное владение).

Если в ходе судебного заседания будет доказано, что вещь находилась в недобросовестном владении – она точно будет изъята в пользу законного владельца. С чужим добросовестным владением все сложнее. В данном случае изъятию подлежит имущество, которое было получено на безвозмездной основе (дарение, наследство [1]), а также имущество, выбывшее из владения законного собственника не по его воле (было украдено, потеряно). В некоторых случаях не представляется возможным истребовать законное имущество из чужого добросовестного владения:

А) В случае, когда имущество изначально было у собственника по его воле (например, было отдано в аренду), в дальнейшем было перепродано новому владельцу, в этом случае истец может требовать только погашение своих убытков, но не истребование имущества.

Б) Невозможно истребовать у добросовестного владельца (покупателя) ценные бумаги и денежные средства.

При возврате оспариваемого имущества из незаконного владения вступают в силу несколько видов расчетов:

1. Вне зависимости от того является незаконный владелец добросовестным или недобросовестным он имеет право требовать компенсацию с истца в случае, если в ходе владения имуществом, ответчик понес расходы на его улучшение.

2. Добросовестный владелец в случае улучшения имущества имеет право оставить за собой данное улучшение, если оно может быть отделено от основного имущества.

3. В том случае, если имуществу был причинен ущерб (ухудшение) незаконный владелец, не зависимо от способа получения оспариваемого имущества, будет нести ответственность и отвечать за причиненный вред по правилам внедоговорных обязательств.

4. Незаконный владелец должен возместить законному владельцу все доходы, полученные в ходе пользования спорного имущества: недобросовестный владелец за все время пользования, а добросовестный с момента получения им сведений о неправомерности владения вещи.

Истец (собственник или титульный владелец) в первую очередь должен грамотно составить заявление, собрать и приложить к нему документы согласно требованиям Арбитражно-процессуального кодекса РФ (ст. 125–126), в частности

доказать свое право собственности и наличие спорного имущества у незаконного владельца (ответчика) [5]. Заявление физическим лицом подается в районный или городской суд, юридическим лицом – в арбитражный суд. Если виндикационный иск подается в отношении недвижимости, такой иск подается только по месту нахождения данного имущества, в остальных случаях заявление может быть подано по месту жительства или юридического адреса незаконного владельца. В самом заявлении необходимо кратко и по факту дела описать, когда и при каких обстоятельствах, на основании каких документов истец получил законные права на оспариваемое имущество; каким образом ответчик завладел имуществом и когда это произошло, отсутствие договорных отношений между истцом и ответчиком. После описательной части необходимо указать перечень оспариваемого имущества с указанием индивидуализированных признаков (без них передача истцу заявленного имущества будет представлять сложность). Кроме самого заявления и документов, согласно АПК РФ необходимо приложить квитанцию об уплате государственной пошлины. При отсутствии кого-либо обязательного документа суд может отказать в принятии иска к рассмотрению.

В дальнейшем суд будет проверять заявление, прикрепленные документы, заявленное право владения, его правомерность. Периодически возникают случаи, когда дело возвращается на пересмотр вышестоящим судом, когда суд первой инстанции не установил законные основания владения. В тех случаях, когда истец не только требует возврата своего законного владения, но и возмещение всех полученных доходов от спорного имущества – этот момент также должен быть доказан. Исковой срок давности по данному иску является стандартным и составляет 3 года (в отдельных случаях не может превышать 10 лет), при подаче иска важно правильно определить момент, когда законный владелец узнал, что его права нарушены и был выявлен незаконный владелец. В случае пропуска срока может быть подано ходатайство с восстановлением срока рассмотрения иска с указанием причин, почему сроки были пропущены. В целом, на срок давности суд будет смотреть в большинстве своем в том случае, если на него будет ссылаться ответчик, в остальных случаях суд может принять решение, не ссылаясь на срок давности.

Негаторный иск подаётся в случае, если имеет место быть ситуации, когда собственнику создаются препятствия в осуществлении своего законного владения, при этом собственник не лишается своего законного владения [6]. Негаторный иск не имеет в отличие от виндикационного срока давности, так как суть иска заключается в требовании устранить нарушения права, длящиеся на протяжении определенного времени и сохраняющиеся на момент подачи иска. Данный вид иска может быть подан как собственником имущества, так и титульным владельцем на основании хозяйственного владения, управления или залога, или иного основания [6]. Подача искового заявления происходит либо в случае, когда права уже нарушены, либо когда есть угроза нарушения прав

законного владения. в основе негаторных исков могут лежать как недоговорные, так и договорные отношения. Ответчиком по иску является лицо, которое не имеет правовых оснований, но тем не менее создает препятствие для осуществления законного владения истца. Бремя доказывания вины ответчика лежит на истце. Как и в ходе подготовки виндикационного иска истец, подготавливая негаторный иск, должен составить заявление, а также приложить все необходимые документы (согласно АПК РФ), в частности доказать свое право владения и доказать, что нарушаются его права.

Не всегда законное право владения может быть защищено виндикационным или негаторным иском. Законный владелец сам вправе решить, какой именно механизм защиты будет им использован, выбор может быть сделан на основе характера правонарушения, особенностей ответчика, а также последствий того или иного способа защиты.

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ. Ст. 301–303. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142
2. Концепция развития законодательства о вещном праве: Проект // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4.
3. Рыбаков В.А. О правовом отношении собственности и квалификации вещно-правовых способов защиты права собственности / В.А. Рыбаков, Т.А. Мечетина. URL : СПС «Консультант Плюс».
4. Юкша Я.А. Гражданское право. URL : <http://yuksha.ru/veschno-pravovye-sposoby-zaschity-prava-sobstvennosti>.
5. URL : <https://www.arbitr-praktika.ru/news/4717-v-rossii-poyavitsya-onlayn-portal-yuridicheskoy-pomoshchi>
6. Гражданский кодекс РФ. Ст. 304–305. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/3a820582b0e614ab5534769b7bd207bd095cbe8e

В частности, к другим способам защиты законного владения можно отнести:

1. Когда документы, устанавливающие право собственности не являются бесспорными, а другое лицо посягает на законное право владения или пытается его оспорить, в этом случае подается иск о признании права собственности оперативного управления, хозяйственного владения и т.п.;
2. В случае, когда имущество удерживается другим лицом, а виндикационный иск нецелесообразен или невозможен может быть применен иск о восстановлении положения существовавшего права владения до нарушения этого права.

Автором рассмотрены основные механизмы гражданско-правовой защиты законного владения в Российской Федерации. В частности, были рассмотрены вещно-правовые способы и приведены другие возможные виды иска.

Literature:

1. The Civil Code of the Russian Federation. Art. 301–303. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142
2. The concept of the development of the legislation on property law: Project // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. № 4.
3. Rybakov V.A. On the legal relationship of the proper and qualification of real-legal methods of protecting property rights / V.A. Rybakov, T.A. Mechetina. URL : SPS «Consultant Plus».
4. Yuksha Ya.A. Civil law. URL : <http://yuksha.ru/veschno-pravovye-sposoby-zaschity-prava-sobstvennosti>.
5. URL : <https://www.arbitr-praktika.ru/news/4717-v-rossii-poyavitsya-onlayn-portal-yuridicheskoy-pomoshchi>
6. The Civil Code of the Russian Federation. Art. 304–305. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/3a820582b0e614ab5534769b7bd207bd095cbe8e

Исаев Алиабас Ибрагимович

магистр юриспруденции,
аспирант 2 года обучения
юридического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
isaev.aliabas@mail.ru

Aliabas I. Isaev

Master of Jurisprudence,
Postgraduate Student 2 years of Study
Faculty of Law,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
isaev.aliabas@mail.ru

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА КОНТРАБАНДЫ
АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ И (ИЛИ)
ТАБАЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ**

**FORENSIC CHARACTERISTICS
OF SMUGGLING OF ALCOHOLIC
BEVERAGES AND (OR)
TOBACCO PRODUCTS**

Аннотация. В современных условиях глобализации мировой экономики, открытия государственных границ, формирования экономических союзов (одним из которых является Евразийский экономический союз (далее – «ЕАЭС»), членом которого является Российская Федерация), широкий размах приобретает контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий. В настоящей статье рассматривается криминалистическая характеристика контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий. Приводятся статистические данные о распространённости преступления, способы совершения преступления, особенности личности преступника и др.

Annotation. In modern conditions of globalization of the world economy, the opening of state borders, the formation of economic unions (one of which is the Eurasian Economic Union (hereinafter - the «EAEU»), of which the Russian Federation is a member), the smuggling of alcoholic beverages and (or) tobacco products is gaining momentum. In this article object of exploration is criminalistics characteristics of alcohol products and (or) tobacco products smuggling. Statistics data regarding spreading of the crime, methods of its conducting, personality of the criminal are listed.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, контрабанда, алкогольная продукция, табачные изделия, ст. 200.2 Уголовного кодекса РФ.

Keywords: criminalistics characteristics of the crimes, smuggling, alcohol products, tobacco goods, article 200.2 of the Criminal Code of Russian Federation.

Криминалистическая характеристика преступлений – научная категория, представляющая систему сведений о типичных признаках отдельных категорий преступлений.

недопущения контрабандного товара на рынок, защиты населения от некачественного товара 01 января 2015 года Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 200.2, которая предусматривает уголовную ответственность за контрабанду алкогольной продукции и (или) табачных изделий.

Термин «криминалистическая характеристика преступлений» был введен в юридической литературе в начале 1970-х годов. Первым учёным, предложившим вышеуказанное определение, является Л.А. Сергеев.

Актуальность рассматриваемой проблематики состоит в том, что в научной литературе в должной мере не раскрыты понятия и элементы криминалистической характеристики контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий. Много известных авторов писали свои диссертационные исследования и посвящали статьи иным видам контрабанды. Слабая описательная база данной проблематики, отсутствие теоретического описания расследования данного вида контрабанды затрудняет эффективное выявление, пресечение и предупреждение незаконного перемещения через границу алкогольной продукции и (или) табачных изделий. Решение данных вопросов необходимо для эффективного расследования преступления по контрабанде алкогольной продукции и (или) табачных изделий.

Криминалистическая характеристика незаконного перемещения товаров через государственную границу (далее, также «контрабанда») состоит из следующих элементов: данные о предмете преступного посягательства, особенности личности преступника-контрабандиста, способах совершения преступления, механизмах слеодообразования, типичных чертах самого преступного посягательства, обстановки совершения преступления и др.

Для защиты экономической безопасности РФ, пресечения нелегального оборота алкогольной продукции и (или) табачных изделий,

Статистические данные последних лет демонстрируют рост преступной деятельности по контрабанде алкогольной продукции и (или) табачных изделий. Вместе с тем, количество уголовных дел, возбужденных по ст. 200.2 УК РФ, все ещё незначительно. Так, в соответствии с показателями правоохранительной деятельности ФТС РФ, осуществляемых в форме дознания, за 2015 год было возбуждено 25 уголовных дел. За 2016 год было возбуждено 32 дела, а стоимость незаконно перемещённых через таможенную границу ЕАЭС алкогольной продукции и (или) табачных изделий составила 171 миллионов рублей. За 2017 год было возбуждено 52 дела, стоимость незаконно перемещённых через таможенную границу ЕАЭС алкогольной продукции и (или) табачных изделий составила 157 миллионов рублей. За 2018 было возбуждено 52 дела, стоимость незаконно перемещённых через таможенную границу ЕАЭС алкогольной продукции и (или) табачных изделий составила 406,8 миллионов рублей. За 2019 год было возбуждено 51 дело, стоимость незаконно перемещённых через таможенную границу ЕАЭС алкогольной продукции и (или) табачных изделий составила 329 миллионов рублей. За 2020 год было возбуждено 105 дел, стоимость незаконно перемещённых через таможенную границу ЕАЭС алкогольной продукции и (или) табачных изделий составила 371 миллионов рублей. Вышеуказанные сведения свидетельствуют о пробелах в деятельности правоохранительных органов по выявлению, пресечению и предупреждению контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий.

Предмет контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий. В соответствии с пунктом 7 статьи 2 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», алкогольная продукция определяется как пищевая продукция, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции с содержанием этилового спирта более 0,5% объема готовой продукции, за исключением пищевой продукции в соответствии с перечнем, установленным Правительством Российской Федерации. При этом алкогольная продукция подразделяется на следующие виды:

- 1) спиртные напитки, к числу которых, в частности, относятся водка и коньяк;
- 2) вино;
- 3) фруктовое вино;
- 4) ликерное вино;
- 5) игристое вино (шампанское);
- 6) винные напитки;
- 7) пиво;
- 8) напитки, изготавливаемые на основе пива;

- 9) сидр;
- 10) пуаре;
- 11) медовуха .

Действующее законодательство о табачной продукции определяет табачные изделия как продукты, полностью или частично изготовленные из табачного листа в качестве сырьевого материала, приготовленного таким образом, чтобы использовать для курения, сосания, жевания или нюханья. К табачным изделиям относятся сигареты, сигары, сигариллы (сигариты), папиросы, табак для кальяна, табак курительный тонкорезанный, табак трубочный, биди, кретек, табак сосательный (снюс), табак жевательный, табак нюхательный, насвай и другие табачные изделия (п. 3, 4 ст. 2 ФЗ от 22.12.2008 № 268-ФЗ «Технический регламент на табачную продукцию»).

Важно отметить, что понятия «табачные изделия» и «табачная продукция» не являются тождественными. Табачное изделие может считаться продукцией только в том случае, если оно упаковано в потребительскую упаковку.

В соответствии с примечанием 1 к статье 200.2 УК РФ, контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий является уголовно наказуемой только в том случае, если стоимость перемещаемых товаров превышает 250 тысяч рублей. Если же стоимость продукции ниже вышеуказанной, деяние является административно наказуемым.

При этом в соответствии с примечанием 2 к статье 200.2 УК РФ, при расчете размера стоимости незаконно перемещенных алкогольной продукции и (или) табачных изделий из всей стоимости незаконно перемещенных алкогольной продукции и (или) табачных изделий подлежит исключению та часть стоимости указанных товаров, которая таможенным законодательством Таможенного союза разрешена к перемещению без декларирования и (или) была задекларирована.

К товарам для личного пользования, освобождаемым от уплаты таможенных платежей, относятся товары (за исключением этилового спирта), перемещаемые воздушным транспортом, таможенная стоимость которых не превышает сумму, эквивалентную 10 тысяч евро, и общий вес которых не превышает 50 кг, либо перемещаемые иными видами транспорта, таможенная стоимость которых не превышает сумму, эквивалентную 1500 евро, и общий вес не превышает 50 кг, включая:

- 1) алкогольные напитки и пиво объемом не более 3 литров включительно в расчете на 1 лицо, достигшее 18-летнего возраста;

- 2) табак и табачные изделия в количестве 200 сигарет, или 50 сигар (сигарилл), или 250 г табака либо указанные изделия в ассортименте общим весом не более 250 г в расчете на одно физическое лицо, достигшее 18-летнего возраста. Следовательно, алкогольные напитки и пиво в объеме от 3 до 5 л включительно и этиловый спирт

(до 5 л) ввозятся физическими лицами на таможенную территорию с уплатой таможенных платежей и подлежат таможенному декларированию.

Запрещен ввоз через таможенную границу любым способом:

- этилового спирта и алкогольной продукции общим объемом более 5 л на одно лицо, достигшее 18-летнего возраста;
- более 200 сигарет, или 50 сигар, или 250 г табака либо указанные изделия в наборе общим весом более 250 г на одно лицо, достигшее 18-летнего возраста (п. 3.4, 3.5 Перечня товаров для личного пользования, запрещенных к ввозу на таможенную территорию таможенного союза и (или) вывозу с этой территории).

Особенности личности преступника. Раскрытие личности преступника с криминалистической точки зрения представляется затруднительным в связи с тем, что способов контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий довольно много. Это, в свою очередь, находит свое отражение и на дифференциации типичного портрета преступника. Основную группу контрабандистов табачных изделий составляют граждане Беларуси, в меньших объемах граждане Казахстана, Абхазии и иных приграничных с Российской Федерацией государств. Как правило, контрабандистами являются лица мужского пола в возрасте от 30 до 50 лет. Зрелый возраст лиц, осуществляющих контрабанду, обусловлен следующими факторами:

- определенный жизненный опыт, позволяющих избежать стресса при совершении преступления;
- навыки осуществления предпринимательской и коммерческой деятельности; определенные деловые и (или) личные связи для последующего сбыта незаконного перемещенного товара.

Большинство преступников являются трудоспособными лицами, не имеющими постоянной работы или законного дохода. В основном, контрабандой занимаются лица, которые часто пересекают границу.

Относительно небольшая доля осужденных за контрабанду на территории РФ – жители другой местности, так как они, чаще всего, пересекают границу при возвращении на родину и обратно. Например, по профессии они могут быть моряками, водителями грузовиков, и т.п. Им известна процедура прохождения на таможенном посту, на что, в первую очередь, следует обращать внимание.

Большинство контрабандистов совершают преступления в составе организованных групп, действующих на протяжении значительного отрезка времени. В организованную группу на постоянной основе входят:

- организаторы;
- лица, финансирующие приобретение алкогольной продукции и (или) табачных изделий;

– лица, занимающиеся подготовкой алкогольной продукции и (или) табачных изделий к перемещению (упаковка предметов контрабанды, их маскировка, погрузка в транспортные средства, а также действия, направленные на сокрытие предметов контрабанды от таможенного контроля);

- перевозчики контрабандного груза;
- лица, обеспечивающие безопасность;
- коррумпированные должностные лица таможенных органов и др.

Способы совершения контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий, реализуемых через таможенную границу:

- с перемещением товаров или иных предметов вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах;
- с сокрытием от таможенного контроля;
- с недостоверным декларированием или недекларированием товаров;
- с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам или иным предметам средств идентификации;
- придание контрабандной продукции вида обычного товара (перемещение алкоголя под видом обычной воды или неалкогольных напитков);
- применение полостей транспорта (баки, подкапотное пространство, дополнительно смонтированные перегородки в полуприцепе грузового автотранспорта, в емкости бензобака);
- перевозка алкогольной продукции и (или) табачных изделий в багажах, среди другого товара;

– применение недействительных документов (поддельных документов, документов, полученных незаконным путем, и др.).

Этапы подготовки, реализации и сокрытия деяния предусматривают механизм контрабандного перемещения алкогольной продукции и (или) табачных изделий.

На подготовительном этапе контрабандисты осуществляют сбор информации: выбирают таможенные пункты пропуска, в которых осуществляется выборочный досмотр; отсутствует специальное оборудование для досмотра багажа, цистерн, контейнеров и иных емкостей; коррупционные связи на таможенной границе.

Для реализации предметов контрабанды и ее сокрытию выполняются следующие действия: налаживается контакт с покупателями (предпринимателями, организациями), в том числе, с представителями кафе и иных заведений общественного питания по сбыту потребителям алкогольной продукции и (или) табачных изделий; хранения и скрытой перевозки контрабандного товара;

изготовление поддельных документов и акцизных марок.

Таким образом, успешное расследование и противодействие контрабанде алкогольной продукции и (или) табачных изделий зависит от

Литература:

1. Жданов С.П. Криминалистические аспекты контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий. Публичное и частное право, 2073-8501 / С.П. Жданов, Э.М. Хастинов. 2017. Date Views 09.06.2021. URL : www.elibrary.ru/item.asp?id=30014660
2. Криминалистика : учебник / Под ред. Р.С. Белкина. М. : Норма, 2006. 992 с.
3. Криминалистическое изучение личности в тактике расследования : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09 / М.А. Лушечкина. М., 2002.
4. Криминалистика : учебник / Под ред. Н.П. Яблокова; Перераб. и доп. 4-е изд. М. : Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. 752 с.
5. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации. URL : <http://www.customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovaniy-i-doznaniya?page=3>
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде». URL : www.rg.ru/2017/05/11/sud-dok.html
7. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». URL : <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=383408&dst=100000001,0#06229153030569623>
8. Федеральный закон от 22.12.2008 № 268-ФЗ «Технический регламент на табачную продукцию». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82841

детального изучения всех элементов криминалистической характеристики преступлений: данных о предмете преступного посягательства, особенностях личности преступника-контрабандиста, способах совершения преступления, обстановки совершения преступления.

Literature:

1. Zhdanov S.P. Forensic aspects of alcohol and/or tobacco trafficking. Public and private law, 2073-8501 / S.P. Zhdanov, E.M. Khastinov. 2017. Date Views 09.06.2021. URL : www.elibrary.ru/item.asp?id=30014660
2. Criminalistics : textbook / Edited by R.S. Belkin. M. : Norma, 2006. 992 p.
3. Criminalistics research on personality in investigation tactics : dis. ... candidate of law sciences 12.00.09 / M.A. Lushechkina. M., 2002.
4. Criminalistics : textbook / Ed by N.P. Yablokov; Redesigned and supplemented. 4th ed. M. : Yur.Norma, NIZ INFRA-M, 2019. 752 p.
5. Indicators of law enforcement activity of the customs authorities of the Russian Federation. URL : <http://www.customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovaniy-i-doznaniya?page=3>
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 04/27/2017 № 12 «On judicial practice in cases of smuggling». URL : www.rg.ru/2017/05/11/sud-dok.html
7. Federal Law of 22.11.1995 № 171-FZ «On state regulation of the production and circulation of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products and on limiting the consumption (drinking) of alcoholic products». URL : <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=383408&dst=100000001,0#06229153030569623>
8. Federal Law of 22.12.2008 № 268-FZ «Technical Regulations for Tobacco Products». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82841

Лазарева Оксана Владимировна

кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры теории,
истории государства и права и философии,
Средне-Волжский институт,
филиал Всероссийского
государственного университета юстиции
lazarevamgu_@mail.ru

Морозова Юлия Михайловна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории,
истории государства и права и философии,
Средне-Волжский институт,
филиал Всероссийского
государственного университета юстиции
morozova20.05@mail.ru

**Уездная полиция как общий
орган государственной власти
в Российской империи XIX века
(на примере
Пензенской губернии)**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о деятельности уездной полиции как общего органа государственной власти в Российской империи XIX века. Выделяются основные направления данной деятельности: обнародование нормативно-правовых актов, сбор статистических сведений и собственное делопроизводство. Особое внимание уделяется обнародованию нормативно-правовых актов, которое не было строго регламентировано. Обнародованию подлежали судебные, правительственные и цензурные документы.

Ключевые слова: полиция, уездное полицейское управление, нормативно-правовой акт, обнародование документов, инструкция полиции, полицейское делопроизводство, годовые отчеты, отчет о состоянии полиции.

Полиция в структуре уездных органов государственной власти Российской империи играла одну из ведущих ролей. Кроме осуществления своих основных функций – поддержания безопасности и правопорядка, на нее были возложены различные административные обязанности. В первой половине XIX века подобные обязанности были настолько разнообразны и многочисленны, что именно этот факт препятствовал приведению их в четкую схему [2, с. 56]. Это было сделано лишь в начале 60-х годов XIX века с вступлением в действие «Временных правил» (ст. 1323), где были определены основные

Oksana V. Lazareva

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Theory,
History of the State and Law and Philosophy,
Middle Volga Institute,
branch of the All-Russian
of the State University of Justice
lazarevamgu_@mail.ru

Julia M. Morozova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Theory,
History of the State and Law and Philosophy,
Middle Volga Institute,
branch of the All-Russian
of the State University of Justice
morozova20.05@mail.ru

**REGIONAL POLICE AS A GENERAL
BODY OF STATE POWER IN THE RUSSIAN
EMPIRE OF THE XIX CENTURY
(ON THE EXAMPLE
OF THE PENZA PROVINCE)**

Annotation. The article discusses the issue of the activities of the district police, as a general body of state power in the Russian Empire of the XIX century. The main directions of this activity are highlighted: the promulgation of regulatory legal acts, the collection of statistical information and our own office work. Particular attention is paid to the promulgation of regulations, which were not strictly regulated. Judicial, government and censorship documents were subject to disclosure.

Keywords: police, county police office, regulation, release of documents, police instruction, police records, annual reports, police report.

направления деятельности полиции на местном уровне.

Уездное полицейское управление как общий орган правительства должно было: обнародовать необходимые нормативно-правовые акты, собирать статистические сведения и вести собственное делопроизводство [2, с. 143].

Обнародование нормативно-правовых актов включало:

– непосредственное обнародование законов, указов, постановлений правительства;

– рассылка распоряжений правительства, предписаний различных министерств и ведомств (повесток, объявлений, извещений, вызовов и т.п.) в рамках совместного исполнения.

Данная обязанность была определена и проинструктирована еще в Уставе благочиния или полицейском 1782 года: «Когда в управе благочиния получит повеленье или приказание правления или иных властей на то имеющих мест, тогда ... прочесть в присутствии, затем при открытых дверях частным приставом, и квартальным надзирателям, после чего, частными приставами обнародовать каждому в своей части, а квартальным надзирателям в своем квартале» [3, п. 52]. Аналогично необходимо было поступать, когда в управу благочиния поступало «самодержавной власти изданное и императорского величества рукою подписано узаконение, учреждения или указ», а также «узаконение, учреждения или указ или повеление или приказание или решение в силу и вследствие узаконений...» [3, п. 51].

Этой инструкцией полиция руководствовалась вплоть до 60-х годов XIX века. А после вступления в силу Временных правил 1862 года, данная обязанность уездных полицейских управлений сохранилась, хотя число узаконений, распоряжений и других правительственных документов, предназначенных к обнародованию, значительно сокращается. Однако возрастает поток всевозможных повесток, вызовов и объявлений который лег тяжелой обязанностью на нижних полицейских чиновников – станowych приставов.

Основным источником для изучения вопроса о деятельности полиции Пензенской губернии как общего органа правительства могут служить записные книги Управ благочиния губернии I половины XIX века и книги станowych приставов II половины XIX века. В Управе благочиния имелись две книги. В первой производились записи всех узаконений, упреждений и указов от самодержавной власти. Во второй – приказаний правления, решений палат и других мест. Записные книги регистрировали дату получения, откуда и как получена бумага и когда будет обнародована. В первой половине XIX века, каждое полицейское учреждение Пензенской губернии получало от 250 до 300 бумаг ежегодно по обеим книгам [4, д. 524, 680, 689, 701, 1002, 1504, 2740, 3401]. После проведения полицейской реформы 1862 года число узаконений, решений, указов, повелений и т.п., предназначенных для обнародования

значительно уменьшалось до 100 в год по обеим книгам [5, д. 3880, 5087, 8564].

Кто же занимался обнародованием документов? Как уже было сказано выше, в I половине XIX века частный пристав и квартальный надзиратель, а во II половине XIX начале XX – становой приставы.

Метод проведения обнародования был следующий: частные приставы от управы благочиния получали приказание об обнародовании и вручали квартальным надзирателям объявления для расклейки по кварталам. Становой пристав, за неимением квартальных надзирателей делал все сам. Но на этом не кончается процесс обнародования указов и решений. Полицейские должны были следить за целостностью и сохранностью объявлений, а если «...пристав усмотрит, или уведомится, что в его части кто-то снял, изодрал или закрыл управы благочиния обнародование», то необходимо провести дознание и задержать под стражей нарушителя [5, д. 8465, 8466, 9811, 10681].

Но самой главной обязанностью приставов при обнародовании был контроль за объявлениями, произведенными без ведома полиции, их уничтожение и выявление виновников.

Какие же узаконения подлежали обнародованию? По данным книг станowych приставов и управы благочиния, документы для обнародования можно подразделять на несколько категорий.

1. Судебные.
2. Правительственные.
3. Цензурные.

К первой категории относятся решения судебных органов, касающиеся поимки беглых крестьян, дезертиров из армии, розыск и наказания уголовных преступников, политических ссыльных. Сложность подобных дел заключалась в том, что они, как правило, требовали исполнения. Эта категория обнародования была самая многочисленная в первой половине XIX века, (табл. 1) [4, д. 45, 76, 5351, 6848, 7751; 5, д. 5461, 6934, 10681]. В 80–90 годах XIX объявления решения и узаконений о политических преступниках и ссыльных были отнесены в категорию секретных документов [9, д. 15а; 8, д. 33].

Таблица 1

Документы, подлежащие обнародованию полицией Пензенской губернии в XIX – начале XX веков

	1801 г.	1815 г.	1856 г.	1865 г.	1880 г.	1901 г.	1916 г.
Судебные	126	114	158	196	30	13	12
Правительственные	15	8	12	18	4	5	7
Цензурные	74	58	60	83	62	82	74
Всего	215	180	230	297	96	100	93

Правительственные указы, подписанные рукой императора, составляли вторую категорию для обнародования. Обнародованию подвергались

указы, касающиеся рождения наследника, смерти императора и членов его семьи, начала или окончание войны, различных реформ (отмены

крепостного права, земской), рекрутских наборов. Подобные явления происходят нечасто, поэтому эта категория обнародования являлась самой малочисленной на протяжении всего XIX начала XX веков, (табл. 1). К этой же категории примыкают документы правительствующего сената и правительства. Значительная часть входящих бумаг данной категории не требовало исполнения или исполнялось в самом уездном полицейском управлении, без передачи в нижестоящие полицейские инстанции. Это обстоятельство существенно облегчало деятельность провинциальных полицейских учреждений по исполнению возложенных на них обязанностей.

К категории цензурных обнародований относились приказы, повеления МВД и правлений, касающиеся распространения как брошюр, листовок, буклетов, объявлений, а также – незаконного их распространения. В результате обострившейся социально-политической обстановки в России данная категория обнародования выходит на главенствующее место с 80 года XIX века (табл. 1).

Кроме выше названных бумаг, подлежащих обнародованию, были и объявления о крупных молебнах по случаю церковных праздников, о начале работы ежегодных ярмарок и мест их расположения, распространения заразных болезней, падежа скота и т.п. Их нельзя отнести к какой-либо из этих категорий, потому что инициатива обнародования принадлежала городским или уездным властями, а полиция только регистрировала их и выносила разрешение по объявлению.

Таким образом, обязанности уездной полиции по обнародованию нормативно-правовых актов были строго регламентированы и контролировались губернатором на протяжении всего XIX века.

Довольно сложной и запутанной была обязанность полицейских учреждений по ведению собственного делопроизводства. Каждая бумага, присылаемая из губернского правления, обязательно заносилась в дежурную книгу и один из трех докладных реестров. После получения и регистрации следовало выявить ее достоверность, о чем должен был дать заключение уездный стряпчий. В случае сомнения в достоверности узаконения или исполнения его содержания стряпчий должен был обратиться за разъяснениями к губернскому прокурору. Широкое распространение актов, издаваемых самозванцами, а также - различного рода подделок требовало от государственных учреждений критического отношения к получаемым нормативно-правовым актам. Если же, бумага требовала исполнения, она размножалась в канцелярии полиции в 2–3-х экземплярах, по числу приставов [3, п. 50–55; 4, д. 6301].

Пристава также в письменном виде докладывали о своих действиях и отсылали свои рапорта вместе с предписанием в уездный город, откуда же докладывали в Пензу о проделанной работе. Вышестоящие чиновники, включая губернатора, постоянно критиковали уездные полицейские управления за исписывание огромного количества бумаг, но дальше рекомендаций «усвоить

себе более сжатое изложение донесений» дело не шло.

С целью приведения полицейского делопроизводства Пензенской губернии в порядок, по указу губернатора была создана специальная комиссия, призванная определить с помощью экспертов, какие именно книги должны вестись в полицейских управлениях губернии и по какой форме. Комиссия пришла к выводу о том, что в уездных полицейских управлениях Пензенской губернии должно вестись 10 книг по денежной отчетности и 29 книг по делопроизводству: приходно-расходная книга для записи гербовых бумаг и пошлин, книга по записи отгульного скота, книга по записи проживающих иностранцев и т. д. Кроме того, у станковых и городских приставов должно быть 3 книги по денежной отчетности и 8 книг по делопроизводству. Этот порядок был введен в губернии в 1869 г. [8, д. 18]

В 1880-е годы значительно вырос объем секретной переписки уездной полиции. Ориентировки на лиц, подлежащих розыску, присылались теперь списком. Такие списки, включавшие по 10–20 человек, приходили в адрес полиции почти каждую неделю и обеспечивали непрерывной розыскной работой станковых приставов и полицейских урядников [8, д. 33; 9, д. 15а].

Кроме того, организованная преступность в России и революционные подпольные общества стали в больших масштабах использовать украденные и поддельные документы (удостоверения, свидетельства, виды на жительство). Подобные документы, попадавшие в руки полиции, тщательно исследовались и регистрировались. Специальные списки таких документов с описанием их внешнего вида и содержания рассылались во все уездные полицейские управления [9, д. 15а, 17].

Представляя правительство в уезде, полиция обязана была собирать различные статистические сведения. Ежегодно уездные и городские полиции отправляли губернатору отчеты о состоянии полицейских управлений. Губернатор в свою очередь направлял губернский отчет в МВД. Несмотря на заглавие документа «Сведения о состоянии градской и уездной полиции», в отчетах писалось все, что касалось вверенной полиции территории; а именно – сколько земли занимает город, на сколько кварталов он поделен, какие церкви, монастыри, дома, жители обоего пола, находятся ли в городе для картирования войска, какие есть общественные заведения и т.п.

Фактически, полицейские служащие составляли различных статистические отчеты, тем более, что губернские отчеты обобщались чиновниками, которых в 1810 г. выделили в статистическое отделение при Министерстве полиции. Следует отметить, что порядок доставления и собирания статистики полиции не был определен и закреплен законодательством вплоть до 1856 г., вплоть до создания Центрального статистического комитета (ЦСК). Пензенскому губернатору предписывается собрать со всех уездных и городских полиций «списки дворов и жителей и описанием

уездов и городов» с целью отправить в Губернский статистический отдел, а затем и в ЦСК [1, с. 161].

По «Временным правилам» в обязанности полиции входило кроме годовых отчетов составление ежемесячных статистических ведомостей о посевах и урожаях хлеба, о торговых ценах на жизненные припасы и т.п. Но становые приставы относились к подобным поручениям с прохладцей, за что пристав 2-го стана Саранского уездного полицейского управления Эмпедоклов в ноябре 1866 г. получил «выговор с занесением» в формулярный список о службе [8, д. 18].

На обязанности уездной полиции в 1880-е гг. лежало, кроме всего прочего, составление годового отчета о положении в уезде. Этот отчет собирался из донесений волостных правлений, которые обобщал становой пристав и отсылал в полицейское управление. Там отчеты приставов сводились воедино и, затем, предоставлялись в губернское правление.

В архиве сохранился статистический отчет по 2-му стану за 1886 год [6, д. 34; 7, д. 24]. В такие отчеты включались такие данные, как:

- количество населения в стане (в который входило 12 волостей: Макаровская, Тепловская, Нерлейская, Кочуровская, Булгаковская, Зыковская, Скрыбинская, Архангельско-Голицинская, Больше-Вьясская, Белоключевская, Воеводская, Атемарская) по социальным, вероисповедальным и имущественным категориям;
- количество обрабатываемой земли, что было засеяно в отчетном году и на какой площади, каков урожай;
- какие промыслы существуют в Стане и сколько людей ими занимается;
- сколько в стане фабрик, заводов и мастерских и сколько рабочих в них занято;
- сколько и каких культовых зданий, количество раскольников и образ их жизни;

Литература:

1. *Адрианов С.А.* Министерство внутренних дел: исторический очерк 1802–1902 гг. / С.А. Андрианов. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1902. 225 с.
2. *Лазарева О.В.* Провинциальная полиция в конце XVIII – начале XX в.: По материалам Пензенской губернии : дис. ... канд. истор. наук / О.В. Лазарева Оксана Владимировна Лазарева. Саранск, 2000. 251 с.
3. Устав благочиния, или полицейский // Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М. : Юрид. лит-ра, 1987. С. 324–387.

– количество преступлений и пожаров в стане, их раскрываемость и прочее.

Подобные отчеты давали самую подробную, и, что очень важно, объективную информацию о положении дел в уезде.

Уездные полицейские управления, как и любое другое полицейское учреждение, обязано было периодически отчитываться перед контрольной палатой за свои финансовые расходы. К отчету прилагались расписки, квитанции и прочие документы, подтверждающие правильность, указанных в отчете сумм. Смета на разъездные расходы составлялась отдельно, с приложением маршрутов разъездов, подтверждавших правильность выдачи прогонных денег [8, д. 27].

Следует отметить, что деятельность полиции по сбору статистических сведений была наиболее объективной. Несмотря на некоторое недоверие со стороны самих полицейских отдельным сведениям, поступающим из волостных правлений, тем не менее, опыт составления подобных статистических отчетов дал толчок для развития в дальнейшем различных направлений статистики (демографической, аграрной, промышленной, финансовой и т.д.).

Таким образом, деятельность уездной полиции как общего органа государственной власти в Российской империи XIX в. носила общепользительный характер. Основными направлениями данной деятельности являлись: обнародование необходимых нормативно-правовых актов, сбор статистических сведений и ведение делопроизводства. Выполнение обязанностей уездными полицейскими управлениями было строго регламентировано (исключая обязанности по обнародованию), часто дополнялось различными циркулярами и предписаниями МВД из-за своего несовершенства. Делопроизводство и статистические отчеты полицейских служащих находилось под постоянным контролем губернского правления. Об этом свидетельствуют выводы и предложения по улучшению деятельности, выработанные на основе постоянных ревизий провинциальных полицейских учреждений.

Literature:

1. *Adrianov S.A.* Ministry of Internal Affairs: historical sketch of 1802–1902 / S.A. Andrianov. SPb. : Type. Ministry of Internal Affairs, 1902. 225 p.
2. *Lazareva O.V.* Provincial police in the late XVIII - early XX century: Based on materials of the Penza province : dis. ... cand. history. sciences / Oksana Vladimirovna Lazareva. Saransk, 2000. 251 p.
3. Charter of the deanery, or policeman // Russian legislation of the X–XX centuries : in 9 vol. V. 5: Legislation of the heyday of absolutism. M. : Jurid. liter, 1987. P. 324–387.

4. Государственный Архив Пензенской Области. Ф. 5: Канцелярия Пензенского губернатора (1801–1917). Оп. 1. Ед. хр. 8270.
 5. Государственный Архив Пензенской Области. Ф. 6: Пензенское губернское правление (1801–1918). Оп. 1. Ед. хр. 14071.
 6. Государственный Архив Пензенской Области. Ф. 103: Пензенское уездное полицейское управление (1863–1917). Оп. 2. Ед. хр. 2058.
 7. Государственный Архив Пензенской Области. Ф. 404: Чембарский нижний земский суд (1781–1863). Оп. 1. Ед. хр. 488.
 8. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 21: Саранское уездное полицейское управление Пензенской губернии. Оп. 1. Ед. хр. 287.
 9. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 34: Канцелярия Саранского уездного исправника Пензенской губернии. Оп. 1. Ед. хр. 79.
4. State Archives of the Penza Region. F.5: Office of the Penza Governor (1801–1917). Op. 1. Unit xp. 8270.
 5. State Archives of the Penza Region. F.6: Penza provincial government (1801–1918). Op. 1. Unit xp. 14071.
 6. State Archives of the Penza Region. F.103: Penza district police department (1863–1917). Op. 2. Unit xp. 2058.
 7. State Archives of the Penza Region. F.404: Chembarsky lower zemstvo court (1781–1863). Op. 1. Unit xp. 488.
 8. Central State Archives of the Republic of Mordovia. F. 21: Saransk district police department of the Penza province. Op. 1. Unit xp. 287.
 9. Central State Archives of the Republic of Mordovia. F. 34: Office of the Saransk district police officer of the Penza province. Op. 1. Unit xp. 79.

Митяева Юлия Владимировна

кандидат политических наук,
доцент кафедры правовых
и гуманитарных дисциплин,
филиал частного образовательного
учреждения высшего образования,
«Московский университет
имени С.Ю. Витте», г. Рязань
jmitt@yandex.ru

Видова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук,
доцент,
заместитель заведующего кафедрой
правовых и гуманитарных дисциплин,
филиал частного образовательного
учреждения высшего образования
«Московский университет
имени С.Ю. Витте», г. Рязань
tatyanaabron@yandex.ru

Yulia V. Mityaeva

Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department
of Legal and Humanitarian Disciplines,
branch of a Private Educational Institution
of Higher Education,
«University of Moscow
named after S.Yu. Witte», Ryazan
jmitt@yandex.ru

Tatiana A. Vidova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Deputy Head of the Department
of Legal and Humanitarian Disciplines,
branch of a Private Educational Institution
of Higher Education,
«University of Moscow
named after S.Yu. Witte», Ryazan
tatyanaabron@yandex.ru

**Представительный институт
в России XX века: исторические
параллели, политический опыт**

**REPRESENTATIVE INSTITUTION
IN RUSSIA OF THE 20TH CENTURY:
HISTORICAL PARALLELS, POLITICAL
EXPERIENCE**

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в избирательной системе России в 1917–1991 годах. Авторы анализируют особенности развития представительного института, формирования принципов и механизмов института выборов. Дается оценка избирательным системам революционного и советского периода истории России. Авторы делают вывод о том, что в исследуемый период были созданы и реализованы те механизмы выборного института, которые необходимы для осуществления важнейшего конституционного принципа народовластия.

Ключевые слова: избирательная система России, институт выборов, народное представительство, механизмы и принципы института выборов.

Annotation. The article examines the changes in the electoral system of Russia in 1917–1991. The authors analyze the peculiarities of the development of a representative institution, the formation of the principles and mechanisms of the institution of elections. The evaluation of the electoral systems of the revolutionary and Soviet period of Russian history is given. The authors conclude that during the study period, all the mechanisms of the electoral institution that are necessary for the implementation of the most important constitutional principle of democracy were created and implemented.

Keywords: the electoral system of Russia, the institution of elections, people's representation, mechanisms and principles of the institution of elections.

Актуальность исследования института выборов в России связана с необходимостью научного анализа механизмов этого общественного института, существующего в России на протяжении более столетия, что позволяет подойти к оценке современного избирательного процесса, его сущности и особенностей, выстроенных с учетом российских традиций и ментальности.

Начало формирования элементов института выборов, основанных на принципе всеобщего представительства, было положено во второй половине XIX – начале XX века. Так, земская и городская реформы 1864–1870 годов предусматривали серьезные изменения в избирательном

процессе. XX век для Российского государства был ознаменован революционными преобразованиями, в результате которых впервые был сформирован общегосударственный законодательный орган – Государственная Дума, а гражданам получили возможность реализовать свои политические права через систему партийного представительства [2, с. 76–79]. Именно в это время начинает складываться система избирательного права, утвердившая политические свободы населения и порядок формирования созданных представительных органов власти [8, т. 2, с. 262–263]. Хотя новая избирательная система была, безусловно, прогрессивна для царской России, но в ней по-прежнему не

применялись такие базовые принципы, как: принцип всеобщности и принцип равенства, при том? что действовал архаичный имущественный ценз для избирателей.

Следующие изменения вновь были связаны с революцией, теперь уже 1917 года. Выборы в земские и городские органы самоуправления стали всеобщими, равными, прямыми при тайном голосовании, а сословный и имущественный цензы были упразднены. Согласно «Положению о выборах в Учредительное собрание», вводилась система выборов по партийным спискам, отменялись ограничения по национальному, религиозному основаниям, цензы оседлости, грамотности, а активное избирательное право стало доступным для женщин и военнослужащих. Впервые вводились такие элементы избирательной системы, как избирательные округа, избирательные участки, определялся порядок работы избирательных комиссий, единая форма избирательного бюллетеня, избирателям выдавались избирательные удостоверения, по которому гражданин мог проголосовать. Можно с уверенностью констатировать, что в этот исторический период формирования Российской республики избирательное законодательство было одним из самых прогрессивных и отвечающих запросам времени.

Советский период развития электоральной системы зачастую оценивается однобоко, акцентируя внимание, зачастую, на подмене демократических норм в номинальные процедуры, что не совсем корректно, так как, несмотря на то, что институт выборов формировался в условиях доминирования одной политической партии, но, тем не менее, в этот период начался процесс институализации электоральных отношений, а руководство советского государства уделяло большое внимание вопросам строительства «советской демократии» и соответствующим выборным механизмам. В связи с чем, научный интерес представляет изучение эволюционирования механизмов института выборов и их поэтапной модернизации в рамках современной избирательной системы.

Целью представленного научного исследования является анализ развития электоральной системы России в дореволюционный и советский период и рассмотрение поэтапной модернизации ее элементов.

Выдвинутая цель научного исследования предполагает реализацию следующих задач:

1. Проведение историко-правового анализа формирования электоральной системы в царской России, основанной на принципе всеобщности.
2. Раскрытие изменений избирательной системы в революционный период и их последующего включения в советское избирательное право.
3. Рассмотрение избирательного процесса в советский период с учетом специфики политической системы.

4. Оценка произошедших за XX столетие изменений института выборов и их влияния на действующие выборные механизмы в РФ.

Объектом исследования выступают электоральные отношения, формирующиеся в дореволюционный и советский период развития отечественной избирательной системы. Предметом исследования является механизмы и принципы института выборов в указанный исторический период времени.

Февральская революция 1917 года сокрушила самые основы Российской империи. Монархия перестала существовать. Главным органом власти стало избранное из членов Государственной думы Временное правительство. Одной из приоритетных задач оно провозгласило подготовку к созыву Учредительного собрания [3]. Цель созыва Учредительного собрания состояла в утверждении конституционных основ нового политического и государственного устройства, выработанных Временным правительством.

Достижению этой цели были подчинены выборы, проведенные на основании «Положения о выборах в Учредительное собрание», разработанного в июле-сентябре 1917 г. Статья 1 «Положения» впервые в истории России закрепляла наиболее демократичные принципы участия населения в избрании членов Учредительного собрания: выборы были всеобщими, без различия пола, равными и прямыми при тайном голосовании [4, с. 136]. Активное и пассивное избирательное право совпадало. Это означало, что лица, которые могли избирать, могли также быть избраны членами Учредительного собрания.

Избирательным правом обладали исключительно граждане России. Возрастной ценз устанавливался в 20 лет. Избирательного права лишались глухонемые, душевнобольные, судимые, банкроты, военные преступники, а также члены семьи Романовых.

Выборы в Учредительное собрание проводились «с применением начал пропорционального представительства». Для проведения выборов Россия делилась на территориальные округа, создавались избирательные участки. «Положение» определяло компетенцию и порядок работы избирательных комиссий всех уровней. Устанавливалась единая форма избирательного бюллетеня, каждому избирателю выдавалось именное удостоверение, по предъявлению которого он допускался к голосованию.

В результате выборов 12 ноября 1917 года было избрано 707 депутатов Учредительного собрания. Более 50 % мест (52,3 %) получили эсеры, 24,8 % – большевики, 5,7 % – левые эсеры, остальные партии и организации – менее чем по 5 %. Неудовлетворенность результатами выборов заставила большевиков, не желавших отказываться от власти, разогнать Учредительное собрание.

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на то, что «Положение о выборах в Учредительное

собрание» соответствовало уровню самых передовых законов своего времени, оно оказалось не реализованным вследствие политики большевиков, которые начали разрабатывать новое советское право.

Установление монополии власти большевиков, ликвидация внутривластной оппозиции наложили свой отпечаток на избирательное законодательство и процедуру выборов. Первая советская Конституция 1918 года оформила установление диктатуры пролетариата. В связи с этим избирательное право не было всеобщим, оно даровалось только трудящимся классам. Согласно Статье 65, избирательного права были лишены лица, прибегающие к наемному труду или живущие на нетрудовые доходы, частные торговцы, торговые и коммерческие посредники, духовенство, бывшие служащие царской полиции, жандармерии и охранки, члены царской фамилии, а также умалишенные и преступники [5].

Для трудящихся действовали принципы всеобщности, отсутствие цензов по половому, национальному, конфессиональному признакам, признаку оседлости. Устанавливался для них лишь один, естественный ценз – возрастной, притом очень низкий – 18 лет. Особенностью Конституции 1918 года являлось то, что право избирать и быть избранным предоставлялось и иностранным трудящимся, проживающим на территории страны.

В Конституции был закреплен принцип неравенства избирательных прав для городских и сельских жителей. Всероссийский съезд Советов из представителей городских советов избирался 1 депутат на 25000 избирателей, а из представителей губернских съездов Советов – 1 депутат на 125000 жителей (Статья 25). Такое неравенство избирательных прав городского и сельского населения было необходимо для установления диктатуры пролетариата.

Конституция РСФСР 1918 года также закрепила институт отмены выборов, появившийся в избирательном законодательстве России еще до революции. Отдельная (пятнадцатая) глава Конституции регламентировала вопросы проверки выборов, их отмены, что, безусловно, придавало особую значимость этому институту и превратило его в открытую процедуру проверки правильности выборов [11, с. 80]. Таким образом, можно говорить о том, что с 1918 года начало действовать советское избирательное право – совокупность юридических норм, закрепляющих право граждан избирать и быть избранными в представительные органы государственной власти, а также право отзыва избирателями депутатов, не оправдавших их доверие [1, с. 38].

Дальнейшие изменения в избирательной системе связаны с введением Конституции СССР 1936 года. Она провозглашала демократические принципы выборов: всеобщие, равные, прямые, тайные [6, с. 312]. Выдвижение кандидатов, агитация, обеспечение явки избирателей носило классовый характер, идеологически обосновывалось. Широко применялось квотирование.

Демократичность выборов обеспечивалась признанием их состоявшимися при явке избирателей не менее 50 %, которая, как правило, составляла более 90 %.

Конституция СССР 1977 года в части, касающейся избирательной системы и организации выборов, повторяла положения предыдущих лет: всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании. Кандидаты в депутаты выдвигались государственными, партийными, общественными, профессиональными и воинскими организациями. Выборы депутатов в Советы народных депутатов производились по избирательным округам. Проведение выборов обеспечивали избирательные комиссии [7].

Однако повсеместной практикой было то, что избиратели не выбирали, а лишь одобряли выдвинутую единственную кандидатуру. Поэтому выборы во многом были формальными, служили обеспечению полномочия правящей партии. Лишь во второй половине 1980-х годов, в связи с перестройкой политической системы, ситуация стала постепенно изменяться. Первым практическим шагом на пути к развитию института выборов стала возможность выдвижения альтернативных кандидатов в местные Советы народных депутатов (1987 год).

На XIX Всероссийской конференции КПСС 1988 года была принята резолюция «О демократизации советского общества и реформе политической системы». В ней выдвигались принципы, способствовавшие обновлению избирательной системы: неограниченное количество кандидатур, широкое и свободное их обсуждение, строгое соблюдение процедуры выборов, регулярная отчетность депутатов, возможность их отзыва.

01 декабря 1988 года Верховным Советом СССР были приняты законы «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» и «О выборах народных депутатов СССР». Конституционно закреплялась возможность выбора депутатов в одномандатных избирательных округах из нескольких кандидатов. Число кандидатов в народные депутаты не ограничивалось.

Таким образом, избирательные кампании 1987 и 1989 годов стали важными этапами на пути к реформированию высших представительных органов государственной власти на демократической основе. Однако структурные изменения всех составных элементов и процедур выборов окончательно сложились уже после распада СССР.

Россия сегодня – это государство, стремящееся постоянно совершенствовать свою избирательную систему, которая бы максимально отвечала запросам общества в открытости, доступности, эффективности проведения выборов на любом уровне [9; 10]. Однако у большинства избирателей нет желания разбираться в особенностях правового регулирования избирательного процесса и в тех мерах защиты результатов голосования, которые были внедрены в этот процесс в последнее время. Причиной, по которой большинство российских избирателей не доверяет

институту выборов как механизму, включающему каждого гражданина в управление государством, является формализация в оценке исторического опыта в этом вопросе.

Для большинства наших сограждан советский период однозначно закрепил формулу «государство все решает» и, как следствие, сформировалось понимание себя в этом процессе как «винтика системы», от которого ничего не зависит. Незнание и нежелание разобраться в том, каким образом в России складывались механизмы организации и проведения выборов, почему и как они менялись с течением времени, каким запросам общества и политической власти они отвечали, привело к тому, что сегодня электоральными настроениями руководят штампы и популистские высказывания отдельных политиков. Поэтому важнейшей задачей является необходимость сформировать в обществе понимание элементов института выборов, их эффективность, основанное на нашем, российском, историческом опыте.

Исследование развития избирательной системы России в межреволюционный и советский период XX века позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на многие политические потрясения, процесс модернизации избирательных механизмов не прерывался и прогрессировал. Опыт, который получила Россия в течение XX века, – это формирование выборных механизмов, соответствовавших историческому контексту и мировым стандартам в этой сфере. После революции 1905-1907 годов и избрания Государственной Думы начало формироваться избирательное законодательство, однако оно еще не включало принципы всеобщности и равенства. Механизм выборов по-прежнему оставался многоступенчатым и носил сословные и цензовые ограничения.

Уже, начиная с 1917 года, Положением Временного правительства о выборах в Учредительное собрание были отменены такие архаичные цензы, как имущественный, оседлости, грамотности, национальности и конфессиональности. Ушла в прошлое куриальная система представительства, которая ущемляла права избирателей разных сословий. Важнейшим достижением стало право участвовать в выборах женщинам, достигшим 20-летнего возраста, а также военнослужащим. Эти изменения, несомненно, были прогрессивными даже в сравнении с мировыми стандартами того времени.

Россия была разделена на избирательные округа, в структуре появились избирательные участки и избирательные комиссии всех уровней, их полномочия были закреплены законодательно.

Несмотря на утверждение Советской власти, согласно положениям первой российской конституции 1918 года, многие передовые принципы избирательного законодательства были сохранены и дополнены снижением возрастного порога до 18 лет и возможностью независимо от социального происхождения и прошлого рода занятий участвовать в выборах депутатов. Демократической чертой стало также закрепление контроля и

возможности отмены результатов выборов в случае зафиксированных нарушений и жалоб.

Таким образом, можно говорить, что уже в середине 1920-х годов начался процесс институализации отношений в области организации и проведения выборов в органы власти, о чем свидетельствует принятое в 1925 году Положение о Всероссийской Центральной Избирательной Комиссии. Данный элемент избирательной системы доказал свою важность на протяжении всего периода проведения выборов в Советском Союзе и перешел в нынешний институт.

Безусловно, рассматриваемые нами изменения, происшедшие в избирательном процессе начала XX века в России, отражали изменения политической системы нового советского государства и служили, в первую очередь, диктатуре пролетариата, но это черта избирательной системы любого государства, прошедшего через революцию для смены формы государственного правления – отражать интересы победившего класса. Существенным рывком в модернизации избирательной системы стало учреждение и закрепление в Конституции СССР 1936 года демократических принципов выборов: всеобщих, равных, прямых при тайном голосовании.

Многие десятилетия избирательная система советского государства реализовывала принцип однопартийности. Этот принцип носил и носит резко отрицательный характер в избирательном процессе, однако он привнес в российскую избирательную практику определенные акценты, которые свойственны электоральным оценкам выборов и по сей день, а именно: на первый план вышла не партийная принадлежность кандидатов, а их личностные качества, харизма, лидерские способности. Кроме того, в обществе сформировалось устойчивое понимание и принятие того факта, что в политической жизни достаточно и одной партии, если она обеспечивает стабильное развитие государства. Можно говорить, что отсутствие интереса к партийной идентификации и стремление, прежде всего, к стабильности в политической жизни – это современные черты в избирательном процессе сегодняшней России, пришедшие из политического опыта советского периода.

За прошедшую вековую историю формирования, модернизации избирательной системы России были созданы и реализованы все те механизмы выборного института, которые необходимы для осуществления важнейшего конституционного принципа народовластия. Безусловно, так же, как и опыт зарубежных стран в этом вопросе, российская избирательная система отвечала, прежде всего, запросам своего «большинства», если на западе это была диктатура буржуазии, то в России – диктатура пролетариата. Квотирование, ограничения по гендерному основанию, национальности, расовому признаку, многоступенчатость выборов и многое другое – это то, что было характерными особенностями в большинстве избирательных систем мира в XX веке. Исторический контекст важен для того, чтобы понять эволюционирует ли общество в своем движении

демократизации политических процессов, в том числе и избирательного процесса или стагнирует.

Ретроспективное представление механизмов избирательной системы российского общества, их трансформации, модернизация позволяют нам утверждать, что существующая избирательная модель в Российской Федерации включает на сегодняшний день самый передовой опыт как

Литература:

1. *Бутырская И.Г.* Становление и развитие избирательной системы в России / И.Г. Бутырская, Е.В. Сорокина // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире.* 2016. № 14-3. С. 133–144.
2. *Головастова Ю.А.* Изменение формы правления в России в ходе первой русской революции: предпосылки, сущность, последствия / Ю.А. Головастова, Т.А. Видова // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2019. № 7. С. 76–79.
3. Декларация Временного правительства о его составе и задачах, марта 1917 г. URL : <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5201>
4. Положение о выборах в Учредительное собрание Июль-сентябрь 1917 г // *Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. М. : Юридическая литература, 1987. Т. 9. С. 136.*
5. Конституция (основной закон) РСФСР, принята 10 июля 1918 года. URL : <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm>
6. *Кукушкин Ю.С.* Конституция (Основной закон) СССР, утв. 05 декабря 1936 г. / Ю.С. Кукушкин, О.И. Чистяков. Очерк истории Советской Конституции. М. : Политиздат, 1987. С. 312.
7. Конституция (Основной Закон) СССР 1977 года. URL : <http://k.sssr.su/1977/4>
8. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб., 2003.
9. *Митяева Ю.В.* Голосование по месту пребывания: «плюсы и минусы» / Ю.В. Митяева // *Выборы: теория и практика.* 2017. № 4(44). С. 11.
10. *Митяева Ю.В.* Новации избирательного законодательства 2017 года / Ю.В. Митяева // *Выборы: теория и практика.* 2017. № 2(42). С. 38.
11. *Саламатова М.С.* Институт отмены выборов в Советской России: особенности правового регулирования и практики реализации (1918–1936 гг.) / М.С. Саламатова // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс.* 2016. № 16. С. 79–97.

зарубежных стран, так и лучшее из собственного исторического опыта в вопросе организации и проведения выборов. Единственное расхождение, на наш взгляд, состоит в том, что динамика модернизации избирательных процедур резко опередила общественно-политическую динамику, которой до сих пор свойственны стереотипизация, популизм и слабое развитие гражданских инициатив.

Literature:

1. *Butyrskaya I.G.* Formation and development of the electoral system in Russia / I.G. Butyrskaya, E.V. Sorokina // *Fundamental and applied research in the modern world.* 2016. № 14-3. P. 133–144.
2. *Golovastova Yu.A.* Change of the form of government in Russia during the first Russian Revolution: prerequisites, essence, consequences / Yu.A. Golovastova, T.A. Vidova // *Humanities, socio-economic and social sciences.* 2019. № 7. P. 76–79.
3. Declaration of the Provisional Government on its composition and Tasks, March 1917. URL : <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5201>
4. The regulations on the elections to the Constituent Assembly July-September 1917 // *Russian legislation of the X-XX centuries : in 9 vols. M. : Yuridicheskaya literatura, 1987. Vol. 9. P. 136.*
5. The Constitution (Basic Law) of the RSFSR, adopted on July 10, 1918. URL : <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm>
6. *Kukushkin Yu.S.* The Constitution (Basic Law) of the USSR, approved on December 5, 1936 / Yu.S. Kukushkin, O.I. Chistyakov. An essay on the history of the Soviet Constitution. M., Politizdat, 1987. P. 312.
7. The Constitution (Basic Law) of the USSR of 1977. URL : <http://k.sssr.su/1977/4>
8. *Mironov B.N.* Social history of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century). Genesis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law : vol. 2. SPb., 2003.
9. *Mityaeva Yu.V.* Voting at the place of stay: «pros and cons» / Yu.V. Mityaeva // *Elections: theory and practice.* 2017. № 4(44). P. 11.
10. *Mityaeva Yu.V.* Innovations in electoral law of 2017 / Yu.V. Mityaeva // *Elections: theory and practice.* 2017. № 2(42). P. 38.
11. *Salamatova M.S.* Institute of cancellation of elections in Soviet Russia: features of legal regulation and practice of implementation (1918–1936) / M.S. Salamatova // *Historical and legal problems: a new perspective.* 2016. № 16. P. 79–97.

Осадчук Оксана Александровна
соискатель кафедры уголовного права,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина,
старший преподаватель,
Севастопольский
экономико-гуманитарный институт
(филиал) Крымского федерального
университета имени В.И. Вернадского
ksufa2007@rambler.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЖЕНСКОГО ПОЛА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ МЕРАМИ

Аннотация. В статье рассматриваются положения законодательства Российской Федерации об уголовной ответственности несовершеннолетних и на примере общефедеральной и региональной (на примере Республики Крым и города федерального значения Севастополь) судебной практики делается вывод о его несовершенстве, в связи с несоответствием современному состоянию общественных отношений в стране. Некоторые из видов наказаний, предусмотренных УК РФ, неоправданно мало применяются к несовершеннолетним, в том числе в связи с отсутствием нормативного закрепления порядка их применения, иные практически не применимы на практике и требуют своего исключения из перечня наказаний для несовершеннолетних. Также, требует своего совершенствования система замены наказаний, от отбывания которых уклоняются несовершеннолетние нарушители уголовного закона.

Ключевые слова: уголовная ответственность несовершеннолетних, отсутствие гендерного подхода к уголовной ответственности несовершеннолетних, несовершенство уголовного закона, виды наказаний для несовершеннолетних преступников, проблемы замены уголовного наказания для несовершеннолетних при уклонении от его отбывания.

Н а сегодняшний день правовое регулирование борьбы с преступностью несовершеннолетних осуществляется, прежде всего, на основании положений уголовного законодательства, в частности главы 14 УК РФ, озаглавленной «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» и содержащей перечень наказаний, основания для освобождения от уголовной ответственности и наказания, особенности сроков давности привлечения к уголовной ответственности, отбывания наказания и судимости для данной категории лиц.

Oksana A. Osadchuk
Candidate of the Department of Criminal Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin,
Senior Lecturer,
Sevastopol Institute
of Economics and Humanities
(branch) of the Crimean Federal
University named after V.I. Vernadsky
ksufa2007@rambler.ru

PREVENTION OF CRIMINALITY OF FEMALE MINORS BY CRIMINAL LAW MEASURES

Annotation. The article examines the provisions of the legislation of the Russian Federation on the criminal responsibility of minors and, using the example of federal and regional judicial practice (the example of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol), concludes that it is imperfect, due to the inconsistency with the current state of public relations in the country. Some of the types of punishments provided for by the Criminal Code of the Russian Federation are unjustifiably little applied to minors, including due to the lack of a normative consolidation of the procedure for their application, while others are practically not applicable in practice and require their exclusion from the list of punishments for minors. The system of commutation of sentences from serving which minor violators of the criminal law evade also needs to be improved.

Keywords: criminal responsibility of minors, the lack of a gender approach to the criminal responsibility of minors, the imperfection of the criminal law, the types of punishments for juvenile offenders, the problems of replacing criminal punishment for minors when evading its serving.

Анализ положений УК РФ позволяет сделать вывод об их недостаточности для эффективного предотвращения преступности несовершеннолетних. Для успешной профилактики исследуемого сегмента преступлений, по вполне обоснованному мнению исследователя Г.И. Швединой, необходимо соответствующее сегодняшним реалиям законодательное сопровождение данной деятельности, четкое и конкретное разъяснение положений закона его адресатам, адекватность уголовно-правовых санкций степени общественной опасности преступлений несовершен-

нолетних и соответствии этому судебной практики [9, с. 110].

Следует заметить, что в вопросе уголовной ответственности несовершеннолетних гендерный подход в отечественном законодательстве отчетливо не прослеживается, поэтому стоит говорить о достоинствах и недостатках современного уголовного закона, регулирующего особенности ответственности за совершение преступлений, несовершеннолетних в целом.

Глава 14 УК РФ включает в себя два основных блока вопросов об уголовной ответственности несовершеннолетних: наказание и освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия. От совершенства уголовного закона в плане соответствия его современным реалиям общественной жизни и эффективности применения его положений на практике во многом зависит возможность исправления несовершеннолетнего правонарушителя, а, следовательно, предотвращения совершения им новых преступлений.

Действующее уголовное законодательство содержит перечень из шести видов наказаний, применяемых к несовершеннолетним: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы на определенный срок.

Наказание в виде лишения свободы на определенный срок является самым строгим видом, который может назначаться несовершеннолетним. В соответствии с частью 6 статьи 88 УК РФ данное наказание назначается несовершеннолетним осужденным, совершившим преступление до шестнадцати лет, на срок не свыше шести лет.

Этой же категории несовершеннолетних, совершивших особо тяжкие преступления, а также остальным несовершеннолетним осужденным наказание назначается на срок не свыше десяти лет. Что касается других категорий преступлений, то наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступление небольшой тяжести впервые (ч. 6 ст. 88 УК РФ). Кроме того, в указанной статье содержится положение, в соответствии с которым, суд с учетом обстоятельств дела и личности виновного может повторно принять решение об условном осуждении, установив новый испытательный срок и возложив на условно осужденного исполнение определенных, обязанностей предусмотренных частью 5 статьи 73 УК РФ, в том случае если несовершеннолетний осужденный, которому назначено условное осуждение, совершил в течение испытательного срока новое преступление, не являющееся особо тяжким (ч. 62 ст. 88 УК РФ).

Несмотря на то, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» сказано, что «наказание несовершеннолетнему в виде лишения свободы суд вправе назначить только в случае признания невозможности его исправления без изоляции от общества, с приведением мотивов принятого решения», в 13,14 % случаев несовершеннолетним, совершившим преступления, судами назначается лишение свободы, что не соответствует общему вектору гуманизации уголовной политики государства в отношении данной категории преступников [4, с. 74].

Таблица 1

Виды наказаний, назначенных несовершеннолетним осужденным в Российской Федерации за период с 2015 по 2020 гг. и их доля в общем спектре назначенных наказаний [6]

Вид наказания / Контингент	Лишение свободы	Обязательные работы	Исправительные работы	Штраф	Иные виды наказаний	Условно осуждены
Все несовершеннолетние	13,14 %	21,3 %	1,05 %	11,91 %	3,21 %	37,71 %
Юноши	15,95 %	19,02 %	1,23 %	8,19 %	2,84 %	38,66 %
Девушки	10,33 %	23,58 %	0,87 %	15,63 %	3,58 %	36,77 %

Приведенные в таблице показатели позволяют сделать вывод о том, что, в большинстве случаев (21,3 %), несовершеннолетние осуждаются к обязательным работам. Обязательные работы заключаются в выполнении осужденными в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. В соответствии с действующим законодательством, вид обязательных работ и объекты, на которых они отбываются, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями [8, с. 95]. В РФ данное наказание применяется с 2005 года, однако,

при его реализации в отношении несовершеннолетних возникает ряд проблем. Первая из них связана с выбором объекта (места) для отбывания наказания. Работодатели, осуществляющие свою деятельность на основе негосударственной (не муниципальной) собственности, откровенно не желают брать на свое предприятие несовершеннолетних, вообще, а уж осужденного для отбывания наказания, тем более, и рычагов воздействия на них у государства практически нет. Следовательно, круг таких мест ограничен некоммерческими государственными или муниципальными учреждениями. Как нам представляется, с

практической точки зрения, оптимальным местом для выполнения обязательных работ осужденными несовершеннолетними является учебное заведение (школа), в котором уже обучается осужденный.

Следующие обстоятельства говорят в пользу этого утверждения.

В первую очередь, школы – это, как правило, муниципальные учреждения (подведомственные местным органам самоуправления), поэтому с включением школ в список учреждений, обозначенных как места для отбывания наказания в виде обязательных работ, трудностей, как правило, не возникает.

Во-вторых, обязательные работы должны проводиться в свободное время. Ни одна другая организация лучше, чем школа, не знает, занят ли школьник учебным процессом или нет.

В-третьих, работодателю, у которого нет опыта работы с несовершеннолетними, часто трудно определить, возможно ли привлечение несовершеннолетнего к тому или иному виду работ. Кроме того, такой работодатель часто не знает о состоянии здоровья ребенка, в то время как школа имеет огромный опыт использования труда несовершеннолетних, а медицинский работник или классный руководитель школы хорошо осведомлены о состоянии здоровья ученика. Эта информация позволит школе предложить наиболее оптимальную работу для осужденного.

Поэтому при составлении перечня объектов для отбывания несовершеннолетними преступлениями обязательных работ существует необходимость включения в этот список местными органами власти школ и других учебных заведений муниципального образования. Это в полной мере относится и к осужденным девушкам, и, как нам представляется, в случае включения в перечень принудительных воспитательных мер обязательного привлечения к труду, к тем, к кому будет применена данная принудительная мера. Ведь действительно, перечень работ, осуществляемых в учебных заведениях несовершеннолетними, не имеющими ни специальности, ни квалификации, вероятнее всего, ограничивался бы хозяйственными работами (мытьё классных и иных школьных помещений, уборка прилегающей территории и т.д.), то есть, как раз то, что вырабатывает навыки именно женского труда, необходимые в дальнейшей семейной жизни девушке.

Исполнение наказания в виде обязательных работ в отношении несовершеннолетних имеет еще один неурегулированный аспект. Так, согласно ч. 3 ст. 49 УК РФ, в случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ, а эта ситуация весьма характерна для несовершеннолетних правонарушителей, они заменяются принудительными работами или лишением свободы. При этом время, в течение которого осужденный отбывал обязательные работы, учитывается при определении срока лишения свободы из

расчета один день лишения свободы (принудительных работ) за 8 часов обязательных работ.

Следует заметить, что принудительные работы к несовершеннолетним осужденным вообще не применяются в соответствии с ч. 7 ст. 53.1 УК РФ. А наказание в виде лишения свободы, согласно ч. 6 ст. 88 УК РФ, не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые. Поэтому законодательно закрепленная замена обязательных работ, от которых уклоняется несовершеннолетний преступник, не может быть реализована, а предупреждение об ответственности за ненадлежащее отбывание назначенного судом наказания, в данном случае, теряет свой смысл [2, с. 191]. В связи со сказанным представляется необходимым предусмотреть в уголовном законодательстве возможность замены обязательных работ, от которых уклоняется несовершеннолетний осужденный наказанием, не связанным с лишением свободы, например, ограничением свободы. Это можно реализовать путем дополнения ч.3. ст. 88 УК РФ фразой: «В случае злостного уклонения осужденного несовершеннолетнего от отбывания обязательных работ они заменяются ограничением свободы из расчета один день лишения свободы за четыре часа обязательных работ».

Вторым по распространенности наказанием, назначаемым несовершеннолетним правонарушителям, является штраф (11,91 %), назначаемый как при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых. Штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному по решению суда, может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Данная позиция законодателя, с точки зрения эффективности предупредительного воздействия на несовершеннолетних преступников, видится нам, как и другим исследователям [3, с.129, 5, с. 142], весьма спорной по следующим причинам. Как правило, подростки еще не имеют самостоятельного заработка и материально полностью зависят от своих родителей или законных представителей, а поэтому, практически, не несут бремени ответственности за свое противоправное поведение. Возложение обязанности оплатить штраф в рамках уголовно-правовой репрессии на родителей, является, как нам представляется, прямым нарушением принципа личной ответственности виновного за совершенное преступление, хотя позиция законодателя с практической точки зрения понятна, поскольку расширяет круг наказаний, применимых к несовершеннолетним, и пополняет государственный бюджет.

Предпоследнее место в структуре наказаний, назначаемых несовершеннолетним, занимает ограничение свободы с показателем 2,8–3 %, что свидетельствует о неактивном применении его

судами в противовес условному осуждению, количество которых в отношении несовершеннолетних в течение последних пяти лет удерживается, примерно, на одном уровне и в среднем составило 37,71 %. Это наиболее применимый способ назначения наказания к не достигшим совершеннолетия преступникам. Расширению применения ограничения свободы к несовершеннолетним осужденным определенно препятствует положение ч. 2 ст. 53 УК РФ, где говорится, что ограничение свободы в качестве основного вида наказания может быть назначено только за нетяжкие преступления, в то время как условное осуждение применимо за совершение виновными преступлений любой тяжести. Поэтому, думается, суды чаще выносят решение о применении условного, а не реального наказания [4, с. 75].

Последнюю строчку в таблице по распространенности среди несовершеннолетних осужденных занимают исправительные работы (1,05 %), назначаемые продолжительностью до одного года. Поскольку, никаких возрастных ограничений по применению исправительных работ к несовершеннолетним, в отличие от обязательных, УК РФ не устанавливает, по умолчанию следует руководствоваться ТК РФ. Ограничение возраста трудоспособности шестнадцатью годами (в виде исключения с согласия родителя – четырнадцатью), а также, отсутствие, как правило, у представшего перед судом подростка какой-либо специальности и квалификации, существенно ограничивает применение судами данного наказания. Наконец, нам видится нелогичным отсутствие законодательно закрепленного снижения размера удержаний из заработной платы осужденного к исправительным работам несовершеннолетнего по сравнению с взрослыми преступниками. Данный пробел может быть устранен путем внесения дополнений в ч. 4 ст. 88 УК РФ с изложением ее в следующей редакции: «Из заработной платы несовершеннолетнего, осужденного к исправительным работам, производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, но не свыше 15 процентов». С учетом

того, что данное наказание, согласно действующему уголовному закону, может применяться как к имеющим, так и к не имеющим основной работы лицам, с возможностью принудительного трудоустройства через центры занятости, эффективность применения данного наказания может возрасти, особенно, с учетом высокого воспитательного потенциала приобщения подростка к труду.

Таким образом, можно сделать общий вывод об определенном несовершенстве системы наказаний для несовершеннолетних, предусмотренной в УК РФ, и практики их применения [4, с. 76].

Что касается гендерного подхода к назначению наказаний несовершеннолетним преступникам, то здесь можно констатировать следующее. По Российской Федерации, несовершеннолетние юноши, в большинстве случаев, осуждаются условно к различным видам наказаний (38,87 %). При реальном осуждении, чаще всего, судами применяются обязательные работы (19,11 %). Лишение свободы применяется в 15,91 % случаев. Третью позицию занимает штраф как основной вид наказания (8,33 %). Исправительные работы назначаются крайне редко (1,25 %) ввиду отсутствия легального трудоустройства, квалификации и профессии у несовершеннолетних правонарушителей. К остальным видам наказаний совокупно несовершеннолетние юноши осуждались в 2,9 % случаях [6].

Применительно к несовершеннолетним женского пола суды показывают несколько иное отношение в выборе наказания при осуждении. Так, несовершеннолетние женского пола в Российской Федерации, чаще всего, осуждаются реально к обязательным работам (22,99 %), штрафу (15,5 %) и к лишению свободы (10,32 %). Осуждение к иным видам наказаний составляет всего 3,57 %. В более чем трети случаев девушки осуждаются условно к различным видам наказаний (37,05 %), что подтверждается приведенной статистикой.

Таблица 2

Наказания, примененные к несовершеннолетним женского пола в Российской Федерации (2014–2020 гг.) [6]

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Всего	%
Всего осуждено н/л жен.п.	1552	1656	1831	1346	1296	1325	1139	10145	///////
Лишение свободы (реально)	126	159	200	154	151	141	116	1047	10,32 %
Обязательные работы (реально)	333	349	513	341	308	280	209	2333	22,99 %
Исправительные работы (реально)	12	27	17	11	16	8	14	93	0,91 %
Штраф (реально)	268	279	283	208	184	186	165	1573	15,5 %
Иные виды наказаний (реально)	58	49	58	52	55	51	40	363	3,57 %
Условно осуждены	641	615	613	476	479	488	447	3759	37,05 %
Освобождены от наказания или наказание не назначалось	114	178	147	104	103	171	148	965	9,51 %

О существенных отличиях в применении судами страны различных видов наказаний по отношению к несовершеннолетним юношам и девушкам

можно получить представление визуально из представленной ниже диаграммы.

Приведенные данные позволяют сделать вывод об ограниченности видов наказаний, применяемых к несовершеннолетним обоим полов судами фактически четырьмя видами наказаний: штраф, обязательные и исправительные работы и лишение свободы на определенный срок. При этом вне зависимости от пола подсудимого, в большинстве случаев, наказание назначается условно. Лишение свободы как вид наказания реально назначается в 10–15 % случаев привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности.

В Республике Крым из 195 несовершеннолетних женского пола, представших за совершение различного рода преступлений, перед судом за период с 2015 по 2020 год, только 38 человек были осуждены к различным видам наказания, что составило 19,5 % от всех, преданных суду лиц данной категории. Причем, 14 девушек или 36,8 % из них были осуждены к лишению свободы, как реально, так и условно, 12 – к обязательным работам (31,6 %), 9 – к штрафу (23,67 %), трое – к ограничению свободы (7,9 %). В отношении остальных 157 фигурантов уголовные дела были прекращены за примирением сторон и в связи с деятельным раскаянием, а также с применением принудительных мер воспитательного воздействия, то есть в большинстве случаев судебного рассмотрения – 80,5 % [7].

В г. Севастополе спектр примененных судами наказаний в отношении несовершеннолетних женского пола показывает следующие тенденции в применении уголовно-правовой репрессии. Так, за период с 2015 года к уголовной ответственности было привлечено 56 несовершеннолетних женского пола. Из них 28 человек было осуждено к различным видам наказания (50 %): 36 % к лишению свободы, 32 % к обязательным работам, 21 % к штрафу и 11 % к исправительным работам. В отношении остальных 50 %, представших перед судом лиц данной категории, уголовные дела прекращались по различным основаниям без вынесения решения о наказании виновной. Таким образом, перечень применяемых к несовершен-

нолетним женского пола наказаний и их распространенность как в Республике Крым, так и в г. Севастополе соответствуют практике судов по стране, в целом.

Таким образом, анализ действующей системы наказаний, предусмотренных ст. 88 УК РФ, свидетельствует о крайне ограниченных возможностях их применения. В данной связи, важной задачей законодателя является разработка и включение в УК РФ норм, которые бы предусматривали виды наказаний, учитывающие специфику личности именно несовершеннолетних преступников [1, с. 36].

На основании анализа уголовно-правовых мер предупреждения преступности несовершеннолетних женского пола можно сделать следующие выводы. Правовое регулирование уголовной ответственности несовершеннолетних осуществляется главой 14 УК РФ, в которой содержится два основных блока вопросов: наказание несовершеннолетних и освобождение их от уголовной ответственности и наказания. К данной категории преступников возможно применение 6 видов наказаний, среди которых лидируют обязательные работы, лишение свободы и штраф. Неоправданно мало применяются ограничение свободы и исправительные работы. Лишение права заниматься определенной деятельностью практически судами не назначается, и закрепление данного вида наказания в перечне, применяемых к несовершеннолетним, нам видится излишним. Также, вызывает сомнение, в плане достижения целей наказания, возможность возложения штрафа за виновное поведение подростка, на его родителей или лиц, их заменяющих. Данное положение закона видится прямым нарушением принципа личного характера уголовной ответственности. Отсутствует в законе и ограничение для несовершеннолетнего, касающееся размера удержаний из заработной платы осужденного к исправительным работам. Есть и иные недостатки правового регулирования наказания несовершеннолетних.

Литература:

1. *Баштова Е.Н.* Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних / Е.Н. Баштова // Юрист-Правовед. 2008. № 3. 36–40.
2. *Васильева Я.Ю.* Обязательные работы: некоторые проблемы теории и практики применения / Я.Ю. Васильева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8–9. С. 189–192.
3. *Зубкова В.И.* Особенности уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних / В.И. Зубкова // II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 60-летию принятия Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и 30-летию принятия Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних): сборник тезисов выступлений и докладов участников (Рязань, 25–27

Literature:

1. *Bashtova E.N.* Criminal liability and punishment of minors / E.N. Bashtova // Lawyer-Jurist. 2008. № 3. 36–40.
2. *Vasilieva Y.Y.* Obligatory works: some problems of theory and practice of application / Y.Y. Vasilieva // Humanities, socio-economic and social sciences. 2016. № 8–9. P. 189–192.
3. *Zubkova V.I.* Features of criminal punishments in relation to minors / V.I. Zubkova // II International Penitentiary Forum «Crime, punishment, correction» (to the 60th anniversary of the adoption of the Minimum Standard Rules for the treatment of prisoners and the 30th anniversary of the adoption of the Minimum Standard Rules concerning the administration of justice in relation to minors): collection of abstracts of speeches and reports of participants (Ryazan, November 25–27, 2015): in 8 vol. Ryazan, 2015.

ноября 2015 г.) : в 8 т. Рязань, 2015. Т. 1: Материалы пленарного заседания. С.129–134.

4. *Нечаева Е.В.* Система наказаний в отношении несовершеннолетних нуждается в совершенствовании / Е.В. Нечаева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3. С. 71–76.

5. *Прокументов Л.М.* Особенности системы наказаний в отношении несовершеннолетних / Л.М. Прокументов // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2007. № 4. С. 142–144.

6. Судебная статистика Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. Отчет № 12. URL : <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>

7. Судебная статистика Верховного Суда Республики Крым. URL : http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=4

8. *Сутурин М.А.* Особенности наказания в виде обязательных работ в отношении несовершеннолетних / М.А. Сутурин // Сибирский юридический вестник. 2010. № 3. С. 95–104.

9. *Швединская Г.И.* Криминологическая характеристика и уголовно-правовые аспекты предупреждения преступности несовершеннолетних женского пола : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2003. 183 с.

Vol. 1: Proceedings of the plenary session. P. 129–134.

4. *Nechaeva E.V.* The system of punishments in relation to minors needs to be improved / E.V. Nechaeva // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3. P. 71–76.

5. *Prozumentov L.M.* Features of the system of punishments in relation to minors / L.M. Prozumentov // Business in the law. Economic and Legal Journal. 2007. № 4. P. 142–144.

6. Judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Report № 12. URL : <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>

7. Judicial statistics of the Supreme Court of the Republic of Crimea. URL : http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=4

8. *Suturin M.A.* Features of punishment in the form of mandatory work in relation to minors / M.A. Suturin // Siberian Legal Bulletin. 2010. № 3. P. 95–104.

9. *Shvedinskaya G.I.* Criminological characteristics and criminal-legal aspects of the prevention of juvenile delinquency of female minors : dis. ... cand. law sciences: 12.00.08. Krasnodar, 2003. 183 p.

Павлов Евгений Владимирович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права
и криминалистики,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
super.rpa12@yandex.ru

Косынкин Александр Александрович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
kosynkinaa@yandex.ru

Предпосылки возникновения государства и права в древней Руси

Аннотация. Авторами в данной публикации рассматриваются вопросы формирования восточнославянской государственности, освещаются спорные проблемы дравнерусского политогенеза. Ими сделана попытка использования разных концепций, в том числе, и «вождества» с целью описания процессов становления государственности у славян. В статье установлен ряд существенных оснований формирования Дравнерусского государства и права. Рассматриваются предпосылки возникновения правового дуализма, что являлось важнейшей особенностью правовой эволюции российского общества.

Ключевые слова: компаративный подход, федерация городов-государств, протогородские поселения, мононормы, копное право, дуализм права.

В настоящее время до сих пор не сложилось не только единого мнения, но и единого понимания относительно вопроса конкретного возникновения дравнерусского государства ввиду слишком большого количества мнений относительно данной проблематики [1]. Мы в своей работе на основе целого ряда мнений, гипотез попытаемся проанализировать основные вехи становления и развития этого института. Мы твердо убеждены, что главной задачей в сложившихся условиях, и здесь мы солидарны с позицией Д.М. Котышева, должна быть выработка непротиворечивого построения, опирающегося на прочное основание фактов и проверенных временем концепций [2].

Первая, более менее, внятная концепция становления государственности у славян была выражена в трудах А.Н. Никитского [3], Н.П. Павлова-

Evgeny V. Pavlov
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure Law
and Forensic Science,
Middle Volga Institute (branch)
All-Russian State
of the University of Justice
super.rpa12@yandex.ru

Alexander A. Kosynkin
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Civil Law,
Middle Volga Institute (branch)
All-Russian State
of the University of Justice
kosynkinaa@yandex.ru

PRECONDITIONS FOR THE EMERGENCE OF STATE AND LAW IN ANCIENT RUSSIA

Annotation. The issues of the formation of the East Slavic statehood are considered, the controversial problems of Druvner Russian political genesis are highlighted. An attempt is made to use different concepts, including "chiefdom" in order to describe the processes of statehood formation among the Slavs. The article establishes a number of essential grounds for the formation of the Old Russian state and law. The preconditions for the emergence of legal dualism, which was the most important feature of the legal evolution of Russian society, are considered.

Keywords: comparative approach, federation of city-states, proto-urban settlements, mononorms, shovel law, legal dualism.

Сильванского [4]. Систематику в данный компаративный подход внес Б.Д. Греков, заявивший о сходстве дравнерусского государства славян с некоторыми чертами государств у Меровингов и Каролингов [5]. Утверждение последнего и определило вектор научного исследования в советской исторической науке в 50-х гг. XX столетия.

История развития дравнерусского государства достаточно сложная веха, которая постоянно должна подвергаться изучению с разных концептуальных позиций ввиду того, что это отправная точка становления отечественной государственности.

Белорусский историк и ученый С.Н. Тугушев в своей работе «Образование дравнерусского государства» отмечает, что государственное славянское образование возникло как закономерный

итог Великой славянской миграции в условиях колонизации территорий, заселенных финскими и балтийскими племенами (Поволховье и Поднепровье) [6]. Данную точку зрения косвенно поддерживает Д.Г. Шкаев, обосновавший миграцию и ассимиляцию населения Новгорода Великого, анализируя анархонизмы и заимствования в языке жителей этого города финно-угорских и скандинавских языков [7].

В.В. Мавродин на страницах своей монографии «Образование древнерусского государства» сформулировал идею о племенных княжествах, возглавляемых князьями. По его мнению, главным содержанием этого процесса послужило трансформация родоплеменных институтов в территориально-политические [8]. Позднее, в своих же работах и в соавторстве с И.Я. Фрояновым В.В. Мавродин конкретизировал свое утверждение о том, что общественный строй славян на момент образования ими государства был доклассовым, что позднее вылилось, в свою очередь, в позицию И. Фроянова о суперсоюзе славянских племен, который по мере своего развития трансформировался в федерацию городов-государств [9].

Подтверждал мнения вышеуказанных исследователей не менее яркий представитель советской исторической школы – А.А. Зимин. Правящий слой, по его утверждению, формировался внеационально и способен был осуществлять власть только в пределах городского поселения [10]. Военная администрация городов – поселений становится основным рычагом движения в деле формирования политической администрации. Е.А. Мельникова с этих позиций продолжила развивать мысль о зарождении государственности на Руси по типу «дружинного государства» [11].

Что же касается самого названия «Русь» или второго сходного понятия «варяжской Руси», то вызывающей доверие версией с точки зрения весомой аргументации можно считать точку зрения, согласно которой в период становления славянской государственности с центром в Киеве, при употреблении понятий «славянин» и «русь» речь шла «не о разных народах, а о различных сословиях внутри этнически единого народа, населявшего тогда и Северо-восток Евпору» [12]. Подтверждением тому может служить древнейший правовой памятник того времени «Русская Правда», в котором законодательно разделяются термины «русин» и «славянин» [13]. И становится очевидным сразу тот факт, что эти термины – не этнонимы, а сословия. Подтверждает опять таки данную гипотезу крупнейший исследователь Русской Правды С.В. Юшков. В своем исследовании он указывает, что термин «русь» являлся особой социальной группой являвшейся профессиональными воинами, с помощью которых были организованы свои государства, впоследствии объединившиеся в Киевское государство [14].

Итак, кратко сформулируем основную мысль вышесказанных рассуждений. На рубеже IX–X вв. на юге Восточной Европы (в районе Среднего Поднепровья) в результате военно-торговой деятельности скандинавских дружин на базе местных

славянских вожеств складывается, и тут мы полностью согласны с мнением Д.М. Котышева, супрострое вожество, или мультиполитийная структура, фигурирующая в источниках IX–X вв. под определением Русской земли. Именно она в конце X в. станет основой территориальной державы, созданной в результате активного государственного строительства Владимира Святославича [15].

Хотелось бы добавить в этом контексте и еще один момент: считается на сегодняшний день общепризнанным, что возникновение протогородских поселений в среде локальных сельских общин – первый шаг на пути к государству. Протогородские (или раннегородские) образования являлись, в первую очередь, центрами сосредоточения, реализации и перераспределения прибавочного продукта, то есть выполняли политико-административные функции [16]. Именно способность не только производить прибавочный продукт, но и накапливать, а также, перераспределять его становится тем самым маркером, который фиксирует момент превращения племенных структур в вожDESTские [17]. Следовательно, урбанизация может рассматриваться как один из достоверных критериев процесса политогенеза (более того, на наш взгляд, как политогенез, так и урбанизация являются разными гранями одного и того же явления).

И еще одно важное замечание. Становление государственности восточных славян происходило по пути «внешней» эксплуатации, когда социум переходит к политике извлечения доходов за счет прилегающих территорий. Это осуществлялось путем военных походов или же завоевательных.

Но любое государство не может существовать и развиваться без правовых основ и иерархических структур. И вот тут приходит время поговорить о правовой системе раннефеодального славянского государства.

Переходные процессы от одной формации в другую всегда являлись наиболее сложными явлениями изучения их сущности, поскольку нет четкой границы и правоприместственности между старым и новым миропорядком. Старое и новое настолько органично переплетается, что, порой, не понятно, что из них умирает, а что перерождается и вновь возникает. Все это слова с полным правом можно отнести к ранней истории восточно-славянских народов. И это, на наш взгляд, является главной причиной огромного количества мнений среди исследователей относительно времени, форм, процессов становления института права. Мы постараемся сделать попытку, пусть и достаточно большими оговорками, рассмотреть этапы развития права и судопроизводства у восточных славян.

Выше мы уже обозначили общую мысль о причинах рождения государственности у восточных славян, исходя из структурирования все более возрастающей потребности славян в обеспечении своей жизнедеятельности перейти к более удобному регулированию всего комплекса

складывающихся взаимоотношений между уже дружественными племенами.

На первых порах взаимного сосуществования между племенами и внутри них, все фонды накопленных от внешних походов, прибавочного продукта были общими, чем и порождало всеобщее равенство не только в распределении прибавочного продукта, но и в управлении равных между собой членов общества.

Совершенно очевидно и то, что в условиях достаточно низкой производительности предметов труда и индивидуального потребления, все богатства делились не столько поровну, сколько по половозрастным особенностям конкретного индивида. К последним можно было отнести вожаков племени, старейшин, жрецов. Но, и тут надо четко сказать о главной особенности этих представителей племени – вся эта вышеперечисленная верхушка племени опиралась не на силу и власть относительно остальных, а на их очевидное превосходство с точки зрения умений, знаний и жизненного опыта.

Естественным образом, мы полагаем, возникали разного рода конфликтные ситуации. Схожие и незначительно меняющиеся формы и методы построения жизненных устоев приводили к накоплению стандартных ответов на схожие ситуации. Таким образом, образовывались, так называемые, мононормы, получившие свое закрепление в «табу». Добавим, что подавляющее большинство исследователей склонны придерживаться именно такой версии [18].

Полагаем, что все нормы и запреты действовали в пределах территориально-этнических границ каждого племени и позднее союза племен и реализовывались публично (в присутствии большого скопления народа). Как замечают ряд исследователей, в ходе подобных процессов «важным обстоятельством являлись не только объективные показания, но и моральные понятия (честь, совесть), религиозные ритуалы, произведения фольклора (рассказы об аналогичных случающихся казусах) [19].

В связи с этим, суд, как нам кажется, не имел еще представления о разграничении понятий между правом и обязанностью. Мы имеем в виду, прежде всего, тот факт, что потерпевшие имели и первостепенное право, и это же явление считалось их обязанностью отомстить родом за оскорбление делом обидчикам. Таким образом, на лицо присутствовал казус, при котором групповой характер ответственности отрицал понимание виновности конкретного субъекта, не учитывая особенностей личности совершившего преступления.

С возникновением протогосударственных образований достаточно остро вставал вопрос не только об идее верховной власти, но как следствие, порождение новой правовой системы Древней Руси. Период с начала X века можно считать качественно новым этапом в становлении иного, по сравнению с действующим, прецедентным правом. Общины стали формировать народные собрания, носившие названия копы или

громады. Совокупность народных юридических обычаев и прецедентов, на основе которых копы выносили решения, называлась копным правом [20].

Конечно, помимо обычного и копного права, на древнерусское законодательство повлияло и скандинавское, и, в большей степени, византийское право, но исследователи единодушно сходятся во мнении в том, что Русская Правда происходила из обобщения наиболее типичных для восточных славян норм обычного права и традиционной судебной практики [21].

Возникающее по мере развития Древнерусского государства «княжеское право», создаваемое уставной деятельностью князей и соответствующей практикой, не поменяло по существу древнейшую систему, а лишь логически завершило ее. При этом, княжеское право выступало как необходимое дополнение копного права, что было вызвано возникновением новых проблем по мере усложнения общественной жизни [22]. Более того, с принятием единой религии – христианства и восприятием византийских правовых обычаев традиционное копное право еще более упрочило свои позиции. Это было связано с восприятием более совершенных в технико-юридическом отношении светских правовых кодексов (Эклога, Прохирон, Закон судных людей). Ко всему прочему, как нельзя кстати, пришлось и церковное право Византии, на основании которого построилось отечественное законодательство о браке и семье.

По сложившемуся в историографии мнению, правовой базой Русской Правды послужило не только обычное право, но и княжеские уставы и лишь отчасти право византийское. И.Д. Беляев, к примеру, отмечает огромное количество черт, характерных только Русской Правде [23], а Ю.В. Юшков считал данный памятник лишь продолжением Закона русского, который уже существовал во время заключения киевскими князьями договоров с Византией в первой половине X в. [24]. Но наиболее влиятельную силу на общерусский свод законов, конечно, оказывали законы отдельных городов и волостей. Причиной тому служило ремесленно-купеческое население, являвшееся экономической опорой любой власти в то время. Вот именно на основе этой группы населения возникала и укреплялась своеобразная промежуточная правовая база. Именно в ней не только взаимодействовали письменное право наиболее привилегированной прослойки горожан и неписанное право обычных жителей посада, но и происходила постепенная формализация последнего, пополнявшее общегосударственное законодательство и, одновременно, сохраняя взаимосвязь с обычным правом. Примером такого связующего важного звена может служить Псковская Судная Грамота, где подавляющее количество статей оценивается как записи действовавших в Пскове обычаев [25]. Именно в ПСГ львиная доля статей была направлена на урегулирование сугубо гражданско-правовых отношений, основанных на обоюдосочетаемом обычном и письменном праве. Такой картины не наблюдается в Русской Правде, направленной на

закрепление феодальных взаимоотношений между верхушкой и подвластным населением Киевского государства. Данный факт, безусловно, говорит о достаточно сильном земском участии в вопросе формирования новых законодательных устоев в древнерусском обществе. Основное отличие ПСГ от Русской Правды состояло в том, как подчеркивал Ю.Г. Алексеев, что в ней произошло «проникновение законов в глубь среды рядовых непривилегированных людей» [26].

Стоит отметить и то, что в новгородских и псковских землях, считавшихся республиками, действовали собственные Судные грамоты, существенно отличавшиеся от законодательства других русских земель.

Именно в это период, по-нашему глубокому убеждению, происходит взаимодействие государственно-властных структур и веча, в котором князь постепенно становился основным источником законотворчества. Соответственно, основной чертой Великокняжеской киевской власти как

первоначальной формы русской монархии был ее народный характер.

Таким образом, подводя итог нашим рассуждениям, можно сказать, что основными факторами, способствовавшими формированию Древнерусского государства явились постепенное экономическое развитие территорий, населенных восточно-славянскими племенами. На повестку дня горожан и сельчан остро вставал вопрос не только защиты от внешнего агрессора, сколько уже постепенное узаконение начинающих происходить социально-экономических дифференциаций во всех сферах жизнедеятельности протогосударственных образований. Требовалось создание единых правовых основ не столько по этническому, сколько по территориальному принципу их реализации. Начинаясь процесс дуализации обычного и писанного права, постепенного его смешения и взаимовлияния, продолжавшегося до петровских кардинальных преобразований.

Литература:

1. Буганов В.И. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы / В.И. Буганов, А.А. Преображенский, Ю.А. Тихонов. М., 1980. С. 70.
2. Котышев Д.М. Из истории становления государственности в Восточной Европе: «Русская Земля» в Среднем Поднепровье в IX–X веках / Д.М. Котышев // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 3. С. 16.
3. Никитский А.Н. Очерки внутренней истории. Псков; СПб., 1873. С. 162.
4. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 223–224.
5. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 31.
6. Тугушев С.Н. Образование древнерусского государства. М., 2017. С. 7–11.
7. Шкаев Д.Г. Финно-угорская гипотеза возникновения древнерусского государства: к вопросу о варягах, словенах, Руси и Рюриковичах / Д.Г. Шкаев // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 4(39). С. 147.
8. Мавродин В.В. Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 198.
9. Фроянов И.Я. К истории зарождения Русского государства / И.Я. Фроянов // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 57–93.
10. Зимин А.А. Две цивилизации в истории России. Недодуманные мысли. Этюды и воспоминания / А.А. Зимин // Отечественная история. 2002. № 1. С. 11.
11. Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Восточной Европе (Постановка

Literature:

1. Buganov V.I. Evolution of feudalism in Russia. Socio-economic problems / V.I. Buganov, A.A. Preobrazhensky, Yu.A. Tikhonov. M., 1980. P. 70.
2. Kotyshev D.M. From the history of the formation of statehood in Eastern Europe: «Russian Land» in the Middle Dnieper in the IX–X centuries / D.M. Kotyshev // Bulletin of the Udmurt University. 2011. Iss. 3. P. 16.
3. Nikitsky A.N. Essays on internal history. Pskov; SPb., 1873. P. 162.
4. Pavlov-Silvansky N.P. Feudalism in Russia. M., 1988. P. 223–224.
5. Grekov B.D. Kievan Rus. M., 1953. P. 31.
6. Tugushev S.N. Formation of the old Russian state. M., 2017. P. 7–11.
7. Shkayev D.G. Finno-Ugric hypothesis of the emergence of the ancient Russian state: to the question of the Varangians, Slovenes, Rus and Rurikovich / D.G. Shkayev // Man: Image and essence. Humanitarian aspects. 2019. № 4(39). P. 147.
8. Mavrodin V.V. Formation of the old Russian state. L., 1945. P. 198.
9. Froyanov I.Ya. On the history of the birth of the Russian state / I.Ya. Froyanov // From the history of Byzantium and Byzantine studies. L., 1991. P. 57–93.
10. Zimin A.A. Two civilizations in the history of Russia. Not thought out thoughts. Studies and memoirs / A.A. Zimin // Russian history. 2002. № 1. P. 11.
11. Melnikova E.A. On the typology of pre-state and early-state formations in Northern and Eastern Europe (Problem statement) / E.A. Melnikova // Ancient

- проблемы) / Е.А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 20.
12. *Карпец В.И.* Кто загадывает «священные загадки» и как их разгадать. Сб. научных трудов. М., 2015. С. 85–150.
13. *Правда Русская. Т. 1. Тексты / Под ред. Б.Д. Грекова.* М., 1940. С. 70–123.
14. *Юшков С.В.* Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 2002. С. 47.
15. *Котышев Д.М.* Из истории становления государственности в Восточной Европе : «Русская Земля» в Среднем Поднепровье в IX–X веках / Д.М. Котышев // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып 3. С. 20.
16. *Большаков О.Г.* Об определении понятия «город» / О.Г. Большаков, В.А. Якобсон // История и культура народов Востока. Л., 1983.
17. *Коротаев А.В.* Об одной из предпосылок классообразования, политогенеза и урбанизации / А.В. Коротаев // Социально-пространственные структуры в стадильной характеристике мирового культурно-исторического процесса. М., 1992. Ч. 1. С. 48.
18. *Аминов А.Р.* Обычное право и закон в правовой традиции Древней Руси и Московского государства: предпосылки формирования системы правового дуализма / А.Р. Аминов // Социально-политические науки. 2017. № 1. С. 91–95; *Гайнутдинов Р.К.* Институт суда у восточных славян в условиях становления древнерусской государственности / Р.К. Гайнутдинов, А.В. Воронин // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 7. С. 75–76.
19. *Гайнутдинов Р.К.* Институт суда у восточных славян в условиях становления древнерусской государственности / Р.К. Гайнутдинов, А.В. Воронин // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 7. С. 76.
20. *Иванишев Н.Д.* О древних сельских общинах в Юго-западной России. Киев, 1863. С. 7–14.
21. *Зимин А.А.* Правда Русская / А.А. Зимин. М., 1999. 429 с.; *Свердлов М.Б.* От Закона Русского к Русской Правде / М.Б. Свердлов. М., 1988. 176 с.
22. *Пресняков А.Е.* Княжеское право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 183–184.
23. *Беляев И.Д.* История русского законодательства. СПб., 1999. С. 204.
24. *Юшков С.В.* Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 2002. С. 369.
25. *Аминов А.Р.* Обычное право и закон в правовой традиции Древней Руси и Московского государства: предпосылки формирования системы
- states of Eastern Europe. 1992–1993. M., 1995. P. 20.
12. *Karpets V.I.* Who makes «sacred riddles» and how to solve them. Sat. scientific papers. M., 2015. P. 85–150.
13. *Pravda Russian. Vol. 1. Texts / Ed. B.D. Grekov.* M., 1940. P. 70–123.
14. *Yushkov S.V.* Russkaya Pravda. Origin, sources, its meaning. M., 2002. P. 47.
15. *Kotyshev D.M.* From the history of the formation of statehood in Eastern Europe: «Russian Land» in the Middle Dnieper in the IX–X centuries / D.M. Kotyshev // Bulletin of the Udmurt University. 2011. Iss. 3. P. 20.
16. *Bolshakov O.G.* On the definition of the concept of «city» / O.G. Bolshakov, V.A. Yakobson // History and culture of the peoples of the East. L., 1983.
17. *Korotaev A.V.* On one of the prerequisites for class formation, political genesis and urbanization / A.V. Korotaev // Social-spatial structures in the stage-by-stage characteristics of the world cultural-historical process. M., 1992. Part 1. P. 48.
18. *Aminov A.R.* Customary law and law in the legal tradition of Ancient Rus and the Moscow state: prerequisites for the formation of a system of legal dualism / A.R. Aminov // Socio-political sciences. 2017. № 1. P. 91–95; *Gainutdinov R.K.* The Institute of Court among the Eastern Slavs in the Formation of Old Russian Statehood / R.K. Gainutdinov, A.V. Voronin // Gaps in Russian Legislation. Legal journal. 2016. № 7. P. 75–76.
19. *Gainutdinov R.K.* Institute of the court among the Eastern Slavs in the formation of ancient Russian statehood / R.K. Gainutdinov, A.V. Voronin // Gaps in Russian legislation. Legal journal. 2016. № 7. P. 76.
20. *Ivanishev N.D.* About ancient rural communities in southwestern Russia. Kiev, 1863. P. 7–14.
21. *Zimin A.A.* Pravda Russian / A.A. Zimin. M., 1999. 429 p.; *Sverdlov M.B.* From Russian Law to Russian Truth / M.B. Sverdlov. M., 1988. 176 p.
22. *Presnyakov A.E.* Princely law in Ancient Rus. Lectures on Russian history. Kievan Rus. M., 1993. P. 183–184.
23. *Belyaev I.D.* History of Russian legislation. SPb., 1999. P. 204.
24. *Yushkov S.V.* Russian Truth. Origin, sources, its meaning. M., 2002. P. 369.
25. *Aminov A.R.* Customary law and law in the legal tradition of Ancient Russia and the Moscow state: prerequisites for the formation of a system of legal

правового дуализма / А.Р. Аминов // Социально-политические науки. 2017. № 1. С. 92.

26. *Алексеев Ю.Г.* Псковская Судная Грамотаи ее время. Л., 1980. С. 90–91.

dualism / A.R. Aminov // Socio-political science. 2017. № 1. P. 92.

26. *Alekseev Yu.G.* Pskov Judgment Letter and its Time. L., 1980. P. 90-91.

Решитов Алим Меметович
соискатель юридического факультета,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
a.reshitov@list.ru

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАДАСТРОВОГО УЧЕТА И КАДАСТРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем совершенствования уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере осуществления государственного кадастрового учета и кадастровой деятельности (статьи 170 и 170.2 Уголовного кодекса Российской Федерации). Автором выделены и проанализированы наиболее значимые ошибки и противоречия, допущенные при конструировании соответствующих уголовно-правовых норм, сформулированы рекомендации по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: преступления в сфере кадастровых отношений, регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом, кадастровый подлог.

Эффективность механизма уголовно-правовой охраны общественных отношений во многом обуславливается качеством уголовного закона, которое, в свою очередь, зависит от многих факторов:

- полноты отражения существенных черт общественно опасного деяния;
- согласованности норм;
- своевременности и обоснованности внесения в них изменений; внутренней связи между нормами уголовного закона и общественным правосознанием и др.

Если исходить из этих требований, то следует признать, что нормы, предусматривающие ответственность за преступления, посягающие на отношения в сфере осуществления государственного кадастрового учета и кадастровой деятельности, объективно нуждаются в совершенствовании.

В большинстве своем, эти проблемы выявляются с позиции системного анализа, когда преступление, предусмотренное ст. 170 УК РФ, оценивается как специальный вид должностного

Alim M. Reshitov
Applicant for the Faculty of Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
a.reshitov@list.ru

IMPROVEMENT OF CRIMINAL LAW PROTECTION RELATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF STATE CADASTRAL REGISTRATION AND CADASTRAL ACTIVITIES

Annotation. The article is devoted to the analysis of the problems of improving the criminal legislation on responsibility for crimes in the field of state cadastral registration and cadastral activities (Articles 170 and 170.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author highlights and analyzes the most significant errors and contradictions made in the design of the relevant criminal law norms. Taking into account the existing positions in the science of criminal law, recommendations are formulated for improving the current criminal legislation.

Keywords: crimes in the field of cadastral relations, registration of illegal transactions with real estate, cadastral forgery.

преступления (ст. 285 УК РФ), а деяние, описанное в ст. 170.2 УК РФ, как частный случай служебного подлога (ст. 292 УК РФ) и одновременно преступного посягательства на установленный законом порядок официального документооборота (ст. 327 УК РФ).

В первую очередь, следует отметить, что диспозиция ст. 170 УК РФ явно не соответствует содержанию регулятивного законодательства в части указания на государственный кадастр недвижимости и Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Дело в том, что с принятием Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» изменилась структура осуществления учетно-регистрационной деятельности в сфере недвижимости – государственный кадастровый учет и реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним были объединены в единую информационную систему – Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН). С точки зрения принципа законности сохраняющееся рассогласование бланкетных признаков диспозиции ст. 170 УК РФ и соответствующего регулятивного законодательства делает попросту невозможным практическое применение данной

уголовно-правовой нормы. При этом использование здесь интерпретационной емкости уголовного закона вряд ли является допустимым и не разрешит сложившееся положение.

Вызывает возражение включение законодателем специальных мотивов (корыстной или иной заинтересованности) при определении ответственности за регистрацию заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом, умышленное искажение соответствующей информации, а равно занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости. Значимость охраняемых данной нормой отношений, а равно сопоставление ст. 170 УК РФ с близкими ей по смыслу ст. 170.2 УК РФ и ст. 292 УК РФ, позволяют сделать общий вывод, что такая детализация признаков субъективной стороны была излишней. Возникает закономерное сомнение в том, что на оценку общественной опасности описанных в диспозиции анализируемой нормы действий может оказывать значимое влияние наличие специальных мотивов. Такой подход более чем понятен в общих нормах, связанных со злоупотреблением должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), внесением заведомо ложных сведений в любые официальные документы, правовые и иные последствия которых могут существенно различаться (ст. 292 УК РФ). Здесь установление корыстных побуждений или иной личной заинтересованности действительно может выступать обстоятельством, свидетельствующим о качественном изменении общественной опасности совершенного деяния. Применительно же к ст. 170 УК РФ эти признаки если и должны учитываться, то только в качестве дифференцирующих ответственность.

Значимым недостатком уголовно-правовой нормы об ответственности за фальсификацию документов кадастрового учета (ст. 170.2 УК РФ) является требование об обязательном наступлении общественно опасных последствий в виде крупного ущерба, то есть, в сумме, превышающей 2250000 рублей.

Во-первых, установление столь высокого размера ущерба для основного состава, на наш взгляд, не в полной мере соответствует социально-экономическим условиям жизни российского общества. Довольно легко можно представить ситуацию, когда потерпевший в результате фальсификаций со стороны кадастрового инженера и, совершенного с помощью этого мошенничества, может лишиться значительного по размерам земельного участка, однако, уголовное преследование по ст. 170.2 будет невозможно.

Во-вторых, такое решение законодателя не позволяет учесть то обстоятельство, что злоупотребления со стороны кадастрового инженера могут причинить не столько имущественный, сколько организационный, а в отдельных случаях – и экологический вред. В этих ситуациях, когда наступают общественно опасные последствия неимущественного характера, применение исследуемой уголовно-правовой нормы также будет невозможным.

И наконец, в-третьих, модель построения диспозиции, реализованная в ст. 170.2 УК РФ, не вызывает критики и с точки зрения системного анализа текста отечественного уголовного законодательства. Здесь следует обратиться, хотя бы, к наиболее близким по природе и содержанию составам злоупотребления полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202 УК РФ) и служебного подлога (ст. 292 УК РФ). Уголовно-правовая норма об ответственности нотариусов, несмотря на родовую принадлежность к преступлениям в сфере экономики, не содержит указания на причинение материального ущерба как на криминообразующий признак. В конструкции ст. 202 УК РФ использован, на наш взгляд, более правильный подход – наступление уголовной ответственности связывается с причинением существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. В свою очередь, состав служебного подлога, как известно, вообще характеризуется формальной конструкцией и не предполагает наступления последствий.

Мы полагаем, что в этом отношении уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 170.2 УК РФ, требует доработки путем замены крупного ущерба как условия наступления ответственности по основному составу признаком причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Серьезные нарекания вызывают санкции уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за посягательства на отношения в сфере осуществления государственного кадастрового учета и кадастровой деятельности. Санкция – необходимая часть уголовно-правовой нормы, указывающая на государственно-принудительные меры, применяемые к лицу, признанному виновным в совершении преступления. Строгость санкции находится в прямой зависимости от действительной опасности преступного посягательства. Она обуславливается социальной ценностью интересов, а также тяжестью возможного или реально причиняемого деянием ущерба [2, с. 212–214].

Санкция ст. 170 УК РФ не соответствует научно обоснованным правилам пенализации преступных деяний. Являясь специальной по отношению к составу должностного злоупотребления (ст. 285 УК РФ), ст. 170 УК РФ предусматривает, в сравнении с последним, намного более мягкое наказание. Как справедливо отмечает по данному поводу Н.А. Лопашенко, «уголовная ответственность должностных лиц за незаконные сделки с недвижимостью самым существенным образом занижена по сравнению с обычным должностным злоупотреблением» [3]. Учитывая значимость затрагиваемых правоотношений, такой подход законодателя при конструировании ст. 170 УК РФ, представляется, по меньшей мере, дискуссионным. Столь существенные различия в пенализации общественно опасных деяний, совершаемых государственными регистраторами, свидетельст-

вуют о нарушении отраслевых принципов равенства и справедливости, что недопустимо.

Данный тезис в полной мере относится и к ст. 170.2 УК РФ. Сравнивая ее с близкими по смыслу нормами о злоупотреблении полномочиями (ст. 201 УК РФ) и злоупотреблении полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202 УК РФ), нельзя не признать, что законодатель проявил невиданное снисхождение при конструировании ее санкций. Ни в основном составе, где речь идет о причинении ущерба в размере свыше 2250000 рублей, ни в квалифицированном составе с последствиями в виде материального ущерба свыше 9000000 рублей, нет наказания в виде лишения свободы.

И, наконец, общим недостатком уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, посягающие на отношения в сфере осуществления государственного кадастрового учета и кадастровой деятельности, выступает отсутствие системного подхода к построению квалифицирующих признаков. Это проявляется, прежде всего, в отсутствии дифференциации ответственности в зависимости от группового способа совершения преступления и наступления общественно опасных последствий.

В результате, ст. 170 и 170.2 УК РФ не позволяют дать адекватную уголовно-правовую оценку групповым посягательствам, которые, как известно, отличаются повышенной общественной опасностью. Так, известны случаи, когда в совершение незаконных регистрационных действий оказываются вовлеченными сразу несколько лиц (например, руководитель территориального органа Росреестра и его подчиненные). Распределяя роли в преступной деятельности, такие субъекты действуют высокоорганизованно и нередко на протяжении длительного периода времени. Отсутствие в ст. 170 УК РФ дифференцированного подхода к определению ответственности в зависимости от признаков соучастия, на наш взгляд, является значимым упущением законодателя и требует своего решения путем выделения соответствующих квалифицированных видов регистрации незаконных сделок с недвижимым имуществом. На это обстоятельство уже обращалось внимание в уголовно-правовой литературе. В частности, необходимость учета повышенной общественной опасности совершения в соучастии регистрации незаконных сделок с землей обосновывает в своей работе А.В. Путилин [5, с. 23].

Парадоксальное положение сложилось относительно учета материального ущерба в качестве квалифицирующего обстоятельства регистрации незаконных сделок с недвижимым имуществом. Как известно, ставя под уголовно-правовую охрану конкретные общественные отношения и определяя (формализуя) тип преступного поведения, законодатель, с одной стороны, должен абстрагироваться от возможных, но не значимых последствий, а с другой – учесть типичные, существенные общественно опасные последствия, в том числе на уровне дифференциации ответственности. Решение этой задачи основывается на том, что в преступных последствиях

отражаются, прежде всего, признаки объекта преступления и в меньшей степени признаки общественно опасного деяния. Содержание ст. 170 УК РФ позволяет сделать вывод, что деяние, предусмотренное данной нормой, вторгаясь в установленный законом порядок учета и оборота недвижимости, с внутренней необходимостью угрожает наступлением негативных последствий в сфере экономики, а именно – причинением ущерба гражданам, хозяйствующим субъектам либо государству. Игнорирование законодателем данного обстоятельства, представляется, серьезным упущением. В связи с этим полагаем, что в целях соблюдения принципа социальной справедливости в области уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере осуществления государственного кадастрового учета и кадастровой деятельности требуется совершенствование дифференциации ответственности за регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом путем дополнения нормы квалифицирующими признаками, связанными с наступлением общественно опасных последствий в виде крупного и особо крупного ущерба.

Статья 170 УК РФ не позволяет дать должную уголовно-правовую оценку совершенным государственными регистраторами злоупотреблениям, которые повлекли тяжкие последствия, тогда как ч. 3 ст. 285 и ч. 3 ст. 285.3 УК РФ такую возможность предоставляет. Это можно считать явным недостатком законодательной регламентации уголовной ответственности должностных лиц за регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом.

Следует отметить, что в уголовно-правовой литературе высказываются и иные предложения по модернизации отечественного уголовного законодательства в части охраны кадастровых отношений. Так, отдельными авторами обосновывается предложение о необходимости определения ответственности за занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости в группе налоговых преступлений [4, с. 170]. Однако, с нашей точки зрения, такое решение нецелесообразно. Тот факт, что занижение кадастровой стоимости объекта недвижимости создает основания для уклонения от уплаты налогов, еще не позволяет сделать однозначный вывод о направленности этого деяния именно на группу общественных отношений в сфере налогообложения. Руководствуясь такой логикой, довольно много экономических преступлений пришлось бы причислить к числу налоговых. Так, незаконное образование юридического лица (ст. 173.1 УК РФ), равно как и незаконное использование документов для образования юридического лица (ст. 173.2 УК РФ) также довольно часто совершаются в целях уклонения от уплаты налогов. Однако же, от этого они не становятся налоговыми преступлениями.

В теории уголовного права неоднократно высказывались предложения переместить нормы об ответственности за регистрацию незаконных сделок в главу 30 УК РФ, причислив соответствующие деяния к должностным преступлениям. Так,

например, М.А. Струкова-Сивой пишет, что «все преступления, совершаемые в сфере оборота единых государственных реестров (ст. 170, 170.1, 173.1, 173.2 и ст. 285.3 УК РФ), должны быть консолидированно отражены в главе 30 УК РФ, обеспечивающей охрану и нормальное функционирование органов государственной власти, в ведении которых находятся государственные реестры» [6, с. 8]. В свою очередь, Т.В. Квасникова, предлагая перенести ст. 170 УК РФ в главу 30 УК РФ, аргументирует свою инициативу признаками субъекта регистрации незаконных сделок с недвижимым имуществом и тем обстоятельством, что содержание непосредственного объекта данного преступления не предполагает обязательной связи с предпринимательской или иной экономической деятельностью [1, с. 13].

Предлагаемое решение нам представляется дискуссионным.

Во-первых, не совсем понятно, как изменение расположения статьи в структуре уголовного закона само по себе повлияет на эффективность противодействия конкретным формам преступного поведения. Такое решение скорее направлено на обеспечение, фигурально выражаясь, чистоты уголовного закона, его гармоничности.

Литература:

1. *Квасникова Т.В.* Криминологическая и уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере оборота жилья (по материалам Дальневосточного федерального округа) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016.
2. *Ковалев М.И.* Советское уголовное право. Свердловск, 1974;
3. *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона / Н.А. Лопашенко // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».
4. *Пинкевич Т.В.* Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом: проблемы правоприменения / Т.В. Пинкевич, О.А. Зубалова // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2(36).
5. *Путилин А.В.* Уголовная ответственность за регистрацию незаконных сделок с землей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.
6. *Струкова-Сивой М.А.* Уголовно-правовая охрана оборота единых государственных реестров Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
7. *Хомутов Р.В.* Ответственность за регистрацию незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.

Рассчитывать на том, что это позитивно повлияет на практику применения ст. 170 и 170.2 УК РФ, было бы наивным.

Во-вторых, здесь опять ставятся на первое место интересы службы, что не совсем верно. Фальсификация Единого государственного реестра недвижимости по своей направленности и природе – это, прежде всего, экономическое преступление, и только подспудно – должностное. По этой причине нам более близка позиция Р.В. Хомутова, который в своем диссертационном исследовании защищает положение, что расположение ст. 170 УК РФ в главе о преступлениях в сфере экономической деятельности является правильным [7, с. 10].

Сформулированные в настоящей статье выводы и предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства не претендуют на абсолютность, являются субъективным мнением автора, а, следовательно, скорее могут рассматриваться как повод для дальнейшей дискуссии по проблеме. Вместе с тем, одно представляется бесспорным – построение эффективной экономики невозможно без надлежащего правового обеспечения рынка недвижимого имущества, в том числе, в аспекте механизма уголовно-правовой охраны.

Literature:

1. *Kvasnikova T.V.* Criminological and criminal-legal characteristics of crimes in the sphere of housing turnover (based on materials from the Far Eastern Federal District) : author. dis. ... candidate of Legal sciences. Saratov, 2016.
2. *Kovalev M.I.* Soviet criminal law. Sverdlovsk, 1974.
3. *Lopashenko N.A.* Crimes in the Sphere of Economic Activity: About the Ruins of the Criminal Law // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2018. № 2. Access from the right. of the legal system «Consultant-Plus».
4. *Pinkevich T.V.* Registration of illegal transactions with real estate: problems of law enforcement / T.V. Pinkevich, O.A. Zubalova // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2(36).
5. *Putilin A.V.* Criminal liability for registration of illegal transactions with land : author. dis. ... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2006.
6. *Strukova-Sivoy M.A.* Criminal law protection of the turnover of the unified state registers of the Russian Federation : author. dis. ... candidate of legal sciences. M., 2013.
7. *Khomutov R.V.* Responsibility for registration of illegal transactions with land (Art. 170 of the Criminal Code of the Russian Federation) : author. dis. ... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2014.

Рогожина Светлана Григорьевна

старший преподаватель
кафедры правовых дисциплин,
(филиал) Адыгейский
государственный университет
sveta.rogozhina.81@mail.ru

Щербинина Наталья Сергеевна

старший преподаватель
кафедры правовых дисциплин,
(филиал) Адыгейский
государственный университет
serbinina815@gmail.com

Лазаренко Татьяна Викторовна

старший преподаватель
кафедры правовых дисциплин,
(филиал) Адыгейский
государственный университет
serbinina815@gmail.com
lazarenko.sten@yandex.ru

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЙ СТАТУС МИГРАЦИИ

Аннотация. В данной статье рассматривается трактовка понятия миграции в широком и узком смысле. Приведена правовая база регулирования миграционного процесса. Изложены основные проблемы защиты прав иностранных граждан в России. Административно-правовые нормы, содержащиеся в многочисленных правовых актах, направлены на обеспечение нормальных взаимоотношений Российского государства с мигрантами, а также национальной безопасности нашего общества. Объем прав зависит от установленного в государстве правового режима: национальный, специальный режим, режим наибольшего благоприятствования.

Ключевые слова: миграция, иностранные граждане, трудовая миграция, государство, право, административное регулирование.

Процессы миграции являются серьезным фактором экономического, социального, политического и культурного развития государства [1, с. 29].

В связи с этим представляет интерес анализ используемого в законодательстве РФ понятия «миграция», выступающего основой для анализа правовой базы миграционных отношений. Миграционные отношения охватывают различные сферы государственного управления, оказывают влияние на демографический потенциал государства, его политическую и экономическую систему.

Понятие «миграция населения» (от лат. *migratio*) означает «переселение, перемещение». Ввиду

Svetlana G. Rogozhina

Senior Lecturer
of the Department of Legal Disciplines,
(branch) Adygea State University
sveta.rogozhina.81@mail.ru

Natalia S. Shcherbinina

Senior Lecturer
of the Department of Legal Disciplines,
(branch) Adygea State University
serbinina815@gmail.com

Tatyana V. Lazarenko

Senior Lecturer
of the Department of Legal Disciplines,
(branch) Adygea State University
serbinina815@gmail.com
lazarenko.sten@yandex.ru

THE CONCEPT AND LEGAL STATUS OF MIGRATION

Annotation. This article examines the interpretation of the concept of migration in a broad and narrow sense. The legal framework for regulating the migration process is given. The main problems of protecting the rights of foreign citizens in Russia are described. The administrative and legal norms contained in numerous legal acts are aimed at ensuring normal relations between the Russian state and migrants, as well as the national security of our society. The scope of rights depends on the legal regime established in the State: national, special, and most-favored-nation treatment.

Keywords: migration, foreign citizens, labor migration, state, law, and administrative regulation.

своей многоаспектностью оно имеет множество подходов к своему толкованию.

В широком смысле миграция населения понимается как перемещение людей в самых различных ситуациях и контекстах. Значение термина «мигрировать» в словаре Вебстера указано как «перемещаться из одной страны, местности или населенного пункта в другие». Однако такая широкая интерпретация понятия не учитывает критерии продолжительности, регулярности, целевой направленности, типа пространственного перемещения и др. Ключевой признак в этом случае – это только лишь факт передвижения между какими-либо территориальными единицами [4].

В узкой трактовке понятие «миграция» означает законченный вид территориального перемещения. Так, в энциклопедическом словаре миграция определена как перемещение людей (мигрантов) через границы определенных территорий с переменой места жительства навсегда или на более или менее длительное время.

Основными признаками при узком понимании исследуемого понятия выступают:

- 1) пересечение границы территории;
- 2) изменение места жительства;
- 3) продолжительность такого перемещения.

С точки зрения О.Т. Суюнчалиевой, миграция – это целенаправленное территориальное передвижение (перемещение) населения, обусловленное субъективным волеизъявлением личности и детерминированное объективными причинами (социальными, экономическими, политическими, религиозными, демографическими и экологическими проблемами региона постоянного места проживания). Основные признаки данного понятия: географическое перемещение, временной показатель и цель передвижения [3].

Правовую основу миграционного учета в Российской Федерации составляют Конституция Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации. Перечислим данную правовую базу: Федеральные законы «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» и ряд других нормативных актов [1].

Интенсивный процесс глобализации затрагивает не только финансовые и информационные потоки, но также стремительно воздействует на насыщенность и состав международной миграции. На первое место встают нелегальная миграция и незаконная трудовая иммиграция как одни из главных причин расширения угрозы терроризма.

Миграционный поток в Европу относительно затронул России, так как потенциальные беженцы рассматривали в большей степени Россию как временное государство на пути в страны западной Европы. Несмотря на это, по состоянию на 1 января 2019 года на территории РФ находятся 975 тысяч иностранных граждан.

Согласно сведениям Федеральной миграционной службы (ФМС) за 2018 год отмечено около 55,7 млн пересечений иностранными гражданами и лицами без гражданства границы РФ, что на 5,5 % больше значения 2017 года [3].

В 2018 году границу территории России пересекли около 18 миллионов иностранных граждан. Значительная часть (53,7 %) также принадлежит мигрантам, которые прибыли из Украины, Узбекистана, Казахстана и Таджикистана. В 2018 году гражданство России получили 257822 человека. Среди них основную долю занимали граждане СНГ (92,3%), из числа которых 36,5 % – жители Украины.

Особое внимание привлекает к себе миграционная ситуация, которая вызвана радикализацией конфликта на Украине в 2014 году. В целом с 01 апреля 2014 года в Россию прибыло 1,2 миллиона граждан, которые до этого проживали в юго-восточной части Украины.

В 2018 году в органы ФМС Российской Федерации от иностранных лиц было получено 1287 ходатайств о признании беженцами и 152 тысяч заявлений о предоставлении транзитного убежища из 60 государств. Наибольшую долю обратившихся составили граждане Украины (около 129 тысяч человек, или 98 %), Сирии (1,4 тысячи человек, или 1,1 %) и Афганистана (1,1 тысячи человек, или 0,8 %). Также следует обратить внимание на то, что лишь 95 человек сумели получить статус беженца, притом значительная доля принадлежит гражданам Украины.

На 31 декабря 2018 года на учете в органах ФМС состояло 698 беженцев и 314 тысяч лиц, которые получили временное убежище в России. Разумеется, что данные показатели не отображают реальной ситуации в данной области. К тому же, число граждан, которые признаны беженцами в РФ, не менялось за последние 10 лет и составляло от 500 до 900 человек в год, несмотря на обстоятельства, происходящие в мире. Похожая обстановка и с гражданами, которые получили временное убежище по гуманитарным причинам: их количество за десять лет не превосходило 5 тысяч человек.

Соотношение мигрантов из стран СНГ и Евросоюза достигло 70 % и 10 % соответственно. В последние годы число мигрантов в России увеличилось почти на 40 %.

Несмотря на данные Всемирного банка, по которым Российская Федерация стоит на втором месте после США по приему иностранных граждан, для государства, подключившегося к Конвенции ООН (1951 года) и Протоколу (1967 года), который затрагивал статус беженцев, механизм получения данного статуса до сих пор требует значительного совершенствования. Так, в конце 2018 года появилась тенденция к уменьшению их количества – на 01 января 2019 года в РФ находилось на 10,3 % меньше иностранных граждан, чем на 1 января 2018 года. Это объясняется тем, что процесс их легализации стал более сложным. В то же время, подвергается сомнению способность свободной реализации прав иностранных граждан, которые гарантированы Конституцией РФ. Важное место это приобретает по причине того, что иммигрант способен потерять своё законное положение на каждом этапе нахождения в России, начиная от прибытия в страну, регистрации,

трудоустройства и заканчивая выездом. Отсутствие законного статуса может повлечь за собой высылку иммигранта за пределы РФ.

Сегодня наблюдается всплеск оттока граждан из страны и постепенное уменьшение притока мигрантов. Как будет развиваться ситуация в дальнейшем? Существуют аналитические прогнозы ООН, основанные на статистических данных. Они говорят о том, что такая тенденция сохранится как минимум до 2050 года. Причем отток населения прогнозируется не только для России, но и для всех стран СНГ.

По данным Федеральной службы государственной статистики, на 01 ноября 2020 года в России проживают порядка 146,6 млн человек. С 01 января текущего года численность населения сократилась на 381 тысячу человек. Стоит отметить, что в аналогичном периоде прошлого года сокращение количества россиян было в 10 раз меньше. Если в текущем году уменьшение числа граждан составило 0,3 %, то за январь-ноябрь 2019 лишь 0,03 %.

По данным специалистов, за последние 5 лет численность населения сокращается. В частности, в текущем году большую роль в этом процессе сыграла пандемия коронавируса. Всего с момента первого заражения в нашей стране умерло свыше 50 тысяч человек.

Кроме того, по данным на конец 2019 года КСР (коэффициент суммарной рождаемости) составил 1,504 ребенка на одну женщину. По словам экспертов-демографов, чтобы население просто не убывало, нужно чтобы КСР составлял не менее 2,1. Если показатель меньше, то население не воспроизводится, а убывает. По оперативным данным Росстата, на конец октября с начала года ушли из жизни 1 млн 661 тысяча человек, а родились всего 1 млн 193 тысячи граждан.

Следует обратить внимание и на то, что в ФМС России нет управления по делам беженцев и вынужденной миграции – данный отдел включается в состав Управления по вопросам гражданства. Разумеется, что гражданство и убежище предполагают собой разные социальные институты, которые имеют различную правовую базу. Недостаток внимания к институту убежища привел к тому, что судебные органы, по большей части, не склонны к рассмотрению дел по предоставлению убежищ, судьи не ознакомлены с международными правовыми документами в данной сфере и находят для себя простой выход в том, что принимают решения только согласно советам государственных органов. Также, нельзя пропустить тот факт, что одновременно появилась проблема положения лиц без гражданства в России, по которым также принимаются решения об административном выдворении, однако выполнить данное условие невозможно по причине отсутствия государства, которое должно их принять.

Значительной проблемой в области управления и мониторинга миграционных процессов считается ведомственная разрозненность. Проблемами приспособления и объединения мигрантов только

на федеральном уровне занимаются сразу несколько ведомств (в структуре ФМС России, Минтруд России и Минобрнауки России). При этом, ни одна из них не считается ведущей в решении этих вопросов. В силу этого, на данный момент нет четко выработанной стратегии государственной миграционной политики в области адаптации и интеграции мигрантов и защиты укоренившегося населения.

Всё вышесказанное говорит о том, что назрела потребность отделения института убежища в самостоятельный аппарат управления, который включает управляющие органы на федеральном уровне (по меньшей степени полное регулирование в рамках ФМС РФ), установление ответственного лица в правительстве России, который отвечает за данную проблему, осуществление специализированной подготовки судей международного права в сфере обеспечения убежищ иммигрантам, а также формирование подготовленной площадки с целью рассмотрения проблем убежища со смежными министерствами и ведомствами, судебными органами, общественными организациями, представителями Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев ООН, которые на протяжении большого количества времени результативно занимаются вопросами беженцев и других групп вынужденных мигрантов [4].

Безусловно, процессы миграции воздействуют на социально-культурную обстановку в стране, когда права иностранных граждан вступают в конфликт с правами местного населения. На сегодняшний день эксперты отметили, что, если в 90-х годах и в начале 2000-х годов иностранные лица оценивались как экономические соперники, а в середине 2000-х годов на первое место вышла криминальная часть нерегулируемой миграции, и резонансные правонарушения, совершенные мигрантами, породили большое количество протестных акций. В 2010-е годы в иностранных лицах (особенно, граждан мусульманских государств) обычно наблюдают посредников экстремизма.

Согласно сведениям ФКУ «ГИАЦ МВД России», в 2018 году мигрантами на территории РФ было совершено 47 тысяч правонарушений, в том числе гражданами государств СНГ – 38 тысяч правонарушений, или 88 % от общего числа. Общая доля преступлений, которые совершены мигрантами в общем числе раскрытых по России почти всегда составляет около 4,9 %, при том в городах государственного значения данный показатель в среднем составляет 14,6 % [3].

По этой причине выделяется необходимость принять комплекс мероприятий, которые нацелены на недопущение развития в России моноэтнических анклавов – зон компактного проживания значительного количества иностранных лиц в одном маленьком населенном пункте или в одном районе крупного города.

Административное регулирование установления мест проживания иностранных лиц является одним из нечастых ситуаций, когда такое администрирование считается не только неизбежным, но

и рациональным по отношению защиты прав и свобод в общем её виде. Особенную актуальность в настоящее время приобрела проблема возникновения в мегаполисах таких способов заселения приезжих, как размещение в хостелы.

По этой причине в 2017 году был разработан и внесен в Государственную Думу законопроект, запрещающий применять жилые объекты в качестве отелей, иного способа временного размещения, а также представлять в них услуги данного сервиса. Прежде законодатель стремился регулировать вопрос с нелегальной миграцией путем ограничения количества лиц, которые зарегистрированы на единице квадратных метров жилой площади, с целью чего был установлен Федеральный закон от 21 декабря 2013 года № 376 ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. Несмотря на это, он не ограничивает изменения квартир в обычные жилые многоквартирные дома на подобие общежитий для мигрантов. В этом смысле установленные законом препятствия правового характера пребывания мигрантов в РФ обоснованы императивами национальной безопасности.

С 01 января 2017 года произошло упрощение регулирования трудоустройства мигрантов, в частности, к прибывшим в РФ в безвизовом порядке, система квотирования заменена на работу по патенту.

Репрессивные мероприятия в области рабочего найма, также, как и ужесточение полицейского режима для иностранных лиц (к примеру, вопросы их регистрации) чаще всего предоставляют дополнительные причины для обогащения нечистых на руку чиновников и правоохранительных органов.

Одними только административными мерами отрицательные черты изменить не получится. Необходимо действовать комплексно, затрагивая экономические, социальные и информационные рычаги. Беря в учет то, что иностранные лица обычно осваивают и монополизируют наименее перспективные профессии, необходимо снизить налоговое бременение, социальным льготированием, иными экономическими и административными регуляторами, адресными вложениями в профессиональное образование стимулировать привлекательность малоквалифицированного труда для самих россиян, поднять престиж не офисных, а по-настоящему трудовых специальностей, возродив интерес к ним у коренного населения России, в том числе путем внутренней миграции между субъектами России. Для этого нужны меры государственного характера по формированию условий для большей мобильности населения.

Следует пересмотреть миграционную политику страны в области привлечения трудовых ресурсов. Она должна быть направлена не столько на получение больших экономических выгод, сколько на формирование перспективной стратегии, направленной на рациональное использование отечественных и иностранных трудовых

ресурсов при условии непреложного уважения, соблюдения и эффективной защиты прав, свобод и законных интересов как россиян, так и трудовых мигрантов. При этом нельзя упускать из виду необходимость всестороннего соблюдения прав мигрантов.

Миграционное законодательство движется на пути к гуманизации, 14.01.2021 года депутатом Государственной Думы, Н.В. Костенко, внесен законопроект № 1093499-7, которым предложено не аннулировать вид на жительство, разрешение на временное проживание и не ставить запрет на въезд в некоторых случаях.

Одной из альтернатив оптимизации трудовой миграции в Российской Федерации будет формирование и совершенствование так называемых рекрутинговых организаций на территории стран-доноров. С поддержкой таких фирм возможно осуществлять на месте не только отбор кандидатов по специальностям, образованию, владению языками, эмоциональной стабильности и т.д., но и создать надлежащую профессиональную подготовку. Тем более что определенная практика уже есть.

В городе Ош Киргизской Республики открылся Центр по изучению и тестированию русского языка, на основе которого проводятся занятия по подготовке трудовых мигрантов, тестирование по русскому языку. Очевидно, формирование единичных учебных учреждений обстановку кардинальным образом изменить не сможет. Нужна значительная модернизация системы управления трудовой миграцией и порядка привлечения иностранной рабочей силы с одновременным выполнением дополнительных мер, направленных на предоставление национальной безопасности.

В общественных дискуссиях миграционная и этническая политика часто рассматривается в непрерывной связи, наблюдается преувеличенное значение этничности, порой выступающей ключевым фактором в определении «свой – чужой» и, как следствие, влияющей на все сферы социальной жизни. Вместе с этим, на первый план обязана выходить не столько этническая принадлежность иммигрантов и страна происхождения, сколько их лояльность к государству пребывания, возможность к адаптации в новом государстве. Главным фактором должна быть интеграция иммигрантов, адекватное восприятие ими норм и ценностей принимающего общества, тем самым гражданская идентичность становится важнее этнической.

Миграция – это экономическое становление государства. Миграционное законодательство России прошло через несколько этапов эволюции. Эти изменения затронули как внешнюю, так и внутреннюю миграцию. Таким образом, в содержание правового статуса мигрантов входят права, свободы и обязанности, предоставляемые им в соответствии с нормами международного права, а также национального законодательства государства. Гарантировать мигрантам полноценную жизнь в обществе, в котором они обосновались – это не просто вопрос соблюдения прав человека,

но вопрос взаимного интереса. Мигранты, принятые и уважаемые в обществе, скорее реализуют свой человеческий потенциал и принесут пользу принявшей их стране.

Правовое регулирование миграционных правоотношений в Российской Федерации в настоящее время сталкивается с рядом проблем, основными среди которых являются существующая неопределенность полномочий федеральных и региональных органов по регулированию миграции и большое количество несистематизированных законов и подзаконных актов. Действующее законодательство очевидно подчеркивает роль федеральных органов государственной власти в вопросах регулирования миграции, а также значительную роль органов субъектов. Соответственно, задача установления оптимального соотношения между полномочиями различных уровней государственной власти является первоочередной. Кроме того, необходимо установле-

ние системы этих самых полномочий, четкое определение иерархии государственных органов, ответственных за проведение миграционной политики, и их взаимного подчинения с целью исключения дублирования полномочий. Очевидно, что все это не может проводиться без надлежащего правового обеспечения, способного отвечать динамике миграционных правоотношений. В связи с этим вопрос полной переработки миграционного законодательства стоит наиболее остро и в настоящее время требует быстрого и правильного решения. Во многом это может быть достигнуто принятием единого миграционного кодекса, который бы учитывал все существующие недостатки правового регулирования и опирался в том числе и на выработанные правоведами варианты их устранения. Все это позволит добиться существенного улучшения регулирования миграционной сферы в соответствии с современными потребностями.

Литература:

1. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ (последняя редакция) // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/
2. Федеральный закон от 21 декабря 2013 года № 376 ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156010/
3. *Дашицыренова О.Г.* К вопросу о конституционном праве на защиту иностранных граждан на территории Российской Федерации / О.Г. Дашицыренова // Вестник ОГУ. 2018. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konstitutsionnom-prave-na-zaschitu-inostrannyh-grazhdan-na-territorii-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения 15.05.2021).
4. *Удальцов А.А.* Тенденции защиты прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации посредством конституционного судопроизводства / А.А. Удальцов, Е.Е. Новопавловская, Т.Г. Лясевич // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(71). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-zaschity-prav-i-svobod-inostrannyh-grazhdan-i-lits-bez-grazhdanstva-v-rossiyskoy-federatsii-posredstvom-konstitutsionnogo> (дата обращения 16.05.2021).

Literature:

1. Federal Law «On the Legal status of Foreign Citizens in the Russian Federation» of 25.07.2002 № 115-FZ (latest version) // Official website of the SPS «ConsultantPlus». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/
2. Federal Law № 376 FZ of December 21, 2013 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Official website of SPS «ConsultantPlus». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156010/
3. *Dashitsyrenova O.G.* On the question of the constitutional right to protect foreign citizens on the territory of the Russian Federation / O.G. Dashitsyrenova // Bulletin of the OSU. 2018. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konstitutsionnom-prave-na-zaschitu-inostrannyh-grazhdan-na-territorii-rossiyskoy-federatsii> (date of application 15.05.2021).
4. *Udaltsov A.A.* Trends in the protection of the rights and freedoms of Foreign citizens and Stateless persons in the Russian Federation through constitutional legal proceedings / A.A. Udaltsov, E.E. Novopavlovskaya, T.G. Lyasovich // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3(71). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-zaschity-prav-i-svobod-inostrannyh-grazhdan-i-lits-bez-grazhdanstva-v-rossiyskoy-federatsii-posredstvom-konstitutsionnogo> (date of application 16.05.2021).

Самойлова Анастасия Андреевна
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний,
капитан внутренней службы
shaporenko_a.a.@rambler.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА

Аннотация. В статье идет речь о проблемах практики применения административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Рассматриваются некоторые аспекты совершенствования законодательства в отношении осужденных, отбывших наказание в виде лишения свободы, за которыми установлен административный надзор. Авторами сформулированы предложения и рекомендации, касающиеся совершенствования мер административного надзора за осужденными, которые могли бы содействовать укреплению правовых основ организации профилактики и противодействию рецидивной преступности, а также, способствовали повышению ее эффективности.

Ключевые слова: осужденные, исправительные учреждения, административный надзор, профилактика, преступления, правонарушения, уголовно-исполнительная система, борьба с преступностью, ресоциализация.

Преступления, совершенные лицами, ранее судимыми и (или) уже отбывавшими наказание в виде лишения свободы, при опасном или особо опасном рецидиве в последнее время носят более дерзкий и опасный характер. В настоящее время просматривается тенденция возрастания количества участников рецидивистов в деятельности преступных групп, что, соответственно, оказывает свое негативное влияние на окружающих, особенно на подрастающее поколение и, в частности, на молодежь. Для многих рецидивистов преступная деятельность становится чем-то, вроде профессии, когда ранее судимый не представляет свою жизнедеятельность без совершения аморальных поступков и противоправных деяний. Полагаем, что рассматриваемые и выделяемые тенденции являются свидетельством того, что, принимаемые государством меры по борьбе с рецидивной преступностью, во многом зависят от нормативно-правового регулирования данной деятельности. Часто они не могут применяться из-за имеющихся правовых коллизий, содержащихся в нормативных актах, зависят от согласованности действий, закрепленных в ведомст-

Anastasia A. Samoilova
Candidate of Legal Sciences,
Leading Researcher of NITs-3 FKU,
Research Institute
Federal Service Enforcement of Sentences,
Internal Service Captain
shaporenko_a.a.@rambler.ru

LEGAL PROBLEMS OF THE PRACTICE OF APPLYING ADMINISTRATIVE SUPERVISION

Annotation. The article deals with the problems of the practice of applying administrative supervision over convicted persons released from prison. Some aspects of improving the legislation in relation to convicted persons who have served a sentence of imprisonment, for whom administrative supervision is established, are considered. The authors formulated proposals and recommendations concerning the improvement of administrative supervision measures for convicts, which could help to strengthen the legal framework for the organization of prevention and counteraction of recidivism, and also contributed to improving its effectiveness.

Keywords: convicts, correctional institutions, administrative supervision, prevention, crimes, offenses, penal enforcement system, crime control, resocialization.

венных приказах, касающихся взаимодействия органов, их применяющих либо из-за наличия применяемых профилактических мер, которые, чаще всего, недостаточны. Представленные умозаключения, как мы полагаем, относятся больше к практике осуществления административного надзора [3]. В данной статье хотелось бы, прежде всего, рассмотреть некоторые положения нормативных актов, затрагивающих проблемные вопросы, связанные с осуществлением административного надзора, и на основе их анализа сформулировать предложения по повышению его эффективности.

В последние годы состояние рецидивной преступности приобретает все более тревожные тенденции. Возрастает число преступлений, совершенных ранее судимыми, увеличивается их доля в регистрируемой преступности.

В структуре ранее судимых усиливается наиболее устойчивое, криминально активное ядро, состоящее из тех, кто до совершения нового преступления имел две и более судимости, после

отбытия наказания вел паразитический образ жизни. Увеличивается степень социальной деградации и психопатизации личности рецидивистов, особенно на почве алкоголизации и наркомании. Наблюдается активный процесс возрождения и распространения устойчивых преступных традиций, обычаев, норм поведения, определяющих постоянное воспроизводство рецидивно преступности.

Увеличение числа и плотности, ранее судимых среди населения, способствовало усилению их негативного влияния на окружающих, вовлечению в преступную деятельность новых лиц, особенно, из числа молодежи. Негативные тенденции рецидивной преступности свидетельствуют о том, что существующая организационно-правовая система противодействия рецидиву во многих случаях не достигает цели.

Неоднократно в научной литературе, посвященной рассмотрению вопросов совершенствования деятельности органов внутренних дел по борьбе с рецидивной преступностью, отмечалось, что принимаемые правовые, организационно-тактические и оперативные меры носят общий, неиндивидуализированный характер, отсутствует дифференцированный подход к различным категориям рецидивистов, не используются в полной мере научно обоснованные формы и методы их исправления и перевоспитания. В работе с ранее судимыми не хватает последовательности и целеустремленности, в проводимых мероприятиях много формализма, нередко кропотливая работа по предупреждению преступлений со стороны ранее судимых сводится к применению по отношению к ним репрессивных мер.

Как нам представляется, в формировании негативных сторон практики применения административного надзора «повинны» некоторые принципиальные правовые положения, регулирующие вопросы борьбы с рецидивной преступностью. К их числу относятся и нормы, касающиеся порядка установления и осуществления административного надзора. Поэтому есть необходимость критически осмыслить эти положения как с позиций сложившейся практики, реалий криминологической ситуации, так и с точки зрения соответствия действующих норм современным правовым взглядам и представлениям.

Согласно Федеральному закону «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»¹ (далее – ФЗ «Об административном надзоре»), за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, при рецидиве преступлений, умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего, а также, за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ст. 228.3, ч.1 ст. 231, ч. 1 ст. 234.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливается административно-принудительная мера в виде административного надзора для наблюдения за поведением указанных лиц,

предупреждения с их стороны преступлений и оказания на них необходимого воспитательного воздействия. Для установления административного надзора законом предусмотрено обязательное наличие объективных и субъективных, формальных и неформальных признаков.

В структуре судимых заметно увеличилось число лиц, кто не подпадает формально под законные основания применения административного надзора, но по характеристике поведения во время отбывания наказания, после него, по образу жизни нуждаются в постоянном контроле и некоторых ограничениях. В этой связи, нам представляется целесообразным внести изменения в законодательные основания о возможности установления административного надзора, главным образом, за счет расширения формальных признаков оснований.

Стоит заметить, что вопрос о внесении изменений в основания применения административного надзора неоднократно ставился в юридической литературе. В частности, предлагалось при применении административного надзора руководствоваться не только наличием у лица неснятых либо непогашенных судимостей, но и такими обстоятельствами, как степень общественной опасности личности, длительное пребывание в прошлом в местах лишения свободы, негативное влияние на неустойчивых лиц, в первую очередь на несовершеннолетних. Предлагалось устанавливать административный надзор за лицами, ранее судимыми, независимо от тяжести ранее совершенного преступления и количества судимостей, в том числе, над условно-досрочно освобожденными, если имеются сведения о том, что после освобождения они ведут аморальный образ жизни, отрицательно характеризуются по месту работы и жительства.

С учетом высказанных предложений, результатов обобщения практики, на наш взгляд, следовало бы:

- во-первых, не связывать наличие судимостей за умышленные преступления только с отбыванием наказания в местах лишения свободы;
- во-вторых, допустить его применение к осужденным за некоторые виды рецидивоопасных умышленных преступлений (например, кражи, разбойные нападения, грабежи, мошенничество, хулиганство и т.д.) при условно-досрочном их освобождении.

Предлагаемые изменения в законодательстве об административном надзоре вовсе не направлены на механическое увеличение лиц, к которым он должен применяться. Речь идет о расширении формальных оснований, об увеличении возможности выбора тех, кто действительно нуждается в применении данной административной меры в целях предупреждения рецидива.

¹ Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из

мест лишения свободы» // Российская газета № 75 от 08.04.2011.

Кроме того, восприятие законодательством предложенных изменений позволило бы узаконить некоторые виды профилактических учетов органов внутренних дел, существующих согласно ведомственным разрешениям и указам, но весьма сомнительных, с точки зрения соблюдения гарантий и прав граждан, попадающих на эти учеты.

Литература:

1. *Biriukov P.N.* The Administrative Law in Poland / P.N. Biriukov // Russian Journal of Legal Studies, 2014. Vol. 2. № 2.
2. *Бараев И.Н.* Установление судом срока административного надзора / И.Н. Бараев // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 58–62.
3. *Жерновой М.В.* Административный надзор как мера профилактики рецидивной преступности // Административное право и процесс. 2012. № 5. С. 50–52.
4. *Зырянов С.М.* Административный надзор. Вопросы терминологии / С.М. Зырянов // Закон и право. 2008. № 4. С. 50–51.
5. *Фильченко А.П.* Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: правовая природа и перспективы законодательного регулирования / А.П. Фильченко // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 54–58.

Таким образом, подводя итог сказанному, стоит отметить, что предложенные рекомендации, на наш взгляд, укрепили бы правовые основы организации борьбы с рецидивной преступностью, а также способствовали повышению ее эффективности.

Literature:

1. *Biryukov P.N.* The Administrative Law in Poland / P.N. Biryukov // Russian Journal of Legal Studies, 2014. Vol. (2). № 2.
2. *Baraev I.N.* Establishment by the court of the term of administrative supervision / I.N. Baraev // Russian Justice. 2012. № 9. P. 58–62.
3. *Zhernovoy M.V.* Administrative supervision as a measure of prevention of recidivism // Administrative law and process. 2012. № 5. P. 50–52.
4. *Zyryanov S.M.* Administrative supervision. Questions of terminology / S.M. Zyryanov // Law and Law. 2008. № 4. P. 50–51.
5. *Filchenko A.P.* Administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty: the legal nature and prospects of legislative regulation / A.P. Filchenko // Administrative Law and Process. 2012. № 2. p. 54-58.

Семенова Екатерина Геннадьевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
e-g-semenova@mail.ru

Ekaterina G. Semenova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of State
and Civil Law Disciplines,
Crimean branch of Krasnodar
University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
e-g-semenova@mail.ru

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ОБОРОТА ЗАСТРОЕННЫХ
ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ
КАК ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ**

**LEGAL REGULATION
OF THE TURNOVER OF BUILT-UP LAND
PLOTS AS REAL ESTATE OBJECTS**

Аннотация. Статья посвящена определению современного состояния правового регулирования оборота земельных участков и объектов капитального строительства на нем размещенных, выявлению актуальных проблем в данной сфере, а также поиску возможных путей их решения. Выявлены особенности правового регулирования перехода прав на земельный участок в случае отчуждения объектов капитального строительства как составных частей застроенного земельного участка как объекта недвижимости. Определены объекты договора продажи и аренды застроенного земельного участка, в том числе при возникновении права общей собственности на застроенный земельный участок.

Annotation. The article is devoted to determining the current state of legal regulation of the turnover of land plots and capital construction facilities located on it, identifying urgent problems in this area, as well as finding possible ways to solve them. The features of legal regulation of the transfer of rights to a land plot in the event of alienation of capital construction objects as components of a built-up land plot as a real estate object have been identified. The objects of the contract for the sale and lease of a built-up land plot have been determined, including when the right of common ownership of a built-up land plot arises.

Ключевые слова: земельный участок, объект капитального строительства, застроенный земельный участок, объект недвижимости, единый объект недвижимости, продажа недвижимости, аренда недвижимости.

Keywords: land plot, capital construction object, built-up land plot, real estate object, single property, real estate sale, real estate lease

В рамках реформирования российского гражданского законодательства актуальным является разработка основных направлений комплексного нормативного правового регулирования оборота недвижимости, что требует усовершенствования определения недвижимого имущества, установления четкого соотношения земельного участка и объектов на нем размещенных.

кодекса Российской Федерации» № 47538-6/5 2019 г. [8], в рамках которой правовым режимом недвижимости наделяется земельный участок.

В настоящее время в отечественном законодательстве и доктрине сложилось два подхода к определению правового режима недвижимости – концепция «множественности объектов недвижимости», которая получила закрепление в действующем законодательстве (ст. 130 Гражданского кодекса РФ) (далее – ГК РФ) и концепция «единого объекта недвижимости», декларируемая в положениях Проекта федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского

В то же время определение земельного участка как базового элемента недвижимости (или его единственного элемента) не способствует решению проблемы эффективного регулирования отношений в сфере оборота недвижимости. Предлагаемые изменения в законодательство не способствуют достижению цели создания режима единого объекта недвижимости, исходя из специфики физических, экономических и социальных характеристик недвижимости, уводят от объективных критериев отнесения вещей к недвижимым. Усложнение и видоизменение системы вещных прав также демонстрирует отсутствие надлежащего критерия их систематизации, нарушает принцип единого объекта недвижимости. Кроме

того, проект не содержит меры по реализации единого объекта недвижимости, в частности, в сфере обязательственных правоотношений.

Необходимо отметить, что законодатель придает правовому режиму недвижимой вещи определяющее значение не только при установлении вещных прав, но и иных имущественных прав, закрепляя специальное правовое регулирование продажи недвижимости (§ 7 Гл. 30 ГК РФ), аренды зданий и сооружений (§ 4 Гл. 34 ГК РФ), найма жилого помещения (Гл. 35 ГК РФ). В качестве правил, подлежащих особому правовому регулированию при обороте недвижимости, выделяются положения о правах на земельный участок при продаже здания, сооружения или другой находящейся на нем недвижимости (ст. 552 ГК РФ), аренде находящегося на нем здания или сооружения (ст. 652 ГК РФ).

В силу ст. 130 ГК РФ земельный участок и расположенные на нем здания, сооружения, объекты незавершенного строительства рассматриваются как самостоятельные объекты недвижимости, соответственно могут являться самостоятельными объектами договора. Несмотря на это в соответствии со ст. 552, 652 ГК РФ, по которым основным объектом договора является здание, сооружение или иной объект недвижимости, объект договора составляет также земельный участок.

Для устранения указанного противоречия, вовлечения земельного участка, на котором расположены объекты капитального строительства, в гражданский оборот наравне с ними, законодателем закрепляется переход прав на один объект недвижимости (земельный участок) при продаже или аренде другого объекта недвижимости (здания, сооружения). Причем объем прав зависит от того, является продавец или арендодатель здания, сооружения собственником земельного участка или нет.

Земельное законодательство закрепляет исключения из правила о переходе прав на земельный участок: «невозможность выделения в натуре части здания, сооружения вместе с частью земельного участка; отчуждение здания, сооружения, находящихся на земельном участке, изъятом из оборота; отчуждение сооружения, которое расположено на земельном участке на условиях сервитута, на основании публичного сервитута» (п. 4 ст. 35 Земельного кодекса РФ).

Особые правила перехода прав на земельный участок закреплены в случае продажи помещения в многоквартирном доме (ст. 36, 37 Жилищного кодекса РФ, ст. 16 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ).

Следует подчеркнуть, что правила ст. 552 ГК РФ не предусматривают автоматического перехода права собственности на земельный участок при переходе права собственности на здание, сооружение, поскольку регистрационным законодательством устанавливается необходимость государственной регистрации перехода права

собственности на здание, сооружение, а также перехода права собственности на земельный участок, занятый такими объектами (ч. 1 ст. 57 Закона о государственной регистрации недвижимости).

В отдельных судебных решениях признается, что «поскольку принадлежащие одному собственнику объекты недвижимости и земельный участок, на котором они расположены, не могут выступать в обороте раздельно, не имеется оснований для государственной регистрации перехода к покупателю права собственности на объекты недвижимости без государственной регистрации перехода к нему права собственности на земельный участок» [3]. В случае, когда объект создан исключительно в целях улучшения качества и обслуживания земельного участка и не обладает самостоятельным функциональным назначением, он не может быть признан объектом недвижимости, права на который подлежат государственной регистрации [3].

Законодатель стремится обеспечить связь между зданием, сооружением и земельным участком и в случае, когда собственник здания, сооружения не является собственником земельного участка. Покупатель (арендатор) приобретает право пользования соответствующим земельным участком на тех же условиях, что и собственник здания, сооружения без согласия собственника этого участка (ст. 552, 652 ГК РФ).

Иначе сформулирована норма п. 1 ст. 35 Земельного кодекса РФ — «при переходе права собственности на здание, сооружение, находящиеся на чужом земельном участке, к другому лицу оно приобретает право на использование соответствующей части земельного участка, занятого зданием, сооружением и необходимой для их использования».

Еще больше усложнена ситуация с переходом прав на земельный участок при переходе прав на здание, сооружение, в случае, когда такие объекты расположены на земельном участке, находящемся на праве постоянного (бессрочного) пользования. Исходя из разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума ВАС РФ от 24 марта 2005 г. № 11, «покупатель здания, сооружения может оформить свое право на земельный участок путем заключения договора аренды или приобрести его в собственность в порядке, предусмотренном п. 2 ст. 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ» [4].

Таким образом, правовой механизм перехода прав на земельный участок при переходе права собственности, а также аренде находящегося на нем здания, сооружения с одной стороны направлен на обеспечение юридической связи указанных объектов, а с другой стороны — предусматривает индивидуализацию земельного участка (части земельного участка) и расположенных на нем объектов капитального строительства как объектов гражданских прав. При этом судьба земельного участка (его части) зависит от

судьбы возведенных на нем объектов капитального строительства.

Нахождение на земельном участке зданий, сооружений, объектов незавершенного строительства как результатов строительной деятельности (объектов капитального строительства) и наличие между ними тесной связи оказывает определенное влияние на правовой режим соответствующего земельного участка, в то же время не позволяет говорить о таких объектах как самостоятельных объектах гражданских прав. Объектом права является единый неделимый объект – застроенный земельный участок. В случае возникновения права собственности на застроенный земельный участок у нескольких лиц (общая собственность), право на объект капитального строительства необходимо рассматривать как долю в праве общей собственности.

Соответственно в случае приобретения здания, сооружения, помещения и проч. как составной части застроенного земельного участка, объектом договора купли-продажи является доля в застроенном земельном участке, пропорциональная площади приобретаемого здания, сооружения, помещения и т.п. относительно площади земельного участка (при приобретении доли в праве на здание, сооружение, части земельного участка), либо относительно площади здания (при приобретении доли в праве на помещение).

Подобные положения возможно применить и к обязательствам, не связанным с переходом права собственности на недвижимость. В случае раздела земельного участка могут возникать новые земельные участки как самостоятельные объекты права (п. 1 ст. 11.4 Земельного кодекса РФ). Если выделение части объекта недвижимости невозможно – объектом договора аренды является неделимое недвижимое имущество, в том числе застроенный земельный участок.

В гражданском законодательстве закреплено, что договор купли-продажи может заключаться не только в отношении вещи, но и имущественных прав, если иное не вытекает из содержания или характера этих прав (п. 4 ст. 454 ГК РФ). Имущественные права в качестве объектов аренды не получили соответствующее закрепление (ст. 607 ГК РФ). В то же время ст. 656 ГК РФ предусматривает, что по договору аренды предприятия в пользование могут быть предоставлены «права пользования землей, водными объектами и другими природными ресурсами, зданиями, сооружениями и оборудованием, иные имущественные права арендодателя».

Учитывая, что категория «имущество», которая используется в ст. 606 ГК РФ при формулировании определения договора аренды, не противоречит возможности оборота не только вещей, но и имущественных прав [2, с. 163], возможно предположить об определенной законодательной предпосылке аренды имущественного права (доли в праве общей собственности на объект недвижимости).

Застройка земельного участка означает изменение его правового режима, который ввиду возведения объектов капитального строительства становится неразрывно связанным с последними, соответственно незастроенный земельный участок как объект гражданских прав прекращает свое существование. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы юридической судьбы объекта капитального строительства в случае осуществления строительства по договору аренды земельного участка.

В Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе отмечается, что «в случае прекращения договора аренды земельного участка по любым гражданско-правовым основаниям следует руководствоваться правилами, изложенными в статье 272 ГК РФ, а до урегулирования отношений между собственником земельного участка и собственником здания последний должен приобретать в силу закона право ограниченного владения и пользования земельным участком, на котором находится здание, но лишь в пределах, необходимых для пользования зданием» [1].

Необходимо отметить, что признание права лица, заключившего договор аренды земельного участка приобретать вещные права на возведенные им на чужом земельном участке объекты капитального строительства, а впоследствии и вещные права на земельный участок, на котором такие объекты расположены, не соответствует принципу единого объекта недвижимости.

Возведение объектов капитального строительства в случае заключения договора аренды земельного участка свидетельствует о деятельности арендатора в соответствии с договором и не может влиять на правовой режим земельного участка как объекта недвижимости. Соответственно, возведенные арендатором на земельном участке объекты капитального строительства по договору аренды земельного участка следует рассматривать в качестве улучшений земельного участка.

К подобным выводам постепенно приходит и судебная практика, рассматривая выполнение работ арендатором по изменению состояния арендованного земельного участка как его неотделимые улучшения [6; 9]. Хотя в некоторых случаях суд полагает, что «улучшением земельного участка могут быть признаны только такие мероприятия, которые приводят к улучшению его природных свойств, в связи с чем возведение градостроительных объектов не может рассматриваться как неотделимые улучшения земельного участка» [5].

В Проекте Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации», подготовленного Минэкономразвития России в 2017 г. [7], в ст. 134.1 в качестве неотделимых улучшений недвижимого имущества предлагалось понимать улучшения, создаваемые путем строительства или реконструкции. Однако подобные улучшения приравнивались к составным частям недвижимости, которые выступали в

обороте с ней как единое целое. В редакции проекта, подготовленного Минэкономразвития России в 2019 г. [8] указанная статья была исключена.

Таким образом, правовое регулирование оборота застроенных земельных участков не имеет предпосылок для регулирования перехода прав на земельный участок (часть земельного участка) в случае продажи или аренды объектов капитального строительства как составных частей такого объекта недвижимости. Земельный участок переходит в составе застроенного земельного участка как объекта недвижимости.

В договоре продажи застроенного земельного участка, при наличии интереса в приобретении его части, индивидуализированной в виде здания, сооружения, помещения, объектом договора будет являться доля в застроенном земельном участке, пропорциональная площади приобретаемого здания, сооружения, помещения и т.п.

Литература:

1. Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе / Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства; Исследовательский центр частного права; Под общ. ред. А.А. Маковской, О.М. Козыря, В.А. Витрянского. М. : Статут, 2004.
2. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб. : Изд-во Юридический центр пресс, 2002.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2016), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19 октября 2016 г. // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2005. № 5.
5. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 23 декабря 2010 г. по делу № А40-174195/09 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 20 июля 2012 г. № Ф03-294612 по делу № А51 – 20087/2011 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27 апреля 2012 г.). URL : <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/47538-6>

относительно площади земельного участка (при приобретении доли в праве на здание, сооружение, части земельного участка), либо относительно площади здания (при приобретении доли в праве на помещение).

В договоре аренды застроенного земельного участка объектом договора может быть имущественное право – доля в праве общей собственности на объект недвижимости. По договору аренды земельного участка возведение арендатором объектов капитального строительства изменяет правовой режим объекта недвижимости. При застройке арендованного земельного участка трансформация правового режима земельного участка в правовой режим застроенного земельного участка не происходит. При аренде земельного участка, в том числе застроенного земельного участка, вносимые изменения (возведение объектов капитального строительства) имеют природу неотделимых улучшений земельного участка.

Literature:

1. Concept for the development of civil legislation on real estate / Council under the President of the Russian Federation for the codification and improvement of civil legislation; Research Center for Private Law; Under total. ed. A.A. Makovskaya, O.M. Kozyr, V.A. Vitryansky. M. : Statut, 2004.
2. Lapach V.A. The system of objects of civil rights: theory and jurisprudence. SPb. : Publishing house of the Legal center press, 2002.
3. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 3 (2016), approved. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 19, 2016 // Access from the reference legal system «Consultant Plus».
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 24, 2005 № 11 «On some issues related to the application of land legislation» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2005. № 5.
5. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District of December 23, 2010 in case No. A40-174195/09 // Access from the reference legal system «ConsultantPlus».
6. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Far Eastern District of July 20, 2012 No. F03-294612 in case № А51-20087/2011 // Access from the reference legal system «ConsultantPlus».
7. Draft Federal Law № 47538-6 «On Amendments to Parts One, Two, Three and Four of the Civil Code of the Russian Federation, as well as to certain legislative acts of the Russian Federation» (as amended, adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the 1st reading on April 27, 2012). URL : <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/47538-6>

8. Проект Федерального закона № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL : <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/47538-6/5>

9. Решение Темрюкского районного суда Краснодарского края от 30 июля 2015 г. по делу № 2-767/2015 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Draft Federal Law № 47538-6/5 «On Amending Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // Legislative support system. URL : <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/47538-6/5>

9. The decision of the Temryuk District Court of the Krasnodar Territory dated July 30, 2015 in case № 2-767 / 2015 // Access from the reference legal system «ConsultantPlus».

Терехова Валентина Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры финансового права,
Российский государственный
гуманитарный университет
wsamoilova@mail.ru

Valentina V. Terekhova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Financial Law,
Russian State
University of Humanities
wsamoilova@mail.ru

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ИНВЕСТОРОВ В СПЕЦИАЛЬНЫХ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ РАЙОНАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**LEGAL STATUS OF INVESTORS
IN SPECIAL ADMINISTRATIVE REGIONS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. Актуальность. Реализация законодательной инициативы по изменению административного, налогового и правового режима отдельных территорий Российской Федерации актуализирует предметную область научных исследований данной проблематики. Актуальность данного исследования обусловлена новизной эмпирического опыта по изменению территориально-правового пространства подобного типа в Российской Федерации. Объект исследования. Специальные административные районы как новый элемент правовой системы Российской Федерации. Предмет исследования. Финансово-правовой аспект деятельности российских и зарубежных инвесторов в специальных административных районах. Цель исследования. Осуществить детекцию содержания финансово-правового обеспечения деятельности российских и зарубежных инвесторов в специальных административных районах. Задачи исследования. Заключаются в дескриптивном изложении элементов правового и финансового пространства, появление которых обусловлено изменением статуса территорий. Методология исследования. Использован формально-юридический метод экстраспективного характера, обусловленный феноменологическими и системными принципами исследования. Результаты исследования. Заключаются в детекции правового положения российских и зарубежных инвесторов в специальных административных районах Российской Федерации.

Annotation. Relevance. The implementation of the legislative initiative to change the administrative, tax and legal regime of certain territories of the Russian Federation actualizes the subject area of scientific research on this issue. The relevance of this study is due to the novelty of empirical experience in changing the territorial and legal space of this type in the Russian Federation. The object of the study. Special administrative regions as a new element of the legal system of the Russian Federation. The subject of the study. Financial and legal aspects of the activities of Russian and foreign investors in special administrative regions. The purpose of the study. To detect the content of financial and legal support for the activities of Russian and foreign investors in special administrative regions. Research objectives. They consist in a descriptive description of the elements of the legal and financial space, the appearance of which is due to the change in the status of the territories. Research methodology. A formal legal method of an extraspectual nature, conditioned by the phenomenological and systemic principles of the study, is used. The results of the study. They consist in detecting the legal status of Russian and foreign investors in the special administrative regions of the Russian Federation.

Ключевые слова: офшор, социально-экономическое развитие, геополитика, налоговый режим, инвестиционная среда.

Keywords: offshore, socio-economic development, geopolitics, tax regime, investment environment.

Основная часть.

Специальные административные районы (САР) как новый элемент валютного и налогового регулирования представляет научно-прикладной интерес для исследования форм и методов правового обеспечения деятельности будущих резидентов территорий (инвесторов).

Основное и главное отличие от сходных правовых и территориальных образований: территория опережающего социально-экономического развития [4], свободная экономическая зона [2], специальный инвестиционный контракт [3], заключается в ингерентном признаке редомиляции (в таблице 1 мы представили сравнительную характеристику особых правовых и территориальных

образований в Российской Федерации). То есть, в правовом отношении специальный административный район, это не привлечение инвестиций и развитие территории притяжения с целью максимизации дохода и получения социальных выгод, а редомилияция хозяйствующего субъекта с целью оптимизации налогового режима и защиты от недружественной санкционной политики. Фактически, САР, это оффшор с отдельным льготным правовым регулированием для участников САР. При этом участником САР может стать только иностранное юридическое лицо (поэтому мы говорим об ингерентном признаке редомилияции), но бенефициарами могут выступать, как российские, так и зарубежные инвесторы. Какие возможности представляет САР для инвесторов, ст. 5,6 [1]:

1. Нулевая величина налога на прибыль компаний под контролем международной холдинговой компании, при этом величина налога на доходы физических лиц не определена.
2. 15 процентов ставка налогообложения на доходы в виде дивидендов в случае участия в деятельности международной холдинговой компании не менее чем 15-ти процентной доли.
3. 5 процентов ставка налогообложения на доходы иностранных инвесторов, полученных в виде дивидендов.
4. 0 процентов ставка налогообложения на доходы от реализации акций компании (мажоритарных долей).

Таблица 1

Сравнительная характеристика особых правовых и территориальных образований в Российской Федерации (составлено автором)

Характеристики/Образование	Особая экономическая зона (ОЭЗ)	Территория опережающего экономического развития (ТОСЭР)	Специальный инвестиционный контракт (СИК)	Специальный административный район (САР)
Цели образования	1. Развития сектора обработки и высоких технологий; 2. Импортозамещение стратегической продукции; 3. Создание транспортной инфраструктуры; 4. Въездной туризм и развитие санаторно-курортного сектора; 5. Развитие портовой инфраструктуры и морских путей сообщения	Социально-экономическое развитие территорий притяжения, повышение социального комфорта и уровня жизни граждан с развитием промышленной инфраструктуры	Сопутствующий фактор ускорения реализации стратегических задач и государственных программ по достижению целевых показателей (национальные цели)	Привлечение инвестиционного капитала российских и зарубежных инвесторов, участвующих в капитале международных компаний, антисанкционный инструмент
Продолжительность ведения	49 лет	70 лет (с пролонгацией)	10 лет	не регламентирован
Объем инвестиций (минимальный)	120 млн руб. (регулируется)	50 млн руб.	от 100 млн руб. (регион) и 750 млн руб. (федерация)	50 млн руб.
Территория притяжения	Вне городской среды, индустриальная или прилегающая территория к городской среде	В городской среде или вне нее, возможность пользоваться действующей инфраструктурой	Реализация возможна, как на действующих производствах, так и на вновь созданных производствах	О. Русский (г. Владивосток) О. Октябрьский (Калининградская область)
Правовой режим	– таможенные (льготы по уплате пошлин); – налоговые (регулирование налоговых отчислений); – административные (регулирование процедур регистрации и ведения бизнеса); – финансовые (льготное кредитование, субсидирование, регулирование арендных ставок)	– налоговые (снижен налог на землю, налог на имущество, налог на прибыль); – социальные (снижение социальных отчислений до 7,6 % взамен 30 %); – административные (регулирование процедур регистрации и ведения бизнеса); – финансовые (льготное кредитование, субсидирование, регулирование арендных ставок)	– налоговые (снижен налог на землю, налог на имущество (только регион), налог на прибыль); – таможенные (льготы по уплате пошлин); – административные (регулирование процедур регистрации и ведения бизнеса); – коммерческие (упрощение процедуры государственных закупок)	– валютные (валютное регулирование); – налоговые (0 % по налогу на прибыль, 5 % по доходу в виде дивидендов)

При этом до приобретения статуса участника САР следует оперировать термином «Международная холдинговая компания» [1], которая для целей налогового регулирования в РФ соот-

несена отдельным законопроектом. Основные требования получения статуса международной холдинговой компании, следующие:

– ведение хозяйственной деятельности по территориальному признаку в разных государственных юрисдикциях;

– принятие на себя безусловных обязательств в виде реализации инвестиций на территории Российской Федерации не менее 50 млн руб.

Если рассматривать САР в контексте образования ТОСЭР и ОЭЗ (табл. 1), то в большей степени необходимость САР обусловлена, на наш взгляд, редомиляцией юридических лиц с целью нивелирования и возможных угроз западной санкционной политики. В целом, САР можно рассматривать как возможность легализации средств инвесторов, которые ранее выводили свои капиталы из России по разным причинам. Также, САР предоставляет возможность российским компаниям домицилированным не на территории РФ избежать угроз и последствий зарубежных санкций.

Выводы.

На наш взгляд, каких-либо существенных правовых, экономических преференций аналогичных

Литература:

1. Федеральный закон «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» от 03.08.2018 № 291-ФЗ (последняя редакция). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304082/ (дата обращения 08.06.2021).

2. Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22.07.2005 № 116-ФЗ (последняя редакция). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599 (дата обращения 08.06.2021).

3. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL : <https://base.garant.ru/70833138/7a58987b486424ad79b62aa427dab1df> (дата обращения 08.06.2021).

4. Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29.12.2014 № 473-ФЗ (последняя редакция). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения 08.06.2021).

правовых и территориальных образований за пределами РФ международным компаниям с участием исключительно иностранного капитала не наблюдается. При этом экономическая выгода достаточно сомнительна, так, на 2021 год совокупные вложения в инфраструктуру о. Русский и о. Октябрьский составили более 50 млрд руб. (в рамках государственного финансирования) [1]. При этом достаточно просто подсчитать, что экономическая выгода территорий от участников САР должна быть обеспечена более чем 100 потенциальными резидентами САР, что в современных международных условиях, нам представляется слабо реализуемым¹. При этом следует отметить, что российские компании, домицилированные в зарубежных юрисдикциях при отсутствии геополитических рисков, могут воспользоваться правовым элементом нового регулирования СИК, который фактически является одним из правовых инструментов освоения требуемых инвестиций для участия в САР. При этом объем инвестиций по федеральной компоненте составляет 750 млн руб, по региональной 100 млн руб. [3].

Literature:

1. Federal Law «On Special Administrative Areas in the Territories of the Kalinin-Grad Region and Primorsky Territory» of 03.08.2018 № 291-FZ (latest version). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304082 (date of application 08.06.2021).

2. Federal Law «On Special Economic Zones in the Russian Federation» of 22.07.2005 № 116-FZ (latest version). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599 (date of application 08.06.2021).

3. Federal Law № 488-FZ of December 31, 2014 «On Industrial Policy in the Russian Federation» (as amended). URL : <https://base.garant.ru/70833138/7a58987b486424ad79b62aa427dab1df> (date of application 08.06.2021).

4. Federal Law «On Territories of Advanced Socio-Economic Development in the Russian Federation» of 29.12.2014 № 473-FZ (latest version). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (date of application 08.06.2021).

¹ На момент написания исследования зарегистрирован всего один участник САР.

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права,
Краснодарский университет МВД России
popov-52@mail.ru

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

Бугаенко Юлия Юрьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры
уголовного права юридического
факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
popov-52@mail.ru

**БОРЬБА С ПРЕСТУПНЫМИ
СООБЩЕСТВАМИ
В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Аннотация. В данной статье рассматриваются тенденции развития уголовного законодательства России об ответственности за создание преступных организаций, участие в них и руководство ими. Делается сопоставление с нормами действующего УК РФ, даётся оценка предложениям о введении в уголовный закон нового состава преступления – занятие высшего положения в преступной иерархии. Отмечается, что действующий УК РФ позволяет и без этих поправок привлечь к ответственности организаторов преступных сообществ, а акцент должен быть на правоприменительной практике, в том числе по вопросам контроля за доходами чиновников.

Ключевые слова: уголовный закон, организованная преступность, шайка, банда, соучастие, преступное сообщество, неотвратимость.

В последние годы российский уголовный закон (УК РФ [1]) подвергается уже привычным перманентным изменениям. Всего за 22 года действия УК РФ было издано уже 237 (!) законов о внесении и изменении в этот акт, и уже остались единицы статей УК РФ, не подвергнутых коррективам. На большинство новелл УК РФ в российском обществе мало обращается внимания ввиду

Ivan V. Uporov

Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Professor, Constitutional Department
and Administrative Law,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
popov-52@mail.ru

Mikhail Yu. Popov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

Yulia Y. Bugaenko

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
Criminal Law Faculty of Law,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilina
popov-52@mail.ru

**FIGHTING CRIMINAL COMMUNITIES
IN MODERN HISTORY OF RUSSIA:
HISTORICAL AND LEGAL
COMPARATIVE ANALYSIS**

Annotation. Trends in the development of the criminal legislation of Russia on the responsibility for the creation of criminal organizations, participation in them and their management are considered. A comparison is made with the norms of the current Criminal Code of the Russian Federation, an assessment is made of the proposals for introducing a new crime into the criminal law – the highest position in the criminal hierarchy. It is noted that the current Criminal Code of the Russian Federation makes it possible to bring to justice the organizers of criminal communities without these amendments, and the emphasis should be on law enforcement practice, including on the issues of control over the incomes of officials.

Keywords: criminal law, organized crime, shai-ka, gang, complicity, criminal community, inevitability.

их многочисленности. Среди немногих из них, вызвавших повышенный резонанс, следует отметить президентскую инициативу о введении уголовной ответственности за лидерство в преступном сообществе (преступной организации), в частности, предлагается ввести новый состав преступления – «занятие высшего положения в преступной иерархии» (ст. 210.1 УК РФ) [2]. Такая

реакция обусловлена, с одной стороны, ожиданиями общества в сфере противодействия организованной преступности, а с другой стороны, неоднозначностью содержания самого законопроекта. Его оценочная характеристика, на наш взгляд, будет более полной, если выявить основные тенденции развития ответственности за организацию и участие в преступных сообществах (преступных организациях) в истории уголовного права России.

Прежде всего, необходимо отметить, что действующая формулировка состава преступления по ст. 210 УК РФ – «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» – ранее, в предыдущих уголовных кодексах, не применялась. Но это не значит, что данный состав преступления появился на пустом месте – он, как и всякое другое социальное явление, имеет свои истоки. Отсчёт целесообразно начинать с периода, когда в России появилось полноценное систематизированное уголовное законодательство – с тем, чтобы сравнение в разные исторические эпохи было более корректным, то есть, с момента издания Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Предварительно ещё отметим, что организация преступного сообщества согласно ст. 35 УК РФ относится к особо тяжким преступлениям, а само преступное сообщество (преступная организация) является самым общественно опасным видом преступного соучастия (после группы лиц, группы лиц по предварительному сговору и организованной группы). В уголовном законе этот состав преступления отнесён к преступлениям против общественной безопасности. Обращает на себя внимание, что само по себе создание преступной группы лиц по предварительному сговору и преступной организованной группы, в отличие от создания преступного сообщества, не является преступлением.

В уголовном праве Российской империи предусматривался такой вид соучастия в совершении преступлений, как «шайка» (преступное «общество», «сообщество»). Довольно подробно в то время исследовал данный вид соучастия профессор, декан юридического факультета Варшавского университета С.М. Будзинский, который полагал, что шайка – вид преступного сообщества, которое отличается общеуголовной целеустремлённостью, а также очевидной организационной устойчивостью. Этим учёным были обозначены признаки, которые сегодня охватываются понятием сплочённости преступной группы и целью преступной деятельности. В этом контексте учёный следующим образом раскрывал понятие шайки: «Шайка есть союз, составленный для совершения наперёд неопределённых одного рода или разных родов преступлений. Шайка стремится образовать отдельный организм, государство в государстве. Она представляет известную аналогию с государством: она имеет организацию власти, общий интерес, иногда даже свой общий язык. Шайка есть тайное учреждение для борьбы с общественным порядком; она – источник непрерывного ряда преступлений. Шайка есть заговор без подробно поставленной цели. Деятельность её получает характер заговора, когда члены

шайки сговариваются для совершения данного преступления. Действующее законодательство употребляет слово шайка (здесь и далее курсив в цитатах наш – И.У.) и для названия скопа преступников с намерением совершить одно только преступление. Наказуемо само образование шайки, хотя бы и не было совершения или даже покушения на преступление ... *В заговоре и шайке наиболее виновны основатели и предводители.* Как и в других видах участия, так и в заговоре и шайке, кроме физических виновников, могут существовать умственные виновники и пособники» [3, с. 221–222].

С.М. Будзинский, на наш взгляд, первым в отечественной теории уголовного права дал столь подробное, системное и достаточно чёткое толкование института шайки, в связи с чем, мы и считали целесообразным привести относительно объёмную выдержку из его труда (у этого автора имеются также интересные мысли о шайке как виде соучастия с точки зрения сравнительного правоведения, но мы этот аспект здесь не рассматриваем).

В свою очередь, известный русский криминалист периода поздней империи и государственный деятель Н.С. Таганцев указывал на то, что «существование шайки заключается в постоянном характере сообщества, в обращении членами шайки преступной их деятельности как бы в ремесло» [4, с. 17]. В другой работе шайка, как особая преступная группа, определялась Н.С. Таганцевым следующим образом: «Шайкой признается соглашение нескольких лиц на совершение нескольких определенных или *неопределённых*, однородных, разнородных преступных деяний. Существование шайки заключается в *постоянном характере сообщества, в обращении членами шайки преступной деятельности в ремесло*» [5, с. 106–107].

Такой подход станет доминирующим в характеристике наиболее общественно опасного вида соучастия в преступлении. Он же предопределил и позицию имперского законодателя при разработке и принятии уголовных законов. Так, в упомянутом Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (мы рассматриваем этот закон в редакции 1885 г. [6]) указанный вид преступной активности был в первую очередь связан с юридическим термином «участие в преступлении» (Раздел I. Отд. III), выступавшим «как родовое понятие» преступного соучастия. И прежде всего, закон требовал выяснения того, совершено ли преступление по предварительному соглашению (сговору) или без такового (ст. 11). Вопросы соучастия в преступлении и ответственности соучастников регулировались статьями 11–15 и 117–128 Уложения и, при обычном порядке судопроизводства, обязательно выносились на решение присяжных заседателей. В соответствии с указанным порядком, в случае наличия предварительного соглашения, законом далее различались зачинщики, сообщники, подстрекатели (подговорщики) и пособники (ст. 13). Однако в любом случае, при наличии сговора двух и более лиц, каждое из них несло ответственность за преступление в целом, и такое соучастие именовалось

«шайкой». Помимо этого, среди лиц, причастных («прикосновенных») к преступлению, хотя и не участвовавших в нем, различались попустители, укрыватели и недоносители (ст. 14).

Законодатель учитывал, что организовавшаяся группа, с одной стороны, могла совершать самые различные преступления (в т.ч. ненасильственного характера), а с другой стороны – характеризоваться различным уровнем сплочённости и приверженности преступным намерениям. При этом в ст. 922 определялось, что «за составление злонамеренных шаек и вступление в оные, виновные подвергаются, смотря по цели составления шайки, наказаниям, в нижеследующих статьях определенных...» [6]. И далее указывалось насколько групп преступлений и ответственность за создание шайки (общества) для их совершения. В частности, по ст. 923 наиболее жёстко наказывалось «составление общества для преступлений государственных», а равно и «вступление в оное с знанием о цели его», а также за недонесение о таком обществе (ответственность как за совершение государственного преступления). Согласно ст. 924, для организовавших шайку для «учинения» наиболее тяжких общеуголовных преступлений (разбои, поджоги, фальшивомонетничество и др.), даже если шайка не совершила никакого преступления, предусматривалось наказание в виде каторжных работ до 6 лет. Участие в такой шайке и недонесение о таковой наказывалось мягче (ссылка на поселение и житье, отдаче в арестантские отделения). Особый интерес представляет ст. 926, где указывается, что наказанию подвергается «основатель и начальник шайки или сообщества» (помимо членов шайки, которые несли ответственность как за участие в таковой, так и за совершённые шайкой преступления), созданных для противозаконного провоза спиртных напитков, провоза контрабанды и вообще для производства запрещённой торговли, запрещённой игры, для подкупа чиновников. Тогда наказание для такого «начальника» было сравнительно мягким – таким же, как, согласно ст. 925, за «составление» шаек для совершения краж, мошенничества «делания» фальшивых документов (исключая государственные бумаги): ссылка на житье или отдача в арестантские отделения. Обращает на себя внимание, что законодатель только один раз использует термин «основатель и начальник шайки или сообщества».

Аналогичный, в целом, подход наблюдается в Уголовном уложении 1903 г. [7] Так, в общей части Уложения (глава первая «О преступных деяниях и наказаниях вообще») в отделении пятом («О видах виновности») регулируется институт соучастия в совершении преступления, где, в частности, в ст. 52 указывается: «Участие в сообществе для учинения тяжкого преступления или преступления или в шайке, составившейся для учинения нескольких тяжких преступлений или преступлений, наказываемых в случаях, особо законом указанных» [7]. Один из таких случаев отрегулирован в ст. 279, где говорится об ответственности за участие в шайке, составившейся для фальшивомонетничества, воровства, разбоев, вымогательства, мошенничества, повреждения чужого имущества, хранения и сбыта

имущества, добытого заведомо посредством преступного деяния, «водворения» контрабанды. В этом Уложении законодатель, с одной стороны, некоторым образом обобщил (сократив) соответствующие уголовно-правовые нормы Уложения 1845 (1885) г., а с другой стороны, не стал концентрировать внимание на ответственности руководителя преступной организации. Но общим для Уложений 1845 (1885) г. и 1903 г. являлось то, что самостоятельный состав преступления в виде создания преступной организации не предусматривался, а ответственность руководителя преступной организации в Уложении 1903 г. не выделялась.

После революции 1917 г. советский законодатель в первых уголовных кодексах (1922 и 1926 гг.) также усиливал уголовную ответственность, если преступление было совершено в соучастии. Так, в ст. 47 УК РСФСР 1926 г. [8] совершение преступления группой относилось к отягчающему обстоятельству. При этом нужно иметь ввиду высокую степень политизации первых уголовных законов советской власти. Так, в ст. 58.3–59.6 этого кодекса определялась ответственность «за участие в организации», действующей, если обобщить, «в контрреволюционных целях» и «в направлении помощи международной буржуазии», и соответственно эти преступления являлись государственными («контрреволюционными»). Наказание было жёстким: расстрел, при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы не ниже трёх лет, а также – конфискация имущества. Помимо этого, законодатель в ст. 59.4 выделяет преступление в виде «организации и участия в бандах (вооружённых шайках)», причём ответственность за такое преступление (расстрел, лишение свободы не ниже трёх лет, конфискация имущества), относимое к преступлениям против порядка управления, наступала, независимо от того, имели место реальные убийства или ограбления. Вместе с тем, самостоятельного состава преступления в виде создания преступной организации (сообщества) и/или участия в таковой не было и, в целом, советский законодатель в этом акте не обозначает преступности как разновидности противозаконного ремесла, и, тем более, не выделяется ответственность лидеров преступных групп. Очевидно, такой подход был обусловлен необходимостью сбить волну насильственной преступности, и прежде всего бандитизма, которая возникла в результате революционного кризиса и гражданской войны.

В дальнейшем, однако, советский законодатель так и не ввёл в уголовное законодательство нормы об ответственности за самостоятельный состав преступления – создание преступной организации (сообщества) и участие в таковой. Но теперь уже мотивация, на наш взгляд, была иной, а именно – советская правящая элита по политико-идеологическим соображениям не допускала даже возможности организованной преступности в советском обществе, которое строило коммунизм и в котором преступность постепенно вообще должна была исчезнуть. Поэтому организованная преступность предусматривалась только в узких рамках – применительно к государственным преступлениям и бандитизму. Это касалось

также и УК РСФСР 1960 г. [9], где в Общей части самый опасный вид соучастия был определен как «организованная группа», совершение преступления в составе которой являлось, согласно ст. 39, отягчающим обстоятельством, а организованная преступность выделялась только для двух составов государственных преступлений: «организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации» (ст. 72) и бандитизм (ст. 77). Была также определена ответственность за недонесение об этих преступлениях. Следует заметить, что диспозиции указанных статей УК РСФСР 1960 г. оставались неизменными до принятия УК РФ 1996 г. А в 1995 г. уже российский законодатель ввёл новый состав преступления, связанной с организованной преступностью – «организация или участие в незаконных вооружённых формированиях» (ст. 77.2 УК РСФСР), что отражало сложную обстановку в Чеченской республике (наказание – лишение свободы на срок до восьми лет).

При этом объективная сторона бандитизма, как разновидности организованной преступности, в УК РСФСР 1960 г. была изложена, как нам представляется, не совсем удачно, так как она была сформулирована таким образом, что дала основания для диаметрально противоположных как доктринальных суждений, так и судебных толкований. Суть противоречий представляется нам довольно существенно и заключается в том, следует ли, помимо собственно бандитизма вменять участникам бандитским нападений также ответственность и за совершенные бандой преступления, или же ответственности за бандитизм достаточно, поскольку она охватывает собой все другие совершаемые преступления. Этот вопрос имел такую развилку в значительной степени, потому что наказание в виде лишения свободы (если не назначалась смертная казнь) по действовавшему тогда уголовному закону не могло превышать пятнадцати лет независимо от количества и тяжести совершенных деяний. В частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1959 г. в разъяснении по данному вопросу отмечалось следующее: «Суды не всегда единообразно квалифицируют отдельные преступления: убийство, хищение государственного и общественного имущества и др., совершенные бандой. Некоторые суды правильно применяют в таких случаях правила о совокупности, а другие исходят из того, что все эти преступления полностью охватываются ст. 14 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления и что дополнительной квалификации этих преступлений не требуется» [10]. На доктринальном уровне такую позицию поддерживала, в частности, Н.Ф. Кузнецова, акцентировавшая внимание на том, что, поскольку бандитизм представляет собой сложное составное преступление, то и ответственность за его совершение должна быть интегративной (не случайно эта ответственность предполагает очень строгое наказание) [11, с. 117–119]. Причём, эта позиция была доминирующей. Но тот же Верховный Суд СССР буквально через два с половиной года принял решение по конкретному уголовному делу, в котором, среди прочего, сделал разъяснение по

рассматриваемому вопросу, отметив, что совершенные бандой ряда преступлений (хищение чужого имущества, насильственные действия в отношении физических лиц, включая убийство, и незаконное хранение и ношение оружия) вполне охватываются составом бандитизма, в связи с чем, дополнительной квалификации указанные преступления не требуют (кроме случаев, когда во время нападений совершены другие деяния, по своим признакам подпадающие под состав более тяжкого преступления, чем бандитизм) [12]. Указанное противоречие ещё не потеряло своей актуальности.

Между тем, отсутствие в советском уголовном законе ответственности за организованную преступность не означает, что таковой не было. В период «застоя» стало ясно, что идея коммунизма не осуществима, общественные интересы перестали быть приоритетом в жизненной позиции многих (очевидно, большинства) советских граждан, общественная (государственная) собственность стала соблазнительным объектом для тех, кто готов был поживиться чужим добром, попирая моральные принципы и нормы закона. А такой собственностью управляли вполне конкретные люди (директора заводов, фабрик, цехов, магазинов, их окружение и т.д.), и эта собственность располагалась на вполне конкретной территории, которая также управлялась конкретными людьми (местные исполкомовские и партийные «товарищи», прокуроры, судьи, милиционеры и т.д.), и на которой орудовали вполне конкретные криминальные авторитеты. На каком-то этапе развития СССР (очевидно, 1970-е гг.) интересы указанных групп лиц по своему обогащению за счёт государственных ресурсов стали активно сближаться. А в 1988 г. в «Литературной газете» появились две публикации Ю.П. Щекочихина, основу которых составили интервью с сотрудником НИИ МВД СССР А.И. Гуровым, и в наиболее известной статье «Лев прыгнул» [13] этот специалист по проблемам борьбы с организованной преступностью открытым текстом сказал то, в чем официальные советские власти долго не решались признаться – в стране уже давно действуют мафиозные структуры, в частности, он отмечал: «Корейко вышел из подполья! Те, кто раньше стеснялся своих законных миллионов, начали открыто их вкладывать в «Мерседесы», в бриллиантовые кольца, в обтяжки, которые возводили уже у всех на виду ... Все больше и больше денег из госбюджета начало перекачиваться в частные руки. Способов было много, но основной – создание подпольных цехов и даже фабрик, через которые началась перекачка государственных сырьевых ресурсов. Появились и «цеховики» – преступники в белых воротничках. И как реакция на появление теневой экономики – резкая активизация «профессионального» преступного мира ... преступные организации распространены, прежде всего, во всех южных регионах ... Конечно, Москва и Ленинград, отмечены преступные организации (но на более низком уровне) в Тамбове, Пензе, Ярославле, Перми ... Сейчас в преступной среде стало престижным брать под свой контроль маленькие города. В Московской области – это Балашиха, Люберцы, Пушкино, Орехово-Зуево» [13].

Появление в УК РФ ст. 210 как раз отражает это явление, при этом, ввиду долгого непризнания этой проблемы, уже было потеряно много времени, в результате борьба с организованной преступностью испытывает большие трудности: спустя тридцать лет после создания первых подразделений по борьбе с организованной преступностью (конец 1980-х гг.) можно констатировать, что эта преступность не просто жива – в условиях «дикого» капитализма после распада СССР она ещё более прирастает в своих масштабах, статус фигурантов по такого рода делам все более повышается – таковыми становятся лица, занимающие высокое должностное положение (федеральные министры, губернаторы, мэры и др.). Среди примеров последнего времени можно отметить следующие. В марте 2019 г. арестован бывший федеральный министр Аб-в, которому вменяется, среди прочего, создание преступного сообщества, посредством которого были похищены и выведены за рубеж несколько миллиардов рублей [14]. Такое же обвинение (помимо обвинения в совершении других преступлений) предъявлено бывшему главе Республики Коми Г-ру, причём, по этому делу, уже направленному суд (в марте 2019 г.), в числе подсудимых проходят (все – бывшие) председатель Госсовета (парламента) этой республики, заместители председателя правительства, заместитель и советник главы Республики, член Совета Федерации и депутат Госдумы от Республики, местные крупные предприниматели и др. Как видно, фигурантами стали практически все лица, занимавшие высшие властные должности этого субъекта РФ, которые, по версии обвинения, соединили свои эгоистические устремления незаконно обогатиться за счёт госбюджета в преступное сообщество, отличавшееся «масштабностью своей деятельностью, выраженной в межрегиональном и международном характере преступных действий её участников, иерархическим построением преступной организации, сплочённостью и тесной взаимосвязью руководителей и участников преступного сообщества, строгой подчинённостью нижестоящих участников вышестоящим, отработанной системой конспирации и защиты от правоохранительных органов» [15]. О сложности борьбы с такого рода преступными сообществами говорит тот факт, что подсудимый бывший глава Республики был избран на эту должность в 2014 г. с результатом почти 80 %. Были арестованы также мэры всех крупнейших городов Республики (Сыктывкара, Воркуты, Ухты, Печоры), и, хотя они были привлечены к ответственности по другим делам, совершенно очевидно, что с главой Республики они не могли не взаимодействовать. Мы полагаем, что российским обществом ещё не осознано это явление, когда целая республика – субъект РФ – оказалась, по сути, в криминальных клещах,

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 31.03.2019).

которые, однако, внешне, облечены в формально правильные решения, но за которыми скрываются тяжкие преступления по экономическому обескровлению страны.

И этот процесс наступления оргпреступности, на наш взгляд, ещё не остановлен. Помогут ли его остановить предлагаемые изменения в УК РФ, о которых говорилось в начале статьи? Мы скептически относимся к такой инициативе, и не потому, что она неправильна (есть мнения о том, что эта норма будет способствовать дополнительному «удушению» бизнеса [16], но мы не углубляемся в эту дискуссию). На наш взгляд, действующий УК РФ, впитавший опыт предшествующих поколений российских законодателей, уже давно позволяет изобличать и привлекать к ответственности лиц, создающих преступные сообщества и занимающие в таковое высшее положение. Но для этого нужны значительно более энергичные меры по предотвращению таких преступлений, в которых в абсолютном большинстве случаев фигурируют чиновники. До сих пор в уголовный закон не введена поправка на основании ст. 20 Конвенции ООН против коррупции (о незаконном обогащении чиновников). Нет должной реакции на публикации в СМИ о несоразмерном должностном богатстве должностных лиц, включая премьер-министра – нужно проверять и привлекать к ответственности либо чиновников, если информация подтверждается, либо авторов публикации, если это не соответствует действительности: молчание власти в таких случаях недопустимо. Далеко не всегда оперативные работники и следователи правоохранительных органов отвечают требованиям профессионализма и моральным принципам (одно известное дело бывшего полковника Захарченко говорит о многом, а генпрокурор России Ю. Чайка и вовсе дал крайне низкую оценку следователям СК РФ: «К сожалению, для многих наших следователей сегодня уголовно-процессуальное законодательство, нормы материального права – это космос» [17]). Не действует институт парламентского контроля, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ. Наконец, если обобщить, акцент должен делаться на неотвратимости наказания в правоприменительной практике, а не на интеллектуальные теоретические изыски по вопросам, не имеющим принципиального характера (эти усилия направить бы, например, на законодательное определение понятия «незаконное обогащение», разработку других норм, позволяющих более эффективно не карать чиновников, а контролировать их доходы). Без реализации указанных направлений предлагаемые поправки в УК РФ, правильные сами по себе, не станут препятствием развитию организованной преступности.

Literature:

1. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 12/27/2018) (as amended and added., Entered into force on 01/08/2019) // Access from ATP «ConsultantPlus» (date of application 31. 03. 2019).

2. Проект Федерального закона № 645492-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)» (ред., внесённая в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 14.02.2019) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 31. 03. 2019 г.).
3. *Будзинский С.М.* Начала уголовного права. Варшава : Тип. И. Яворского, 1870. 362 с.
4. *Таганцев Н.С.* Курс русского уголовного права. Часть общая. Книга первая. Учение о преступлении. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1880. 178 с.
5. *Таганцев Н.С.* Уголовное Уложение 22 марта 1903 года (С мотивами, извлечёнными из объяснительной записки редакционной комиссии). СПб. : Изд. Н.С. Таганцева, 1904. 407 с.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных с извлеч. из решений правительств. сената, свода законов, сводов воен. и морских постановлений, с указанием подсудности, судопроизводств. правил и прил. Изд. 1885 г. и по Прод. 1912 г. / Сост. В.В. Волков. СПб. : Юрид. кн. магазин И. Зубкова, 1914. 1464 с.
7. Уголовное уложение от 22.03.1903 г. СПб. : Сенатская типогр., 1903. 144 с.
8. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
9. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
10. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1959. № 6. С. 1–3.
11. *Кузнецова Н.Ф.* Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. 132 с.
12. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1962. № 4. С. 37–39.
13. *Щекочихин Ю.П.* Лев прыгнул / Ю.П. Щекочихин // Литературная газета. 1988. 20 июля.
14. Бывший министр задержан ФСБ // Газета. ru. 2019. 26 марта. URL : <https://www.gazeta.ru/business/photo/abyzov-detained.shtml> (дата обращения: 30.03.2019).
15. СМИ назвали имена задержанных по делу Гайзера, который «планировал вылететь за рубеж» // NEWSru.com. 2015. 19 сентября. URL : <https://www.newsru.com/russia/19sep2015/gaizer2.html> (дата обращения 30.03. 2019).
16. Законопроект против лидеров ОПГ может навредить предпринимателям // Деловой мир (практический он-лайн журнал). 2019. 22
2. Draft Federal Law № 645492-7 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in terms of combating organized crime)» (ed., Amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 14.02.2019) Access from ATP «ConsultantPlus» (date of application 31.03.2019).
3. *Budzinsky S.M.* The beginnings of criminal law. Warsaw : Printing house I. Yavorovsky, 1870. 362 p.
4. *Tagantsev N.S.* The course of Russian criminal law. Part of the total. Book One. The doctrine of the crime. SPb. : Type. M. Stasyulevich, 1880. 178 p.
5. *Tagantsev N.S.* Criminal Code of March 22, 1903 (With motives drawn from the explanatory memorandum of the drafting committee). SPb. : Publishing house N.S. Tagantseva, 1904. 407 p.
6. Code of criminal and corrective punishment with extract. from the decisions of the governments. Senate, code of laws, codes of military. and maritime rulings, indicating jurisdiction, legal proceedings. rules and add Ed. 1885 and Prod. 1912 / Compiler V.V. Wolves. SPb. : I. Zubkov Law Bookstore, 1914. 1464 p.
7. Criminal code of 03.03.1903, SPb. : Senate typogr., 1903. 144 p.
8. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of November 22, 1926 «On the Enactment of the Criminal Code of the RSFSR The Revision of 1926» (together with the «Criminal Code of the RSFSRC») // SU RSFSR. 1926. № 80. Art. 600.
9. Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR 10/27/1960) // Vedomosti Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. № 40. Art. 591.
10. Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1959. № 6. P. 1–3.
11. *Kuznetsova N.F.* The value of criminal consequences for criminal liability. M., 1958. 132 p.
12. Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1962. № 4. P. 37–39.
13. *Schekochikhin Yu.P.* Lev jumped / Yu.P. Schekochikhin // Literary Gazette. 1988. July 20
14. The former minister detained by the FSB // Newspaper. ru. 2019. March 26. URL : <https://www.gazeta.ru/business/photo/abyzov-detained.shtml> (date of application 03/30/2019).
15. The media called the names of the detainees in the case of Gaizer, who «planned to fly abroad» // NEWSru.com. 2015. September 19. URL : <https://www.newsru.com/russia/19sep2015/gaizer2.html> (date of application 30.03. 2019).
16. The bill against the leaders of organized crime groups can harm entrepreneurs / Business World (practical online magazine). 2019. February 22. URL :

февраля. URL : <https://delovoymir.biz/zakonoproekt-protiv-liderov-opg-mozhet-navredit-predprinimatelem.html> (дата обращения 30.03.2019).

17. Чайка назвал причину деградации российских следователей: Генпрокурор раскритиковал следствие за незнание уголовно-процессуального законодательства и норм материального права и за взаимодействие следователей с прокурорами // РБК. 2019. 21 февраля. URL : <https://www.rbc.ru/society/26/03/2019/5c9a7ef09a7947ec82f819d8> (дата обращения 30.03.2019).

<https://delovoymir.biz/zakonoproekt-protiv-liderov-opg-mozhet-navredit-predprinimatelem.html> (date of application 03/30/2019).

17. Chaika named the reason for the degradation of Russian investigators: the General Prosecutor's Office criticized the investigation for lack of knowledge of criminal procedure legislation and substantive law and for the interaction of investigators with prosecutors // RBC. 2019. February 21. URL : <https://www.rbc.ru/society/26/03/2019/5c9a7ef09a7947ec82f819d8> (date of application 03/30/2019).

Шатанкова Елена Николаевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Юго-Западный
государственный университет
shatankova.elena@mail.ru

Тарыкин Владимир Константинович

доцент кафедры уголовного права,
Юго-Западный
государственный университет
tarykin.vladimir@yandex.ru

Сычкова Юлина Юрьевна

магистрант 1 курса,
Юго-Западный
государственный университет
sychkova.a@mail.ru

**ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
ТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ
ПЕРЕХОДА К ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Аннотация. В данной статье авторы фокусируют внимание на определении понятия террористической сети, а также выявляет механизмы зарождения и становления идей терроризма, прослеживает их изменение. Анализ особенностей феномена международного терроризма в условиях глобализации, позволяет констатировать тот факт, что он представляет собой особую опасность для мирового сообщества в целом.

Ключевые слова: терроризм, идеология, политика, глобализация, террористическая организация, террористическая сеть, экстремизм.

Использование политической идейности на современном этапе развития терроризма обуславливает этот феномен как серьезный инструмент по борьбе за мировое подчинение и господство. Идеология выступает в качестве содержательной базы, определяющей деятельность и оправдывающей значимость терроризма. Она формирует устойчивые взгляды и оценки субъектов [6].

По сути, главная цель идеологии терроризма – изоляция личности от нормальной системы ценностей, дегуманизация общепризнанные принципов и норм права. Все это способствует формированию закрытой социальной общности, которая активно противоречит действительности.

Elena N. Shatankova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Criminal Law,
Southwest State University
shatankova.elena@mail.ru

Vladimir K. Tarykin

Associate Professor of Criminal Law,
Southwest State University
tarykin.vladimir@yandex.ru

Yulina Yu. Sychkova

Master of the 1st year,
Southwest State University
sychkova.a@mail.ru

**IDEOLOGICAL AND POLITICAL
EVOLUTION OF INTERNATIONAL
TERRORISM IN THE CONTEXT
OF THE TRANSITION TO GLOBALIZATION**

Annotation. In this article, the authors focus on the definition of the concept of a terrorist network, and also identifies the mechanisms of the origin and formation of ideas of terrorism, traces their change. The analysis of the features of the phenomenon of international terrorism in the context of globalization allows us to state the fact that it is a special danger for the world community as a whole.

Keywords: terrorism, ideology, politics, globalization, terrorist organization, terrorist network, extremism.

Научным сообществом неоднократно предпринималась попытка выработать универсальную систему развития терроризма в контексте идейно-политического противостояния. Так в начале 21 века начали происходить активные изменения, связанные с процессом глобализации. В данной ситуации феномен терроризма приобрел транснациональный характер. Символом такого терроризма стала организация «Аль-Каида». При этом идеология террористических групп часто изменчива, что делает ее плохой основой для классификации групп или учета их динамики. Это особенно верно, когда речь идет об организационных целях [10].

Идеологические установки терроризма выступают фактором, способствующим процессу их

дифференциации. Например, программа АНО (террористическая группа в Колумбии), была сосредоточена на требованиях по жилищной реформе, реформе образования, национальному плану здравоохранения и правам меньшинств – целях, которые широко разделяют многие колумбийцы. На Ближнем Востоке идеология ХАМАСа сосредоточена вокруг идеи, что «Палестина-это Исламская земля...отказ от любой части Родины-это как отказ от части самой религиозной веры» [4, с. 138]. Однако эта идея не имеет особого смысла в определении группы, поскольку она является общей точкой зрения среди многих палестинцев, которые не являются сторонниками ХАМАСа [8]. И это отражает аналогичные убеждения об иудаизме и в Израиле, которых придерживаются многие религиозные израильтяне и американские евреи, которые не являются частью или даже не поддерживают террористические группы любого рода.

Сущность идеологии терроризма выступает в ключе самоидентификации социально-политического движения. Это выражается в распределении ролевого статуса «борцов с действующим режимом», «джихадистов» и т.д., что и способствует объединению в террористические сообщества [3].

Эволюционный процесс развития международного терроризма в условиях глобализации проявляется в активном использовании возможностей гражданского общества. Развитию международного терроризма также способствует активно распространяющаяся идеология либерализма, которая существует вне государственных границ. Так, например, в рассматриваемую нами ранее террористическую сеть «Аль-Каида» входили институты гражданского общества, например, строительные компании, ресторанные комплексы и т.д., доходы от которых поступали напрямую для финансирования террористической деятельности [9].

Дальнейшее развитие идейно-политического аспекта международного терроризма можно связать с активным процессом цифровизации. На смену самостоятельным обособленным террористическим ячейкам и организациям приходят транснациональные преступные террористические сети. Их главная особенность – отсутствие единого центра дислокации, она разрознены и координируют свою работу дистанционно. При этом их все также объединяет одно идейно-политическое направление. Рассмотрим одну из моделей террористических сетей нового поколения, какой является, например, SPIN (segment edpolycentric ideologicallyintegratednet work). По своей сути она представляет систему, способную консолидировать террористические элементы (группировки) в основе которых лежат разные идейно-мотивационные механизмы. Круг участников данной сети не ограничен, более того, переплетение различных сетей друг с другом (террористических, финансовых, криминальных (наркотрафик, нелегальная торговля оружием, людьми и др.)) делает сетевому конгломерат автономным, еще более аморфным, чем ранее, и при этом трудно уязвимым.

Общую эволюцию идейно-политического становления терроризма можно проследить в следующей схеме: первым этапом является так называемая «раскачка». Она длится от одного года до трех лет. Главная задача на этом этапе завербовать как можно большее количество участников для совершения одной или двух террористических акций, отличающихся большим количеством человеческих жертв. Вторым этапом является «промывка», с участниками проводится активная работа по формированию еще более устойчивого понимания идеологии организации. Внутри самой организации может идти показательная «зачистка» неверных. На данном этапе пока еще главенствует цель устрашения населения. Третий этап связывается с захватом власти и попытками установления мирового господства. Это может достигаться путем политического столкновения различных государств, которое должно приводить к военным конфликтам.

Идеология терроризма базируется на ряде ключевых идей. Одной из таких идей, независимо от типа терроризма, выступает идея об активном терроре со стороны государства. Это краеугольная идея, так как оправдывает в глазах террористов ответное насилие. По нашему мнению, данная идея является ложной, хотя и находит поддержку у некоторых зарубежных ученых. Террористы вне зависимости от их идейности (религиозной или политической) под лозунгами угнетения государством истинной религии или народных масс объявляют государственной власти тайную или открытую войну. В данной ситуации складывается обстановка, когда любое легитимное правительство может в любой момент быть объявлено террористическим и нелегитимным. Поводом для этого могут стать вполне законные решения с применением мер принуждения [7]. Например, арест какого-нибудь «олигарха», пресечение незаконного митинга, даже если насилие является вымышленным, сфабрикованным, «фейковым» и раздутым в средствах массовой информации, как, например, применение Б. Асадом химического оружия в Сирии в 2018 г. Объявление государств террористическими подрывает в принципе их законное право на применение насилия. По своей сути эта идея ставит под вопрос необходимость государств в принципе [12].

Другой идеей, лежащей в основе всех террористических идеологий, является идея борьбы за свободу. Любая террористическая идеология призывает к освобождению наций, классов или религиозных конфессий. Например, чтобы добиться свободы, ваххабиты требуют собственного государства, в котором не будет «неверных», которые ущемляли бы свободу ваххабитов. В перспективе же радикальная свобода означает стремление к мировому господству, доминированию, созданию «Всемирного Халифата», так как только мировой господин полностью свободен. Несостоятельность этой идеи не вызывает сомнений. Радикальная свобода требует бесконечной борьбы и бесконечных жертв, которые к тому же не имеют оправданий. Идея мирового господства не может быть осуществлена в принципе, потому что человечество невозможно подчинить только насилием, а ничего другого террористы

предложить не могут. Насилие, совершаемое террористами, вызывает только ответное насилие. Объединение ряда ведущих европейских государств в Европейский Союз (далее – ЕС) способствовало распаду террористической организации «Ирландская республиканская армия», т.к. объединение европейских стран исключало потребность Северной Ирландии в независимости.

По нашему мнению, главной проблемой, которая осложняет борьбу с международным терроризмом, является геополитическое противостояние ведущих политических лидеров и государств. Несмотря на серьезную необходимость международного сотрудничества в области противодействия распространения идей терроризма, препятствием всегда было гипертрофированное понимание суверенитета и легитимности государственной власти.

Литература:

1. *Алиев Т.Т.* Принципы международного террора / Т.Т. Алиев, В.О. Белоносков, Н.А. Громов // Российский судья. 2013. № 7. С.106.
2. *Амелин В.В.* Мигранты и ислам / В.В. Амелин, Д.Н. Денисов, К.А. Моргунов // Ислам в трансформационных процессах современности: новые вызовы и тенденции развития в XXI веке современности: новые вызовы и тенденции развития в XXI веке. Сборник научных статей. Диалог, 2017. С. 280.
3. *Антипенко В.Ф.* Особенности соотношения международного и национального права в сфере борьбы с терроризмом / В.Ф. Антипенко // Государство и право. 2005. № 1. С. 105.
4. *Бидова Б.Б.* Философско-идейный фундамент экстремизма / Б.Б. Бидова // Вестник чеченского государственного университета. 2017. № 3. С. 138.
5. *Болдырев Ю.Ф.* Мировое сообщество и борьба с терроризмом: история и современность / Ю.Ф. Болдырев, С.А. Кокорин. Волгоград // Панорама. 2007. № 1. С. 129.
6. *Вишневецкий К.В.* Терроризм. Виктимологический аспект / К.В. Вишневецкий // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 333.
7. *Журавлев Д.А.* Международный терроризм и СМИ: эволюция коммуникационного взаимодействия / Д.А. Журавлев // Вестник РГГУ. 2009. № 14. Серия «Международные отношения. Регионоведение». С. 157.
8. *Качалов В.В.* Терроризм как глобальная проблема современности / В.В. Качалов, М.В. Баранчикова // Наука и практика. 2015. № 2(63). С. 59–61.
9. *Марков М.М.* Терроризм как глобальная угроза и как инструмент мировой политики / М.М. Марков // Терроризм. 01-07-97 / Дуэль № 13 (35). С. 55.

Резюмируя данное исследование, выделим следующее. Тенденции идейно-политической эволюции международного терроризма в условиях глобализации сводятся к трем основным этапам. При этом международная террористическая деятельность базируется на специфической идеологии, поэтому для эффективной борьбы с терроризмом необходимо бороться именно с данной идеологией. Борьба с терроризмом должна рассматриваться как приоритетное направление в обеспечении национальной и международной безопасности. Последствия деятельности террористических сетей и сообществ наносит вред не отдельным государствам, а всему человечеству в целом, поскольку их деятельность посягает на неприкосновенность личности, государственную безопасность, суверенитет. Только объединившись, международное сообщество сможет противостоять этой серьезной проблеме.

Literature:

1. *Aliev T.T.* Principles of international terror / T.T. Aliev, V.O. Belonosov, N.A. Gromov // Russian judge. 2013. № 7. P. 106.
2. *Amelin V.V.* Migrants and Islam / V.V. Amelin, D.N. Denisov, K.A. Morgunov // Islam in the transformational processes of modernity: new challenges and development trends in the XXI century of modernity: new challenges and development trends in the XXI century. Collection of scientific articles. Dialog, 2017. P. 280.
3. *Antipenko V.F.* Features of the correlation of international and national law in the field of combating terrorism / V.F. Antipenko // State and Law. 2005. № 1. P. 105
4. *Bidova B.B.* Philosophical and ideological foundation of extremism / B.B. Bidova // Bulletin of the Chechen State University. 2017. № 3. P. 138.
5. *Boldyrev Yu.F.* The world community and the fight against terrorism: history and modernity / S.A. Kokorin, Yu.F. Boldyrev. Volgograd // Panorama. 2007. № 1. P. 129.
6. *Vishnevetsky K.V.* Terrorism. Victimological aspect / K.V. Vishnevetsky // Theory and practice of social development. 2013. № 5. P. 333.
7. *Zhuravlev D.A.* International terrorism and the media: the evolution of communication interaction / D.A. Zhuravlev // Vestnik RSUH. 2009. № 14. Series «International Relations. Regionovedenie». P. 157.
8. *Kachalov V.V.* Terrorism as a global problem of modernity / V.V. Kachalov, M.V. Baranchikova // Naukaipraktika. 2015. № 2(63). P. 59–61.
9. *Markov M.M.* Terrorism as a global threat and as an instrument of world politics / M.M. Markov // Terrorism. 01-07-97 / Duel № 13(35). P. 55.

10. *Матвиенко Е.А.* Исламский радикализм как глобальная проблема современности / Е.А. Матвиенко // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4(35). С. 71.

11. *Морозов И.Л.* Противодействие агрессивному национализму: уроки истории и вызовы современности / И.Л. Морозов, Е.А. Матвиенко // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 4(43). С. 75.

12. *Петрищев В.Е.* Антитеррористическое законодательство за рубежом / В.Е. Петрищев; Под ред. Е.И. Степановой // Современный терроризм: состояние и перспективы. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 240.

10. *Matvienko E.A.* Islamic radicalism as a global problem of modernity / E.A. Matvienko // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4(35). P. 71.

11. *Morozov I.L.* Counteraction to aggressive nationalism: lessons of history and challenges of modernity / I.L. Morozov, E.A. Matvienko // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4(43). P. 75.

12. *Petrishchev V.E.* Antiterrorist legislation abroad / V.E. Petrishchev // Modern terrorism: state and prospects / Ed. by E.I. Stepanov. M. : Editorial URSS, 2000. P. 240.

Шломина Валерия Валерьевна
аспирантка 4 года обучения,
Юридический институт
Белгородского государственного
национального исследовательского
университета,
следователь следственного отдела
ОМВД России по Яковлевскому городскому
округу Белгородской области
shlomina00@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В настоящее время одной из самых актуальных и социально значимых задач, стоящих перед современным обществом является поиск решений по снижению роста преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних. В связи с тем, что безнадзорность как социальное явление характеризуется динамикой в развитии и омоложением контингента, нарушающего нормы жизни в социуме, а некоторые из обстоятельств преступности несовершеннолетних являются формами проявления безнадзорности, то возникает необходимость в изучении ее причин и условий. Так, статья посвящена рассмотрению безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних как острой социальной проблемы российского общества, а также исследованию безнадзорности несовершеннолетних как одного из криминогенных факторов в системе причинно-следственной детерминации преступности несовершеннолетних, оказывающего значительное влияние на формирование антиобщественной ориентации личности подростков.

Ключевые слова: безнадзорность, беспризорность, преступность, несовершеннолетний, правонарушение.

В соответствии со ст. 38 Конституции РФ «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства». Однако именно дети являются самой уязвимой и слабо защищенной частью общества, которая не всегда имеет реальную возможность добиться защиты со стороны государства. И, несмотря на то, что государство уделяет особое внимание снижению уровня преступности несовершеннолетних, в которой большой процент составляют преступления, совершенные безнадзорными и беспризорными несовершеннолетними, в действительности никто не стремится вырастить достойную смену. Большинство граждан считают, что говорить в настоящее

Valeria V. Shlomina
Aspirate 4 years of study,
Law Institute
Belgorod State National Research University,
Investigator of the Investigation Department
OMVD of Russia in the Yakovlevsky
urban district of the Belgorod region
shlomina00@mail.ru

PROBLEMATIC ASPECTS OF NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Annotation. Currently, one of the most urgent and socially significant tasks facing modern society is to find solutions to reduce the growth of crimes and offenses among minors. Due to the fact that neglect as a social phenomenon is characterized by dynamics in the development and rejuvenation of the contingent that violates the norms of life in society, and some of the circumstances of juvenile delinquency are forms of manifestation of neglect, there is a need to study its causes and conditions. Thus, the article is devoted to the consideration of neglect and homelessness of minors as an acute social problem of Russian society, as well as to the study of neglect of minors as one of the criminogenic factors in the system of cause-and-effect determination of juvenile delinquency, which has a significant impact on the formation of anti-social orientation of the personality of adolescents.

Keywords: neglect, homelessness, crime, minor, offense.

время о необходимости положительного влияния на формирование личности несовершеннолетнего нет необходимости, так как это является очевидным для общества. Но тогда, как объяснить явление преступности несовершеннолетних, увеличение числа случаев вовлечения их в преступную и иную антиобщественную деятельность, и массовую беспризорность детей. Важно отметить, что, по мнению многих ученых-криминологов, существенную роль на формирование личности несовершеннолетних и формирование их преступной мотивации играет именно безнадзорность [1].

В литературе существует ряд подходов к определению категории «безнадзорность». Так, например, безнадзорность определяется как «вариант девиантного поведения несовершеннолетнего и результат социально-психологической дезадаптации личности. Первое раскрытие термина «беспризорность» встречается в «Большой советской энциклопедии» 1927 г.: «Беспризорные – это несовершеннолетние, лишенные педагогического надзора и попечения и живущие в условиях, вредно действующих на их общественные проявления и здоровье. Беспризорными надо считать не только детей, потерявших своих родителей (или опекунов) и домашний очаг. Если родители (или опекуны) лишают детей пищи, грубо с ними обращаются, совращают их на преступления, разлагающе влияют собственным примером, – дети подобных родителей тоже считаются беспризорными».

Со временем идет становление понятий «беспризорности» и «безнадзорности». Так, правоохранительными органами в Ф3 РФ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» № 120-ФЗ от 24.06.99 года данные понятия трактуются следующим образом: безнадзорным признается несовершеннолетний, контроль, над поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию либо со стороны родителей или законных представителей либо должностных лиц; беспризорный – это тот же безнадзорный, но не имеющий места жительства и (или) места пребывания [3]. Безнадзорность, как правило, является предпосылкой беспризорности, а беспризорность – прямое следствие безнадзорности.

В современном российском обществе масштабное проявление безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних обусловлены совокупностью различных факторов: социальных, психологических, экономических, правовых, возникающих в процессе функционирования общества. Также, в настоящее время, особое внимание исследователей уделяется вопросам влияния безнадзорности на формирование криминальной активности несовершеннолетних.

Безнадзорность несовершеннолетних можно считать основной причиной их последующих проблем с законом. В силу отсутствия жизненного опыта и полноценного формирования личности с наличием морально-этических качеств, несовершеннолетние стремятся к самостоятельности от родителей и пытаются утвердиться в обществе. Все это в совокупности влияет на способности несовершеннолетнего совершить правонарушение, преступление.

К причинам преступности несовершеннолетних можно отнести следующие обстоятельства:

– личностные особенности (подростковый нигилизм, которому способствует непродуманная информационная политика, наводнение телевизионных программ и фильмов);

– экономическое и социальное состояние общества (снижение уровня жизни семьи, отрицательное влияние в семье, отсутствие досуга, внутрисемейные конфликты, распространение наркомании и алкоголизма);

– недостатки в деятельности органов, уполномоченных на борьбу с преступностью несовершеннолетних (низкий уровень раскрытия преступлений, совершенных несовершеннолетними, а также профилактических мер).

Важно отметить, что некоторые из обстоятельств преступности несовершеннолетних являются формами проявления безнадзорности, и поэтому сама безнадзорность также может быть отнесена к причинам совершения преступлений несовершеннолетними. Еще А.А. Пионтковский выделял недостатки семейного воспитания, а также и безнадзорность как одну из причин преступности несовершеннолетних.

Безнадзорность несовершеннолетних, как негативное социальное явление в строго научном понимании, не является причиной совершения несовершеннолетними правонарушений (преступлений). Если же признать обратное, то получается, что все «безнадзорные» непременно совершают преступления. Однако это не так. Согласно статистическим данным за 2020 год, каждое двадцать седьмое преступление (7,8 %) – совершено несовершеннолетними или при их участии [2]. По сведениям Генеральной прокуратуры России в 2020 году 50 % осужденных несовершеннолетних воспитывались в семье с одним родителем, 10 % несовершеннолетних воспитывались вне семьи. Из этого следует, что безнадзорность является не столько причиной преступлений, совершаемых несовершеннолетними, сколько одним из криминогенных факторов, который оказывает существенное влияние на формирование антиобщественной ориентации личности несовершеннолетнего, в том числе на принятие решения о совершении преступления и возможности реализации преступного умысла.

В значительной степени взрослые оказывают влияние на несовершеннолетних при совершении преступлений. Часто они пропагандируют антисоциальный образ жизни, навязывая несовершеннолетним элементы криминальной субкультуры (образы тюремной романтики, наличие татуировок с тюремными сюжетами, «жизнь по понятиям»), тем самым подталкивая их на совершение противоправных деяний. Анализируя судебную практику, можно отметить, что в большинстве случаев происходит вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений небольшой и средней тяжести. Так, Ставропольский краевой суд (Ставропольский край) от 06 ноября 2020 года по делу № 22-5604/2020 установил, что Г.М.О. Ашиев являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, вовлек несовершеннолетнего ФИО, в совершение преступления путем обещаний. Из материалов уголовного дела следует, что Г.М.О. Ашиев совместно с несовершеннолетним ФИО совершил кражу имущества группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в иное хранилище, с

причинением значительного ущерба гражданину [4]. Таким образом, Г.М.О. Ашиев осуществил свой план путем вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, воспользовавшись его социальной незрелостью.

В заключение можно сделать вывод, что между безнадзорностью несовершеннолетних и их преступной деятельностью существует тесная взаимосвязь. При этом можно рассматривать безнадзорность как один из потенциальных факторов преступного поведения. При наличии определенных обстоятельств данный фактор может стать реально действующим и быть первопричиной противоправного поведения. Безнадзорность несовершеннолетних, как социальное явление, не порождает автоматически преступность, так как между ней и преступностью непосредственно

Литература:

1. Абызов К.Р. Особенности формирования причинного комплекса безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних / К.Р. Абызов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. № 14-2. С. 3–6.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года: сайт МВД России. URL : <https://мвд.рф/reports/item/22678184>
3. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»: сайт информационно-правового обеспечения «Гарант». URL : <https://base.garant.ru/12116087>
4. Апелляционное постановление № 22-5604/2020 от 06 ноября 2020 г. по делу № 1-187/2020: сайт судебных нормативных актов РФ. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/bqdy6piVLILh>

стоит личность несовершеннолетнего со всем многообразием вариантов ее нравственно-психологических и иных, влияющих на поведение, характеристик, но играет немаловажную роль в механизме преступного поведения несовершеннолетнего.

Несмотря на меры контроля, предпринимаемые государством, безнадзорность несовершеннолетних в российском современном обществе остается на высоком уровне, при котором она воспринимается как реальная угроза молодому поколению в целом, а вместе с этим и как угроза перспективам нормального развития и формирования общества. Нынешние несовершеннолетние правонарушители – это возможный резерв преступности будущих поколений.

Literature:

1. Abyzov K.R. Features of the formation of the causal complex of neglect and homelessness of minors / K.R. Abyzov // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2014. № 14-2. P. 3–6.
2. A brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2020: website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL : <https://mvd.rf/reports/item/22678184>
3. URL : Federal Law of June 24, 1999 № 120-FZ «On the basics of the system for preventing neglect and juvenile delinquency»: website of information and legal support «Garant». URL : <https://base.garant.ru/12116087>
4. Appeal Resolution № 22-5604/2020 of November 06, 2020 in case № 1-187/2020: website of judicial normative acts of the Russian Federation. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/bqdy6piVLILh>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дудкина Дарья Александровна
факультет налогов,
аудита и бизнес-анализа,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
Daria240@yandex.ru

Консалтинг, аудит и оптимизация в налогообложении компании

Аннотация. Компаниям, предприятиям необходима оптимизация налогообложения, а бюджетам – наполнение. Многим сложно принять решение, часто у них нет специалиста в штате. Налоговый консалтинг, аудит и аутсорсинг пользуются спросом. Они позволяют надежно, оперативно, эффективно и безопасно анализировать риски, внутренний менеджмент, инфраструктуру налогового учета и планирования. В статье с использованием метода системного анализа проведен анализ возможностей налогового консалтинга, менеджмента, принятия решения по сбору налогов. Доказана необходимость комбинировать как «жесткие», так и «гибкие» модели, адаптивно настраиваемые на ситуацию, регион, позволяющие динамически переупорядочивать связи и иерархии.

Ключевые слова: консалтинг, аудит, налоги, налогообложение, прогнозирование, оптимизация.

ФНС в 2021 году завершит внедрение системы сбора налогов для граждан, компаний с улучшенным администрированием, в частности, с помощью автоматизации, нового поколения АИС «Налог-4». Она имеет интеллектуальные возможности (подсистемы) по выявлению махинаций, подставных компаний, «накруток» входящих налогов, вычетов. Это крупнейшая мировая БД, где будут оценки налогоплательщиков, не только кредитные. Применяться будут блокчейн, облачные и туманные (Fog) технологии. Проект тестирован на мерах поддержки защищаемых граждан (ИП) в пандемию COVID-19.

Всем компаниям, предприятиям требуется отслеживание изменений налогового законодательства, оптимизация налогообложения. Многим небольшим фирмам, организациям решать самим такие задачи неосильно – «нет штата», специалиста. Это и обязательно, если воспользоваться профессиональным налоговым консалтингом, услугой, пользующейся спросом.

Целями, проводящего аудит предприятия, являются повышение надежности, оперативности, эффективности и безопасности бизнес-процессов,

Darya A. Dudkina
Faculty of Taxes,
Auditing and Business Analysis,
Financial University
under the Government
of the Russian Federation
Daria240@yandex.ru

CONSULTING, AUDIT AND OPTIMIZATION IN COMPANY TAXATION

Annotation. Companies and enterprises need tax optimization, and budgets need filling. Many people find it difficult to make a decision, often they do not have a specialist in the state. Tax consulting, auditing, and outsourcing are in demand. They allow you to reliably, quickly, efficiently and safely analyze risks, internal management, and tax accounting and planning infrastructure. The article uses the methods of system analysis to analyze the possibilities of tax consulting, management, and decision-making on tax collection. It is shown that it is necessary to combine both «rigid» and «flexible» models that are adaptively adjusted to the situation, region, and allow for dynamic reordering of relationships and hierarchies.

Keywords: consulting, audit, taxes, taxation, forecasting, optimization.

активов. Анализируются риски, внутренний менеджмент, нормативы и инфраструктура (ИКТ, инвестиции и др.). Применяется для решения проблем учета [1]. Он включает решение ключевых учетных проблем выработки политики и планирования:

- 1) методологического (например, при восстановлении документов) сопровождения и оптимизация внутрикорпоративного учета и контроля;
- 2) формирование элементов, регистров концепции налогообложения (ее развитие), схем документооборота.

Аудит позволит быть в рамках налогового законодательства. Проведение аудита необходимо для риск-менеджмента, бухгалтерии и налоговых органов. Налоговый аудитор – профессионал, в нюансах налогообложения разбирающийся и могущий подсказать пути его оптимизации (в целом или по конкретным налогам) для компании.

Он поможет обеспечить налоговую устойчивость, соблюдение правил учета, планирования и контроля налоговых условий компании:

- 1) выплаты, льгот, тренинг персонала;
- 2) стандартов (МФО, IFRS) и норм ФСА, прогноза финансовых дефицитов [2];
- 3) продолжительности бизнес-циклов;
- 4) налогового инструментария, документирования;
- 5) стратегии риск-управления, организационной культуры.

Контролируются факторы и нефинансовые, например, товарные запасы, цены, задолженности, платежеспособность, а также «балансировка» показателей.

Этот процесс включает защиту интересов компании в спорах, в частности, подготовку возражений (по проверке), апелляционной жалобы (по решению суда), защиту интересов в других органах.

Споры могут касаться возмещения налогов, обжалования действий (бездействий) налоговых структур. Цель – объективная проверка налогоплательщика, часто – доначисление налогов, которая сопряжена с подготовкой судебных исков (объяснений) и принятием обеспечительных мер. Она поможет представить интересы компании на всех инстанциях.

Если возникла ситуация превышения налогов или переплат, то разрабатывается план обеспечения их возврата (в хозяйственную деятельность) в форме оборотных средств. Аудиторы проводят анализ ситуационной документации у налогоплательщика, оценивают степень обоснованности его требований, содействуют подготовке «возвратных» документов, представляют интересы в суде и при принудительном исполнении его решений.

Процедура потребует активации до начала деятельности, при составлении бизнес-проекта. Иначе «постфактум» изменить, отложить меры и решения невозможно, или это ухудшит развитие компании. Планирование – основа эффективности, она сама строится на учете, оптимизации налогов, управлении доходами, регулировании ликвидности и устойчивости.

Налоговая оптимизация определяется согласно учетной политике, структурам активов, схемам владения, организации деятельности, включая ВЭД и договора налогообложения, дивиденды и вознаграждения.

Налоги – ключевой потенциал формирования расходов бюджета любого региона, всей страны. От их структуры, объема, эффективного сбора определяются региональные возможности управления экономикой, поддержания в актуальном состоянии все социальной инфраструктуры[3]. Поэтому прогнозирование потенциала и оперативности налоговых поступлений, решение налоговых задач региона – первоочередные.

Эффективная методика, разработка научно-практических систем и их реализация необходима в регионах – независимо от поступления, объема, структуры и базы налогоплательщиков (лиц). Как и прогнозирование, моделирование налоговых ситуаций и принятия решений. Это – актуальная проблема, поэтому необходимы как «жесткие», так и, особенно, «гибкие» налоговые модели и технологии. Гибкость понимается как адаптивность, динамическое переупорядочивание связей и инструментария.

В качестве одного из таких инструментов, отметим DueDiligence.

Дью-диллидженс формирует реальную картину состояния предприятия, его риск-менеджмента и причин (рисков) ухудшения состояния финансов. Процедура необходима в сделках слияния-поглощения, реализации инвест-проектов (позволяет идентифицировать потенциал партнера, заемщика, участника проекта).

Независимость эксперта по налогообложению со старта проекта (инвестиционного, управленческого) снижает сильно вероятность «разборок» и расходов в последующем. Строится процедура на выборочном или комплексном аудите уязвимостей компании (корпорации) на всех прединвестиционных, реструктуризационных этапах.

Методологически, прогноз налоговых поступлений в региональные бюджеты преследует цели:

- 1) сформировать структурные изменения, способствующие эффективности сборов;
- 2) применить функционально-ориентированный подход;
- 3) идентифицировать ключевые управляющие факторы (параметры) налоговых поступлений, их связи;
- 4) учесть налоговую нагрузку на хозяйствующий объект;
- 5) учесть динамику поступлений и прогнозировать тренды.

Налоговые сборы, проводимые эффективно, приводят к своевременным налоговым выплатам, льготам и иным позитивным налоговым преференциям, эффективно формируя налоговый потенциал региона, несмотря на некоторые затраты при их проведении и оптимизации.

Налоговые системы – эволюционные: без прогнозирования налоговых поступлений и бюджетных расходов, регионы, хозяйствующие субъекты не смогут развиваться. Поэтому рассмотренная задача анализа практически также важна, например, для проигрывания ситуаций, расходов на социальную сферу, принятия соответствующих мер.

Литература:

1. *Федосеев В.В.* Экономико-математические методы и прикладные модели (3 изд.) / В.В. Федосеев, В.В. Гармаш, И.В. Орлова. М. : Юрайт, 2012. 328 с.
2. *Назаров П.А.* Методологические вопросы прогнозирования налоговых доходов бюджетной системы страны, РАНХиГС при президенте РФ / П.А. Назаров, М.В. Казакова. М., 2014. 63 с. URL : [//w82.ranepa.ru/rnp/ppaper/r90219.pdf](http://w82.ranepa.ru/rnp/ppaper/r90219.pdf) (дата доступа 30.05.2021).
3. *Глухова Л.В.* Повышение инвестиционной привлекательности региона: проблемы реализации приоритетных инновационных проектов / Л.В. Глухова В.М. Казиев, Б.В. Казиева // В сб.: Прорывное развитие экономики России: условия, инструменты, эффекты. 2018. С. 75–85.

Literature:

1. *Fedoseev V.V.* Economic and mathematical methods and applied models (3rd ed.) / V.V. Fedoseev, V.V. Garmash, I.V. Orlova. M. : Yurayt, 2012. 328 p.
2. *Nazarov P.A.* Methodological issues of forecasting tax revenues of the country's budget system, RANEPa under the President of the Russian Federation / P.A. Nazarov, M.V. Kazakova. M. : 2014. 63 с. URL : [//w82.ranepa.ru/rnp/ppaper/r90219.pdf](http://w82.ranepa.ru/rnp/ppaper/r90219.pdf) (access date 30.05.2021).
3. *Glukhova L.V.* Raising the investment attractiveness of the region: problems of implementing priority innovative projects / L.V. Glukhova, B.V. Kaziev, B.V. Kazieva // In the collection: Breakthrough development of the Russian economy: conditions, tools, effects. 2018. P. 75–85.

Ефимова Ольга Николаевна
ассистент Департамента
экономической теории,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
onfimova@fa.ru

КОРРЕКТИРОВКА МЕТОДОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ

Аннотация. Жизнь государства, общества в целом и каждого гражданина в частности находится полностью в руках у правителей. Особенно, если мы говорим о правовом государстве. Поэтому регулирование жизни общества, обеспечение безопасности здоровья и жизни населения возложено на руководство страны. Как известно, в 2019 году всем странам пришлось столкнуться с настоящей эпидемией коронавирусной инфекции. Если оценить ситуацию, сложившуюся в России, то смело можно сказать о том, что руководству нашей страны оперативно пришлось разрабатывать целый перечень мер поддержки в условиях эпидемиологической угрозы, экстренно корректировать государственное регулирование всех сфер жизни общества. В рамках настоящей статьи мы проанализируем, как изменилась жизнь граждан современной России в период пандемии и какие изменения тех или иных сфер жизни были официально провозглашены руководством страны в условиях эпидемиологической угрозы. Нами будут раскрыты внедренные правительством изменения в сфере поддержки бизнеса, образования, занятости и др.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, образование, государственное регулирование, эпидемиологическая угроза, экономика, занятость, граждане, правовое государство.

В действующей Конституции РФ четко сказано о том, что Россия – правовое демократическое государство. Это означает, что в приоритете в таком государстве уровень и качество жизни граждан, их благосостояние и комфорт, обеспечения здоровья и долголетия.

Правовое государство – это государство, законы которого подчинены воле суверенного народа. Оно призвано обеспечить соблюдение законных прав и свобод каждого человека и гражданина, пребывающего на его территории [3, с. 219–225].

События последнего времени заставили активизироваться руководство нашей страны для

Olga N. Efimova
Assistant to the Department
Economic Theory,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
onfimova@fa.ru

ADJUSTMENT OF METHODS FOR REGULATING THE SOCIO-ECONOMIC LIFE OF SOCIETY IN THE CONTEXT OF AN EPIDEMIOLOGICAL THREAT

Annotation. The life of the state, society in general and every citizen in particular is completely in the hands of the rulers. Especially if we are talking about the rule of law. Therefore, the regulation of the life of society, ensuring the safety of health and life of the population is entrusted to the country's leadership. As you know, in 2019, all countries had to face a real epidemic of coronavirus infection. If we assess the situation in Russia, then we can safely say that the leadership of our country had to promptly develop a whole list of support measures in the face of an epidemiological threat, urgently adjust state regulation of all spheres of society. Within the framework of this article, we will analyze how the life of citizens of modern Russia has changed during a pandemic and what changes in certain areas of life were officially proclaimed by the country's leadership in the face of an epidemiological threat. We will disclose the changes introduced by the government in the field of business support, education, employment, etc.

Keywords: coronavirus, pandemic, education, government regulation, epidemiological threat, economy, employment, citizens, rule of law.

обеспечения безопасности жизни каждого гражданина, сохранения здоровья нации.

Совсем недавно казалось, что эпидемии, уносящие в средневековье и глубокой древности сотни тысяч жизней, – архаизм, пережиток прошлого. Однако неожиданно для всех начавшаяся пандемия коронавируса продемонстрировала обратное. Оказалось, что и в век развитых технологий, высокого уровня науки и качества медицины, человечество может оказаться бессильно над природой и различными вирусами, опасными для здоровья и жизни человека [6, с. 66–69].

COVID-19, который получил название коронавируса, заставил мировое общество всерьез

задуматься о своей жизни. Эпидемия, начало которой официально было положено в китайском городе Ухань, в кратчайшие сроки распространилась по всему миру. Хотя изначально многие не верили, что опасный вирус может коснуться каждой семьи [8, с. 45–55].

В экстренной обстановке руководство нашей страны было вынуждено в кратчайшие сроки пересмотреть государственное регулирование, основы государственной поддержки самых разных сфер жизни общества. Цель быстрого реагирования заключалась, прежде всего, в обеспечении безопасности жизни и здоровья граждан в связи с распространением нового заболевания. Поэтому власти были вынуждены оперативно вносить корректировки в уже действующие нормативные правовые акты и даже принимать нестандартные решения [1, с. 34–38].

Несмотря на критику российских властей, которая часто публикуется в СМИ, надо отдать должное, представители власти современной России достаточно мобильно отреагировали на возникшую ситуацию и быстро приступили к разработке целого комплекса мероприятий по борьбе с коронавирусом. При этом корректировка государственного регулирования многих сфер жизни общества доказала свою эффективность.

Защита жизни и здоровья граждан, обеспечение экономической безопасности, могут быть реализованы лишь при условии тесного взаимодействия государства, гражданского общества, нравственной и правовой зрелости граждан, которые должны в полной мере осознавать важность соблюдения установленных властями ограничений во время пандемии [1, с. 34–38].

Пандемия коронавируса – это, прежде всего, масштабный шок каждого человека, всего общества и государства в целом, это беспрецедентная ситуация.

Пандемия, как уже было отмечено выше, оказала серьезное влияние на все сферы жизни общества. Взять, к примеру, систему здравоохранения. Совсем недавно представители власти считали ее работу почти безупречной. Основной головной болью медиков был рак и еще пара-тройка серьезных заболеваний, которые пока еще плохо поддаются лечению и для которых не выработан эффективный лечебный комплекс. Однако недавние события показали, что есть проблемы куда более сложные в плане лечения. Так, в течение первых нескольких месяцев все мировое медицинское сообщество трудилось над разработкой вакцины против коронавируса [8, с. 45–55].

Также стали очевидны давно накопившиеся проблемы государственного регулирования сферы здравоохранения. С учетом новейшего коронавирусного опыта предстоит провести серьезную работу по переосмыслению организации здравоохранения [11, с. 58–59].

Как выяснилось, в России попросту отсутствует закон о биологической безопасности. Хотя в условиях пандемии он необходим. Российское сообщество встретилось с реальной биологической

опасностью, которая грозит колоссальными экономическими и людскими потерями. Во многих вопросах Россия, конечно, проявила себя как более подготовленная с научной точки зрения страна, однако корректировка в государственном регулировании сферы здравоохранения жизненно необходима. Так, нужно заняться оперативной разработкой государственной системы лекарственной безопасности [3, с. 219–225].

России нужен единый центр управления, который бы специализировался в этом направлении. К сожалению, сегодня ответственные подразделения распределены на 5 секторов, и это попросту неудобно.

С приходом пандемии встал вопрос о необходимости увеличения выпуска противовирусных лекарств и медицинских масок. А за это в России одновременно отвечают Минпромторг, Минздрав, Роспотребнадзор, ФМБА, Росздравнадзор. Каждое ведомство старалось переложить ответственность на другое ведомство, тем самым создавая путаницу [1, с. 34–38].

По этой же причине с Россией отказываются сотрудничать развитые страны мира, на территории которых уже давно функционируют такие центры. Они открыто заявляют следующее: «Кто у Вас ответственен в этом направлении? С кем можно вести переговоры? Это странная ситуация, о которой мы говорим несколько лет подряд» [11, с. 58–59].

В разрезе экономики наша страна столкнулась с так называемым шоком предложения. На протяжении многих последних десятилетий весь мир учился справляться с экономическими кризисами, связанными с шоками спроса. А шок предложения – это что-то новое. Прецедент, если углубиться в историю, был в начале 1970-х годов (нефтяное эмбарго и пр.).

В силу мирохозяйственных связей, выстроенных на основе глобализации и интеграции, шок предложения развивается крайне стремительно. По этой причине начали рушиться цепочки товарных поставок и пр.

Шок предложения стал катализатором развития шока спроса, который проявился в потере доходов населения и предпринимателей по причине ограничений работы предприятий.

Проблема состоит в том, что шок предложения и шок спроса имеют качественно разные последствия, для решения которых нужны, соответственно, разные подходы в рамках государственного регулирования.

Не меньший вызов мы получили в эпоху пандемии в системе образования. Конечно, многие единогласно согласятся с тем, что онлайн-формат обучения гораздо удобнее и он победил. Однако не стоит умалять значимости традиционной системы образования. Скорее всего, после завершения пандемии коронавируса, практиковаться в образовательной системе будут сразу два подхода: традиционное и онлайн обучение [8, с. 45–55].

И в этом случае представителям власти, опять-таки, предстоит пересмотреть основы прежнего государственного регулирования системы образования, ведь она, как видим, серьезно трансформируется.

Если углубиться в экономическую ситуацию, то можно встретить следующую картину. От уровня, качества и правильности системы государственного регулирования, как известно, зависит экономическое будущее всего общества, благосостояние каждого гражданина.

Разработанный правительством Общенациональный план действий (2020 г.) – это почти панacea, призванная «вылечить» национальную экономику ото всех напастей, с которыми пришлось столкнуться в последнее время. Смысл реализации предусмотренных в нем мероприятий заключается в обеспечении восстановления доходов, занятости населения и, конечно, роста экономики [11, с. 58–59].

Несмотря на то, что разработка и принятие рассматриваемого документа пришлось на осень 2020 г., большая часть мероприятий, предусмотренных в Плате, начала реализовываться уже летом 2020 года – в самый разгар пандемии [3, с. 219–225].

Общенациональный план можно назвать документом, в котором отражены важнейшие направления государственной помощи обществу и национальной экономике до конца 2021 года. Замысел реализации Плана сводится к поддержке в период пандемии и постпандемийный период всех слоев населения, особенно предпринимателей, которые были вынуждены из-за введения ограничительных мер приостановить работу своих предприятий и организаций, что самым негативным образом сказалось на рентабельности.

Среди «социальных KPI» общенационального плана, которые предстоит выполнить к 2021 году, можно выделить: снижение безработицы до 5 %, устойчивый рост реальных денежных доходов населения [4, с. 7–11].

В феврале 2021 года была выполнено не менее 1/3 всех мероприятий, предусмотренных в Плате. Это почти 200 из 515 запланированных мероприятий. Результаты реагирования властей на пандемию и их старание поддержать жизнь граждан и экономику, конечно, приятно удивляют. Это хороший показатель, особенно если принять во внимание ограниченное время, отведенное на реализацию мероприятий [8, с. 45–55].

На финансирование национального плана руководству страны пришлось «раскошелиться» примерно на 6,4 трлн руб. Часть выделенных средств пошла на реализацию прямых адресных выплат населению, новых мер финансовой поддержки, в том числе и на повышение размера ранее предусмотренных выплат.

Чиновники вполне справедливо приняли решение оказывать первостепенную помощь семьям с детьми. Большая часть мер социальной поддержки, предусмотренные в анализируемом

Плате, во время пандемии выплачивалась гражданам страны, вне зависимости от их финансового состояния, т.е. уровня дохода [11, с. 58–59].

Так, социальные выплаты смогли получить даже вполне обеспеченные слои населения. Возможно, благодаря этому уменьшилась эффективность мер поддержки населения, после чего было принято решение делать акцент на адресной помощи, особенно нуждающихся граждан.

В перспективе социальное казначейство будет выплачивать пособия на максимально адресной основе — группам населения с четко установленным уровнем дохода, преимущественно с уровнем дохода ниже прожиточного минимума (МРОТ). Конечно, это серьезная помощь и поддержка семей, особенно семей с детьми.

Финансовая и иная помощь со стороны государства предусмотрена и в отношении безработных граждан. Величина пособия по безработице была повышена – до 12,1 тыс. руб., что почти также равняется прожиточному минимуму [4, с. 7–11].

Государство не забыло в период пандемии и о поддержке работодателей. Последним, например, предусмотрено возмещение расходов на частичную оплату труда при организации временной занятости и общественных работ. Чиновники стали особенно тщательно отслеживать эффективность работы службы занятости населения. Кроме того, решением правительства, эта служба начала предоставлять услуги в электронном виде в рамках единой цифровой платформы [3, с. 219–225].

Данные статистики последних лет наталкивают на вывод о том, что повышение уровня пособий по безработице, с одной стороны, поспособствовало поддержанию доли населения, которая во время пандемии потеряла работу, а с другой – привело к росту количества обращений граждан в службы занятости, которые ранее не пользовались соответствующими услугами [8, с. 45–55].

Как видим, пандемия COVID-19 оказала сильное влияние на все без исключения сферы и отрасли жизни граждан. Своими последствиями она затронула каждую семью, каждого гражданина нашей страны. Многие люди успели столкнуться с финансовыми проблемами в связи с распространением пандемии коронавируса. Из-за этого начала набирать тенденция роста малоимущих граждан, многие стали жить за гранью бедности. Поэтому у представителей власти попросту не осталось выбора, кроме того, чтобы ввести новые виды социальной поддержки [6, с. 66–69].

Единовременные выплаты семьям с детьми до 16 лет обошлись бюджету страны почти в 274 миллиарда рублей. Однако благодаря такому решению руководства страны, социальную помощь в период пандемии получили свыше 27 миллионов детей, многие из родителей которых остались без работы [4, с. 7–11].

Спустя непродолжительное время было принято решение о внедрении ежемесячных выплат на детей, находящихся в возрастной категории 3–7

лет. Помимо этого, была введена ежемесячная социальная доплата на детей в возрасте до трех лет. Ее ежемесячный размер равен 5000 рублей, однако и эта сумма оказалась значительной для многих российских семей, в которых живут малыши (социальная выплата назначается исключительно тем семьям, которые имеют право на получение материального капитала) [1, с. 34–38].

Бизнес в разгар пандемии пострадал, как известно, ничуть не меньше простых граждан. Особенно тяжело пришлось малому и среднему бизнесу (далее – МСП).

Статистика свидетельствует о том, что с 2021 году сектор МСП убавился почти на 363581 предприятие. Надо признать, это огромная цифра, которая подтверждает всю серьезность сложившейся с России ситуации. Рекордное падение субъектов МСП наблюдалось еще в августе, тогда ФНС недосчиталась свыше 542829 объектов [6, с. 66–69].

В Постановлении Правительства РФ № 434 от 2020 г. был назван перечень отраслей экономики, которые особенно сильно пострадали в период коронавируса. К их числу руководство страны отнесло следующие сферы: авиаперевозки, сферу здравоохранения, культура, туризма, ресторанного и гостиничного бизнеса, сферу услуг и т.д.

Принимая во внимание необходимость выработки мер поддержки таким сферам, руководству страны пришлось пересмотреть систему их государственного регулирования. В качестве основных мер поддержки были внедрены: беспроцентный кредит на зарплаты сотрудникам, кредитные каникулы, отсрочка по налогам и взносам, отсрочка арендных платежей, отсрочка банкротства, приостановление проверок [4, с. 7–11].

На поддержку МСП было принято решение выделить не менее 100 млрд рублей из средств государственного бюджета. Такая щедрость государства вызвана тем, что субъекты МСП – основа российской экономики.

Таким образом, корректировка системы государственного регулирования МСП была сведена к пересмотру предоставления предприятиям, входящим в перечень наиболее пострадавших отраслей, отсрочки по уплате страховых взносов,

Литература:

1. *Гнездова Ю.В.* Инструменты взаимодействия бизнеса и власти в условиях пандемии / Ю.В. Гнездова // Становление и развитие предпринимательства в России: история, современность и перспективы. Курск, 2020. С. 34–38.
2. *Гуцко П.А.* Меры социальной поддержки граждан в условиях пандемии COVID-19 / П.А. Гуцко // Трудовое и социальное право. 2020. № 4(36). С. 23–27.
3. *Гукежева М.Х.* Безработица, доходы граждан и государственные меры по поддержке населения в России в период пандемии 2020 года /

сроков уплаты налогов и обязательных взносов и т.д.

Как видим, пандемия оказала поражающее влияние на всю национальную экономику, привычную жизнь российских граждан.

В связи со сложившимися обстоятельствами руководство нашей страны было вынуждено в экстренном порядке пересматривать и усовершенствовать систему государственного регулирования самых разных сфер жизни общества [4, с. 7–11].

Это привело к серьезным расходам государственного бюджета на цели реализации антикризисных мер и поддержку граждан, МСП.

Если сравнить меры реагирования России на эпидемиологическую угрозу с другими странами мира, то мы обнаружим много сходств в применяемых способах поддержки, как граждан, так и предпринимателей.

Говорить об эффективности пересмотра государственного регулирования различных сфер и отраслей жизни общества пока еще рано. Однако очевидно, что без вмешательства государства невозможно сохранить имеющийся малый и средний бизнес, восстановить качество жизни населения до приемлемого уровня.

Резюмируя результаты проведенного исследования можно сделать вывод о том, что возникшая угроза коронавирусной инфекции заставила руководство нашей страны пересмотреть меры государственного регулирования всех сфер жизни общества.

Правительство вводит меры по налоговой, финансовой, кредитной поддержке населения и субъектов МСП. Все меры государственного реагирования направлены на скорейшее преодоление последствий пандемии. Согласно наблюдениям ученых, одним из последствий пандемии СОУШ-19 может стать деглобализация экономики. Это связано с тем, что внешние связи и взаимодействие международных экономических отношений сегодня мало кого волнует. Силы развитых стран мира, включая Россию, преимущественно направлены на стабилизацию положения внутри страны.

Literature:

1. *Gnezdova Yu.V.* Instruments of interaction between business and government in a pandemic / Yu.V. Gnezdova // Formation and development of entrepreneurship in Russia: history, modernity and prospects. Kursk, 2020. P. 34–38.
2. *Gutsko P.A.* Measures of social support for citizens in the context of the COVID-19 pandemic / P.A. Gutsko // Labor and Social Law. 2020. № 4(36). P. 23–27.
3. *Gukezheva M.Kh.* Unemployment, citizens' incomes and government measures to support the population in Russia during the 2020 pandemic /

М.Х.Гукежева // Экономика и предпринимательство. 2021. № 3(128). С. 219–225.

4. Журавлева О.О. Финансовая поддержка людей и экономики: принцип всеобщности и адресности / О.О.Журавлева // Финансовое право. 2020. № 9. С. 7–11.

5. Земцова О.В. Практико-правовые аспекты реализации социальных мер государственной поддержки в России в условиях пандемии COVID-19 / О.В.Земцова // Применение законодательства в сфере труда и социального обеспечения: международный и национальный аспекты. 2020. С. 70–74.

6. Калагина А.Е. Забота о гражданах, реализующих право на занятие экономической деятельностью / А.Е.Калагина // Грядущим поколениям завещаем: «Творить добро в защиту права». 2020. С. 66–69.

7. Кожакова А.И. Социальная поддержка граждан России в период пандемии / А.И. Кожакова // Актуальные исследования. 2021. № 1(28). С. 79–81.

8. Кожумратова А.К. Реализация государственной политики в экономической и социальной сферах в условиях пандемии COVID-19 / А.К. Кожумратова // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. № 2. С. 45–55.

9. Назарян Ш.Т. К вопросу о государственной поддержке самозанятых граждан в период пандемии COVID-19 в РФ / Ш.Т.Назарян // Правовое обеспечение мер по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики Российской Федерации. Чебоксары, 2021. С. 151–157.

10. Самойлова К.Н. Финансовое обеспечение антикризисных мер в условиях пандемии коронавирусной инфекции / К.Н. Самойлова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 12(122). С. 135–140.

11. Сухорукова И.В. Дополнительные меры социальной поддержки граждан в период пандемии (2020 г.) / И.В. Сухорукова // Наука через призму времени. 2021. № 1(46). С. 58–59.

12. Фалалеева П.М. Социальная поддержка граждан России во время пандемии / П.М. Фалалеева // Актуальные проблемы современного социального знания. 2020. С. 124–128.

M.Kh. Gukezheva // Economy and Entrepreneurship. 2021. № 3(128). P. 219–225.

4. Zhuravleva O.O. Financial support for people and the economy: the principle of universality and targeting / O.O. Zhuravleva // Financial Law. 2020. № 9. P. 7–11.

5. Zemtsova O.V. Practical and legal aspects of the implementation of social measures of state support in Russia in the context of the COVID-19 pandemic / O.V. Zemtsova // Application of legislation in the field of labor and social security: international and national aspects. 2020. P. 70–74.

6. Kalagina A.E. Caring for citizens who exercise the right to engage in economic activity / A.E. Kalagina // We will bequeath to future generations: «Do good in defense of law». 2020. P. 66–69.

7. Kozhakova A.I. Social support of Russian citizens during a pandemic / A.I. Kozhakova // Actual research. 2021. № 1(28). P. 79–81.

8. Kozhumratova A.K. Implementation of state policy in the economic and social spheres in the context of the COVID-19 pandemic / A.K. Kozhumratova // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2021. Vol. 16. № 2. P. 45–55.

9. Nazaryan Sh.T. On the issue of state support for self-employed citizens during the COVID-19 pandemic in the Russian Federation / Sh.T. Nazaryan // Legal support of measures to combat coronavirus infection and support the economy of the Russian Federation. Cheboksary, 2021. P. 151–157.

10. Samoilova K.N. Financial support of anti-crisis measures in the context of a coronavirus pandemic / K.N. Samoilova // Regional problems of economic transformation. 2020. № 12(122). P. 135–140.

11. Sukhorukova I.V. Additional measures of social support of citizens during a pandemic (2020) / I.V. Sukhorukova // Science through the prism of time. 2021. № 1(46). P. 58–59.

12. Falaleeva P.M. Social support of Russian citizens during a pandemic / P.M. Falaleeva // Actual problems of modern social knowledge. 2020. P. 124–128.

Кочербаева Айнура Анатольевна

доктор экономических наук,
профессор,
профессор кафедры менеджмента,
Кыргызско-Российский
славянский университет
ainura_koch@mail.ru

Исажан Турсун

Кыргызско-Российский
славянский университет
isa7788@mail.ru

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА
ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС
И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

Аннотация. Сельское хозяйство является одной из стратегических отраслей экономики, обеспечивающей продовольственную безопасность страны. Обеспечение продовольственной безопасности является одним из важных направлений стратегии национальной безопасности стран ЕАЭС. В статье рассматриваются вопросы агропромышленного комплекса государств-членов ЕАЭС. Раскрывается, с какими проблемами сталкиваются страны ЕАЭС и перспективы экономической интеграции для достижения устойчивого развития государств – членов Союза.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, экономическая интеграция, ЕАЭС.

Сельское хозяйство является одной из стратегических отраслей экономики, обеспечивающей продовольственную безопасность страны. Обеспечение продовольственной безопасности является одним из важных направлений стратегии национальной безопасности стран ЕАЭС. Таким образом, развитие сельского хозяйства приобретает междисциплинарный и межотраслевой характер, включая технико-технологические, экономические, экологические и социальные аспекты.

ЕАЭС является «международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью, в рамках которой обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и

Ainura A. Kocherbaeva

Doctor of Economics,
Professor,
Professor, Department of Management,
Kyrgyz-Russian
Slavic University
ainura_koch@mail.ru

Isajan Tursun

Kyrgyz-Russian
Slavic University
isa7788@mail.ru

**CURRENT STATE OF AGRO-INDUSTRIAL
COMPLEX OF EAEU MEMBER STATES
AND PROSPECTS
ECONOMIC INTEGRATION**

Annotation. Agriculture is one of the strategic sectors of the economy that ensures the country's food security. Ensuring food security is one of the important areas of the national security strategy of the EAEU countries. The article deals with the agro-industrial complex of the EAEU member states. It reveals what problems the EAEU countries face and the prospects for economic integration to achieve sustainable development of the member states of the Union.

Keywords: agro-industrial complex, agriculture, economic integration, EAEU.

международными договорами в рамках Союза» [1].

Евразийский экономический союз является динамично развивающимся объединением, которое включает в себя такие государства, как Россия, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан. Эти государства существенно различаются по территории, своим масштабам, ресурсному потенциалу, структуре отраслей экономики, имеют разные объемы экономики, но их всех объединяет стремление повысить эффективность экономики для обеспечения роста качества жизни и благосостояния населения.

В настоящее время процессы, происходящие в аграрной сфере связаны не только с поиском новых путей взаимодействия, но и с восстановлением, утраченных в связи с распадом СССР, экономических интеграционных связей.

Последовательные процессы создания Таможенного союза, Единого экономического пространства, Евразийского экономического союза являются важнейшими геополитическими событиями на постсоветском пространстве.

Рассмотрим современное состояние агропромышленного комплекса Казахстана и Кыргызстана. Казахстан является крупнейшей зерновой державой. Возделываются сильные и твердые сорта пшеницы с большим содержанием клейковины, которая пользуется большим спросом на мировом рынке. Также, возделывают рис, гречиху, рапс, сою, овес, хлопок, сахарную свеклу, многие овощи и фрукты [2]. На севере Казахстана выращивается яровая пшеница, овёс, ячмень и другие зерновые культуры, а также подсолнечник, лён-кудряш. Развито овощеводство, бахчеводство. Запад славится посевами кукурузы, овощей, подсолнечника и других сельскохозяйственных культур. На юге республики при искусственном орошении дают высокие урожаи хлопчатник, сахарная свёкла, табак, рис. Развито садоводство [3]. В Казахстане развивается животноводство, оно обеспечивает население продуктами питания, а легкую промышленность – сырьем. По регионам развитие животноводства выглядит следующим образом:

- северные регионы – свиноводство и молочное скотоводство;
- на юге – мясное скотоводство, овцеводство, коневодство и верблюдоводство;
- на западе и востоке – мясное скотоводство и коневодство.

Развиты четыре направления овцеводства такие, как тонкорунное, полутонкорунное, мясосальное и смушковое. Птицеводство распределено почти равномерно по всем регионам. Коневодство является источником получения продуктов питания – мяса и кумыса. Верблюдоводство развито в Атырауской, Мангистауской, Кызылординской и Южно-Казахстанской областях. В Восточно-Казахстанской области четыре хозяйства занимаются мараловодством. Кожевенное сырье маралов используются для производства замши. Продукция сельского хозяйства производится на государственных, кооперативных сельхозпредприятиях, в крестьянских и фермерских хозяйствах, а также – в личных подсобных хозяйствах.

Основными показателями развития сельского хозяйства являются валовая продукция сельского хозяйства, доля валовой продукции сельского хозяйства в ВВП страны и др. На рисунке 1 приведена динамика этих показателей.

Рисунок 1 – Динамика основных показателей Казахстана, млрд долл. США

По динамике видно, что за последние годы наблюдается снижение, в целом, ВВП страны и ВВП сельского хозяйства по сравнению с данными 2013 года. Доля сельского хозяйства Казахстана в 2017 году составила 7,9 %. Валовая продукция по сравнению с показателями прошлого года увеличилась на 22,1 млрд долларов США (159,4–137,3). ВВП СХ увеличился на 1,8 млрд долларов США (12,6–10,8). В 2016 году показатели, как и в предыдущие годы, снижаются, и в 2017 году наблюдается увеличение.

Основные экспортные рынки Казахстана: Азербайджан, Иран, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Турция, Узбекистан. Казахстан является поставщиком пшеницы на внутренний агропродовольственный рынок государств-членов ЕАЭС. Её доля в структуре экспорта занимает до 70 %, и Казахстан входит в число крупнейших мировых

экспортеров пшеницы. Изменчивость показателей по экспорту пшеницы связано как с нестабильностью отечественного производства данной сельскохозяйственной культуры, так и неустойчивостью межгосударственных торговых отношений со странами – торговыми партнерами из СНГ и дальнего зарубежья.

В Россию Казахстан экспортирует кондитерские изделия из сахара, шоколад и прочие готовые пищевые продукты, содержащие какао. Основу экспорта из Казахстана в Киргизию составляют пшеница, готовые пищевые продукты, табачные изделия.

Основными поставщиками агропродовольственной продукции в Казахстан являются Беларусь, Бразилия, Китай, Россия, США и страны ЕС. За последний год анализируемого периода рост

импорта обеспечен увеличением платежеспособного спроса. За последние 5 лет среднегодовые темпы прироста импорта в денежном выражении составляли 6–8 %. Около 70 % в структуре импорта составляет молочная продукция, сахар и кондитерские изделия, продукция пищевой переработки из мяса, рыбы и т.д. Преобладание в структуре импорта продуктов глубокой переработки сельскохозяйственного сырья обусловлено недостаточным развитием пищевой промышленности внутри страны.

Для Республики Казахстан основным партнером во взаимной торговле по ЕАЭС сельскохозяйственным сырьем и продовольствием является Российская Федерация. Поставки из Российской Федерации, в большей степени, ориентированы на Республику Казахстан – на уровне 60 %. Во взаимной торговле преобладает животноводческая продукция, сахар, готовые продукты из мяса и рыбы и продукты переработки злаков, на долю которых приходится порядка 60 %. Рост производства и взаимной торговли по некоторым продовольственным товарам позволяет достичь высокого уровня самообеспечения. К ним относятся мясо птицы, свинина, овощи и картофель. В ближайшие годы производство данной продукции может превысить внутренние потребности, что позволит создать потенциал для экспорта.

Рассматривая деятельность Казахстана во внешней торговле, можно сделать следующие выводы: снижение экспорта по разделам товарной номенклатуры сельскохозяйственной продукции связано со снижением мировых цен на товары казахстанского экспорта.

Кыргызская Республика в СССР была одной из ведущих стран по производству шелка, хлопка, фруктов, овощей и меда, а также, пшеницы,

ячменя, кукурузы, овса и риса, возделывают более 20-ти видов овощных культур.

Рассмотрим по областям возделываемую продукцию:

- Чуйская область – томаты, огурцы, перец, баклажаны и лук;
- Иссык-кульская и Таласская области – капуста, редис и бобовые культуры;
- Ошская и Джалал-Абадская области – бахчевые культуры (тыква, арбузы и дыни).

Основные фруктовые культуры: яблоко, груша, айва, вишня, слива, черешня, алча, персик, абрикос, инжир, гранат и хурма. Ореховые: миндаль, фундук, кешью, фисташки, арахис и грецкий орех. Ягодные: клубника, малина, смородина, барбарис. Основу импорта из Киргизии составляют пищевая продукция – молоко, овощи.

В Кыргызстане развиваются 2 отрасли животноводства: молочная и мясная. В животноводстве разводят КРС олуя-атинской породы, свиней, овец. На горных пастбищах Кыргызстана разводят овец и получают шерсть и экологически чистое мясо. Птицеводство представлено курами, гусями, утками и индюками. В Чуйской области около 20 маслозаводов и мини-цехов занимаются переработкой молочной продукции, ведущими компаниями являются компании «Шоро» и «Артезиан». Работают 15 крупных мясоперерабатывающих комбинатов («Бишкекский мясоконсервный комбинат», АО «Кайынды», АО «Теш-Тюк»), действует около 100 мини-цехов по производству мясных продуктов («Риха», «Шер», «Сан Саныч», «Император» и др. [4]. Рассмотрим показатели валовой продукции по Кыргызстану (рис. 2)

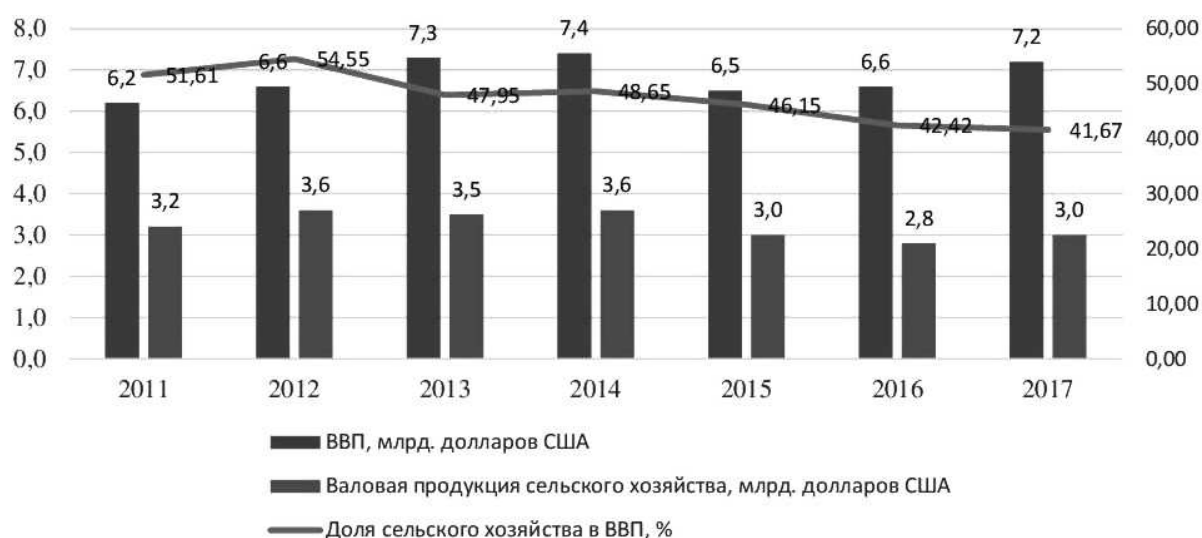

Рисунок 2 – Динамика основных показателей Кыргызстана, млрд долл. США

По приведенным данным на рисунке 2 видно, что за последние два года наблюдается увеличение, в целом, ВВП и ВВП сельского хозяйства. Доля сельского хозяйства Кыргызстана составляет более 40 %. Максимальный уровень ВВП достигнут в 2014 году и составил 7,4 млрд долларов США, а

ВВП сельского хозяйства в 2014 году – 3,6 млрд долларов США.

По данным национальных статистических органов производство продукции сельского хозяйства в государствах-членах ЕАЭС максимального

уровня достигло в 2013 году г. и по сравнению с 2012 г. увеличилось на 10,2 %. Общий объем производства составил 152,7 млрд долларов США. С 2014 года наблюдается существенное снижение (в 2014 г. уменьшилось на 6,37 % по сравнению с

2013 г.; в 2015 году уменьшилось на 23,63 % по сравнению с 2014 г.) Снижение объемов сельскохозяйственной продукции наблюдается во всех государствах-членах ЕАЭС (рис. 3).

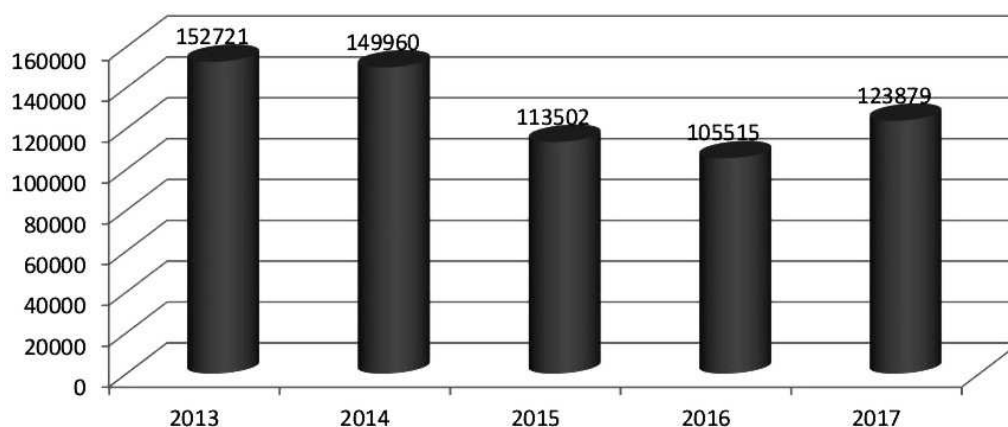

Рисунок 3 – Производство продукции сельского хозяйства в государствах-членах ЕАЭС, млрд долл. США

В Кыргызстане в 2015 г. снижение объемов производства связано с сокращением площадей под сахарную свеклу – на 31,7 % до 5,0 тыс. га. В Кыргызстане на фоне снижения посевных площадей под зерновые культуры и сахарную свеклу их валовой сбор увеличился на 28 % и на 5,5 % соответственно, что обусловлено значительным ростом урожайности данных культур (на 30 % и 52 % соответственно).

В Казахстане и Кыргызстане уменьшилось поголовье свиней на 24 тыс. голов и на 0,5 тыс. голов соответственно. Поголовье мелкого рогатого скота, в целом по ЕАЭС, сократилось на 166 тыс. голов (на 0,3 %) и составило 49 175 тыс. голов в результате снижения поголовья в России (на 183 тыс. голов) и Казахстане (на 123 тыс. голов).

В целом, по ЕАЭС не преодолена тенденция сокращения численности молочного стада из-за снижения поголовья коров в России (на 152 тыс. голов), а также – в Беларуси (на 23 тыс. голов). Вместе с тем, вследствие увеличения продуктивности коров, производство молока в Беларуси превысило уровень 2014 года на 5,1 %. Также, повысились валовые надои молока в Армении (на 4,0 %), Казахстане (на 2,4 %) и Кыргызстане (на 2,5 %) [4].

В условиях глобализации и кризисных явлений во многих странах мира региональная экономическая интеграция оказывает все большее влияние на эффективность и устойчивость сельскохозяйственного производства и связанных с ним отраслей, торговлю сельскохозяйственным сырьем и продовольствием, развитие сельских территорий. Региональная экономическая интеграция упрощает взаимодействие между странами, способствует значительному снижению издержек производства.

Страны ЕАЭС сегодня сталкиваются со следующими проблемами:

- повышением конкуренции за товарные и географические рынки для эффективного позиционирования в мировой экономике;
- социально-демографической ситуацией в странах, связанных с изменением структуры населения по возрасту и трудоспособной численности;
- возрастанием значимости технологического развития для обеспечения устойчивого экономического роста и др.

Одной из основных проблем развития АПК в странах ЕАЭС остается технико-технологическое отставание сельского хозяйства от развитых стран мира из-за недостаточного уровня модернизации сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности. В этой связи, государства – члены Союза определили одним из направлений согласованной агропромышленной политики научное и инновационное развитие АПК. В настоящее время государствами-членами запущена работа по осуществлению совместной научно-инновационной деятельности в сфере АПК [5].

Обеспечение устойчивого развития отрасли, повышение конкурентоспособности продукции во многом определяется модернизацией и внедрением в производство инновационных технологий. В данной связи, сотрудничество стран в научно-инновационной деятельности является весьма актуальным.

Общая задача научно-исследовательской деятельности в сфере экономики – разработка современных подходов в области устойчивого развития и технологического обновления АПК, стратегий развития межгосударственной кооперации в целях обеспечения продовольственной безопасности. Особенно важными составляющими этого процесса являются разработка ресурсо- и энергоэффективных технологий в сельском хозяйстве и перерабатывающей промышленности,

разработка и применение технологии выращивания сельскохозяйственных культур в системе экологического земледелия.

В растениеводстве для стран Союза актуальным является направление по созданию новых высокопродуктивных сортов растений. Прежде всего, это касается создания новых сортов зерновых, зернобобовых и кормовых культур. В животноводстве совместный интерес представляет совершенствование продуктивных и племенных качеств сельскохозяйственных животных. Предполагается, что таким образом будет обеспечено снижение зависимости от импортного племенного материала, повышение генетический и продуктивный потенциал животных в соответствии с международными системами оценки племенной продукции. Сотрудничество в научной деятельности также предусматривает работу по созданию совместных научно-исследовательских структур стран Союза, осуществляющих исследования в сфере АПК [5].

В настоящее время проводится работа по созданию и функционированию агропромышленных евразийских технологических платформ (ЕТП) с целью взаимовыгодного стимулирования инновационного развития национальных АПК, создания перспективных коммерческих технологий, высокотехнологичной, инновационной и конкурентоспособной продукции на основе эффективного взаимодействия всех заинтересованных сторон. В рамках координации деятельности ЕТП «Технологии пищевой и перерабатывающей промыш-

ленности АПК – продукты здорового питания» и «Евразийская биотехнологическая платформа» выстраивается взаимовыгодное сотрудничество стран Союза в инновационной сфере с выходом на совместные кооперационные проекты по созданию новых технологий и продукции в целях повышения конкурентоспособности АПК государств-членов ЕАЭС. Согласованная политика в сфере научно-инновационной деятельности позволит исключить дублирование научных разработок, повысить результативность использования научного потенциала государств-членов, а также, рационально использовать бюджетные средства государств – членов Союза [5].

Возможности Союза очень велики при рациональном их использовании. ЕАЭС может не только обеспечить свои потребности, но и стать мировым поставщиком сырья, товаров и услуг. У ЕАЭС есть все возможности к расширению, в него могут вступать новые члены-союзники. Транзитные возможности ЕАЭС тоже очень высоки, особенно с запуском транзитного транспортного коридора «Западная Европа-Западный Китай», может возродиться Шелковый путь в новом формате. ЕАЭС в обозримом будущем может стать мировым финансовым центром, с развитой экономической зоной и благоприятным инвестиционным климатом [5; 6].

Для достижения устойчивого развития государств – членов Союза необходимо учесть следующие направления развития:

общеэкономические	<ul style="list-style-type: none"> • – повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции, создание равных условий конкуренции и формирование единого рынка товаров и услуг; • – обеспечение доходности сельскохозяйственных товаропроизводителей, необходимой для инновационного расширенного воспроизводства; • – развитие рыночной инфраструктуры; • – обеспечение продовольственной безопасности
внешнеэкономические	<ul style="list-style-type: none"> • – расширение экспорта сельскохозяйственной продукции
техничко-технологические и экологические	<ul style="list-style-type: none"> • – повышение технико-технологического обновления; • – производство экологически чистого сельскохозяйственного продукта
земельные отношения	<ul style="list-style-type: none"> • – формирование политики в области земельных отношений
социальное развитие сельских территорий	<ul style="list-style-type: none"> • – создание благоприятных условий для сельских территорий и повышение социального уровня сельского населения
научно-исследовательская деятельность	<ul style="list-style-type: none"> • – организация и проведение научно-исследовательских работ в целях развития интеграционных процессов

Рисунок 4 – Основные направления развития государств-членов ЕАЭС

Проведение согласованной политики в сельском хозяйстве и создание общего аграрного рынка в рамках ЕАЭС снимает риски в области

продовольственной безопасности, расширяет рынок сбыта сельхозпродукции и создает больше возможностей для развития экспорта [7].

Литература:

1. URL : <https://docs.eaeunion.org>. «Договор о Евразийском экономическом союзе» от 29 мая 2014 года.
2. Комитет по статистике Министерства Национальной экономики РК Национальное Статистическое Агентство РК. Ежегодные отчеты. URL : kazstat.kz
3. URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B0 (дата обращения 20.05.2019).
4. URL : <http://www.retailkyrgyzstan.com/retail-kyrgyzstan/kyrgyz-economy.htm> (дата обращения 18.06.2017).
5. Обзор производственных показателей сельского хозяйства государств – членов Евразийского экономического союза за январь – декабрь 2015 года (предварительные данные). Евразийская экономическая комиссия. 2015.
6. Агропромышленная политика евразийского экономического союза. Под редакцией С.С. Сидорского, Члена Коллегии (Министра) по промышленности и агропромышленному комплексу Евразийской экономической комиссии. 2015.
7. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: докл. к XX Апр.междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Т.В. Бордачев, К.О. Вишневский, М.К. Глазатова [и др.]; Отв. ред. Т.А. Мешкова; Нац. исслед.ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 123 с.
8. Ушачев И.Г. Стратегические направления развития сельского хозяйства России в условиях углубления интеграции в ЕАЭС / И.Г. Ушачев [и др.]. М. : РАН, 2017. 48 с.

Literature:

1. URL : <https://docs.eaeunion.org>. "Treaty on the Eurasian Economic Union" of May 29, 2014.
2. Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan National Statistical Agency of the Republic of Kazakhstan. Annual reports. URL : kazstat.kz
3. URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B0 (date of application 20.05.2019).
4. URL : <http://www.retailkyrgyzstan.com/retail-kyrgyzstan/kyrgyz-economy.htm> (date of application 18.06.2017).
5. Review of agricultural production indicators of the member States of the Eurasian Economic Union for January-December 2015 (preliminary data). Eurasian Economic Commission. two thousand fifteen. 2015.
6. Agro-industrial policy of the Eurasian Economic Union. Edited by S.S. Sidorsky, Member of the Board (Minister) for Industry and Agro-Industrial Complex of the Eurasian Economic Commission. two thousand fifteen. 2015.
7. Eurasian economic integration: prospects for development and strategic tasks for Russia [Text]: dokl. k XX Apr. international scientific conference on problems of economic and Social development, Moscow, 9–12 Apr. 2019 / T.V. Bordachev, K.O. Vishnevsky, M.K. Glazatova [et al.]; Ed. by T.A. Meshkov; Nats. research.Higher School of Economics, M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 123 p.
8. *Ushachev I.G.* Chekalin Strategic directions for the development of agriculture in Russia in the context of deepening integration in the EAEU / I.G. Ushachev [et al.]. M. : RAS, 2017. 48 p.

Куклин Олег Сергеевич
аспирант кафедры финансов,
денежного обращения и кредита,
Сургутский государственный университет
794071@mail.ru

СНИЖЕНИЕ ФАКТОРА НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАСЧЁТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА ПРИ ОСВОЕНИИ ВЕНЧУРНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Аннотация. Актуальность. Инновационный характер экономических процессов, обуславливающий развитие современных экономических систем, почти всегда характеризуется наличием высокого фактора неопределённости в оценке результатов инвестирования. Актуальность исследования заключается в исследовании теоретико – методических способов снижения фактора неопределённости в оценке результатов венчурного инвестирования, характерного для высокотехнологических отраслей экономики. Объект исследования. Венчурные инвестиции, как вид инвестиций, характеризующиеся высоким риском и наличием фактора неопределённости. Предмет исследования. Фактор неопределённости при оценке экономического эффекта от венчурных инвестиций. Цель исследования. Выражается в детекции методов и способов снижения неопределённости при оценке результатов освоения венчурных инвестиций. Задачи исследования. Заключаются в раскрытие способов и методов снижения фактора неопределённости результатов оценки экономического эффекта от реализации венчурных инвестиций. Методология исследования. Использован аксиоматический подход, базирующийся на системных принципах научного исследования. Результаты исследования. Выражаются дескрипции возможности более объективной оценки результатов венчурного инвестирования с учётом фактора неопределённости.

Ключевые слова: критерий Гурвица, ожидаемый эффект, риск, финансирование, интервальная неопределённость.

О сновная часть.

Венчурное инвестирование, как отдельный вид инвестиционной активности, обычно связывают с инвестированием проектов в высокотехнологических, инновационных секторах экономики. Учитывая характер конечной продукции, который почти всегда имеет признак новизны, венчурное инвестирование характеризуется наличием высоких систематических рисков и

Oleg S. Kuklin
Postgraduate Student
of the Department of Finance,
Money Circulation and Credit,
Surgut State University
794071@mail.ru

REDUCING THE UNCERTAINTY FACTOR OF THE INDICATORS FOR CALCULATING THE ECONOMIC EFFECT WHEN DEVELOPING VENTURE INVESTMENTS

Annotation. Relevance. The innovative nature of economic processes, which determines the development of modern economic systems, is almost always characterized by the presence of a high uncertainty factor in the assessment of investment results. The relevance of the research is the study of theoretical and methodological ways to reduce the uncertainty factor in the evaluation of the results of venture investment, which is typical for high-tech industries. The object of the study. Venture capital investments, as a type of investment characterized by high risk and the presence of an uncertainty factor. The subject of the study. The uncertainty factor in assessing the economic impact of venture capital investments. The purpose of the study. It is expressed in the detection of methods and ways to reduce uncertainty when evaluating the results of the development of venture investments. Research objectives. They consist in the disclosure of ways and methods to reduce the uncertainty factor of the results of assessing the economic effect of the implementation of venture investments. Research methodology. An axiomatic approach based on the system principles of scientific research is used. The results of the study. Descriptions of the possibility of a more objective assessment of the results of venture investment, taking into account the uncertainty factor, are expressed.

Keywords: Hurwitz criterion, expected effect, risk, financing, interval uncertainty.

неопределённости конечного результата инвестиционной активности. Рассмотрим ситуацию, когда в портфеле венчурного фонда, находится ряд альтернативных вариантов инвестирования или ряд проектов (стартапов). Очевидно ожидания инвесторов финансовых результатов (Эож) от каждого проекта различаются от пессимистичных до оптимистичных. Возникает неопределённость интервального характера (пессимизм-оптимизм), отсюда прогнозируемое значение

финансового результата по портфелю становится слабо прогнозируемым. Нобелевский лауреат по экономике Гурвиц [2] для решения поставленной задачи, предложил решение, известное как критерия пессимизма – оптимизма или критерий Гурвица [2], формула 1:

$$Y = \max_i[\alpha \min_j X_{ij} + (1 - \alpha) \max_j X_{ij}], \quad (1)$$

где Y – ожидаемый результат;

X_{ij} – табличное значение по i строке, j столбцу;

α – коэффициент пессимизма – оптимизма, принимающий значение $0 \leq \alpha \leq 1$.

Для целей исследования условно примем, что произошло инвестирование в три проекта А, В, С, с ожидаемыми эффектами по каждому проекту (Э) 100 млн руб. и объемом венчурных инвестиций (ВК) 50 млн руб., рисунок 1.

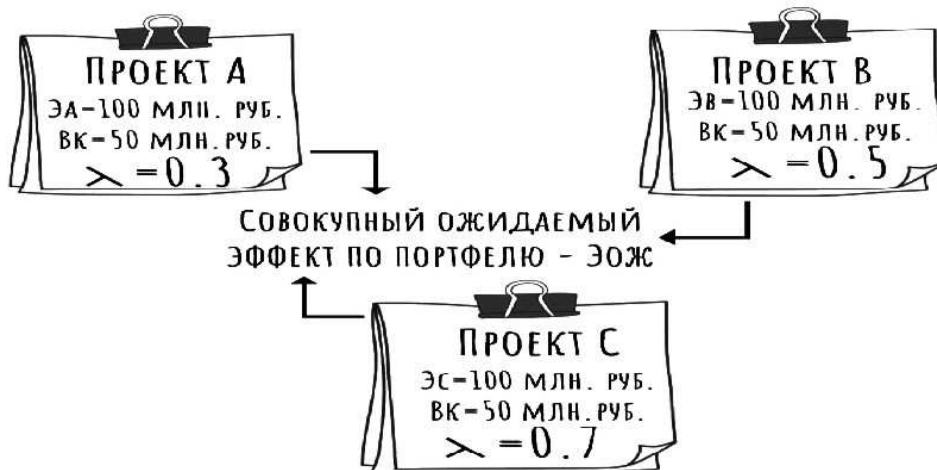

Рисунок 1 – Условный портфель венчурного фонда

В рисунке 1, мы можем увидеть заданные распределения ожиданий инвесторов по проектам А, В, С: $\alpha \in [0,3; 0,5; 0,7]$.

Из формулы 1, становится понятным, что значение $\alpha > 0,5$ свидетельствует: ожидания инвесторов оптимистичны, полная уверенность инвесторов достижения ожидаемых результатов будет при $\alpha = 1$; при значении $\alpha < 0,5$ ожидания инвесторов пессимистичны и чем меньше значение коэффициента пессимизма – оптимизма, тем более пессимистичны ожидания; $\alpha = 0,5$ ожидания инвесторов соответствуют расчётным значениям прогнозируемого экономического эффекта.

Модифицируем метод, предлагаемый в [1] расчёта ожидаемого чистого дисконтированного дохода, для оценки ожидаемого эффекта от проекта (Эож), тогда формула 1 будет иметь вид, формула 2:

$$\text{Эож} = \alpha \text{Эмах} + (1 - \alpha) \text{Эмин}, \quad (2)$$

где Эож – ожидаемый экономический эффект по проекту; Эмах, Эмин – максимальное и минимальное значение экономического эффекта по проекту; α – коэффициент пессимизма – оптимизма, принимающий значение $0 \leq \alpha \leq 1$.

По условным проектам из рисунка 1, примем следующее условие, что минимальный экономический эффект по проекту Эмин, принимает значение равное объёму венчурных инвестиций 50 млн руб., то есть прибыльность проекта будет нулевой и ожидается только возврат инвестиций в размере 50 млн руб.

Произведём расчёт ожидаемого экономического эффекта проектов венчурных инвестиций (рис. 1):

$$\text{Эож}_A = 0,3 * 100 + (1 - 0,3) * 50 = 30 + 35 = 65 \text{ млн руб.};$$

$$\text{Эож}_B = 0,5 * 100 + (1 - 0,5) * 50 = 50 + 25 = 75 \text{ млн руб.};$$

$$\text{Эож}_C = 0,7 * 100 + (1 - 0,7) * 50 = 70 + 15 = 85 \text{ млн руб.}$$

Тогда совокупный ожидаемый финансовый результат по портфелю венчурных инвестиций, составит:

$$\text{Эож} = \text{Эож}_A + \text{Эож}_B + \text{Эож}_C = 65 + 75 + 85 = 225 \text{ млн руб.}$$

Нетрудно посчитать, что Эож примет значение 300 млн руб., если не использовать сценарный метод, который учитывает настроение инвесторов (пессимизм-оптимизм) по проектам.

Идентифицировать сценарий на промежутке пессимизм – оптимизм, можно по следующим параметрам:

– горизонт планирования инвестиций, чем больше величина расчётного периода, тем более значимо влияние фактора неопределённости на конечный финансовый результат проекта, тем более пессимистичен сценарий;

– прогнозируемая величина риска, чем выше совокупное значение рисков по проекту, тем

выше значение коэффициента пессимизма – оптимизма α .

Таким образом, использование критерия Гурвица [2], позволяет снизить фактор неопределённости при венчурном финансировании проектов. При этом используются сценарии, которые формируются, исходя из ожиданий инвесторов, которые могут иметь, как количественную оценку по параметрам проекта, так и качественную оценку, исходя из состояния макро и микро среды и настроения венчурных инвесторов на момент проведения оценки.

Выводы.

В данном исследовании, мы предложили метод оценки экономического эффекта от реализации венчурных инвестиций, позволяющий учесть фактор неопределённости, характерный для

Литература:

1. Хайруллин В.А. Совершенствование расчета ожидаемого чистого дисконтированного дохода при оценке эффективности инновационных проектов реализуемых в автодорожном комплексе / В.А. Хайруллин, Н.Н. Ривкина // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. № 2(15). С. 1–3.
2. The Hurwicz criterion. URL : [https://www. leonidhurwicz.org/hurwicz-criterion/](https://www.leonidhurwicz.org/hurwicz-criterion/) (дата обращения 20.06.2021).

венчурных проектов. Для этого был использован критерий Гурвица (формула 1):

$$Y = \max_i[\alpha \min_j X_{ij} + (1 - \alpha) \max_j X_{ij}],$$

который учитывает интервальную неопределённость в показателе оценки. Для использования критерия Гурвица, необходимо установить или произвести расчёт критерия пессимизма-оптимизма α , в случае наличия количественного значения параметров риска проекта. При этом необходимо учитывать, что использование критерия Гурвица является экономически обоснованным при наличии интервальной неопределённости, которая выражается в наличии возможного интервала значений экономического эффекта по проекту. В случае наличия вероятностной неопределённости по проекту, использование критерия Гурвица возможно методом отличным от представленного в данном исследовании.

Literature:

1. *Khairullin V.A.* Improving the calculation of the expected net discounted income when evaluating the effectiveness of innovative projects implemented in the road complex / V.A. Khairullin N.N. Rivkina // Online Journal «Naukovedenie». 2013. № 2(15). P. 1–3.
2. The Hurwicz criterion. URL : [https://www. leonidhurwicz.org/hurwicz-criterion/](https://www.leonidhurwicz.org/hurwicz-criterion/) (дата обращения 20.06.2021).

Мицевич Владимир Дмитриевич
аспирант,
Всероссийская академия
внешней торговли
vd.mitsevich@gmail.com

БАРЬЕРЫ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ BIM-ТЕХНОЛОГИЙ В РФ

Аннотация. Отрасль BIM-технологий в России сейчас активно развивается. За последний год объем рынка BIM-технологий в РФ вырос более, чем на 10%. При этом, Россия существенно отстает в развитии данных технологий от лучших международных практик. В данной статье автором будут рассмотрены основные барьеры, с которыми сталкиваются российские компании при принятии решения о развитии BIM-технологий через этапы производственного процесса, а также будет рассмотрена роль государства в развитии BIM-технологий в стране. Также будет дано заключение по перспективам развития технологий информационного моделирования в РФ.

Ключевые слова: технологии информационного моделирования, BIM -технологии, инновации, цифровая трансформация, жизненный цикл проекта, строительство; оптимизация процессов, сокращение издержек, государственная поддержка, международный опыт.

Сейчас менее 10 % строительных компаний в РФ ведут свою деятельность с использованием BIM-технологий. Такой низкий процент вовлеченности связан с тем, что многие руководители строительных компаний не видят необходимости в использовании BIM-технологий или не до конца понимают выгоды от их использования. Если рассматривать финансовый эффект от внедрения BIM-технологий, он не так очевиден, так как складывается из множества составляющих, а также завязан на риски и допущения.

Ключевой барьер – это объем необходимых инвестиций и отсутствие четкого понимания об объеме их возврата. Необходимо понимать, что использование BIM-технологий не ограничивается формированием информационной модели здания. Для получения максимальных экономических выгод от использования BIM-технологий необходимо, чтобы все ключевые бизнес-процессы компании, такие как календарно-сетевое планирование, бюджетирование, закупки и логистика, приемка выполненных работ и управленческая отчетность. Зачастую, данные процессы в строительных компаниях являются устоявшимися и не готовы к изменениям. Соответственно, необходимо проводить полный реинжиниринг бизнес-процессов для того, чтобы можно было выстроить процессы таким образом, чтобы одним

Vladimir D. Mitsevich
Postgraduate Student,
All-Russian Academy
Foreign Trade
vd.mitsevich@gmail.com

BARRIERS FOR BIM IMPLEMENTATION IN RUSSIA

Annotation. BIM-technology in Russia are now rapidly growing. For the last year, the market size has grown for 10%. On the other hand, Russia is still below the best international practices of BIM implementation. In this article author is going to analyze main barriers of BIM implementation in Russia via the stages of a production process. Moreover, the government role is going to be considered. Also the author is going to discuss the prospective of BIM-technology in Russia.

Keywords: BIM technology, innovation, digital transformation, project lifecycle, construction; processes optimization, cost cutting, government role, international practices.

из источников входа в процесс стали данные из информационной модели объекта строительства.

Одним из основных эффектов от внедрения BIM считается исключение возможности пространственных коллизий на этапе проектирования. Тем не менее, необходимо отметить, что большинство пространственных коллизий, которые могут возникать на этапе проектирования не приводят к существенному изменению себестоимости строительства объекта, так как могут быть решены базовыми инженерными решениями непосредственно на строительной площадке. Вероятность пространственных пространственных коллизий, которые могут привести к существенному увеличению себестоимости строительства существенно зависит от уровня сложности объекта для проектирования. Для средних по сложности объектов риск допущения пространственной коллизии на этапе проектирования, которая может привести к существенному удорожанию себестоимости строительства, не превышает 5–10 %. Соответственно, многие руководители не готовы инвестировать дополнительные средства в этап проектирования, а также затем в интеграцию BIM-модели в прочие процессы компании, чтобы исключить риск, который составляет менее 10 %.

Внедрение подобного ПО зачастую сопровождается необходимостью существенных финансовых вложений (> 50 млн р), а также необходимостью существенных организационных изменений. Учитывая, что строительная отрасль является одной из самых консервативных в РФ, то не все сотрудники будут готовы принять изменения в своих бизнес-процессах. Таким образом, необходимо будет проводить найм дополнительных сотрудников, которые имеют определенные навыки для работы в обновленных бизнес-процессах. Более того, в 60 % проектов внедрения BIM-технологий в компаниях, требуется замена до 10 % сотрудников, задействованных в процессах, в которых становятся задействованы технологии информационного моделирования.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, что для полноценного внедрения технологичной информационного моделирования в компании, потребуется проведение организационно-цифровой трансформации самой компании. Для каждой компании вопрос принятия решения о полноценной трансформации является сложным. Таким образом, можно сделать вывод, что принятие решения о необходимости использования BIM-технологий в компании – это стратегическое решение для компании.

Более того, необходимо понимать, что расширение кол-ва ИТ-систем в компании требует существенной ИТ-компетенции внутри компании. Традиционные строительные компании подобными компетенциями не обладают, что также может стать существенным барьером для входа в проект внедрения технологий информационного моделирования.

Для обслуживания ключевых процессов строительной компании необходимо >10 систем. Необходимо отметить, что все системы являются разнотипными в своих технологических решениях и предполагают наличие специалистов широкого профиля для обеспечения их работоспособности. Более того, существенно возрастают затраты на ИТ-инфраструктуру, такие как серверные мощности, телекоммуникационная сеть и штат разработки для постоянного улучшения систем и их адаптации под текущие нужды пользователей.

Одним из барьеров для внедрения BIM-технологий в РФ является также нехватка BIM-менеджеров – специалистов, которые являются ответственными за прохождение BIM-модели по всем этапам бизнес-процесса в компании, отслеживание состояния BIM-модели, а также описание и оптимизацию процессов взаимодействия всех сотрудников с моделью. Подобная роль требует от сотрудника набор навыков, которые находятся на

стыке понимания производственно-строительной специфика, а также понимания всех бизнес-процессов, которые существуют на предприятии. В международной практике уже созданы в университетах специализированные программы для обучения профессии BIM-менеджера, в то время как в России сейчас есть дефицит данных специалистов на рынке. Данный дефицит кадров связан с тем, что строительные компании в последние годы стали все активнее применять BIM-технологии в своих процессах, в то время как образовательным учреждениям необходимо определенное время на разработку программы обучения, а также время на подготовку кадров. Для того, чтобы оперативно закрывать данные потребности существует ряд упрощенных обучающих курсов для данной вакансии, но они не позволяют подготовить достаточно качественного специалиста, сравнимого по уровню компетенций с сотрудником, прошедшим полный курс в специализированном образовательном учреждении. Подобный дефицит кадров порождает:

Нехватку высококвалифицированных кадров не позволяет компаниям получить максимальную пользу от внедрения BIM

Дефицит кадров вызывает рост стоимости сотрудников данной профессии, что провоцирует увеличение расходов компаний на BIM.

В связи с этим, строительные компании, внедряющие BIM зачастую могут закрывать роль BIM-менеджера путем работы с компаниями, предлагающими данных сотрудников на аутстаффинг. Подобная форма трудовых взаимоотношений позволяет строительным компаниям быстрее замещать увольняющихся сотрудников, а также предоставляет гарантию определенных стандартов качества профессиональной подготовки кадров, что является очень важным аспектом для тех компаний, которые только начинают внедрять в свои процессы BIM-технологии и не имеют достаточной накопленной экспертизы в данном вопросе. Тем не менее, найм сотрудников по модели аутстаффинга накладывает определенные стоимостные ограничения, так как подобный найм всегда дороже, чем найм сотрудника в штат компании.

Необходимо дополнительно отметить, что со стороны государства сейчас оказывается существенная поддержка в развитии BIM-технологий. Таким образом, на уровне государства сейчас на завершающей стадии формирования стандарт BIM-моделирования, а с 2022 года использование BIM-технологий является обязательным для объектов с участием государственного финансирования.

Литература:

1. PropTech в России: Обзор практики применения BIM-технологий и инновационных решений в области проектирования, PWC, Апрель 2020. URL : <https://www.pwc.ru/ru/assets/prop-tech-2020.pdf>

Literature:

1. PropTech in Russia: Review of BIM implementation and innovation technologies for design stage in Russia, PWC, April 2020. URL : <https://www.pwc.ru/ru/assets/prop-tech-2020.pdf>

2. *Шейна С.Г.* Исследование этапов развития BIM-технологий в мировой практике и России / С.Г. Шейна, К.С. Петрова, А.А. Федорова // Строительство и техногенная безопасность. 2019. № 14. С. 13.

3. *Вольф И.* BIM в мире – обыденность, в России – пока эксклюзив. URL : <http://ancb.ru/publication/read/9694>

2. *Sheina S.* Survey for stages of BIM technology development in Russia and international practice / S. Sheina, K. Petrova, A. Fedorova // Construction and security, 2019. № 14. P. 13.

3. *Wolf I.* BIM in an international practice and in Russia. URL : <http://ancb.ru/publication/read/9694>

Некрасов Константин Викторович

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
мировой экономики и логистики,
Уральский государственный
университет путей сообщения
ekonn@bk.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ЛОГИСТИКИ

Аннотация. Современное состояние логистики в России оценивается исследователями и практиками неоднозначно. Автор статьи считает, что потенциал логистического рынка в России необходимо актуализировать за счет сильных сторон и возможностей, выявленных в результате анализа современного состояния логистики в РФ. Приоритетными направлениями современной логистики являются модернизация и развитие транспортной инфраструктуры, создание современных транспортно-логистических комплексов, использование инновационных технологий, применение электронного документооборота в сфере перевозок.

Ключевые слова: логистика, транспортная стратегия, логистический рынок, электронный документооборот.

В XXI веке наблюдается новый этап развития современной логистики как в России, так и в мире.

В России современное состояние и развитие логистики определяются Транспортной стратегией РФ на период до 2030 года [1], национальным проектом Международной кооперации и экспорта в период с 2019 по 2024 гг., экспериментом по внедрению ЭТрН и ЭПЛ [4].

Современная ситуация в развитии логистики осложняется пандемией и распространением COVID-19. Но даже в этих условиях сохраняются производственные и торгово-экономические отношения, научное сотрудничество, туризм, студенческая мобильность, – все это способствует наличию спроса и предложения на рынке логистических услуг. В январе-апреле 2021 г. грузооборот транспорта составил 1843,6 млрд тонно-километров, в том числе железнодорожного – 860,8 млрд, автомобильного – 85,9 млрд., морского – 12,6 млрд, внутреннего водного – 8,8 млрд, воздушного – 2,7 млрд, трубопроводного – 872,7 млрд тонно-километров.

Konstantin V. Nekrasov

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
the World Economy and Logistics,
Ural State University of Railways
ekonn@bk.ru

THE CURRENT STATE OF RUSSIAN LOGISTICS

Annotation. The current state of logistics in Russia is evaluated ambiguously by researchers and practitioners. The author of the article believes that the potential of the logistics market in Russia should be updated due to the strengths and opportunities identified as a result of the analysis of the current state of logistics in the Russian Federation. The priority areas of modern logistics are the modernization and development of transport infrastructure, the creation of modern transport and logistics complexes, the use of innovative technologies, the use of electronic document management in the field of transportation.

Keywords: logistics, transport strategy, logistics market, electronic document management.

Например, целью национального проекта Международной кооперации и экспорта в период с 2019 по 2024 гг. является эффективное развитие несырьевого неэнергетического экспорта в качественном, количественном и финансовом выражении, ожидаемый рост которого к 2024 году должен быть не менее 70 % по сравнению с показателями 2020 года.

В сфере современной логистики ставится задача не только увеличить грузовой объем за границу, но и добиться качественных/позитивных изменений в представлении российских компаний и производителей при доставке и продаже российских товаров и услуг за границей. Современное состояние логистики в России связано с промышленным производством. Так, на январь 2021 года (в сравнении с 2020 г.) был отмечен рост в следующих сферах: производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях (+74,9 %), текстильная промышленность (+2,7 %), производители оптических изделий, компьютеров и электрооборудования (+16,9 %), резиновых и пластмассовых изделий (+9,7 %), химических продуктов (+3,4 %), обрабатывающие производства (+1,0 %), а также производство различных запасных частей и механизмов (+2,1 %) [3].

Грузооборот по видам транспорта [2]

	Апрель 2021 г., млрд т-км	В % к		Январь-апрель 2021 г. в % к январю-апрелю 2020 г.	Справочно		
		апрелю 2020 г.	марту 2021 г.		апрель 2020 г. в % к		январь-апрель 2020 г. в % к январю-апрелю 2019 г.
					апрелю 2019 г.	марту 2020 г.	
Грузооборот транспорта	475,3	106,2	99,0	101,9	94,0	97,1	95,6
– в том числе:	225,6	108,2	99,2	103,6	92,8	96,9	94,7
– железнодорожного	22,8	111,4	96,2	105,8	91,8	93,3	98,7
– автомобильного	4,1	132,0	130,5	103,2	103,5	100,8	103,2
– морского	2,6	76,3	101,2	89,8	108,4	143,3	102,9
– внутреннего водного	0,7	132,7	95,8	135,5	87,0	88,6	90,8
– воздушного (транспортная авиация) ¹⁾	219,4	103,7	98,6	99,9	95,2	97,1	96,0
– трубопроводного							

1) По данным Росавиации

Сильной стороной современного состояния логистики в России является эксперимент по внедрению ЭТрН и ЭПЛ, который осуществляется при поддержке Министерства транспорта РФ [4], а именно, в сфере автомобильных грузовых перевозок проводится внедрение систем электронного документооборота и электронных перевозочных документов. Речь идет о внедрении электронных транспортных накладных (ЭТрН) и электронного путевого листа (ЭПЛ), которые заменяют бумажные носители в перевозочном процессе. Это приведет к положительным эффектам: ускорение процессов обмена данными, упрощение взаимодействия транспортно-логистических компаний с органами государственной власти, обеспечение прозрачности транспортно-логистического рынка, повышение качества транспортно-логистических услуг, сокращение издержек и создание условий для развития эффективных мультимодальных перевозок в России [4].

Литература:

1. Логистические тренды 2020–2021. Retail.ru. URL : <https://www.retail.ru/articles/logisticheskie-trendy-2020-2021-goda-vliyanie-pandemii-covid19-na-perevozki/2020-11-302020-12-01> (дата обращения 23.06.2021).
2. Международные кооперации и экспорт, в период с 2019 по 2024 г. Минпромторг России. URL : <https://minpromtorg.gov.ru/projects/international> (дата обращения 23.06.2021).
3. Мишин А.И. Применение автоматизированных систем с целью оптимизации грузоперевозок в России / А.И. Мишин // Информатика, вычислительная техника и управление. 2019. Т. 11. № 1. С. 14–19.
4. Основные цели стратегического направления «Международная кооперация и экспорт». Российский экспортный центр (РЭЦ). URL : <https://www.exportcenter.ru/company/international-cooperation> (дата обращения 24.06.2021).

В условиях растущей конкуренции в России наблюдается ситуация, когда слабые игроки транспортно-логистического рынка уходят или консолидируются с более сильными участниками, что является элементом оздоровления логистического рынка.

Особенностью современного состояния логистики в России является то, что территория Российской Федерации большая, поэтому востребованы разные виды транспорта и различные логистические схемы. В контексте развития логистики в России важными являются такие направления, как: модернизация и развитие транспортной инфраструктуры, создание современных региональных транспортно-логистических комплексов, использование инновационных технологий (например, трекинга и систем телеметрии), повышение уровня информатизации и электронного документооборота в сфере грузовых перевозок.

Literature:

1. Logistics trends 2020-2021. Retail.ru. URL : <https://www.retail.ru/articles/logisticheskie-trendy-2020-2021-goda-vliyanie-pandemii-covid19-na-perevozki/2020-11-302020-12-01> (date of application 23.06.2021).
2. International cooperation and export, in the period from 2019 to 2024. The Ministry of Industry and Trade of Russia. URL : <https://minpromtorg.gov.ru/projects/international> (date of application 23.06.2021).
3. Mishin A.I. Application of automated systems for the purpose of optimizing cargo transportation in Russia / A.I. Mishin // Informatics, computer engineering and management. 2019. Vol. 11. № 1. P. 14–19.
4. The main goals of the strategic direction «International cooperation and export». The Russian Export Center (REC). URL : <https://www.exportcenter.ru/company/international-cooperation> (date of application 24.06.2021).

Платонова Елена Дмитриевна

доктор экономических наук,
профессор,
заведующая кафедрой
экономической теории и менеджмента,
Московский педагогический
государственный университет
ed.platonova@mpgu.edu

Чжан Тяньхуэй

аспирантка кафедры
экономической теории и менеджмента,
Московский педагогический
государственный университет
Chair.etm@bk.ru

**О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ДВИЖЕНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ
В НОВОЙ ЭКОНОМИКЕ:
ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПОДХОД**

Аннотация. Авторами дается определение «новой экономики» как инновационной экономики постиндустриального типа, в основе которой лежит развитие интеллектуальных и производительно-творческих потенциалов человека. В статье выделяются демографический, экономический и социальный аспекты движения человеческих ресурсов. С позиции экономического аспекта в статье показана плодотворность воспроизводственного подхода к исследованию закономерностей движения человеческих ресурсов, которые выступают как носители человеческого потенциала. Рассматривается первичное и вторичное (повторное) движение человеческих ресурсов по воспроизводственным фазам: «формирование – распределение (обмен) – использование» и «высвобождение – переподготовка – перераспределение». Масштабы и интенсивность первичного и вторичного (повторного) движения человеческих ресурсов зависят от инвестиционных процессов, протекающих в реальном секторе новой экономики. Мобильность характеризуется как подвижность человеческих ресурсов на каждой из этих воспроизводственных фаз, то есть дополняет экономическую «картину» смены сфер приложения интеллектуальных производительно-творческих потенциалов человека в первичном и вторичном движении человеческих ресурсов.

Ключевые слова: воспроизводство, новая экономика, человеческие ресурсы, человеческий капитал, воспроизводственный подход, движение человеческих ресурсов, мобильность.

В последние годы проблематика новой экономики находится в центре внимания

Elena D. Platonova

Doctor of Economics,
Professor,
Head of the Department
of Economic Theory and Management,
Moscow State Pedagogical University
ed.platonova@mpgu.edu

Zhang Tianhui

Graduate Student of the Department
of Economic Theory and Management,
Moscow State Pedagogical University
Chair.etm@bk.ru

**ON THE PATTERNS
OF MOVEMENT OF HUMAN
RESOURCES IN THE NEW ECONOMY:
A REPRODUCTIVE APPROACH**

Annotation. The author has defined the «new economy» as an innovative economy of the post-industrial type, which is based on the development of intellectual and productive-creative potentials of a person. The demographic, economic and social aspects of the movement of human resources are indicated in article. From the standpoint of the economic aspect, the author has shown the perspective of the reproductive approach to the study of the patterns of movement of human resources and human capital. The author has highlighted the primary and secondary (repeated) movement of human resources through reproductive phases. The primary movement is considered as a sequential movement of human resources through the phases of «training - distribution – use». Secondary movement of human resources means movement through the phases of «release – retraining – redistribution». Mobility of the human resources is characterized as the mobility of human resources at each of these reproductive phases. That fact complements the economic «picture» of the change in the spheres of application of intellectual and productive-creative potentials of a person in the primary and secondary movement of human resources.

Keywords: reproduction, new economy, human resources, human capital, reproductive approach, movement of human resources, mobility.

российских и зарубежных экономистов, хотя по данным международной наукометрической

платформы Web of Science первые публикации следует отнести к 70-м годам прошлого века. Закономерно, что авторы связали данный феномен с активным внедрением новых средств вычислительной техники, расширением возможностей экономического роста на основе компьютерных технологий и передачей новым машинам рутинных расчетных операций [1; 2]. В конце 90-х годов прошлого века новые тенденции в технико-технологической основе экономического развития активно обобщались исследователями в теоретических построениях постиндустриальной экономики [3; 4]. Массовое распространение информации посредством Интернета, социальных сетей, больших данных (big data) и других технологических инноваций привели к выводу о том, что коренным образом изменился технико-технологический уклад и экономика, в отличие от уклада «старой» индустриальной экономики, стала характеризоваться как «новая» (Индустрия 4.0).

Согласно определению, данному в известном экономическом словаре «Cambridge dictionary», новая экономика – это «деятельность, основанная на знаниях и информации, а не на традиционных отраслях, таких как производство» [5]. В таком определении просматриваются положения теории больших волн Н.Д. Кондратьева, который связал основы экономической динамики с технико-технологическими революциями сменой отраслей лидеров [6]. Вместе с тем, в экономической проекции движителем развития выступают инвестиции в новации, которые обеспечивают инновационное развитие всех сферы элементов экономической системы.

Исследования инноваций и их важности для экономического роста, проведенные австрийским экономистом Й. Шумпетером, были актуализированы теоретиками и практиками развитых стран [7]. Так, в 1980 г. конгресс США принял закон Стивенсона-Уайдлера «О технологических инновациях» [8].

Целью данного закона является формирование политики повышения экономического, экологического и социального благополучия США путем решения совокупности задач. К их числу относятся:

- формирование инновационной инфраструктуры для изучения технологий и стимулирования их создания;
- содействие развитию технологий посредством создания научных центров современных исследований;
- стимулирование повышения использования разработок инновационных, научно-технологических решений, которые включают изобретения, программное обеспечение и обучающие технологии;
- проведение ротаций научного и технологического персонала между университетами, промышленными и федеральными лабораториями.

В этом отношении концепция «новой экономики» не отделима от теоретического конструкта «инновационная экономика», поэтому, на наш взгляд,

«новую экономику» следует определять, как инновационную экономику постиндустриального типа.

Системный подход к воспроизводственным процессам в новой экономике предполагает выявление центрального элемента общественного воспроизводства. Эволюция взглядов экономистов на роль факторов производства показывает, что в рыночной экономике, основанной на индустриальном типе производства, первоначально значительную роль играл вещественный фактор, социально-экономической формой которого был капитал [9; 10].

Несмотря на то, что новая экономика противопоставляется традиционной индустриальной экономике и возникла на основе внедрения достижений Индустрии 4.0, центральное место в системе факторов производства отведено личному фактору как носителю интеллектуальных и производительно-творческих потенций человека. При этом в новой экономике потенции человека включают в себя накопленные знания, запас информации, умения, навыки, опыт, профессионализм, физическое и духовное здоровье, природные особенности и таланты, духовные качества, потенциальные возможности к развитию способностей человека, в том числе, к участию в процессе виртуализации новых производств и взаимодействию с другими участниками воспроизводственных процессов.

Практика становления инновационной модели постиндустриального типа экономики подтвердило теоретически обоснованное в работах предшественников всех направлений экономической мысли положение о динамичном развитии человеческого потенциала, как постоянно воспроизводящейся закономерности общественного воспроизводства [11].

Одной из характерных черт новой экономики выступает качественное изменение соотношения между личным и вещественным факторами в системе факторов производства, которое порождает процессы движения человеческих ресурсов на микро-, макро- и мегауровнях современной экономики. В этой связи, необходимо выделить демографический, экономический и социальный аспекты движения человеческих ресурсов.

Демографический аспект рассмотрения закономерностей движения человеческих ресурсов обусловлен тесной взаимосвязью процессов воспроизводства населения и воспроизводства человеческих ресурсов: воспроизводство населения выступает субстанциональной (естественной) основой воспроизводства человеческих ресурсов.

На воспроизводство населения оказывают влияние демографические факторы, которые определяют с количественной точки зрения тип воспроизводства человеческих ресурсов (суженный, простой или расширенный). Депопуляция, или неконтролируемый рост населения, анализируемый на макроуровне, выступают негативными факторами, влияющими на экономическое развитие стран, поэтому они должны быть нивелированы

грамотной демографической политикой государства, основанной, в том числе, на прогнозе динамики численности населения и динамике инвестиций.

О необходимости комплексного подхода к оценке влияния демографических факторов на процессы воспроизводства населения свидетельствует опыт многих развитых стран и стран с развивающимися рынками. Так, в национальном проекте «Демография», реализуемом в РФ с 2019 года, поставлена задача обеспечения устойчивого роста численности населения Российской Федерации, и разработаны комплексные меры по решению данной задачи в пяти федеральных проектах [12]. По мнению ряда аналитиков, КНР столкнется с более значительным снижением численности трудоспособного населения, по сравнению с другими странами с развивающимися рынками (Индией, Бразилией, Турцией, Мексикой, Индонезией), что может негативно отразиться на ее экономическом росте в виду снижения внутреннего спроса на товары и услуги [13, с. 9].

Социальный аспект движения человеческих ресурсов детерминирован ценностными и культурологическими факторами, которые внутренне присущие национально-государственным институтам и отражают, в том числе, исторические условия их развития. Данные факторы, в основном, носят внеэкономический характер, но могут побуждать носителей человеческого потенциала к пространственному перемещению как внутри регионов страны, так и за их пределами. Вместе с тем, мощные миграционные потоки в Западную Европу из стран Африки и Ближнего Востока в 2015–2019 гг. подтвердили экономическую природу современной мировой миграции.

С позиции экономического анализа плодотворным является воспроизводственный подход к исследованию закономерностей движения человеческих ресурсов в новой экономике. Анализ работ современных экономистов показывает, что рассмотрение вопросов движения человеческих ресурсов по фазам общественного воспроизводства не уделяется должного внимания. В основном, исследователи справедливо указывают на мобильность человеческих ресурсов в социально-экономической форме человеческого капитала [14]. В данном аспекте существенна только терминологическая разница между дефинициями «мобильность человеческих ресурсов» и «движение человеческих ресурсов», но и категориально-понятная. По нашему мнению, она вытекает из различных теоретико-методологических подходов и задач научно-исследовательских программ экономистов.

Не вдаваясь в детальный разбор точек зрения экономистов, отметим, что с позиции воспроизводственного подхода, движение человеческих ресурсов более емкое понятие. Оно включает в себя, прежде всего, фазное движение:

во-первых, первичное движение, вновь вовлекаемых в сферу занятости человеческих ресурсов по воспроизводственному ряду «формирование – распределение (обмен) – использование»;

во-вторых, вторичное (повторное) движение человеческих ресурсов по новому для ранее, уже вступавшим в отношения занятости воспроизводственному циклу «высвобождение – переподготовка – перераспределение», с последующим занятием соответствующих профессии и квалификации рабочих мест.

Мобильность характеризуется как подвижность человеческих ресурсов на каждой из этих воспроизводственных фаз, то есть, дополняет экономическую «картину» смены сфер приложения интеллектуальных и производительно-творческих потенциалов человека в первичном и вторичном движении человеческих ресурсов.

Инвестиционные процессы, материализуя технико-технологические достижения Индустрии 4.0 в новой экономике, с нарастающей динамикой изменяют сегментарную, сферную, отраслевую, профессионально-квалификационную, пространственную и нишевую структуру рабочих мест. Эти процессы модифицируют сферу первичной и вторичной занятости, которая претерпевает значительные изменения на национально-государственном и глобальном уровнях.

Данные изменения выражаются в постоянном развитии новых форм взаимодействия экономических агентов на рынке труда (сетевых, кластерных), появлении инновационных видов занятости, трансформации форм и методов труда, географии и способов реализации человеческого потенциала.

Основные субъекты инвестиционной деятельности в условиях глобальной конкуренции за новые технологии и скорейший вывод на рынок новых продуктов стремятся к формированию продуктивной модели инвестирования в реальный сектор новой экономики. Адаптация данной модели приводит к увеличению скорости масштабирования сферы услуг, распространению инновационно активных форм малого бизнеса, виртуализации рабочих мест и самозанятости. Эти процессы интенсифицируют вторичное движение человеческих ресурсов икратно увеличивают мобильность носителей человеческого капитала, которые могут выполнять производительные функции в условиях гибкого рабочего режима, быть способными и готовыми работать в нестандартных ситуациях, когда сочетаются трудовые, предпринимательские и креативные функции.

Новая иерархия факторов производства в новой экономике, интенсивное внедрение технологических инноваций вызывают трансформацию форм первичной и вторичной занятости. В инновационно-ориентированных экономиках создаются новые формы организации производств, в частности, инновационные предприятия с виртуальными рабочими местами, не привязанными к офису, на основе использования электронной почты и Интернета.

Одной из самых социально значимых инноваций в сфере труда является массовое распространение «удаленной» занятости с использованием новейших дистанционных технологий. Этот вид

занятости известен под разными названиями: в США распространен термин телекомьютинг (telecommutingjob), в Европе – телеработа (telework). По определению ведущей организации в области исследования телеработы Европейской инициативы (European Telework Development Initiative), дистанционная работа возникает тогда, когда ИКТ используются для выполнения работы на расстоянии от места, где необходимы результаты этой работы, или от места, где она обычно выполняется.

Составляющими телеработы могут выступать домашняя занятость, мобильная занятость, занятость в специально оборудованных телецентрах, занятость по схемам аутсорсинга с использованием ИКТ. Этот относительно новый вид занятости предполагает привлечение различных групп носителей человеческого потенциала, в которые включены:

- во-первых, наемные телеработники, трудовой контракт которых определяет дом как место постоянной работы;
- во-вторых, самозанятые или фрилансеры - работники, предпочитают работать дома, но, в случае необходимости, могут работать в помещении работодателя;
- в-третьих, неформальные телеработники, временнопривлекающиеся к выполнению определенных задач по нелегальному найму менеджеров, которые видят выгоды в работе таких работников;
- в-четвертых, телезанятые предприниматели, которые только начинают свой бизнес и пытаются избежать расходов, связанных с содержанием помещения, и отклоняют практику формального офиса, развивая свой бизнес с помощью электронных сетей и работников, работающих в наиболее удобное для них время по гибкому графику.

Пандемия COVID-19 внесла существенные коррективы в развитие дистанционных форм занятости на уровне национально-государственных и интеграционных экономических объединений. Введение строгих ограничений по эпидемиологическим показателям практически во всех странах мира явилось новым фактором, негативно влияющим на национальную и мировую экономику. Однако, благодаря широкому внедрению инновационных дистанционных технологий, свойственных новой экономике, удалось избежать мирового экономического коллапса и удержать в 2020 году падение мирового ВВП по расчетам авторитетной компании OxfordEconomics на уровне 1,3 % [15].

Массовость перехода к дистанционной работе потребовала принятия нормативного акта, регулирующего новую форму взаимодействия между работодателями и работниками. Так, в РФ в Трудовой Кодекс была дополнительно введена глава 49.1. «Особенности регулирования труда дистанционных работников», где впервые на законодательном уровне введены понятия, характе-

ризующие содержание и порядок выполнения трудовой функции дистанционно.

Дистанционная работа определена как работа «вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей связи общего пользования» [16]. Это означает возможность свободного пространственного движения человеческих ресурсов в рамках не только национальной, но и глобальной экономики.

Характерной чертой новой экономики выступает качественное и количественное изменение состава и структуры фонда жизненных средств, необходимых для воспроизводства человеческих ресурсов, в виду постоянного ввода новых производств в процессе реального инвестирования. Инвестиционные вложения в реальный сектор новой экономики resultируются, в конечном итоге, в предложение инновационных товаров и услуг, что расширяет материальную основу «потребительского производства» как естественной основы воспроизводства человеческих ресурсов в каждом инвестиционном цикле, радикально меняя состав потребительской корзины домохозяйств и качество их потребления, включая услуги здравоохранения, физкультуры и спорта.

Маркетинговые технологии часто имитируют новизну товара, но, тем не менее, наблюдается моральное старение корзины потребления, а, следовательно, и производственных фондов, которые выпускают товары, в нее включенные. Следствием этого является перестройка производств, которая сопровождается процессами высвобождения человеческих ресурсов, как начальной фазы их вторичного движения.

Данный процесс характерен не только для производства потребительских товаров, но и для фондосоздающих производств. Особенностью новой экономики выступает сокращение жизненного цикла основных средств и их вывод из производительнопотребления до момента физического износа.

В глобальной экономике ТНК имеют возможность перераспределять морально устаревшие средства производства между своими страновыми филиалами путем их демонтажа в странах с развитыми рынками и, соответственно, переноса в страны с неразвитыми производительными силами и относительно дешёвыми человеческими ресурсами. Как правило, данные, морально исчерпавшие себя в развитых экономиках средства производства, вкладываются в уставные капиталы дочерних предприятий, открываемых в странах-реципиентах с последующим созданием дополнительных мощностей и привлечением местной рабочей силы.

В новой экономике, таким образом, модифицируется инвестиционный механизм на уровне миро-вохозяйства. С одной стороны, в странах с разви-тыми рынками рождается активный дополни-тельный спрос на инновации и инвестиции в но-вые производства, которые требуют высококвал-ифицированных работников и переподготовки ранее высвободившихся. Это интенсифицирует профессионально-квалификационное движение работников на внутрикорпоративных и страновых рынках рабочей силы. С другой стороны, перенос ТНК производств в страны с догоняющей моде-лью развития создает дополнительные рабочие места, которые по своим технико-техноло-

гическим характеристикам уступают созданным в странах с развитыми рынками. Однако создание добавочных производств в новых отраслях и сфе-рах национально-государственных экономиче-ских системах стран с развивающимися рынками приводят к общему повышению профессио-нально-квалификационного уровня работников в масштабе мировой экономики.

Таким образом, воспроизводственный подход позволяет более полно зафиксировать законо-мерности движения человеческих ресурсов в но-вой экономике.

Литература:

1. *Faluvegi L.* Economic-Development – Economic-Structure, New Phenomena In World-Economy. *ActaOeconomica*1975. №14(2–3). P.145–162.
2. *Kipp L.J.* Economy – Old Myths and New Realities – Heller, Ww. *Harvard Business Review.* 1977. № 55(6). P. 158–159.
3. *Nelson J.I.* Out of utopia: The paradox of postindustri-alization. *Sociological Quarterly / J.I. Nelson, D. Cooperman.* № 39(4). P. 583–596.
4. *Платонова Е.Д.* Современная теория и практика накопления (трансформационный аспект). М. : Изд-во АПКИПРО, 2006. 368 с.
5. *Cambridgedictionary.* URL : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/new-economy> (25.05.2021).
6. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М. : Экономика, 2002. 767 с.
7. *Шумпетер Й.А.* История экономического анализа / Й.А. Шумпетер; Пер. с англ.; Под ред. В.С. Автономова. СПб. : Экон. шк., 2001. Т. 1. 494 с.
8. Public Law 96-480 – Oct. 21.1980. URL : <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-94/pdf/STATUTE-94-Pg2311.pdf> (25.05.2021)
9. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения: избранное / Д. Рикардо; Пер. с англ. П. Сраффа. М. : Эксмо, 2009. 953 с.
10. *Милль Дж.С.* Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии / Дж.Милль; Пер. с англ. В.Б. Бобров [и др.]. М. : Эксмо, 2007. 1037 с..
11. *Платонова Е.Д.* Экономика ресурсов: воспроизводственный подход : монография / Е.Д. Платонова, С.Ю. Красовский, Ю.И. Богомолова; Под ред. д.э.н., проф. Е.Д. Платоновой. М. : АПКИПРО, 2013. 179 с.
12. Национальный проект «Демография». URL : <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (25.05.2021).

Literature:

1. *Faluvegi L.* Economic-Development – Economic-Structure, New Phenomena In World-Economy. *ActaOeconomica*1975. №14(2–3). P.145–162.
2. *Kipp L.J.* Economy – Old Myths and New Realities – Heller, Ww. *Harvard Business Review.* 1977. № 55(6). P. 158–159.
3. *Nelson J.I.* Out of utopia: The paradox of postindustri-alization. *Sociological Quarterly / J.I. Nelson, D. Cooperman.* № 39(4). P. 583–596.
4. *Platonova E.D.* Modern theory and practice of accumulation (transformational aspect). M. : АПКИПРО Publishing House, 2006. 368 p.
5. *Cambridgedictionary.* URL : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/new-economy> (25.05.2021).
6. *Kondratyev N.D.* Big cycles of conjuncture and the theory of foresight. M. : Ekonomika, 2002. 767 p.
7. *Schumpeter J.A.* History of economic analysis / J.A. Schumpeter; Ed. by V.S. Avtonomov. SPb. : Ekon. shk., 2001. Vol. 1. 494 p.
8. Public Law 96-480 – Oct. 21.1980. Access mode: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-94/pdf/STATUTE-94-Pg2311.pdf> (25.05.2021)
9. *Ricardo D.* The Beginnings of political economy and tax taxation: selected / D. Ricardo; Trans. from the English P. Sraffa. M. : Eksmo, 2009. 953 p.
10. *Mill J.S.* Fundamentals of political economy with some applications to social philosophy / J. Mill; Translation from English V.B. Bobrov [et al.]. M. : Eksmo, 2007. 1037 p.
11. *Platonova E.D.* Resource economics: a reproductive approach : monografiya / E.D. Platonova, S.Yu. Krasovsky, Yu.I. Bogomolova; Edited by Doctor of Economics, Professor E.D. Platonova. M. : АПКИПРО, 2013. 179 p.
12. National project «Demography». URL : <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (25.05.2021).

13. Сценарий и перспектива развития России / Под ред. В.А.Садовниченко [и др.]. М. : ЛЕНАНД, 2016.

14. *Платонова Е.Д.* Накопление и воспроизводство человеческого потенциала: современный взгляд на теорию и практику : монография. 2-ое изд., перераб. и доп. / Е.Д. Платонова, А.А. Глазкова. М. : АПКИППРО, 2015. 187 с.

15. Global Macro Service > Research Briefings > Global. URL : <https://www.oxfordeconomics.com/my-oxford/publications> (25.05.2021).

16. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683 (25.05.2021).

13. Scenario and perspective of Russia's development / Ed. by V.A. Sadovnichy [et al.]. M. : LENAND, 2016.

14. *Platonova E.D.* Accumulation and reproduction of human potential: a modern view of theory and practice : monograph. 2nd ed., reprint. and additional / E.D. Platonova, A.A. Glazkova. M. : APKIPPRO, 2015. 187 p.

15. Global Macro Service > Research Briefings > Global. Access mode: <https://www.oxfordeconomics.com/my-oxford/publications> (25.05.2021)

16. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 № 197-FZ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683 (25.05.2021).

Саякбаева Айганыш Апышевна
доктор экономических наук,
профессор,
заведующая кафедрой финансов
экономического факультета,
Кыргызский национальный
университет имени Ж. Баласагына
aas51@mail.ru

Саякбаев Тилек Дженишбекович
доктор экономических наук,
доцент,
профессор,
Академия госуправления при Президенте
Кыргызской Республики
s.tilek@mail.ru

Таалайбек Темирлан
кандидат экономических наук,
доцент,
Международный университет
инновационных технологий
tim.mister0@gmail.com

СОСТОЯНИЕ ТОРГОВОГО БАЛАНСА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 (КАК ВОЗМОЖНЫЙ ФАКТОР УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ)

Аннотация. Проводится обзор торгового баланса Кыргызской Республики, как уязвимых сектор угрозы экономической безопасности. Описываются динамика показателей социально-экономического развития Кыргызстана за последние годы, выделяются благоприятные и неблагоприятные факторы. Описывается внешнеторговый оборот КР по итогам за 2020 года, по сравнению с 2019 годом. Отмечается место Кыргызстана в структуре товарооборота взаимной торговли с государствами-членами Евразийского экономического союза. Анализируются объемы экспортных и импортных поставок в Кыргызстан. В связи с COVID-19, предложен перечень мер реструктуризации по выравниванию торгового сальдо.

Ключевые слова: экономическая безопасность, импорт, экспорт, торговое сальдо, структура товарооборота, взаимная торговля, импортозамещение, пандемия.

Торговый баланс Кыргызстана (далее, КР), как структурный компонент экономической безопасности и значимый коэффициент макро-экономических показателей, характеризует внешний товарооборот нашей страны.

Aiganysh A. Sayakbayeva
Doctor of Economics,
Professor,
Head of the Department of Finance
Faculty of Economics,
Kyrgyz National University
named after Zh. Balasagyn
aas51@mail.ru

Tilek D. Sayakbayev
Doctor of Economics,
Associate Professor,
Professor,
Academy of Public Administration
under the President of the Kyrgyz Republic
s.tilek@mail.ru

Taalaibek Temirlan
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
International University
of Innovative Technologies
tim.mister0@gmail.com

THE STATE OF THE TRADE BALANCE OF THE KYRGYZ REPUBLIC DURING THE COVID-19 PANDEMIC (AS A POSSIBLE THREAT TO ECONOMIC SECURITY)

Annotation. The trade balance of the Kyrgyz Republic is reviewed as a vulnerable sector of the threat to economic security. The article describes the dynamics of indicators of socio-economic development of Kyrgyzstan in recent years, identifies favorable and unfavorable factors. It describes the foreign trade turnover of the Kyrgyz Republic based on the results for 2020, compared to 2019. The place of Kyrgyzstan in the structure of mutual trade turnover with the member states of the Eurasian Economic Union is noted. The volume of export and import supplies to Kyrgyzstan is analyzed. In connection with COVID-19, a set of restructuring measures to equalize the trade balance is proposed.

Keywords: economic security, import, export, trade balance, trade turnover structure, mutual trade, import substitution, pandemic.

Составляющими торгового баланса является экспорт и импорт товаров и продукции. Разница же между ними – это конкурентоспособность Кыргызстана во внешней торговле. Если экспорт преобладает над импортом, то это говорит об

укреплении национальной валюты, а также положительно характеризует экономику страны. Если стоимость товара на ввоз выше стоимости вывоза, это говорит о низкой конкурентоспособности страны. Если показатели совпадают, образуется нетто-баланс [1].

Вследствие складывающихся тенденций в экономике, в период пандемии COVID-19, доля отраслей, производящих товары, увеличилась на 2,8 процентных пункта и составила 43,0 %, а доля отраслей, оказывающих услуги, снизилась на 0,3 процентных пункта и составила 46,2 % (табл. 1).

Таблица 1

Динамика показателей социально-экономического развития КР за 2013–2020 годы (по классификации ГКЭД)

№	Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	
		факт	факт	факт	факт	факт	факт	факт	предв. факт	
1.	ВВП, млн сомов	355294,8	400694,0	430489,4	476331,2	530475,7	569385,6	619102,7	598344,5	
	Темп реального роста, в % к соответствующему периоду предыдущего года	110,9	104,0	103,9	104,3	104,7	103,8	104,6	91,4	
	в т.ч. числе темпы реального роста, в % к соответствующему периоду предыдущего года:									
	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	102,7	99,5	106,2	102,9	102,2	102,6	102,5	101,1	
	Промышленность	135,9	98,4	96,9	105,9	108,9	105,1	106,6	92,5	
	в том числе:									
	Добыча полезных ископаемых	93,7	99,7	150,5	127,0	158,4	97,9	122,2	77,6	
	Обрабатывающие производства	147,5	97,1	93,8	105,8	106,7	105,1	107,8	92,8	
	Обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и кондиц. воздухом	98,2	108,0	99,9	97,4	110,1	105,3	96,3	102,7	
	Водоснабжение, очистка, обработка отходов и получение вторичного сырья	107,5	106,5	103,0	103,3	105,3	130,0	96,2	97,9	
Строительство	116,4	127,1	116,3	109,3	107,9	107,8	110,7	84,1		
Сфера услуг	104,8	104,6	103,7	103,4	103,3	102,8	103,2	90,0		
2.	Инвестиции в основной капитал	107,6	124,9	114,0	105,8	106,6	103,4	105,9	74,1	
3.	Индекс потребительских цен									
	в % к декабрю предыдущего года	104,0	110,5	103,4	99,5	103,7	100,5	103,1	109,7	
	в % к соответствующему периоду предыдущего года	106,6	107,5	106,5	100,4	103,2	101,5	101,1	106,3	

Источник: составлено по данным [2; 3; 4; 7;8;13].

Благоприятные факторы:

- сохранена социальная стабильность в стране;
- своевременно обеспечено выполнение всех запланированных обязательств государства в области социальной защиты и пенсионного обеспечения;
- обеспечен рост кредита в экономику на 12,6 % (на конец декабря 2020 года составил 168,9 млрд сомов);
- смягчение денежно-кредитной политики ФРС США – сохранение базовой ставки в диапазоне от 0 % до 0,25 % годовых (16 декабря 2020 года ЕЦБ по итогам заседания сохранил базовую процентную ставку по кредитам на нулевом уровне, ставку по депозитам – на уровне минус 0,5 %, ставка по маржинальным кредитам оставлена на уровне 0,25 %. Сохранены и объемы покупки активов на минимальном уровне 120 млрд. долл. США в месяц).

Неблагоприятные факторы:

- снижение экономического роста в странах-основных торговых партнерах Кыргызстана за 2020

год: в Российской Федерации снижение составило 3,1 %, Республике Беларусь – на 0,9 %, Республике Казахстан – на 2,6 %, Республике Армения – на 7,5 %, при этом в Китае рост на 2,3 %;

– рост инфляции (декабрь к декабрю предыдущего года) в странах основных торговых партнерах: в Российской Федерации – 4,9 %, Китае – 2,5 %, Республике Беларусь – 7,4 %, Республике Казахстан – 7,5 %;

– введение чрезвычайной ситуации, а затем – чрезвычайного положения на отдельных территориях привело к остановке многих объектов предпринимательства на этих территориях, а в других, из-за блокпостов – к ограничению движения;

– повышенное влияние на внутренние цены со стороны мировых продовольственных рынков;

– сужение внутреннего спроса из-за снижения экономической активности, сокращение притока денежных переводов физических лиц, осуществленных через системы переводов (на 1,6 % с начала года);

- увеличение объемов расходной части бюджета, направленного для предотвращения распространения пандемии COVID-19;
- повышение цен на минеральные удобрения в связи с ростом обменного курса доллара США;
- задержка выдачи сельхозтехники в лизинг, что оказало влияние на ход посевной кампании;
- невыполнение запланированных объемов в сфере внешней торговли из-за сокращения импорта продукции из третьих стран и из-за закрытия государственной границы;
- сохранение высокого уровня неформальной экономики, коррупции и др.

Внешнеторговый оборот КР по предварительным итогам за 2020 год 5648,6 млн долл. США и по сравнению с прошлым годом сократился на 19,0 %. В структуре товарооборота на долю экспорта пришлось 34,8 %, импорта – 65,2 %. Отрицательное сальдо торгового баланса в 2020г. составило 1719,6 млн долл. США (в 2019 г. – 3002,9 млн долл. США). Экспорт товаров без учета золота уменьшился на 15,2 %, составив 977,5 млн долл. США.

В общем объеме товарооборота республики на взаимную торговлю с государствами-членами Евразийского экономического союза пришлось 42,5 %, в том числе в экспорте – 27,8 %, в импорте – 50,3 %. Внешняя торговля с третьими странами в общем объеме товарооборота республики составила 57,5 %, в том числе в экспорте – 72,2 %, в импорте – 49,7 % (табл. 2).

Таблица 2

Показатели внешней торговли КР за 2019-2020 гг.

Наименование	Един. изм.	2019 г.	2020 г.	Откл. (+/-)
		факт	предв. факт	
Внешнеторговый оборот	млн долл. США	6 975,1	5648,6	-1326,5
темпа роста	%	97,8	81,0	-16,8
Экспорт товаров	млн долл. США	1986,1	1964,5	-21,6
темпа роста	%	108,1	98,9	-9,2
Импорт товаров	млн долл. США	4989,0	3684,1	-1304,9

Источник: составлена по данным [2; 3].

Объем экспортных поставок КР за 2020 год по сравнению с 2019 годом снизились на 1,1 % и составил 1964,5 млн долл. США. Снижение экспортных поставок по сравнению с 2019 годом обусловлено снижением объемов экспорта обуви в 4,1 раза, отходов и лома медных – в 2,2 раза, табака

и табачных изделий – в 1,9 раза, одежды и одежных принадлежностей – в 1,7 раза, сырой нефти – на 36,1 %, цемента – на 28,8 %, волокна хлопкового – на 25,1 %, овощей и корнеплодов – на 12,5 %, фруктов и орехов – на 9,4 %, стекла полированного – на 2,6 % (табл. 3).

Таблица 3

Торговый баланс КР

Наименование	Единица измерения	2019 год	2020 год	Откл. (+/-)
		факт.	предв. факт.	
Темпа роста	%	94,3	73,8	-20,5
Сальдо экспорта и импорта	млн дшлл. США	-3002,9	-1719,6	1283,3

Источник: составлен по данным [2, 3].

Одновременно с этим наблюдался рост экспорта живых животных в 5,0 раза, оборудования и механических устройств – на 33,7 %, золота немонетарного – на 18,5 %, отходов и лома черных металлов – на 23,8 %, пластмассы и изделий из нее – на 16,3 %, электрических машин и оборудования – на 9,8 %, частей и принадлежностей для автомобилей и тракторов – на 9,7 %, каменного угля – на 4,1 %, молока и молочной продукции – на 1,5 %, руды и концентратов драгоценных металлов – на 0,9 %. Наибольший объем в экспортных поставках пришелся на Великобританию (золото – на 986,8 млн долл. США), Россию (одежда – на 54,60 млн долл. США, хлопковое волокно – на 4,03 млн долл. США), Казахстан (руды и концентраты драгоценных металлов – на 142,19 млн долл. США, молочные продукты – на 24,08 млн долл. США),

Турцию (хлопковое волокно – на 20,02 млн долл. США, овощи и фрукты – на 19,64 млн долл. США).

Крупным торговым партнером по экспорту является Великобритания, занимающая 50,4 % в общем объеме экспорта страны. Среди стран вне СНГ основными партнерами также являлись Турция (3,8 %) и Китай (2,2 %).

Среди стран СНГ наибольшая доля экспортных поставок товаров пришла на Казахстан (15,0 %), Россию (12,3 %), Узбекистан (7,8 %) и Таджикистан (1,4 %).

Объемы импортных поставок в Кыргызстан 2020 году по сравнению с 2019 годом снизились на 26,2 процента, составив 3684,1 млн долл. США, что

обусловлено уменьшением ввоза обуви в 4,3 раза, химических нитей и волокон – в 2,5 раза, предметов одежды и принадлежностей к ней – в 2,3 раза, керамических изделий – в 1,6 раза, электрических машин и оборудования – в 1,6 раза, оборудования и механических устройств – в 1,5 раза, бумаги и картона – в 1,5 раза, фруктов и орехов – на 36,3 %, древесины и изделий из нее – на 29,3 %, удобрений – на 27,0 %, нефтепродуктов – на 23,3 %, пластмассы и изделий из нее – на 17,1 %, мяса и пищевых мясных субпродуктов домашней птицы – на 15,2 %, подсолнечного масла – на 14,2 %, хлеба и мучных кондитерских изделий – на 11,6 %, воды, включая минеральные и газированные, с сахаром – на 11,4 %, злаковых культур – на 13,3 %, мыла, моющих и полирующих средств – на 17,9 %, табака и табачных изделий – на 19,7 %.

Наряду с этим, увеличились импортные поступления овощей и корнеплодов в 1,5 раза, изделий из черных металлов – на 34,2 %, пшеничной муки – на 25,3 %, средств наземного транспорта – на 16,6 %, фармацевтической продукции – на 8,0 %, природного газа – на 4,9 %.

Основными странами-партнерами в импортных поступлениях являлись:

- Китай (обувь – на 42,5 млн долл. США, ткани синтетические – на 11,5 млн долл. США, одежда и одежные принадлежности – на 43,5 млн долл. США, электрические машины и оборудование – на 154,7 млн долл. США);
- Россия (нефтепродукты – на 388,3 млн долл. США, растительные масла – на 28,3 млн долл. США, прокаты из нелегированной стали – на 40,3 млн долл. США, пластмасса и изделия из нее – 33,0 млн долл. США, удобрения – на 17,0 млн долл. США);
- Казахстан (уголь каменный – на 11,7 млн долл. США, цемент – на 14,5 млн долл. США, воды, включая минеральную и газированную – на 21,9 млн долл. США, мука пшеничная – на 21,3 млн. долл. США, пшеница – 13,7 млн долл. США);
- Турция (одежда и одежные принадлежности – на 22,5 млн долл. США, мебель и ее части - на 4,2

млн долл. США, обувь – на 5,8 млн долл. США), Узбекистан (удобрения – на 11,5 млн долл. США, одежда и одежные принадлежности – на 13,4 млн долл. США, фрукты и орехи – на 21,5 млн долл. США, овощи – на 12,6 млн долл. США).

Из стран вне СНГ значительные объемы импортированных товаров поступили из Китая (20,0 % в общем объеме импорта), Турции (5,3 %), США (3,3 %) и Германии (1,4 %). Наибольшие объемы импортных поступлений из стран СНГ пришлось на Россию (35,7 % в общем объеме импорта страны), Казахстан (13,6 %), Узбекистан (5,1 %) и Украину (1,4 %) [3].

Если в среднесрочной перспективе не удастся перестроить структуру производства в сторону увеличения доли перерабатывающих отраслей промышленности, за счет которых можно обеспечить высокие темпы роста экономики, то КР может надолго остаться среди развивающихся стран. Альтернативы высокоразвитой экономики у КР нет, поскольку республика не располагает легко добываемыми природными ресурсами, за счет продажи которых можно было бы поддерживать высокий уровень жизни населения как гарантии безопасности [8].

КР может выиграть только за счет эффективного использования человеческого фактора, причем, весьма ограниченного в количественном отношении, поэтому социально-экономическая политика государства должна сосредоточиться на достижении определенных показателей роста именно этих факторов:

- изменения в структуре рабочих мест в пользу индустриальных секторов;
- увеличения занятости трудоспособного населения;
- снижения внешней миграции, и, самое главное, достижения высокого качества рабочей силы.

А это возможно только при соответствующем уровне жизни населения и его реальной образованности.

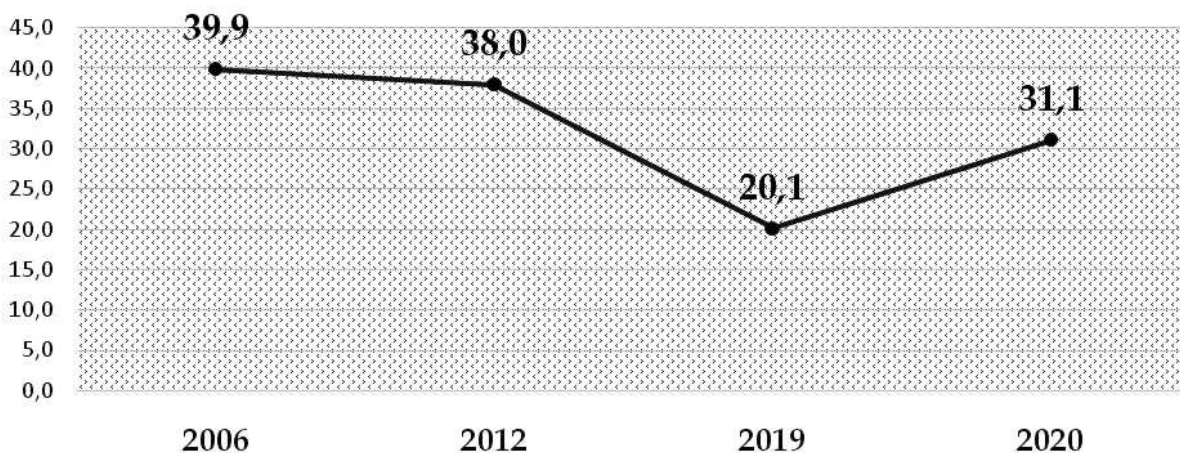

Рисунок 1 – Динамика уровня бедности населения КР
 Источник: составлен по данным [2; 9; 10; 11; 12; 14].

Если не создать высокоразвитую экономику и не обеспечить достойный уровень жизни большинству малоимущих граждан, когда, к сожалению, доля бедных имеет динамику роста из-за пандемии (рис. 1), то КР рискует остаться без значительной части своего трудоспособного населения, которое будет продолжать активно эмигрировать в другие страны и принимать их гражданство. Уже в настоящее время треть трудоспособного населения работает на экономику других стран. В конечном итоге, в результате «вымывания» человеческих ресурсов или оттока населения КР – это представляет собой социально-демографический риск, который уже в обозримой перспективе будет угрожать национальной безопасности нашей страны [9; 10; 11; 12; 14].

В связи со сложившейся ситуацией в Кыргызстане, связанной с COVID-19, считаем необходимым для укрепления потенциала экономики Кыргызской Республики провести ее реструктуризацию в сторону выравнивания торгового сальдо с увеличением доли экспортных сделок и операций, где следует предусмотреть выполнение следующих мероприятий:

1. Создание и/или сохранение рабочих мест на предприятиях может быть добавлено в качестве основного обоснования финансовой поддержки. Это означает, что антикризисные программы должны быть нацелены на трудоемкие, а не на капиталоемкие проекты.

2. Для продвижения экспорта требуется не только поддержка предприятий дешевыми кредитами, но и продвижение усилий по упрощению процедур торговли, которые просрочены в отношении обязательств Кыргызстана перед ВТО (Всемирной торговой организацией).

3. Подходы по улучшению деловой среды должна быть переориентирована на экономически эффективный комплекс мер по облегчению трудностей для малого и среднего бизнеса, и увеличению притока прямых иностранных инвестиций в страну.

4. Конкурентоспособность, экономическая диверсификация и сокращение ресурсоемкости и углеродного следа должны быть долгосрочными темами восстановления экономики. С этой точки зрения экспортная ориентация предпочтительнее импортозамещения.

Литература:

1. Бекенов С.С. Продовольственная безопасность в условиях трансформирующейся экономики (на примере КР) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Б., 2005. 21 с.
2. Веб-сайт НСК КР. URL : <http://www.stat.kg/ru/statistics>
3. Веб-сайт МЭ КР. URL : www.mineconom.kg

5. Конкурентоспособность и диверсификация также требуют инвестиций в человеческий капитал, поэтому поддержка системы образования (среднего, профессионального и профессионального), удержание квалифицированной рабочей силы, управление миграцией и значительные инвестиции в ИКТ и цифровизацию должны быть интегрированы в пакет экономического восстановления.

6. Поскольку некоторые ключевые секторы (например, сельское хозяйство с высокой добавленной стоимостью, переработка сельхозпродукции и туризм) требуют чистой воды, воздуха и устойчивого биоразнообразия, природные экосистемы и проблемы их сохранения должны быть более решительно отражены в антикризисном пакете. Это может быть хорошим моментом для переориентации инвестиций в возобновляемые источники энергии и энергоэффективность, которые помогут модернизировать энергетический сектор Кыргызской Республики. Дефицит бюджета можно решить за счет сокращения субсидий на ископаемое топливо и незаконных финансовых потоков, а также – за счет улучшения управления доходами, особенно в отношении налогообложения импорта.

7. Усилия в области цифровизации должны включать нормативную поддержку расширения финансовых услуг и продвижения повестки дня электронного управления.

8. Следует продолжить меры по улучшению правовой и кредитной инфраструктуры для малого и среднего бизнеса. В этом контексте особенно важны лизинг и финансирование производственно-сбытовой деятельности (факторинг), частный капитал, венчурный капитал и развитие системы сельскохозяйственного страхования [4].

Приоритетной задачей Правительства КР будет оставаться успешная и своевременная реализация Программы деятельности Правительства КР, где экономическая политика будет направлена на стимулирование развития отраслей, имеющих высокий потенциал для импортозамещения, создающих рабочие места и повышающих благосостояние народа. Будут привлекаться иностранные инвестиции, при этом будет выстроен разумный баланс между привлечением внешних заимствований и использованием собственных ресурсов для развития. Политика заимствований будет построена так, чтобы не допустить чрезмерной зависимости ни от одной страны мира.

Literature:

1. Becknov S.S. Food safety in the context of the transforming economy (on the example of the Kyrgyz Republic) : author. dis. Candidate of Economic Sciences. B., 2005. 21 c.
2. Website NSC KR. URL : <http://www.stat.kg/en/statistics>
3. ME website ME KR. URL : www.mineconOm.kg

4. COVID-19 в Кыргызской Республике: Оценка воздействия на социально-экономическую ситуацию и уязвимость и ответные меры политики // DocuSign Envelope ID: 54FC193D-DEF5-4F92-89B8-9F271911F55. Б., 2020. 98 с.
5. Постановление Жогорку Кенеша КР от 17 июня 2020 года № 2876-VI.
6. Саякбаева А.А. Анализ макроэкономической ситуации в регионах Кыргызской Республики и пути ее улучшения / А.А. Саякбаева, Т.Д. Саякбаев [и др.] // Евразийское Научное Объединение. 2018. № 12-4(46). С. 272–276.
7. Саякбаева А.А. Влияние иностранных инвестиций на развитие предприятий кыргызской республики / А.А. Саякбаева, Н.И. Акылбекова, Ж.К. Нурмукамбетова // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 10-4(56). С. 334–338.
8. «О Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы» от 31.10.2018 года № 221: Указ Президента КР.
9. Саякбаева А.А. Элементы финансовой системы Кыргызской Республики в современных условиях / А.А. Саякбаева, С.К. Омурова // Евразийское Научное Объединение. М. : ЕНО, 2018. Т. 2. № 1(35). С. 137–140.
10. Саякбаева А.А. Миграция населения Кыргызстана / А.А. Саякбаева [и др.]. // Известия Исык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии. 2018. № 4-2(23). С. 75–84.
11. Саякбаева А.А. Население Кыргызстана / А.А. Саякбаева [и др.]. // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 2–3(48). С. 190–195.
12. Саякбаева А.А. Трудовая миграция как фактор финансовой безопасности, демобезопасности и коррупционных рисков / А.А. Саякбаева, Т.Ж. Саякбаев // Известия Исык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии. 2019. № 2(25). С. 460–467.
13. Таалайбек Т. Демопоказатели социально-экономического развития кыргызской республики / Т. Таалайбек // Известия Исык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии. 2019. № 3(26). С. 14–19.
14. Таалайбек Т. Отдельные аспекты финансовой деятельности Социального фонда Кыргызской Республики / Т. Таалайбек [и др.]. // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 10-4(56). С. 338–342.
4. COVID-19 in the Kyrgyz Republic: an assessment of the impact on the socio-economic situation and vulnerability and response policies // DocuSign Envelope ID: 54FC193D-DEF5-4F92-89B8-9F271911F55. B., 2020. 98 p.
5. Resolution of Jogorku Kenesh Kr dated June 17, 2020 № 2876-VI.
6. Saikbaeva A.A. Analysis of the macroeconomic situation in the regions of the Kyrgyz Republic and the way its improvement / A.A. Saikbaeva, T.D. Saikbaev [et al.] // Eurasian scientific association. 2018. № 12-4 (46). P. 272–276.
7. Saikbaeva A.A. Influence of foreign investment on the development of enterprises of the Kyrgyz Republic / A.A. Saikbaeva, N.I. Akylbekova, Zh.K. Nurmukombetova // Eurasian scientific association. 2019. № 10-4(56). P. 334–338.
8. «On the National Strategy for the Development of the Kyrgyz Republic for 2018–2040» of October 31, 2018 № 221: Decree of the President of the Kyrgyz Republic.
9. Saikbaeva A.A. Elements of the Financial System of the Kyrgyz Republic in modern conditions / A.A. Saikbaeva, S.K. Omurova // Eurasian scientific association. M. : Eno, 2018. Vol. 2. № 1(35). P. 137–140.
10. Saikbaeva A.A. Migration of the population of Kyrgyzstan / A.A. Saikbaeva [et al.]. // News of the Issyk-Kul Forum of accountants and auditors of the countries of Central Asia. 2018. № 4-2(23). P. 75–84.
11. Saikbaeva A.A. Population of Kyrgyzstan / A.A. Saikbaeva [et al.]. // Eurasian scientific association. 2019. № 2–3(48). P. 190–195.
12. Saikbaeva A.A. Labor migration as a factor of financial security, democacy and corruption risks / A.A. Saikbaeva, T.Z. Sayakbaev // News of the Issyk-Kul Forum of accountants and auditors of Central Asia countries. 2019. № 2(25). P. 460–467.
13. Taalabeck T. Demopochelors of the socio-economic development of the Kyrgyz Republic / T. Taalabeck // News of the Issyk-Kul Forum of accountants and auditors of Central Asia countries. 2019. № 3(26). P. 14–19.
14. Talaybeck T. Special aspects of the financial activities of the Social Fund of the Kyrgyz Republic / T. Talaybeck [et al.]. // Eurasian scientific association. 2019. № 10-4(56). P. 338–342.

Тернавшенко Кристина Олеговна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
экономической безопасности,
Кубанский государственный
технологический университет
tina.ru@bk.ru

Магала Юлия Викторовна

аспирантка кафедры
экономической безопасности,
Кубанский государственный
технологический университет
yuliya.magala.94@mail.ru

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ
МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ
К ОЦЕНКЕ УРОВНЯ
БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА**

Аннотация. В статье проведен мониторинг экономических показателей, необходимых для оценки уровня бюджетно-налоговой безопасности региона; систематизирован набор индикаторов состояния регионального бюджета; предложена система балльной оценки уровня бюджетно-налоговой безопасности региона, разработаны интервалы изменения индикаторов и пороговые значения, характерные для различных состояний бюджетно-налоговой безопасности региона.

Ключевые слова: бюджетно-налоговая безопасность, мониторинг экономических показателей, финансовые коэффициенты, статистические показатели, система индикаторов, интервалы изменения индикаторов, пороговые значения, система балльной оценки.

Мониторинг экономических показателей, который отражает теоретическую и практическую сущность бюджетно-налоговой безопасности – это основа моделирования и прогнозирования бюджетно-налоговой безопасности регионов страны [1].

В настоящее время отсутствуют методики, позволяющие определить текущий уровень бюджетно-налоговой безопасности региона и определить возможные риски и угрозы. С этой целью следует определить набор экономических показателей, который необходим для оценки уровня экономической безопасности региона [2; 3].

По мнению М.А. Скворцовой, уровень бюджетно-налоговой безопасности региона можно оценить

Kristina O. Ternavshchenko

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
of the Department Economic Security,
Kuban State Technological University
tina.ru@bk.ru

Yulia V. Magala

Postgraduate Student
of the Department Economic Security,
Kuban State Technological University
yuliya.magala.94@mail.ru

**SYSTEMATIZATION
OF METHODOLOGICAL APPROACHES
TO ASSESSMENT OF THE LEVEL
OF BUDGET AND TAX SECURITY
OF THE REGION**

Annotation. The article monitors the economic indicators necessary to assess the level of fiscal security in the region; a set of indicators of the state of the regional budget has been systematized; the system of point assessment of the level of budgetary and tax security of the region, intervals of change of indicators and threshold values typical for various states of the budgetary and tax security of the region are proposed.

Keywords: fiscal security, monitoring of economic indicators, financial ratios, statistical indicators, indicator system, indicator change intervals, threshold values, scoring system.

на основе статистическо-экономических показателей, таких как:

- доходы бюджета, в % к ВРП;
- расходы бюджета, в % к ВРП;
- поступление налогов и сборов в бюджетную систему, в % к ВРП;
- задолженность по налогам и сборам в бюджетную систему, в % к ВРП [4].

Для оценки уровня бюджетно-налоговой безопасности региона целесообразно использовать следующие финансовые коэффициенты (табл. 1):

Таблица 1

Оценка уровня бюджетно-налоговой безопасности региона на основе финансовых коэффициентов

Показатели	Базовый уровень (по оценкам Е.В. Никулиной)	Экономическая интерпретация коэффициента
Коэффициент бюджетной обеспеченности населения	Не менее 62 тыс. руб/чел	Коэффициент бюджетной обеспеченности населения – это соотношение между бюджетными расходами и численностью населения региона
Коэффициент автономности	Не менее 35 %	Коэффициент автономности – это доля собственных доходов в общих доходах региона
Коэффициент дотационности	Не более 52 %	Коэффициент дотационности – это доля безвозмездных перечислений из бюджетов других уровней в общих доходах бюджета региона. Снижение данного показателя свидетельствует о высокой степени стабильности и независимости регионального бюджета
Коэффициент бюджетной результативности	Не менее 20 тыс. руб/чел	Коэффициент бюджетной результативности – это соотношение доходов бюджета и численностью региона
Коэффициент покрытия расходов	Не менее 100 %	Коэффициент покрытия расходов определяется как отношение собственных бюджетных доходов к его общим расходам

Система балльной оценки и интервалы изменения индикаторов, характерные для различных состояний бюджетно-налоговой безопасности региона, представлены в таблице 2 с учетом следующих обозначений:

\bar{o} – среднее арифметическое значение n -го индикатора (суммы значений всех индикаторов при расчете итоговой оценки), рассчитанного по всем регионам по итогам отчетного периода;

δ – среднеквадратическое отклонение n -го индикатора (суммы значений всех индикаторов при расчете итоговой оценки), показывающее, во сколько раз в среднем колеблется величина признака совокупности;

X – n -й элемент выборки;

n – объем выборки;

x – среднее арифметическое выборки.

Таблица 2

Система балльной оценки, интервалы изменения индикаторов и пороговые значения, характерные для различных состояний бюджетно-налоговой безопасности региона

Индикатор	Повышенная (критическая) опасность	Относительная опасность	Относительно безопасное состояние	Абсолютно безопасное состояние
Балльная оценка	1 балл	2 балла	3 балла	4 балла
Устойчивость, сбалансированность				
Коэффициент бюджетной задолженности	$X > 20$	$20 \geq X > 10$	$10 \geq X > 5$	$5 \geq X \geq 0$
Коэффициент сбалансированности местного бюджета	< -15	$-15 \leq X < -10$	$-10 \leq X < -5$	$-5 \leq X \leq 0 > 0$ (профицит)
Коэффициент покрытия текущих расходов	$\leq \bar{o} - 0,9 \delta$	$\bar{o} - 0,3 \delta < X \leq \bar{o} + 0,3 \delta$	$\bar{o} + 0,3 \delta < X \leq \bar{o} + 0,9 \delta$	$> \bar{o} + 0,9 \delta$
Самостоятельность, обеспеченность, стабильность				
Коэффициент финансовой зависимости	$> \bar{o} + 0,9 \delta$	$\bar{o} - 0,3 \delta < X \leq \bar{o} + 0,3 \delta$	$\bar{o} - 0,9 \delta < X \leq \bar{o} - 0,3 \delta$	$\leq \bar{o} - 0,9 \delta$
Коэффициент автономности	$\leq \bar{o} - 0,9 \delta$	$\bar{o} - 0,3 \delta < X \leq \bar{o} + 0,3 \delta$	$\bar{o} + 0,3 \delta < X \leq \bar{o} + 0,9 \delta$	$> \bar{o} + 0,9 \delta$
Экономический рост				
Коэффициент соотношения роста доходов и текущих расходов бюджета	$\leq \bar{o} - 0,9 \delta$	$\bar{o} - 0,3 \delta < X \leq \bar{o} + 0,3 \delta$	$\bar{o} + 0,3 \delta < X \leq \bar{o} + 0,9 \delta$	$> \bar{o} + 0,9 \delta$
Динамика показателя бюджетной результативности	$\leq \bar{o} - 0,9 \delta$	$\bar{o} - 0,3 \delta < X \leq \bar{o} + 0,3 \delta$	$\bar{o} + 0,3 \delta < X \leq \bar{o} + 0,9 \delta$	$> \bar{o} + 0,9 \delta$
Качество финансового менеджмента				
Коэффициент балансирования (устойчивости) бюджета	$> \bar{o} + 0,9 \delta$	$\bar{o} - 0,3 \delta < X \leq \bar{o} + 0,3 \delta$	$\bar{o} - 0,9 \delta < X \leq \bar{o} - 0,3 \delta$	$\leq \bar{o} - 0,9 \delta$
Коэффициент наличия дополнительных средств бюджета	$> \bar{o} + 0,9 \delta$	$\bar{o} - 0,3 \delta < X \leq \bar{o} + 0,3 \delta$	$\bar{o} - 0,9 \delta < X \leq \bar{o} - 0,3 \delta$	$\leq \bar{o} - 0,9 \delta$
Региональное управление				
Коэффициент стоимости содержания муниципальных служащих	$> \bar{o} + 0,9 \delta$	$\bar{o} - 0,3 \delta < X \leq \bar{o} + 0,3 \delta$	$\bar{o} - 0,9 \delta < X \leq \bar{o} - 0,3 \delta$	$\leq \bar{o} - 0,9 \delta$
Итоговая оценка, (границы степени бюджетно-налоговой безопасности)	$\leq \bar{o} - 1,8 \delta$	$\bar{o} - 0,6 \delta < X \leq \bar{o} + 0,6 \delta$	$\bar{o} + 0,6 \delta < X \leq \bar{o} + 1,8 \delta$	$> \bar{o} + 1,8 \delta$

Для проведения экономического мониторинга бюджетно-налоговой безопасности регионов целесообразно применять все перечисленные индикаторы оценки. Использование метода системной оценки позволяет учесть все особенности бюджетно-налоговой безопасности регионов, процесс ее дифференциации и факторные связи.

Литература:

1. *Боровикова Е.В.* Теоретико-методологические положения по организации бюджетного менеджмента / Е.В. Боровикова // *Финансы и кредит.* 2019. № 11(215). С. 38–42.
2. *Литвинцева Т.В.* Направления изменений российской налоговой системы с учетом социальной направленности / Т.В. Литвинцева // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* 2018. № 32. С. 78–85.
3. *Изотова Г.С.* Методы обеспечения безопасности бюджетной системы региона : дис. ... экон. наук: 08.00.10. СПб., 2019 186 с.
4. *Скворцова М.А.* Методика оценки бюджетной безопасности региона как составляющей экономической безопасности (на примере Приволжского федерального округа Российской Федерации) / М.А. Скворцова // *Экономика, предпринимательство и право.* 2020. Т. 10. № 5. С. 1509–1520.
5. *Крохина Ю.А.* Бюджетное право России : учебник для бакалавриата и магистратуры / Ю.А. Крохина. 5-е изд., Пер. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2018. 328 с.
6. *Лыщикова Ю.В.* Финансовый потенциал территории в контексте капитализации региональной экономики / Ю.В. Лыщикова // *Актуальные проблемы экономики в условиях реформирования современного общества: Материалы II международной научно-практической конференции.* Белгород. 2019. С. 63–67.
7. *Никулина Е.В.* Интегральная оценка развития социально-экономических систем региона / Е.В. Никулина; Под науч. ред. доц. Е.В. Никулиной // *Актуальные проблемы экономики в условиях реформирования современного общества : в 2 ч.* Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. Ч. 1. С. 11–20.

Значимость экономико-статистического исследования бюджетно-налоговой безопасности регионов обусловлена потребностями создания эффективно действующей и научно-обоснованной системы управления регионами в целях повышения благосостояния населения [5; 6;7].

Literature:

1. Borovikova E.V. Teoretiko-metodologicheskie stanovki po organizatsii budget management / E.V. Borovikova // *Finance and Credit.* 2019. № 11 (215). P. 38–42.
2. *Litvintseva T.V.* Directions of changes in the Russian tax system taking into account the social orientation / T.V. Litvintseva // *National interests: priorities and security.* 2018. № 32. P. 78–85.
3. *Izotova G.S.* Methods of ensuring the security of the budget system of the region: Diskand. ekon. nauk: 08.00.10. SPb., 2019. 186 p.
4. *Skvortsova M.A.* Methodology for assessing the budget security of the region as a component of economic security (on the example of the Volga Federal District of the Russian Federation) / M.A. Skvortsova // *Economics, entrepreneurship and Law.* 2020. Vol. 10. № 5. P. 1509–1520.
5. *Krokhina Yu.A.* Budget law of Russia: a textbook for undergraduate and graduate studies / Yu.A. Krokhina. 5th ed., trans. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2018. 328 p.
6. *Lyshchikova Yu.V.* The financial potential of the territory in the context of the capitalization of the regional economy / Yu.V. Lyshchikova // *Current problems of the economy in the context of modern society reform: Materials of the II International Scientific and practical conference.* Belgorod. 2019. P. 63–67.
7. *Nikulina E.V.* Integralnaya otsenka razvitiya sotsialno -ekonomicheskikh sistem regiona / E.V. Nikulina; Under the scientific editorship of the assistant professor. E.V. Nikulina // *Current problems of the economy in the conditions of reform of modern society: in 2 parts.* Belgorod : Belgorod Publishing House NIU BelSU», 2015. Part 1. P. 11–20.

Фан Ву Иен Ти

аспирант,
департамент корпоративных финансов
и корпоративного управления,
Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
phaninna1506@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ

Аннотация. В современных условиях рыночной экономики роль иностранных инвестиций для государства сложно переоценить. Они могут быть представлены помимо денежных «вливаний» технологическими инновациями, новыми управленческими методами, квалифицированными кадрами. Залогом высокой инвестиционной привлекательности экономики выступает государственная политика, направленная на привлечение иностранных игроков, создающая необходимые предпосылки для их активизации путем поддержания политической и экономической стабильности в стране, формирования лояльного налогового режима. При этом наибольший «эффект» в экономике имеют прямые инвестиции как основной факторы глобализации и экономической интеграции, которые на сегодняшний день имеют тенденции к увеличению во всех странах. В статье рассмотрены тенденции развития инновационных проектов и роль иностранных инвестиций в их финансировании. Выявлена положительная практика венчурных фондов, технологических платформ и институтов развития в привлечении иностранных инвестиций.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, венчурный фонд, технологическая платформа, инвестиционный климат, санкции, коммерциализация, налог.

Иностранные инвестиции в экономику запускают процессы аккумуляции капитала и научных технологий, обеспечивая накопление сопутствующих эффектов, в виде [1; 2]: отказа от технологий ручного производства и его модернизации; повышения производительности труда; диверсификации экспорта; роста ВВП. Учитывая множественность влияния на эффективность хозяйственной деятельности общества оправдана конкретизация соответствующего вида капитальных вложений как базового резерва роста экономики РФ.

Инвестиции иностранного капитала способствуют экономическому росту принимающей стороны из-за более эффективного использования национальных экономических и финансовых мощнос-

Vu Yen Chi Phan

Graduate Student,
Department of Corporate Finance
and Corporate Governance,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
phaninna1506@gmail.com

PROBLEMS OF ATTRACTING FOREIGN INVESTMENT IN INNOVATIVE PROJECTS

Annotation. In the modern conditions of the market economy, the role of foreign investment for the state is difficult to overestimate. They can be represented in addition to cash «injections» by technological innovations, new management methods, and qualified personnel. The key to the high investment attractiveness of the economy is the state policy aimed at attracting foreign players, creating the necessary prerequisites for their activation by maintaining political and economic stability in the country, and forming a loyal tax regime. At the same time, direct investment has the greatest «effect» in the economy as the main factors of globalization and economic integration, which today tend to increase in all countries. The article examines the trends in the development of innovative projects and the role of foreign investment in their financing. The positive practice of venture funds, technology platforms and development institutions in attracting foreign investment is revealed.

Keywords: foreign investments, venture fund, technological platform, investment climate, sanctions, commercialization, tax.

тей. Специалисты классифицируют каналы эффективности следующим образом:

выход иностранных предприятий на национальный рынок приводит к замещению или вытеснению менее эффективных национальных компаний, что приводит к перераспределению внутренних ресурсов между компаниями с различной рентабельностью, что способствует росту среднего дохода в принимающем государстве и среднего уровня производительности труда;

рост конкуренции на рынке посредством иностранного капитала. Деятельности зарубежных фирм провоцирует местные фирмы на более высокую эффективность своей работы. Таким же образом хозяйственная деятельность иностранных

компаний способствует более быстрой передаче передовых инновационных технологий и усовершенствованной практики менеджмента местным производителям на основе демонстрационного эффекта и вертикально интегрированных связей.

Зарубежные инвесторы не могут получать экономического эффекта от вкладывания своих средств в зависимости от роста производительности труда в любом виде в отличие от резидентов принимающей страны, которые в свою очередь получают больший средний доход из-за поступления прямых иностранных инвестиций. Открытие зарубежных филиалов и дочерних обществ обуславливает увеличение среднего уровня производительности труда. Различают две причины подобного явления:

- зарубежные инвестирующие компании обычно являются более крупными и способствуют росту производительности посредством эффекта масштаба;
- зачастую иностранные предприятия имеют более высокий уровень капиталовложений на единицу труда, что прямым образом влияет на рост производительности труда.

В 2015–2020 гг. торгово-экономические санкции и реакция резко отрицательно сказалась на развитии науки и инновациях. В мае 2015 г. среди 176 экспертов-представителей бизнеса и научно-образовательной сферы был проведен опрос по данному вопросу [2]. Исследование выявило, что новая геополитическая ситуация негативно воздействует на осуществление инновационной и инвестиционной деятельности.

Взаимосвязь между введением санкций в отношении России, трансформациями в российской науке и общей тенденции инновационного развития государства в связи с новыми внешними условиями, неоднозначная и очень сложная. Россия испытывает колоссальные потребности в капитале, однако возможности крайне ограничены [3].

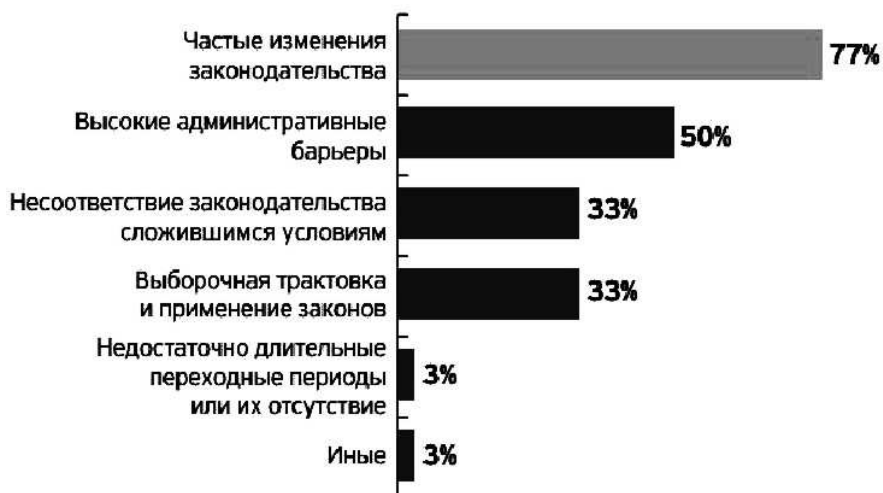
Доступ крупного бизнеса к дешевому кредиту значительно сократился из-за санкций, общие возможности финансирования недостаточны в силу слабости и неразвитости банковского сектора и рынка облигаций. Малый и средний бизнес функционирует в условиях неустойчивости прав собственности и высоких кредитных ставок.

В настоящее время зарубежные инвесторы отмечают значительное число законодательных проблем, которые ограничивают российский потенциал в сфере привлечения прямых иностранных инвестиций. Важным тормозом являются системные проблемы в вопросах совершенствования нормативно-правовой базы.

Одной из них является отсутствие координации между разнообразными органами власти на федеральном уровне при разработке и продвижении законодательных актов, что тормозит скорость принятия решений, оптимальных для эффективного функционирования рынка.

Другая системная проблема всплывает в результате введения в действие законов и иных нормативных документов без разъяснительных подзаконных нормативно-правовых актов, что создает неопределенность и возможность двойственного толкования законов. По мнению респондентов, самой существенной проблемой российского законодательства, ухудшающую инвестиционную привлекательность России, выступает нестабильность законодательной базы, ее частые изменения (77 %) [5].

Эта проблема по серьезности превосходит высокие административные барьеры (включая коррупционную проблему, на это обратили внимание 50 % респондентов), выборочным применением законов (33 %), применением устаревших норм и правил (33 %). Результаты опроса проиллюстрированы на рисунке:

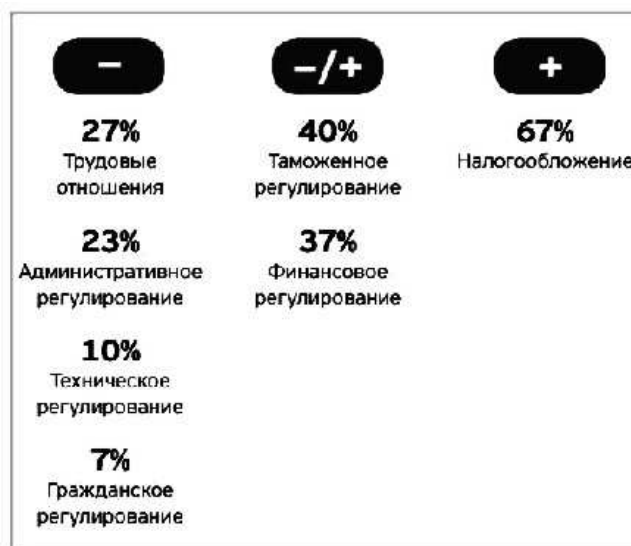
Основными проблемами в законодательстве, негативно влияющие на инвестиционную привлекательность России.

Областями законодательства, в которых Россия добилась существенных результатов в последние годы, иностранные инвесторы отмечают

налоговое законодательство, таможенное и финансовое регулирование. Большая часть респондентов (67 %) считают наиболее эффективной и стабильной сферой российского нормативно-правового поля налоговое законодательство [2].

Это объясняется все более широким распространением и внедрением МСФО в российских компаниях. Негатив вызывает перманентное введение

новых налогов, налоговых сборов. Многие респонденты отмечают существенную проработанность сфер финансового и таможенного регулирования – в основном в соответствии с потребностями инвесторов (40 % и 37 % ответов). Наиболее проблемными областями нормативно-правового поля выступают сфера технического регулирования, трудовое законодательство и административное право.

Наиболее проработанные области российского законодательства с точки зрения ведения иностранными компаниями бизнеса в РФ

Самые позитивные трансформации в российском законодательстве, по мнению респондентов, имеют место быть в сфере финансового и таможенного регулирования. В качестве иллюстрации положительных эффектов от введения закона можно считать принятие закона о специальной оценке условий труда и отмена командировочных удостоверений [4].

В сфере таможенного регулирования позитивной инновацией является принятие Таможенного кодекса Таможенного союза, имплементация принципов электронного документооборота. Области, в которых, по мнению респондентов, происходят наиболее негативные изменения, являются административное право и техническое регулирование [5].

В сфере административного регулирования респонденты выделяют такие инициативы, как закон о защите персональных данных, федеральный закон «О водоснабжении и водоотведении», ужесточение наказаний за ряд административных правонарушений (в том числе по экологическому законодательству), закон о СМИ, закон о нежелательных организациях.

В области технического регулирования негативными нововведениями является ограничение допуска продукции иностранных компаний к механизму государственных закупок, введение закона об обязательном лицензировании при обращении с отходами, принятие закона о карантине

растений без внедрения подзаконных нормативно-правовых актов, избыточно жесткие правила водоснабжения и водоотведения.

Выводы

Таким образом, влияние прямых иностранных инвестиций на принимающую страну зависит от следующих факторов:

- метод входа на рынок,
- источники финансирования ПИИ,
- влияние на деятельность компаний принимающей страны.

По последним данным, доступных из открытых источников, недавнее уголовное дело в отношении основателя Baring Vostok Майкла Калви предсказуемо подорвало доверие нерезидентов. Такая динамика мотивирует игроков искать более прибыльные, но в то же время менее рискованные активы.

Российские компании также не спешат вкладывать средства в отечественную экономику, что видно по чистому оттоку капитала: раньше бизнесмены выводили капитал в офшоры, осуществляли сделки через проектные компании и затем возвращали его обратно, но сейчас предприниматели предпочитают вкладываться в иностранные активы.

Таким образом, говорить о росте инвестиций в стране преждевременно - непонятно, что ЦБ подразумевает под отдельными сделками крупных компаний.

Учитывая опасения инвесторов по поводу мировой экономики и очередного витка ухудшения отношений между США и Россией, США и Китаем – как основным драйвером глобального экономического роста, ожидать каких-либо изменений в ближайшее время не стоит, считает эксперт.

Однако если тенденция к улучшению отношений с отдельными странами ЕС и Китаем сохранится, то в долгосрочной перспективе внутренние инвестиции могут вновь стать привлекательными,

Литература:

1. *Азатын М.О.* Анализ структуры и динамики прямых иностранных инвестиций в РФ / М.О. Азатын / М.О. Азатын // Экономика, управление, финансы: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). Краснодар : Новация, 2017. С. 10–14.
2. *Макеева Т.Ю.* Анализ традиционных и современных методов инвестирования, рекомендованных сельскохозяйственным предприятиям / Т.Ю. Макеева // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. 2015. № 18(23). С. 110–115.
3. Россия переживает кризис иностранных инвестиций // Экономика, 2018 г. URL : <http://expert.ru/2018/11/15/oreshkin-ob-inostrannyih-investitsiyah>
4. *Соловьева О.* Приток иностранных инвестиций в РФ сократился на 14 % / О. Соловьева // Экономика, 2018 г. № 24(1). URL : http://www.ng.ru/economics/2018-05-24/1_7231_investicions.html
5. *Shaff K.* The foreign investment in the Russian Federation / K. Shaff // The reports and studies Ernst and Young. London, 2018. Vol. 1(24). P. 612.

даже несмотря на санкции США и другие факторы риска.

Это лишь часть того, что следует учитывать, когда речь идет о том, почему в том или ином квартале того или иного года за последние пять лет объем привлечения и погашения ПИИ в Российскую Федерацию был именно таким, а не иным показателем.

Literature:

1. *Azatyay M.O.* Analysis of the structure and dynamics of foreign direct investment in the Russian Federation / M.O. Azatyay // Economics, management, finance: materials of the VII Intern. scientific. conf. (Krasnodar, February 2017). Krasnodar : Novation, 2017. P. 10–14.
2. *Makeeva T.Yu.* Analysis of traditional and modern investment methods recommended for agricultural enterprises / T.Yu. Makeeva // Bulletin of the Russian State Agrarian Correspondence University. 2015. № 18(23). P. 110-115.
3. Russia is experiencing a crisis of foreign investment // Economy, 2018 URL : <http://expert.ru/2018/11/15/oreshkin-ob-inostrannyih-investitsiyah>
4. *Solovyova O.* The inflow of foreign investment in the Russian Federation decreased by 14 % / O. Solovyova // Economy, 2018 № 24(1). URL : http://www.ng.ru/economics/2018-05-24/1_7231_investicions.html
5. *Shaff K.* The foreign investment in the Russian Federation / K. Shaff // The reports and studies Ernst and Young. London, 2018. Vol. 1(24). P. 612.

Чжао Цзюньчэн
магистр информационных наук,
библиотекарь,
Суйхуаский университет
slzshxy@163.com

ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК ИНСТРУМЕНТ ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕК

Аннотация. Усиление роли информационной аналитики, призванной обеспечить информационные потребности общества с помощью аналитических технологий посредством переработки исходной информации и экстракции знаний, обусловлено разнообразием информации, накопленной в коммуникационной системе общества, и необходимостью ее селекции.

В статье определена актуальность разработки и внедрения в деятельность библиотек информационно-аналитических систем (ИАС), представлены особенности проектирования ИАС библиотек, проблемы, связанные с процессами внедрения и проектирования ИАС в библиотечную среду. Рассмотрены возможности CASE-технологий и систем бизнес-аналитики при внедрении ИАС в библиотеках.

Ключевые слова: библиотека, информационно-аналитическая система, информационно-аналитическая деятельность, информационно-программные средства, информационно-лингвистическое обеспечение, автоматизированное рабочее место, пользователь, CASE-технологии, системы бизнес-аналитики.

Особое значение в информационно-аналитической работе библиотек, как и других информационно-аналитических структур, в последние десятилетия приобретает использование компьютерных средств [1]. Их использование дает возможность автоматизировать проведение социологических, экономических и политических исследований, компьютеризировать информационно-аналитическую деятельность, разработку альтернатив управленческих решений, выбор окончательного решения и его документальное оформление, что свидетельствует о существовании особого вида методик обеспечения управленческой деятельности – информационно-прогнозных технологий.

Комплекс средств решения информационно-аналитических задач обеспечивает поддержку процессов аналитической работы специалистов. В него входят средства решения задач, обеспечивающих, в первую очередь, автоматизированную информационно-аналитическую поддержку ос-

Zhao Juncheng
Master of Information Sciences,
Librarian,
Suihua University
slzshxy@163.com

INFORMATION AND ANALYTICAL SYSTEM AS A TOOL FOR OPTIMIZING THE ACTIVITIES OF LIBRARIES

Annotation. Strengthening the role of information analytics, designed to meet the information needs of society with the help of analytical technologies through the processing of initial information and the extraction of knowledge, is due to the variety of information accumulated in the communication system of society, and the need for its selection.

The article defines the relevance of the development and implementation of information and analytical systems (IAS) libraries, presents the design features of IAS libraries, the problems associated with the processes of introducing and designing IAS in the library environment. Possibilities of CASE-technologies and systems of business intelligence in the implementation of IAS in libraries are considered.

Keywords: library, information and analytical system, information and analytical activities, information and software tools, information and linguistic support, workstation, user, CASE technologies, business intelligence systems.

новых процессов деятельности библиотеки. Следует отметить, что задачи, решаемые в существующих в настоящее время системах автоматизированной поддержки аналитических исследований, как правило, реализуются в единой технической среде. Достаточно характерным для процессов проектирования ИАС является отсутствие полной системной проработки с детальной оценкой альтернативных вариантов. Проектирование ИАС библиотеки часто начинается с закупки базового программно-технического обеспечения без определения требований задач и перспективного наращивания вычислительной мощности, что во многих случаях обусловлено ограниченностью средств.

Выбор программного инструментария для разработки способов решения аналитических задач в различных информационно-аналитических подразделениях библиотек, как правило, основывается на использовании практически всего спектра программных продуктов, языков програм-

мирования, систем управления базами данных, табличных и текстовых редакторов, распространяемых на рынок. Типична ситуация, когда в том же информационно-аналитическом центре функционирует несколько различных сравнительно недорогих систем управления базами данных. По мнению специалистов [2], на начальном этапе создания системы, при решении отдельных относительно простых аналитических задач, это допустимо. Решение же более сложных задач требует мощной системной интеграции информационно-программных средств. Такая интеграция должна обеспечиваться по всем компонентам ИАС: базовым техническим и программным, организационно-технологическим, информационным и лингвистическим.

При создании ИАС больше всего внимания уделяется техническим, программным и даже организационно-технологическим аспектам проектирования. О надлежащей проработке элементов информационного и лингвистического обеспечения, как правило, забывается. Вместе с тем, уровень качества проработки этих компонентов, особенно, элементы их логической структуры, является важнейшим фактором успешного поэтапного развития системы, во многом определяющей при выборе других ее компонентов.

Иногда принято считать, что информационная система начинает функционировать уже после оперативного развертывания отдельных автоматизированных рабочих мест, обеспечивающих решение первоочередных автономных задач, которые носят, как правило, технологический или, в лучшем случае, информационно-справочный характер (текстовый и табличный редакторы, электронная почта, картотека и др.). При этом компоненты информационно-лингвистического обеспечения, которые в наибольшей степени должны отражать сущность информационной потребности пользователей, в их классическом стандартизированном понимании отсутствуют. Создание же этих компонентов в процессе эксплуатационного наращивания возможностей системы приводит сначала к трудно устранимым противоречиям при информационной интеграции компонентов системы, а затем – к постоянному снижению эффективности удовлетворения информационных потребностей пользователей. Выйти из этого положения можно только одним способом – в информационно-лингвистическом обеспечении необходимо стандартизировать не информационно-лингвистические структуры, которые постоянно меняются (не говоря уже о содержании массивов информации), а технологии их непротиворечивого ведения [3].

Сейчас такая возможность предоставляется за счет усвоения и применения перспективных технологий автоматизированной поддержки проектирования и развития систем и приложений (CASE-технологии), которые позволяют обеспечивать оперативную адаптацию средств решения задач пользователей (включая прикладное программное и информационное обеспечение) под постоянно меняющиеся информационные потребности. На рынке распространяется ряд таких технологий, например, мощный CASE-инструментарий системы Oracle, IDEF-стандарт и т.п. [4].

Однако стоит иметь в виду, что CASE-технологии не решают всех проблем проектирования информационно-лингвистического обеспечения. Например, при использовании CASE-технологии вопросы интеграции сложной классификационной информации и создания лингвистического обеспечения высококачественного текстового поиска требуют достаточно самостоятельной дополнительной проработки [5].

Современные системы бизнес-аналитики и хранилища данных предоставляют возможность изымать и интегрировать информацию из различных приложений и размещать в хранилище, которое содержит только «очищенную» и непротиворечивую информацию в удобном для пользователей формате. Хранилища данных развиваются, стремительно увеличивается и объем данных, подлежащих управлению: в отдельных организациях он достигает нескольких терабайт. Однако хранилище данных, само по себе, не решает всех задач, связанных с обработкой информации. Для упрощения доступа к данным производители предлагают различные инструменты бизнес-аналитики. Решить вопрос доступа и обеспечить простоту использования данных можно с помощью готовых комплексных решений, которые обычно состоят из аналитических приложений корпоративного уровня и специализированных хранилищ данных. Аналитические возможности этих технологических продуктов допускают приспособление к требованиям конкретной организации [6].

В качестве примера внедрения ИАС в библиотечную среду с использованием систем бизнес-аналитики рассмотрим аналитический инструментальный комплекс компании Cognos, который предоставляет пользователям возможности интерактивного анализа и формирования отчетов без привлечения программистов.

На этапе внедрения простота усвоения инструментов как пользователем, так и администратором приводит к снижению затрат на обучение и адаптацию аналитиков и представителей ИТ-службы. На этапе сопровождения система Cognos позволяет экономить финансовые средства, с одной стороны, за счет наличия удобных визуальных средств администрирования, а с другой стороны – за счет отсутствия затрат на дополнительное сопровождение рабочих мест пользователей [7].

В библиотечных учреждениях практически любого уровня, вида и размера использование специализированных средств анализа данных компании Cognos может позволить:

- снизить требования к компьютерной квалификации пользователей и одновременно повысить значимость их знаний и опыта в предметной области в процессе анализа за счет уже реализованных в этих инструментах алгоритмов и know-how;
- значительно сократить время подготовки и качественного представления необходимой информации;

– сместить акцент пользователей в работе с информацией из процесса рутинной обработки на творческое исследование и анализ.

Заключение.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что главная особенность ИАС библиотек заключается в оперировании как собственными, так и удаленными сетевыми информационными ресурсами. При этом их уровень и качество находятся в прямой зависимости от информационных технологий, производимого информационного продукта или услуги, на основе чего пользователь оптимизирует свою деятельность.

ИАС библиотеки базируется, прежде всего, на оценке содержания документальной информации. Организационные ресурсы ИАС библиотек заключаются в создании соответствующих структурных подразделений и управленческо-распорядительных усилиях по внедрению и

Литература:

1. *Ольгина И.Г.* Модель системы управления библиотекой и роль информационных технологий в принятии управленческих решений / И.Г. Ольгина, Е.В. Тесля // Библиосфера. 2015. № 1. С. 79–83.
2. *Лаврик О.Л.* Информационно-аналитические продукты в научных библиотеках для информационного обеспечения научно-исследовательской работы / О.Л. Лаврик, М.А. Плешакова, Т.А. Калюжная // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2018. № 32. С. 186–201.
3. *Брежнева В.В.* Информационное обслуживание: продукты и услуги, предоставляемые библиотеками и службами информации предприятий. 2-е изд., перераб. / В.В. Брежнева, В.А. Минкина. СПб.: Профессия, 2006. 303 с.
4. *Noh Y.A.* Study measuring the performance of electronic resources in academic libraries / Y.A. Noh // Aslib proceedings. 2012. Vol. 64(2). P. 134–153.
5. *Подчернин В.М.* Некоторые вопросы информационного обеспечения и информационно-аналитической деятельности / В.М. Подчернин // Библиосфера. 2007. № 1. С. 21–23.
6. *Гордукалова Г.Ф.* Информационно-аналитическая работа библиотек в сфере культуры: дорогу осилит идущий / Г.Ф. Гордукалова // Библиотековедение. 2015. № 6. С. 15–18
7. *Китова О.В.* Имитационная модель развития розничной торговой сети на платформе IBM Cognos TM1 / О.В. Китова, В.В. Неведов, А.В. Старовойтов // Вестник РЭУ имени Г.В. Плеханова. 2015. № 3. С. 99–105.

аналитической работе в библиотеках. Создавая и поддерживая крупнейшие фонды печатных и электронных ресурсов, библиотеки принимают участие в обзорно-аналитической деятельности, выполняя сложные запросы пользователей с помощью собственных методик, технологий информационного мониторинга и диагностики, могут осваивать интеллектуальные процедуры сравнительного анализа информации.

Технологическая составляющая ресурса обеспечения ИАС в библиотеках предопределяет саму возможность институционализации информационно-аналитической деятельности и ее массового применения в библиотечных учреждениях. Существующие программные средства аналитической переработки информации и экстракции знания позволяют библиотекам быстро интегрировать до когнитивного уровня функционирования социально-коммуникационной системы современного общества.

Literature:

1. *Olgina I.G.* Library management system model and the role of information technologies in making managerial decisions / I.G. Olgina, E.V. Teslya // Bibliosfera. 2015. № 1. P. 79-83.
2. *Lavrik O.L.* Information and analytical products in scientific libraries for information support of research work / O.L. Lavrik, M.A. Pleshakova, T.A. Kalyuzhnaya // Vestnik TSU. Culturology and art history. 2018. № 32. P. 186–201.
3. *Brezhnev V.V.* Information Services: Products and services provided by libraries and information services of enterprises. 2nd edition, revised / V.V. Brezhnev, V.A. Minkina. SPb.: Professiya, 2006. 303 p.
4. *Noh Y.A.* Study measuring the performance of electronic resources in academic libraries / Y.A. Noh // Aslib proceedings. 2012. Vol. 64(2). P. 134–153.
5. *Podchernin V.M.* Some questions of information support and information-analytical activity / V.M. Podchernin // Bibliosphere. 2007. № 1. P. 21–23.
6. *Gordukalova G.F.* Information and analytical work of libraries in the field of culture: the road will be settled by going / G.F. Gordukalova // Library science. 2015. No. 6. P. 15-18
7. *Kitova O.V.* Simulation model of retail network development on the IBM Cognos TM1 platform / O.V. Kitova, V.V. Nefedov, A.V. Starovoitov // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2015. № 3. P. 99–105.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 22.06.2021
Подписано в печать 25.06.2021
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 9,9
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 66

e-mail: id.yug2016@gmail.com